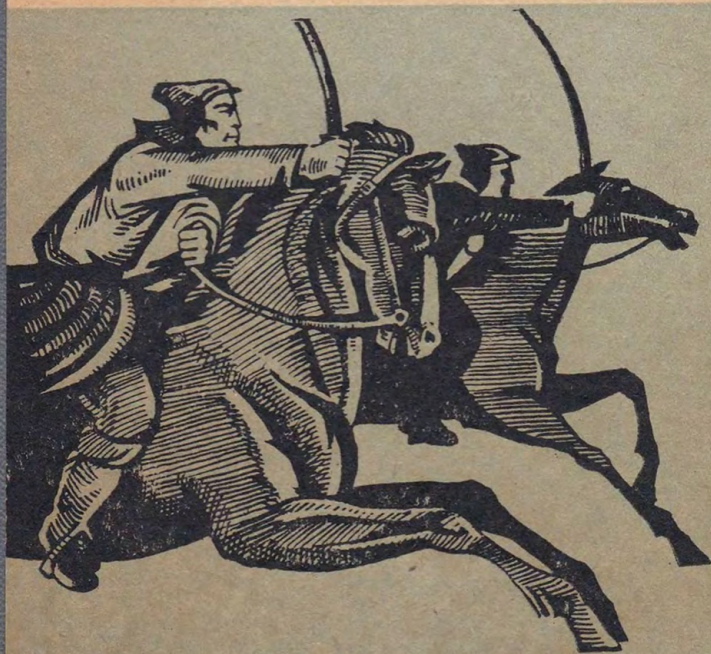

БИБЛИОТЕКА
БАШКИРСКОГО
РОМАНА
«АГИДЕЛЬ»

ЯНЫБАЙ
ХАММАТОВ

АКМАН-
ТОКМАН

Scan Kreyder - 16.07.2019 - STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА
БАШКИРСКОГО РОМАНА

"АГИДЕЛЬ"

Яныбай Хамматович Хамматов (1925) — известный башкирский прозаик, автор романов „Золото собирается крупницами“, „Акман-токман“, „Грозное лето“, „Юргашты“, „Руда“, „День рождения“, „Как загораются звезды“ и „Северные амуры“.

Романы „Золото собирается крупницами“, „Акман-токман“ в 1974 году были удостоены премии на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС и Союза писателей СССР на лучшее произведение художественной прозы о рабочем классе.

**ЯНЫБАЙ
ХАММАТОВ**

АКМАН- ТОКМАН

Р О М А Н

Авторизованный перевод
с башкирского **Е. Мальцева**

**Башкирское
книжное издательство
Уфа * 1984**

84Баш
X18

Редакционная коллегия: *Каримов М. С.,
Мирзагитов А. М., Гирфанов А. Ш.,
Вахитов А. Х., Баимов Р. Н.*

Печатается по изданию: Я. Х. Хамматов. Ак-
ман-токман. Москва, издательство «Советский пи-
сатель», 1975 г.

X18 Яныбай Хамматов

Акман-токман. Роман. Уфа: Башкирское
книжное издательство, 1984. — 560 с.

X $\frac{4702110000-225}{121(03) - 84} 100-84$

84Баш

© Башкирское книжное издательство, 1984. Оформ-
ление, портрет, послесловие.

Часть первая

I

Снег валил третий день, неслышно падая с низкого неба густыми, мохнатыми хлопьями. Ветки елей и пихт, отяжеленные пышными комьями, пригнулись к земле, потрескивали от мороза рыжие сосны. На опушках, в поголубевшем березняке, нахохлившись, цепенели косачи. А снег все шел и шел не переставая, сыпался на крылья неподвижных птиц, заметал следы зверья по свежему насту, наращивал и без того уже высокие сугробы. Казалось, он не остановится, пока не сровняет эти низины и горы, пока не останется на всем широком пространстве только ровная снежная пелена и хмурое небо, пока земля не соединится с облаками...

В сумерки управляющий прииском Накышев долго стоял у окна, глядя, как курятся над землянками синие дымки. Домики приискового поселка, бараки и тепляки, разбросанные по берегу Юргашты, засыпало по самые крыши, отвалы пустой породы превратились в белые холмы.

Не слышно было ни скрипа арбы, ни ржания лошадей, ни ударов лопаты, умолкли все звуки, будоражившие прииск с весны до глубокой осени. Лишь изредка доносились отрывистый лай собак или близкие голоса людей, но они тут же повисали в безветренном воздухе, и тишина, заполнившая все вокруг, душно и тяжело давила на плечи Накышева, вызывая острую, как после похмелья, тоску...

Все эти дни он глушил ее водкой, но сегодня не помогла и водка, и, проторчав чуть ли не весь вечер у окна, он лег в постель, лишь бы поскорее провалиться в сон, лишь бы не слышать этой хватающей за душу мертвой тишины. Уже погасли в поселке огни, а он все еще грузно ворочался на мягкой перине, кряхтел и покрывался испариной.

Закрыв глаза, он начал считать до тысячи, но сбился со счета, откинул одеяло и, чертыхаясь, свесил ноги с кровати. На ощупь нашел спички на столике, зажег лампу. Прикрутив фитилек, посидел немного, привыкая к свету, кутаясь в одеяло и тупо глядя на свою бархатную, расшитую бисером тюбетейку, свалившуюся со стула. Потом встал, накинул на голые плечи шелковый халат и, ежась, прошлепал по холодному полу. Вынул из шкафа тяжелый граненый штоф, плеснул в стакан, выпил. Захватив с блюдечка щепоть ноздреватых рассыпанных кусочков брынзы, пожевал. Помедлив, перенес штоф вместе с блюдцем и стаканом на столик и уселся на кровати, ощущая, как приятно разливается в теле тепло, как отступает сосущая сердце тоска.

Сделав еще пару глотков, он открыл коробку с папиросами, взял одну, размял в пальцах, закурил. Руки его дрожали, пепел сыпался на

простыню, но он ничего не замечал, довольный тем, что ему становится легче...

Неожиданно во дворе послышался лязг цепи и злобный лай собаки. Кто-то осторожно подергал дверь и, убедившись, что она заперта, так же осторожно постучал. Накышев на цыпочках, крадучись, подошел к окну, отодвинул тяжелую штору, взглянул в темень за окном.

В дверь снова стукнули, теперь уже более настойчиво. Собака захлебывалась лаем. Придерживая руками халат, Накышев вышел в сени, прислушался. Ночной гость топтался на крыльце, поскрипывал снег.

— Кто там? — тихо спросил Накышев.

— Это я, Нигматулла!

— Фу ты, черт, напугал!.. Нашел время по гостям ходить!

Накышев снял железную перекладину, откинул щеколду и, пропуская ночного гостя вперед, запахнул халат.

— Чего это тебя нелегкая носит? — сердито прикрикнул он. — С ума посходили люди! Прутся, когда не лень! Ну что стряслось?

Нигматулла быстро снял пояс, расстегнул тулуп, кинул его на пол у порога, прихлопнул за собой дверь и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на стул. Снег на его нечищенных яловых сапогах тотчас растаял, и на желтом полу заблестела лужица.

— На огонек, Гарей Шайбекович, на огонек, — сказал он, потирая озябшие руки. — Иду себе — вижу, свет у вас горит! Дай, думаю, загляну к хорошему человеку...

Накышев с сомнением посмотрел на темные портьеры.

— В щелки пробивается, Гарей Шайбекович, в щелки, — перехватив его взгляд, засмеялся Нигматулла.

— Давай, не тяни! — Накышев недовольно нахмурился. — Принес ведь, наверное, что-то, как сорока на хвосте?

— Правду говорю — на огонек завернул! Если бы на шахтах была какая заваруха, вы бы раньше меня все узнали!

— Ну ладно, — досадливо махнул рукой Накышев и потянулся к штофу. — Бузы хочешь?

— С мороза не откажусь...

«Нет, неспроста он заявился, — гадал управляющий, ощущывая тревожным взглядом покрасневшее, в серой колючей щетине лицо десятника. — Или что-то знает, или что-то хочет вынюхать, лиса хитрая».

— Что на улице делается, Гарей Шайбекович! — Нигматулла вздохнул, скосил узкие глаза на управляющего. — Еще день-два — и весь прииск по макушку засыплет, своего дома не найдешь...

— Про погоду я сам знаю, — Накышев усмехнулся одной щекой, — ты лучше расскажи, что на приiske делается...

— Ничего нового, Гарей Шайбекович, — Нигматулла пожал плечами. — Народ как взбесился, вконец испортился... Раньше хоть каторги боялись, бога чтили, за работу держались, а теперь им сам черт на страшен! Все бунтовщики и безбожники!

— Чего хоть они хотят-то?

— Да все того же, что и раньше, — лишь бы побольше урвать и поменьше работать! Грозятся на работу не выйти, если, мол, управляющий плату не прибавит!

— Ничего, я их живо тогда успокою. Вызову казаков — и дело с концом!.. Что еще болтают?

Лицо десятника посерьезнело еще больше, рысьи глаза с белесыми ресницами быстро забегали по комнате, словно он не мог найти на стенах что-то виденное им здесь прежде.

— Слух пошел, что наш прииск какой-то русский скупил и вроде уже едет сюда... Пожалуйтесь, мол, на управляющего, и новый хозяин его прогонит... Всего и не упомнишь, что язык по ветру носит...

— От кого хоть слышал эти новости? — Накышев вскинул помутневшие глаза на десятника.

— Да по всему прииску уже гул идет! Один спьяну наплетет, другой подхватит, и пошла гулять брехня по белу свету. Никого за язык не схватишь, к уряднику не сведешь...

Накышев помолчал, вылил в стакан остатки водки, глотнул, потом тяжело опустился в кресло, сжал голову руками.

— Ну что ж, это правда... Едет новый хозяин, чтоб ему пусто было! Едет! В любой день и час может на голову нам свалиться... Ума не приложу, что делать!

— Ну и пускай едет! — нимало не удивившись, сказал Нигматулла. — Вам-то какая забота? Долго тут шик-блеск навести, чтоб все заблестело, как новенькое? Бумаги у вас все в порядке, а тепляки отремонтировать, подкрасить, где надо... Главное, чтоб смуты не было! Урядник вот у нас бестолковый...

— Да при чем тут урядник? — Накышев покачал шишковатой, выбритой до блеска головой. — Тошно мне, на душе кошки скребут... Понимаешь, тошно... Да не дыми ты своей махрой!

Он швырнул на колени десятнику коробку с папиросами; коробка раскрылась, и папиросы покатались по полу. Нигматулла не торопясь подобрал их все, выпрямился.

— Не возьму в толк — с какой печали вам тошно? Если на шахте мы наведем порядок, о чем у вас будет голова болеть?

— Как говорится, чужую беду руками разведу, а свою... Одним словом, одурачили меня, понимаешь? Обвели, как мальчишку, вокруг пальца! — Голос Накышева задрожал, казалось, еще немного — и он не выдержит, заплачет. — Я же весь прииск своим считал! Вот он где был у меня! — Он вытянул растопыренную пятерню и сжал ее в кулак. — Вот так!.. И все теперь идет прахом! С прежними наследниками я уж все бумаги обстригал, осталось только подписи скрепить, а тут откуда ни возьмись старик Касьянов со своей мощной — цап! — и перехватил у меня все!

Накышев помолчал, глядя узловатое колено, щурясь на слабый огонек лампы.

— Не пошло впрок ему мое добро, поперек горла встало! — сказал он вдруг зло, хрипло рассмеялся. — Протянул свои руки, жадюга, к золоту, без которого он и так был богат, и откинулся, приказал долго жить... Остался у него наследничек, единственный сынок, и тот вроде незаконнорожденный, да не в том суть... Оставил ему старик одними деньгами три миллиона, компаньоны его сразу в Петербург вызвали! Я с ним тоже попытался было поторговаться: зачем, дескать, вам этот прииск, продайте! Но путного ответа пока не добился, — посоветуюсь, мол, с компаньонами. И поехал свои прииски осматривать! А они у него и на Урале, и в Сибири... Год, наверное, разъезжает, не может, видимо,

сосчитать, сколько их у него. А я вот сижу, свои деньги коплю и жду у моря погоды...

Нигматулла слушал разоткровенничавшегося Накишева с отсутствующим видом, словно все это нисколько его не касалось. Спокойно курил, стряхивая пепел в опустевшее блюдце, изредка отхлебывал из стакана.

— А по-моему, зря вы под себя горячие угли бросаете, вам и так жарко,— заметил он, когда управляющий замолчал и снова стал щуриться на огонь. — Если у него приисков, как баранов в отаре, то ему ничего не стоит от одного отказать! Шахты наши на отшибе, приедет, поглядит и с рук спустит... Какой ему резон за нее держаться?

— А вдруг передумает или компаньоны его отговорят? Кто откажется, чтоб ему в карман еще с одного прииска золото сыпалось! Да и на рамиевского сынка он не похож, такой же, как его отец-покойничек, хваткий... Богатство только дураки разматывают, а умные его умножают! А он, видать, далеко не дурак и видит, какое ему счастье привалило!.. Есть где развернуться и на всю Россию себя показать!..

— Надо бы вам, Гарей Шайбекович, раньше мне об этом пошептать, — вкрадчиво и, похоже, даже чуть обиженно проговорил Нигматулла. — Может, вместе что и надумали... А вы, как медведь, залезли в свою берлогу и сосете лапу, будто ничего на свете вкуснее нет...

Накишев поднял голову, посмотрел на десятичника. Что-то за эти полчаса неуловимо изменилось в лице Нигматуллы — то ли овладели им какие-то посторонние мысли, то ли не было в нем надлежащего подобострастия и уважительности, но лицо это уже решительно не нравилось управляющему.

«Кажется, я свалил дурака и наболтал много лишнего», — тревожно подумал он, все больше злясь на самого себя и мрачняя.

— Может быть, ты считаешь, что я должен каждый день докладывать тебе о своих делах? — Накышев усмехнулся, захлопнул коробку с папиросами, сунул ее в карман. — А что будет, если все другие десятники пристанут ко мне с тем же самым? Один ты, что ли, в десятниках ходишь?

— Зачем обижаете, Гарей Шайбекович? Я к вам со всей душой...

— Знаю я твою душу — в ней можно заблудиться, как в темном лесу! Будет тебе выгодно — ты любое мое слово, что я в сердцах обронил, продашь за золото... Да и язык у тебя не на привязи, один раз рот откроешь — и завтра весь прииск будет трепать мое имя...

— Клянусь аллахом, вернее друга, чем я, у вас нету!

— Сам же рассказывал, что никто обо мне хорошего слова не говорит, — и кормлю плохо, и притесняю штрафами, и плату прикармливаю! — не слушая Нигматуллу, запальчиво и горячо выговаривал управляющий. — А разве я виноват, что не могу жить, как все, что у меня жена не простая башкирка, а дочь Тарзиманабая, что я должен содержать большой дом в Оренбурге?

— Вот и я всем о том же толкую! — угодливо подхватил десятник. — У каждого своя жизнь, и Гарей Шайбекович не может жить, как голодранец... А тут еще война! Да не будь войны, не надо было бы животы подтягивать!..

— Не нужно сваливать все на войну! Если бы правительство у нас было сильнее, нас ни-

какой войной бы не запугать! — Голос Накышева окреп, звучал увереннее и сильнее. — Распустили все бразды правления, каждый тянет, куда ему вздумается, и получается, как в той русской басне, кто в воду лезет, кто по земле тащится, а кто в небо прыгает. Пока сильная рука не возьмет в руки вожжи, так все и будет катиться под гору и врозь...

— А народ это видит — и тоже кто в лес, кто по дрова! — поддакивал десятник, довольный, что управляющий сменил гнев на милость. — Даже такой смирный человек, как Кулсубай, и тот в бунтовщики, похоже, записался! Так и брызжет слюной — слова ему не скажи! Могут, как на Кэжэнском заводе, забастовку поднять!.. Что тогда будем делать?

— Я же сказал — вызовем казаков, и те живо всех усмирят! — Накышев выскользнул из кожаного кресла, сделал несколько твердых шагов по комнате. — Главное — убрать зачинщиков! Нам не так твой Кулсубай страшен, как этот русский, Михаил! Он им всем головы мутит. Уберем паршивую овечку из стада, и стадо куда не денется и будет нас слушать...

— Вам лучше знать, Гарей Шайбекович, — согласно кивал Нигматулла, — вы человек ученый...

— Ну ладно, поживем — увидим. — Накышев подавил зевоту. — Иди, я еще посплю малость...

Но Нигматулла не спешил, и в лице его снова появилось что-то странное, загадочное, как будто то, ради чего он явился среди ночи, он хранил под конец встречи и даже теперь не решался высказать. Вздернутая верхняя губа его приподнялась, обнажая желтые, прокуренные зубы, и от этой ослабившейся улыбки веяло жутью.

— Ну, чего вытаращился, не узнаешь? — грубовато одернул его управляющий. — Забыл, где тулуп положил?

— Мудрый вы человек, Гарей Шайбекович, — не сводя пристального взгляда с Накышева, задумчиво тянул десятник. — Вы для меня как отец родной... И я для вас ничего не пожалею, ради вас все сделаю... Будем друг друга держаться, нам и Касьянов не будет помехой!

— Может, деньгами меня ссудишь и я отвалю ему куш покрупнее?

— Если хорошо мозгами пораскинуть, то и деньги не понадобятся, — все так же неприятно скалясь, продолжал Нигматулла. — За две шахты у Гнилого озера мне и жизни не жалко...

— Тебя что, бешеный слепень укусил? За какие такие заслуги я тебе, басурману, должен две шахты отдать?

— Хозяйство у меня теперь, сами знате, небогатое, все вместе с лавкой сгорело — и деньги, и списки, один фундамент остался, а фундамент грызть не будешь, — словно и не услышав вопроса управляющего, жаловался Нигматулла. — И если уж рисковать, то надо по-крупному... Или на коне, или под конем!

— Да перестань ты капючить про свою лавку, целый год уже ноешь! — опять выходя из себя, раздраженно крикнул Накышев. — Говори ясней: что надумал?

— Душа о сгоревшем добре болит, потому и ною, и плачу. — Десятник помолчал, улыбка сползла с его губ, и лицо как бы подернулось тенью. — Вы вот боитесь, что не сторгуетесь с Касьяновым, верно? Так я этот ваш страх куплю у вас по сходной цене — всего две шахты у Гнилого озера... Слыхали поговорку, что хороший охотник и за пять верст в зверя попадет?

— Так ты хочешь сказать... — начал было Накышев и вдруг задохнулся, на мгновение ему показалось, что пол уходит из-под его ног, но в следующую минуту он бросился к десятнику и яростно затряс его за плечи. — Ты куда толкаешь меня, шкура? Кто тебя подослал? Кто научил?.. Да я тебя сейчас уряднику сдам, шайтан проклятый! В остроге сгною!

— Не пугайте меня, Гарей Шайбекович! — Нигматулла легко отодрал с плеч руки управляющего, отошел в сторону. — Я никого не убил и убивать не собираюсь... А несчастье с любым человеком может случиться... Или лошади понесут так, что их не удержишь, или дерево гнилое свалится, когда человек по малой нужде отойдет в кусты, или съест не то, что надо, заснет и не проснется — мало ли что!.. Неужели вы про такие случаи никогда не слыхали?

— Слыхал, слыхал, — осевшим голосом сказал Накышев. Он стоял посреди комнаты, босой, в распахнутом халате, и, крепко сцепив руки, пытался унять бившую его дрожь. — Мне твои услуги не понадобятся, понял? Я и так его уговорю, уломаю...

— А если нет? — Нигматулла сторожко следил за каждым движением управляющего.

— Все равно я руки в чужой крови марать не буду! — Накышев брезгливо поморщился. — Ничего я не стану ремонтировать, обновлять вывеску, а открою старые шахты, в которых уже пять лет ничего не берем, а богатые прикрою... Такой прииск закрывать надо, и может, новый хозяин мне его по дешевке продаст... А люди пусть шумят, хоть камнями кидаются, мне не привыкать... Никуда они отсюда не уедут, и рано или поздно явятся ко мне проситься на работу!

— Я недаром говорил, что вы умный человек, Гарей Шайбекович! — все с той же невозмутимостью сказал Нигматулла и, облизав сухие губы, добавил: — А цена будет все та же...

— За что? — оторопел управляющий.

— А за то, что я новому хозяину глаза не открою и не покажу, где у него богатые шахты, а где бедные. Он же еще молодой, в наших делах не разбирается...

— Ладно,— пожевав губами, тихо, почти неслышно, согласился управляющий.— Если сделка состоится, уступлю я тебе одну шахту.

— А если не сговоритесь, то две и даром,— быстро подхватил Нигматулла.— На развод и одна годится...

— Рано ты барыши подсчитываешь,— Накышев снова был спокоен и холоден,— у Касьянова могут быть свои наследники... Откуда мы знаем?

Последнее слово оставалось за ним, и на него десятнику уже нечем было ответить.

Проводив ночного гостя, Накышев почувствовал себя смертельно усталым и разбитым. Погасив лампу, он лег, и тишина снова навалилась на него. Он ворочался в постели, стараясь плотнее закутать в одеяло стынувшие ноги, отогнать от себя тревожные и опасные мысли. Но о чем бы он ни думал, перед ним, как в дурном, кошмарном сне, возникало наглое, ухмыляющееся лицо десятника, и на душе у Накышева становилось так муторно и гадко, как не бывало еще никогда в жизни...

II

Нигматулла быстро пересек двор, выбежал на площадь и не останавливаясь размахисто за-

шагал по улице. Сердце его колотилось, злость удушливыми комками подкатывала к горлу.

«Ишь распыхтелся, горшок мордастый! Дом в Оренбурге! Уряднику сдам! — словно выкрикивая эти слова управляющему, раздраженно думал он. — Пусть только новый хозяин приедет, я тебя живо выпотрошу перед ним, одно чучело останется! Посмотрим тогда, кто на коне, а кто под конем! Послушаем, какие ты тогда песни петь будешь!.. Может, я тебя одним плечом спихну и сам на твое место сяду! Золотое дело знаю, со старателями дружбу вожу... В грамоте хромаю, так что с того? Где нужно ноль к палочке приставить, и я сумею не хуже тебя!.. А Касьянову пообещаю новую жилу найти, пусть сверху донизу перероят и Бишитэк, и Кармантау, найдут что-нибудь! Так что рано вы, Гарей Шайбескович, об меня ноги вытираете, как бы самому не пришлось у меня в ногах валяться!»

На краю улицы Нигматулла остановился перед высоким бревенчатым домиком с вывеской «Трактир М. А. Фролова», помедлил немного, точно не решаясь в такую рань входить в питейное заведение, потом рванул на себя скрипучую дверь.

В трактире было пусто, только половой без фартука, не торопясь, сметал в угол оставшийся еще с вечера мусор.

Нигматулла снял тулуп, сел на лавку поближе к окну, где было посветлее, и посмотрел на полового, который по-прежнему шаркал веником, не обращая на него никакого внимания, и недовольно постучал по столу:

— Максим Андреевич!

За прилавком у буфетной стойки открылась задняя дверь, оттуда высунулась голова хозяина с рыхлым, заспанным лицом. Хозяин увидел

Нигматуллу, закивал, заулыбался:

— Извините, он у меня новенький... Тимоха! Ты что, ослеп? Обслужи господина десятника!

Половой быстрой, танцующей походкой прошел за прилавок, перекинул через руку сомнительной чистоты полотенце, той же танцующей походкой приблизился к Нигматулле и застыл перед ним в предупредительной позе. Светлые усики его потешно топорщились над верхней губой.

— Чего изволите-с?

— Казылык¹ есть?

— Не держим-с. Есть говяжья колбаса, двенадцать копеек фунт...

— Стало быть, полфунта колбасы, фунт ситного...

— По три копейки или по пятаку?

— По пятаку. И водки.

— Четверть?

— Шкалик. Чай есть?

— Осьмушечный.

— А конфеты какие-нибудь?

— Карамель-с.

— Вот, значит, еще чаю, и отдельно заверни два фунта ситного по три копейки и фунт карамели.

— Больше ничего?

— Ничего,— махнул рукой Нигматулла, чувствуя, что во рту у него собирается голодная слюна.

Половой быстро принес маленький самовар с горячими сверкающими боками, расставил на столе тарелки с хлебом, колбасой и крупным колотым сахаром. Скоро вышел и хозяин, взял с прилавка счета и стал шелкать, медленно ше-

---

¹ К а з ы л ы к — лошадиная колбаса.

веля губами, изредка поднимая голову и поглядывая на раннего посетителя.

«Надо пустить слушок-другой,— ломая ситный и кусочками отправляя в рот, думал Нигматулла.— И Накышеву нужно как-то глаза отвести, и со старателями мир наладить... С Михаилом мне, конечно, не сговориться, его вокруг на кривой кобыле не объедешь, а вот Кулсубая за живое задеть можно... Недаром, видно, люди развесивши уши слушают его!»

Наевшись, Нигматулла быстро допил чай, расплатился, натянул потуже шапку с бобровым околышем и, захватив сверток, вышел на крыльцо трактира.

Утренние сумерки разошлись, было уже светло, а когда в облаках проглянуло солнце, глазам стало больно от яркой белизны снега. Перегнувшаяся через чью-то изгородь рябина еще не сбросила ягод, и жаркие ее гроздья краснели, как огоньки, на осыпанных инеем ветках. Снявшись с крыши, тяжело пролетела ворона, по унавоженной дороге шныряли юркие воробьи.

Не доходя до заброшенной шахты, Нигматулла свернул по тропинке направо и увидел низкие, почти потонувшие в снегах землянки.

Навстречу, еле удерживая в руках большую вязанку хвороста, вышел парнишка лет шести в кургузом кафтанчике и косматой шапке, сползавшей ему на глаза.

— Эй, малый! — окликнул его Нигматулла.— Где тут живет Кулсубай?

Парнишка остановился, приподнял шапку и с удивлением посмотрел на незнакомого дядю.

— Да это же мой новый атай! ¹

---

¹ А т а й — отец.

— Вот здорово! — Нигматулла рассмеялся и потрепал мальчика по плечу. — Веди меня к нему!

Парнишка, который показался Нигматулле приветливым, вдруг заупрямился.

— Нет, — сказал он и опустил голову, — не поведу...

— Это почему же так?

— Атай устал, и мамка не велела его будить. Он всю ночь работал и теперь спит... Если разбужу, эсей¹ надерет мне уши!

— Да брось ты дурака валять! — Нигматулла уже начинал сердиться. — Скажи пожалуйста, барин какой! Ты не скажешь — другие скажут, где он живет!.. Я ему подарок вот несу, видишь? А мать твоя где?

— Эсей в лесу, и старшие братья с ней, дрова на санки нагружают. Вон там, — мальчик махнул рукой в сторону леса.

В это время дверь одной из землянок отворилась, и оттуда, потирая кулаком опухшие глаза, выглянул Кулсубай. Парнишка опрометью кинулся к нему:

— Атай, атай, тут тебя дяденька спрашивает!

— Хороший парень у тебя! — подходя ближе, похвалил Нигматулла. — Целый час его уговариваю, чтоб тебя разбудил, а он — ни в какую! Понимает...

— Каким ветром занесло? — нахмурился Кулсубай.

— Поговорить с тобой, агай², хочу...

— Ну, проходи... Давай-ка сюда хворост, Файзулла.

---

¹ Э с е й — мать.

² А г а й — обращение к старшему.

Кулсубай взял у мальчика вязанку и первым стал спускаться вниз по скользким, вырубленным в земле ступенькам.

В тесной землянке стоял спертый, кислый запах, от пола несло промозглой сыростью. Маленькое, покрытое льдом окошко почти не пропускало света.

Кулсубай ополоснул лицо из ковша, накинул казакин¹ поверх темной ситцевой рубахи. Уселся на нарах, едва прикрытых ветхим войлочным ковриком, подложил соломы в каты², обулся. Встал, притопнул ногами, чтобы умять солому. Снова сел. И только тогда поднял взгляд на все еще стоявшего в дверях десятника:

— Что застыл? Проходи.

Нигматулла снял пояс и не раздеваясь присел на лавку у стены.

— Ты, агай, последнее время что-то сердишься на меня,— тихо начал он.— Как встретимся, ты со мной и поздороваться не хочешь...

— Что ж я, по-твоему, целоваться с тобой должен? — сухо ответил Кулсубай. — С какой радости? Или ты хочешь, чтоб я, как ты, под накышевскую дудку плясал, пылинки сдувал с начальства? Да я с голоду помирать буду, а к таким, как ты, на поклон не пойду!

Нигматулла заставил себя улыбнуться, но улыбка эта получилась жалкой и вымученной.

— Не надо так, агай, не горячись. Я тебе добра хочу...

— Как же, жди от тебя добра!

— Не обижай меня, Кулсубай... Я и сам знаю, что кругом виноват. Я теперь по-другому

---

¹ К а з а к и н — верхняя одежда.

² К а т ы — обувь для взрослых.

жить хочу. Вину свою исправлю. Будем, как раньше, друзьями, станем помогать друг другу...

— Опомнися! — усмехнулся Кулсубай. — О чем же ты прошлой зимой думал, когда мы на одной картошке сидели, и той не хватало? Чуть ноги не протянули... А ведь у тебя тогда лавка от добра ломилась! Так что ты передо мной ягненком не прикидывайся!

— С тех пор много воды утекло, Кулсубай. У меня лавка сгорела, а у тебя вон борода поседела. Вспомни лучше, как мы корешами были, последний кусок хлеба делили пополам. Эх, агай, короткая у тебя память... А как мы ба-рана в лесу ели, забыл?

— Я-то ничего не забыл, — глядя прямо в глаза десятнику, ответил Кулсубай, — и ты меня старым не попрекай, я на эту дорожку больше не встану, завязал — и баста! А вот у тебя, как видно, память дырявая! Забыл, как у голодных детей золотой песок за бесценок скупал? А сколько ты хороших людей подселел? Для тебя люди дешевле грибов! В тебе и раньше червоточина была, но я думал — исправишься, выбьешь дурь из головы, человеком станешь. Но теперь вижу — нет у тебя в душе ничего святого... Уходи, Нигмат, не о чем нам с тобой говорить.

Нигматулла опустил голову. Опояска от тулупа дрожала в его руках. Судя по всему, такого приема он не ожидал.

— Ты не прав, Кулсубай, — наконец с трудом выговорил он, — я уже не тот. Разве ты не знаешь, что мсняя Накишев с толку сбивал? А теперь я совсем один остался, все от меня отвернулось! Я к тебе как к другу пришел... Если ты мне сейчас руки не протянешь, совсем пропаду. Был бы жив покойный Сайфетдин, он бы так не поступил!

— Прикуси язык! — Кулсубай рванулся и яростно сжал кулаки. — Не трожь Сайфетдина! Не такой он был, чтоб тебе его имя мусолить! И я-то ногтя его не стою, а ты перед ним сорняк, навозная куча! Этот человек всех согревал. Он меня от смерти спас, и я его в обиду не дам!

— А разве я не об этом же говорю? — еле сдерживая себя, повысил голос Нигматулла. — Почему ты мне не веришь? Правду тебе говорю, совсем другим человеком буду! Думаешь, мне людям в глаза смотреть не совестно?

— Да откуда в тебе совесть-то? Если и осталась она в тебе, то на самом донышке, кошка лизнет — и нету!..

Дверь распахнулась, морозный воздух ворвался в землянку.

— Мамка пришла! — радостно крикнул Файзулла, все это время тихо, как мышь, сидевший на корточках у чувала.

В землянку, улыбаясь, вошла немолодая, худенькая женщина с веснушчатым лицом и впалыми щеками. Увидев гостя, она нахмурилась. Следом за ней по лестнице скатилась ватага ребятишек. Сразу стало шумно и весело.

— Ой, атай, какую мы птицу в лесу видели! — подбежала к Кулсубаю веснушчатая, как мать, девочка.

— погоди, дочка, потом расскажешь, дай я сначала матери помогу... Почему ты меня не разбудила? — упрекнул Кулсубай, помогая жене снять тулуп. — Разве это женское дело — за дровами ходить? Я же тебе наказал, чтоб через три часа подняла, вместе пошли бы...

— Пожалела... Так ты сладко спал, как маленький, руку под голову подложил. — Сара вздохнула. — Ты и так устаешь, ни днем, ни ночью глаз не смыкаешь... А ну-ка, быстро раз-

девайтесь, снимайте каты — и к огню! — И она ловко захлопотала над очагом, шурша грубым полотняным платьем, гремя стеклянными цветными бусами. — Файзулла, помоги Азнабаю расстегнуться, видишь, он сам не может... Халима, доченька, подай мне казанок!

— У вас, кажется, были ребята постарше этих? — заметил Нигматулла.

Сара взглянула на него, словно заметила впервые, поджала губы и, не ответив, продолжала хлопотать.

— Старших мы на Кэжэнский завод отвезли, в ученики, — хмуро повернул голову Кулсубай. — Может, в люди там выбьются...

Десятник с сомнением покачал головой:

— Как бы совсем не испортились, как Хакимов ублюдок Загит. Аллах сохрани, если свяжутся с такими, как Михаил...

— Что тебе Михаил-то худого сделал? — Кулсубай бросил на десятника колючий взгляд. — Боишься, что добро твое отнимет? И что ты за человек, Нигмат!

— Нет у меня теперь никакого добра! Что было, то сплыло, — как бы не слыша последних слов Кулсубая, проговорил Нигматулла. — Мне не себя, мне башкир жалко...

— Прямо похудел от забот, одна шкура осталась! — Кулсубай рассмеялся. — Может, ты для того и дспосишь Накышеву на каждого второго башкира?

— Я не хочу, чтоб неверные нашей землей завладели! А твой Михаил неверный. Никому теперь не верю — ни ему, ни управляющему, только самому себе. Оба они одного поля ягода, каждый для себя гребет, только выгода у них разная...

— Эх ты, язык без костей! — снова закипая злостью, выкрикнул Кулсубай. — Какая же Михаилу выгода от того, что он за нас на каторге пробыл да по тюрьмам сидел?! Может, скажешь, он с твоим Накрышевым в сговоре?

— Да нет, агай, ты не так меня понял, я тебе про другое... Откуда ты знаешь, за что Михаил на каторге сидел? А что его отец первый богач в одном городе, тебе известно? Эх, Кулсубай, когда ты с неба на землю спустишься?.. Мне не веришь, а этому русскому душу отдашь, не задумаешься! Разве он для башкир старался? Обманывает он тебя! Ему родная кровь дороже, он за одного русского все Сакмаево с головой продаст и глазом не моргнет! Только хитрый больно, скрывает себя...

— Ну, забрехало байское хлебало! — с отвращением сплюнул Кулсубай.

— Клянусь аллахом, не вру! Вот увидишь! Скоро новый хозяин придет, русский, тогда они вместе с Михаилом против башкир пойдут! Кресты на лбу выжигать будут! Всех с нашей земли прогонят!

— Глотку не надорви! — спокойно отрезал Кулсубай. — Меня на крик не возьмешь! Ты для чего сюда пришел? С Михаилом меня поссорить хочешь?

— Да не вру я, чем хочешь клянусь! Все Сакмаево хотят с землей сровнять! Сам слышал, как Михаил говорил!

— Ну, вот что! Долго я тебя слушал, больше невмочь, хватит! Уходи! — вскочив, заорал Кулсубай. Лицо его покраснело от гнева. — Чтоб глаза мои тебя больше не видели! Поганка! Душегуб! Вот ты кто!

Нигматулла неторопливо поднялся, подвязал пояс, пошел к двери. Уже открыв ее, он обер-

нулся и посмотрел прямо в глаза Кулсубаю.

— Ну, ладно, агай... Потом не говори, что я тебя не предупреждал. Ты, я помню, как-то каялся, что в свое время Сайфетдина не послушал... Попомнишь ты и мои слова! Попомнишь и покаешься! — И десятник вышел, громко хлопнув дверью.

Кулсубай, как-то сразу ослабев, сгорбился, приткнулся на нары. Лицо его все еще было перекошено, руки сжимались в кулаки.

— Зачем ты ему такого наговорил, отец? — Сара не сводила с него тревожного взгляда. — Так и до беды недалеко...

Кулсубай поднял голову, обвел глазами землянку. На лавке у стены лежал оставленный десятником сверток.

— Догоните его и отдайте! — устало махнул рукой Кулсубай.

Ребятишки, присмирившие на время, пока отец ссорился с незнакомым дядей, обрадованно вскочили и вырвались на улицу. Закрыв за ними дверь, Сара медленно подошла к мужу, присела рядом с ним на нарах, опустив в подол платья худые, темные руки.

— Побереги себя, атахы¹. Непокойно мое сердце, боюсь я за тебя...

— А чего ты боишься, глупая? — Кулсубай ласково обнял жену за плечи.

— Ты совсем другой стал, как тебя из фишеровской шахты вытащили... Какие-то чужие люди к тебе ходят, книжки приносят, а потом ты куда-то пропадаешь на целый вечер, а я себе места не нахожу... Не тянись ты за этим русским! Ну как уволят тебя или в тюрьму упрячут, что тогда я буду делать? Ты же весь на-

---

¹ А т а х ы — ласковое обращение к мужу.

ружу, тебя ничто не стоит обмануть или надругаться над тобой!.. Ради детей тебя прошу — не вяжись с чужими людьми, остерегись. Погубят они тебя, чуеет мое сердце...

Кулсубай сидел насупившись, почти не вслушиваясь в голос жены, с тревогой думая о том, зачем приходил к нему Нигматулла. И пугала его не угроза, прозвучавшая в последних словах десятника, а то, что разговор с ним оставил в его душе какой-то мутный осадок, и теперь он не знал, кому верить и чем жить.

«А что, если на самом деле Михаил для русских старается? — размышлял он, глядя себе под ноги. — Чужая душа — потемки. Я ведь и Сайфетдину не верил, пока он за меня жизнь не отдал. Потом хоть об стенку головой бейся, а человека не вернешь, не скажешь ему, что правда на его стороне!.. Вот и Сафуан с Михаилом то и дело спорит, хотя богатых так же ненавидит, как и он... И Нигматулла против управляющего говорит, а я считал, что он перед ним на задних лапках ходит! Попробуй поди разберись во всем!»

— Атахы, что с тобой? — Глаза Сары были широко открыты, губы ее дрожали. — Ты что-то скрываешь от меня! Ну о чем ты сейчас думал?

— Ох ты бедная моя! — Кулсубай улыбнулся, положил руку на руку жены. — Не печалься понапрасну, худо-бедно проживем, а там дети подрастут и нас с тобой кормить станут...

Не успел он договорить, как в избу вбежали запыхавшиеся ребятишки, а впереди всех Файзулла со свертком в руках.

— Не взял! Сказал: «Поделите и ешьте...»

Сара начала было разворачивать сверток, но сердитый окрик Кулсубая остановил ее:

— Вы что, с голоду подыхаете?

Сара удивленно смотрела на мужа, потому что никогда еще муж так не кричал ни на нее, ни на детей, которые теперь испуганно, как цыплята около наседки, жались к ней. Самый маленький, Азнабай, готов был зареветь на всю землянку.

— Даже если у вас живот к спине присохнет, и тогда ничего не берите у этого человека, — еле слышно досказал Кулсубай и закрыл лицо руками.

— Может, он заговоренную еду принес? — испуганно спросил Файзулла.

— Атай, я его конфету съела! — заплакала Халима.

— И я! И я! — подхватили другие дети.

Кулсубай притянул всхлипывающую девочку к себе и ладонью вытер ей щеки.

— Ну, съели так съели, никакого греха нет! Ты, мать, хлеб вынеси и спрячь, найдем, кому его скормить... Но сами есть эти подачки не будем!

III

У берега Юргашты Нигматулла резко натянул ременные вожжи и с минуту неподвижно сидел в кошевке, как бы раздумывая, куда ехать дальше. Сытый скакун нетерпеливо топтался в оглоблях, грыз удила.

Целый день шнырял десятник по прииску, желтый, приметный тулуп его то мелькал рядом с тепляками, то у магазина, то на окраине поселка, и везде вокруг него собирались небольшие кучки старателей. Когда он выводил со двора конторы лошадь, ноги его гудели, голова кружилась от усталости, но он был доволен, что побывал везде и как бы ненароком, в случай-

ном разговоре, обронил то, что потом должно было дать свои всходы. Теперь ему нужно было повидать Гульямал и с ее помощью подготовить к приезду дорогого гостя свой дом, если он неожиданно объявится на приiske.

Едва Нигматулла ослабил вожжи, как лошадь сорвалась с места и пошла наметом вдоль берега, стуча снежными комьями в передок кошевки. Скоро он обогнал тяжело груженные рудой сани, потом еще одни, но лошадь, которой он дал полную волю, не сбавляла ходу, лишь на подъемах переходила на рысь. Казалось, чем слышнее становились голоса женщин и стук бьющих по камням лопат, тем она сильнее рвалась вперед, с каждым рывком сбрасывая налипший к заиндевавшему брюху снег.

Не доезжая до запруды, Нигматулла резко осадил ее и выпрыгнул из кошевки. Он сразу узнал Гульямал среди женщин, работавших у тепляка. Яркий ее платок, усыпанный огненными листьями, как большой цветок, цвел на белом снегу.

— Э-эй, Гульяма-ал! — сложив ладони, крикнул десятник.

Гульямал, сбрасывавшая крупные глинистые камни на вашгерд, оглянулась. Она вытерла пот с лица, заправила выбившиеся из-под платка волосы и воткнула лопату в снег.

— Иди сюда! — крикнула она. — Или ноги боишься промочить?

Женщины у вашгерда засмеялись, и Нигматулла, привязав к столбу лошадь, двинулся на встречу молодой вдовушке.

— Ай-хай, какая ты гордая! — десятник широко улыбался, подмигивал. — Здравствуй, красавица!

— Здравствуй, коли не шутишь! — Черные раскосые глаза Гульямал блестели, как спелые вишни, прядка волос снова вырвалась на свободу из-под платка и прилипла к взмокнушему лбу, щеки горели. — С чем пожаловал?

— Дело есть, — тихо, чтобы не слышали другие, сказал Нигматулла. — С глазу на глаз надо...

— Я чужих ушей не боюсь, у меня совесть чистая, — громко отвечала Гульямал и все оглядывалась на своих товарок, стоявших в нескольких шагах от нее. — Уж не влюбился ли ты в меня и при всех стыдишься открыться?

Снизу, из тепляка, раздался визгливый голос ровняльщика:

— Эй, вы, что, уснули там? Почему не пускаете подачу?

Женщины засуетились, а Гульямал, сразу посерьезнев, подошла к кошевке:

— Ну, выкладывай свои секреты...

— Хочу дней на десять смотаться в Оренбург, — понижая голос до шепота, сказал Нигматулла. — Не смогла бы ты на время присмотреть за моим домом?

— Что это ты надумал? — Гульямал перестала улыбаться. — По-моему, у тебя есть кому за домом присмотреть — и отец, и мать на ногах...

— Гостя с собой привезу, угостить его надо. А мать моя стара уже, ей такое не под силу...

— Нет, Нигмат, найди еще кого-нибудь, а у меня ни сил, ни времени не хватит. Сам видишь, как я здесь с утра до ночи выматываюсь, а потом приду домой — и там хлопот полон рот! Пусть твоя мать возьмет себе в помощь какую-нибудь соседку.

— Кто же встретит гостя лучше тебя! — заволновался десятник. — Ведь ты среди наших, сакмаевских, как куколка белая среди чурок! Всем взяла — и одета, и обута, и бишбармак готовишь так, что пальчики оближешь, и по-русски говоришь, даже, я слышал, в шашки играешь, а посмотришь — будто в сердце выстрелишь!

— Большой убыток терпишь, Нигмат, — еле сдерживаясь от смеха, выговорила Гульямал. — Твоим бы языком ковры плести, а потом на базаре продавать!

— Брось ты, я с тобой не шутки шучу! Мне этого гостя по всем правилам встретить надо. И всего-то он недельку какую-нибудь здесь побудет, тебе и устать не придется!

— Что же это за фон-барон такой?

— Придет время — сама узнаешь, — хитро шурился Нигматулла. — Да разве трудная это работа — снять с человека обувь, полить на руки да постоять, пока он есть будет... Женщина ты незамужняя, если и грех случится, все будет шито-крыто!

— Ну, тогда понятно! — Гульямал не сдержала презрительной ухмылки. — Раз я вдовушка, то, по-твоему, я пригожусь с любым мужиком любовь крутить! На хорошее дело ты меня уговариваешь! А я, дура, с первого слова не могу понять, что за счастье на меня сваливается! Умереть не жалко!

— Ты погоди, не расходись больно! — попытался было остановить ее десятник. — Уважишь мою просьбу — я тебе такой подарок сделаю, что во сне не приснится. Да и гость тоже не покусится — у него денег и золота куры не клюют... Так что за мной не пропадет... Да и

не в подарках дело, я, если хочешь, Хисмата к тебе верну, пусть только живым вернется...

— Может, хватит? А то меня и стошнит от твоей доброты...— Гульямал сделала шаг от кошевки в сторону, но что-то еще удерживало ее около этого глумливого человека.— Не из того теста Хисмат, чтобы ты мог по своей воле из него состряпать, что тебе будет угодно...

— Да не о том я, дурочка! — все сильнее злясь на упрямую и непонятливую бабу, сказал Нигматулла.— Я и не собираюсь его покупать или задабривать... Он ведь, твой Хисматулла, на Нафису зарится, а Нафисы ему не видать, как своих ушей. Хажисултан от нее давно отказался, выкупа за нее никому платить не надо, а мне такая жена как раз впору... Словом, я женюсь на Нафисе, а Хисмат тебе достанется... Раскумекала?

— Не ум у тебя, а помойная яма, — Гульямал уже не скрывала своей насмешки и ненависти,— и мысли у тебя грязные, вонючие! Мало, что ты Райсу на всю жизнь опозорил, и бедная девка не знает, куда глаза девать! А что ты опоганил Гамилю, дочь Хакима, ты тоже забыл? Не ты ее в могилу загнал? Не ты, падаль черная? И меня хочешь грязью забросать так, чтоб я потом и отмыться не смогла?.. Катись отсюда подобру-поздорову, и чтоб ты ко мне больше не приставал!

— Говори, да не заговаривайся! — зло сплюнул десятник. — Подумаешь, недотрога какая! Чего ты себе цену набиваешь? Чего ломаешься?.. Чем ты лучше других? Райса, та воровкой была, а Гамиля с каждым вторым под кустом лежала, что съела, то и отрыгнулось!.. А если ты мне пакостить вздумаешь, то я тоже тебе хвост прищемлю, не возрадуешься!

— И на том спасибо, что грозишь открыто! — чуть побледнев и дрожа от гнева, твердо отвечала Гульямал. — Лавка у тебя сгорела, смотри теперь, как самому в живых остаться!.. И ты не из железа сделан, и тебе хребет можно переломить...

— Перестарок! Язва! Коза блудливая! — уж позабывшись, как в беспамятстве, выкрикивал Нигматулла. — Доберусь я до тебя, вырву твоё змеиное жало, поганый твой язык! Придет время — наплачешься!..

— Ничего, одна слеза скатилась да назад воротилась! — так же зло и неуступчиво кричала Гульямал. — Еще не родился тот батыр, который мне язык рвать будет! Катись, пока сам цел!

Нигматулла замахнулся на нее кнутом, но, увидев, что женщины у вашгерда, оставив работу, смотрят на него, хлестнул по столбу. Изрыгая хулу и проклятья, он отвязал лошадь, вскочил в кошевку и вихрем рванулся от тепляка. Он гнал, не жалея лошадь, задыхаясь от ярости и бессилия.

— Сволочи! Бунтовщики! Неверные! — выкрикивал он на ветер.

Из-под копыт в лицо ему летели снежные комья, били по плечам и груди, но десятник точно не чувствовал этого — бешено гикал и свистел, размахивая кнутом над головой, сек по крупу лошади, хотя та и так мчалась изо всех сил.

Немного отойдя, он опустил в кошевку на охапки соломы, и лошадь пошла бодрой рысью.

«Все посходили с ума, все будто сговорились и поют одну и ту же песню! — растерянно думал он, отдаваясь во власть беспокойных мыслей. — И Хисматулла из какого-то, видишь ли, другого

теста состряпан, чем я! И Кулсубай на меня шипит и слюной брызжет от злобы, словно я ему на горло наступил!.. Ну ладно, этот давно на своей честности помешался, а эта-то что выламывается? Раньше она бы голос подать боялась, а теперь как кошка, готова в меня вцепиться и глаза мне выцарапать! И выцарапает, если ее не связать по рукам и ногам! Да и кому это под силу, когда вся Россия шатается?.. Или эта непогода скоро кончится и все образумятся, и я, дай только мне добраться до места управляющего, наведу тут порядочек!.. Я сумею со всеми поладить, но тем, кто в меня сегодня камни бросает, сроду не прощу и не забуду! И эта потаскушка еще вспомнит меня, еще станет пятки мне лизать... Вообразила о себе невесть что! Будто во всей округе нету больше такой смазливой бабенки, чтобы угодить гостю... Лишь бы не прозевать мне нового хозяина, а сладкое блюдо я всегда смогу приготовить...»

Лошадь была уже в мыле, с рыси перешла на шаг, мотая головой с густой, мохнатой челкой. Впереди виднелось деревенское кладбище, рябивший от света сквозной березняк.

«Я тоже стал как бешеный, — окончательно приходя в себя, подумал Нигматулла. — Так недолго сорваться, упасть, и тебя все затопчут... Нельзя, чтобы люди от меня отвернулись, чтобы я был врагом в их глазах!.. И Накышева тоже без пользы злить не нужно, он и так меня из всех десятников отличает, даже вон шахту обещал. Ему тоже в рот надо поглядывать, нужным человеком для него стать, рано еще палки в колеса ему ставить, рано».

Когда кошевка свернула на деревенскую улицу, Нигматулла был уже спокоен и ровен, то

отпускал, то натягивал вожжи, и лошадь хорошо слушалась его.

У остова сгоревшей лавки она остановилась, точно угадывая желание хозяина. Нигматулла окинул беглым взглядом свой дом с железной крышей, уцелевшие от пожара каменные клетки и новые, сделанные на русский манер ворота.

Не успел он подъехать к воротам, как Хаким, будто карауливший, когда появится хозяин, распахнул обе половины. Лицо его под засаленной шапкой вспотело, холщовые штаны намокли, деревянная лопата, которую он держал в руках, была облеплена мокрым снегом.

Выпрыгнув из кошевки, Нигматулла передал вожжи конюху:

— Распрягай да поводи немного. И не опои смотри...

Нигматулла присел на ступеньку крыльца, торопливо скрутил сигарку. Голубоватый дымок быстро потянуло в сторону — ветер дул с приисков. Расслабившись, Нигматулла развалил полы тулупа, чтобы легче было дышать, и лениво следил, как конюх старательно водит лошадь по кругу.

«А что, если определить этого старого дурака в женихи Гульямал? — ухмыльнувшись, подумал он. — Вот и будет ей первая моя плага, чтоб знала край, да не падала!»

— Поздравь меня, агай! — громко, на весь двор, крикнул он. — Скоро женюсь!

— Слава аллаху, пусть пошлет он тебе сыновей для продолжения рода! — привычным приветствием ответил Хаким, но не остановился, не выпустил поводьев из рук.

— Спасибо за доброе слово! — Десятник лукаво щурился из-под белесых ресниц. — А почему бы и тебе не жениться, агай?

— Грешно смеяться над старым человеком...

— И не думал смеяться, агай...

— Мне уже за пятьдесят, двух жен схоронил.— Конюх придержал лошадь и смотрел на хозяина.— Кто же за такого бедняка согласится пойти? Разве такая же несчастная бобылка, как я?

— Ты ничем не хуже других, агай,— по-серьезнел Нигматулла,— может, в чем и побольше молодого согласишь. Помнишь, еще года три назад разве ты думал о том, сколько тебе лет, когда под юбку забирался? Умная женщина старого ястреба на воробья не променяет!

— Нет, прошло мое время,— Хаким махнул рукой.— Да и Аптрахим еще на шее висит...

— А по-моему, есть тут одна как раз для тебя!

— Кто это? — удивился Хаким.

— Гульямал! И калыма за нее платить не надо, и детей она любит, не обидит твоего Аптрахима. Всем взяла, а как за работу примется — любо-дорого смотреть! Прямо жалко, такая баба на дороге валяется и никто не подбирает! — причмокнул Нигматулла.— Но ты, конечно, смотри, агай, если она тебе не нравится, то не надо. Как бы только тебе под старость одному не остаться...

— Гульямал Хисматуллу ждет, ей не до меня,— уныло сказал Хаким.

— Да брось ты! Когда он вернется, да и вернется ли еще, одному аллаху известно. Я слышал, его за смуту в штрафной батальон отправили, а это гиблое дело. Из штрафного если один человек и уцелеет, то без руки или без ноги. Так что не теряй времени! Война еще не кончилась, мужики все на фронте. А такая баба, как Гульямал, разве может без мужика

обойтись? У нее сейчас кровь, небось, разыгралась, как кипяток в самоваре! — захохотал Нигматулла.

Глаза Хакима заблестели, красные от мороза уши, казалось, стали еще краснее.

— Так-то оно так, — смущенно сказал он. — Но разве ты не знаешь, какой у нее язык? Прилепит к тебе слово — и на всю жизнь посмешищем станешь.

— Ну, если ты слова бабьего испугался, тогда о женитьбе и разговор заводить нечего! — Десятник насупился, даже сплюнул в сердцах. — Будет болтать лишнее, сама же себя и опозорит! Она пока, как необъезженная двухлетка, свой норов показать хочет, в оглобли не загонишь! А как только ты ее взнуздаешь, и хомут ей на шею наденешь, и подпругу подтянешь, она живо присмирееет и будет послушной... Тогда хоть паши на ней, хоть пляши! А около такой бабы, как Гульямал, ты никакой заботы знать не будешь: она и обстирает тебя, и в доме будет чистота и порядок, да и спать с ней не будет скучно... Сыт, пьян и нос в табаке!

— Спасибо тебе за добрый совет, только грех мусульманину пить вино, — Хаким сморщился, — да и табака я не курю...

— Ну что ж, чем меньше грехов, тем жить легче, — согласился Нигматулла. — В добре и достатке жить станешь...

— Кто ее знает... — мялся и краснел, как мальчишка, Хаким. — Боязно к такой красавице подступиться, хоть и говорят старые люди — попытать счастья никогда не грех... Не в белку попадешь, так в сучок!

«Вроде дело идет на лад. — Потешаясь в душе над стариком, Нигматулла еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. — Как начнет этот осел

всюду за нею ходить, все Сакмаево животы надорвет!»

— Ты, главное, агай, не спеши, — сказал он. — Не вздумай сразу сватов к ней засылать. Так ты все дело испортишь! Ты издалека начни. Почаще ей на глаза попадайся, заговаривай, хвали ее в глаза, какая она пригожая и что лучше ее во всем свете не найдешь... Бабы — они всякой чепухе верят, лишь бы ты слова для нее не жалел! Станет фыркать — не обращай внимания, не отставай. Баба — она как горшок, что ни влей, все кипит!..

— Спасибо тебе, Нигмат, — Хаким поклонился десятнику в пояс. — Хоть ты и моложе меня, но мудрости у тебя не меньше, чем у муллы, пошли тебе аллах удачи во всяком деле! Много ты для меня добра сделал — и Султангали в люди вывел, и меня к делу определил... Но сколько бы я ни старался для тебя, мою вину я все равно не сниму! Этот шайтан Загит на всю жизнь меня опозорил, я из-за него седой стал...

— Замолчи! — неожиданно резко остановил его Нигматулла. — Не хочу я об этом выродке слышать! Он не только лавку мою сжег, он душу мою отравил! Хорошо, если его на самом деле волки съели... Но если его душа еще на этом свете прячется, ей несдобровать — рано или поздно попадет твой Загит в капкан!

— Как бы мне мои седины не покрыть новым позором, — Хаким покачал головой. — Слышал, наверное, как я молодым опростоволосился на все Сакмаево?

— Ты же тогда совсем сосунком был! — успокоил десятник и, затоптав окурок, поднялся. — Пойду отдохну, тяжелый был нынче день у меня... А ты все обдумай как следует и не зевай, не проворонь свое счастье!

Хаким завел лошадь в стойло, поставил на место лопату, отжал мокрые штанины и, заперев ворота, вышел на улицу.

Неприятный случай, вспомнившийся ему в конце разговора с Нигматуллой, произошел давно, когда родители Хакима были еще живы, а сам он еще не брился.

Отец не торопился с женитьбой Хакима. «И для свадьбы нужны деньги, и для калыма, где столько возьмешь? — не раз говорил он, сидя вечером у чувала. — Может быть, наступят для нас лучшие времена. Тогда мы сможем взять девушку из хорошего дома, с приданым. Потерпи, сынок, жениться всегда успеешь, никогда не следует торопиться, когда выбираешь невесту...» Сначала рассуждения эти выводили Хакима из себя, потом он просто перестал их слушать и начал приглядываться к местным вдовушкам, а то и к чужим женам. Особенно нравилась ему Салима, молодая жена соседа. Часто он подходил к плетню, отгораживающему их двор от соседского, и, прячась, подглядывал за ней, чувствуя, как начинают пылать щеки, когда молодая женщина, развешивая белье, встает на цыпочки и под легкой рубашкой резко выступает ее полная грудь.

«Что это за муж для такой молодой и красивой женщины? — думал он. — Рябой, да и лет ему уже около сорока! Растерявшаяся утка задом в озеро ныряет, — видно, так и с ней случилось, по нужде, наверно, вышла замуж за такого старого и некрасивого!»

Каждое воскресенье муж Салимы отправлялся на базар, чтобы обменять там лыко и рогожу на муку и картошку. Выезжал он вечером в субботу, а возвращался только на следующий день.

Однажды в сумерках, дождавшись, когда его повозка протарахтела по улице, Хаким перепрыгнул через плетень и, не постучавшись, вошел в соседский дом.

Салима только что покормила ребенка и теперь укладывала его спать. Увидев Хакима, она улыбнулась и прижала палец к губам — мол, не шуми, сейчас укачаю и поговорим.

Хаким как вошел, так и остался стоять у дверей, не сводя глаз с молодой женщины, любясь каждым ее движением.

Наконец ребенок уснул, и Салима подошла к нему.

— Тебе чего? — шепотом спросила она.

Хаким молчал, не зная, как себя вести.

— Что? Может, тебя мать за мукой прислала? — переспросила Салима.

Хаким сделал два шага вперед и неожиданно выпалил:

— Люблю тебя, Салима-енга!

— Что-о? — Глаза Салимы округлились.

— Люблю тебя... — растерянно повторил Хаким.

Около минуты Салима не могла вымолвить ни слова, а опомнившись, схватила скалку и что есть мочи ударила его по голове.

— Ах ты нахал! Опозорить меня пришел? Вот тебе, вот тебе, шайтан проклятый! — и удары попеременно с руганью градом посыпались на Хакима.

Не помня себя, он выскочил из дверей, перемахнул через изгородь и скрылся в сарае. А на другой день односельчане, едва завидев его, начинали смеяться — большой синяк под правым глазом подтверждал все, о чем Салима успела рассказать соседкам...

«Правда, больше со мной такого не случилось, — думал Хаким, быстро шагая по узкой, вытоптанной в снегу тропке. — И возраст у меня уже не тот, чтоб Гульямал могла встретить меня подобным образом, но кто их, баб, разберет...»

Когда он пришел домой, Аптрахим уже спал. Хаким снял мокрую одежду, развесил ее возле чувала и, накрывшись старым ковриком, лег рядом с сыном.

«Эх, была не была! Да и чего я боюсь, в самом деле? Откажет — так откажет, другую найду, а одному, как говорят, и топиться идти скучно».

IV

Уже в сумерках добралась Гульямал до Сакмаева. Выйдя на пригорок, она расправила подоткнутый подол и огляделась. Хоть и ночь, а вдруг кто-нибудь встретится, неудобно.

Окна низенького домика на окраине села были темны, двор завалило снегом. Проваливаясь в сугробы и высоко поднимая над головой небольшой узелок, Гульямал дошла до крыльца и тихонько постучала.

— Ох, доченька, подожди, сейчас открою, — отозвалась Сайдеямал.

Войдя, Гульямал обессиленно опустилась на покрытые ковриком нары.

— А я думаю: кто же это так поздно? — приговаривала Сайдеямал, разжигая огонь в чувале. — Сейчас обогреешься, доченька, снимай каты, они же у тебя совсем заledenели... И что ты вздумала сегодня идти? Ведь не собиралась, сказала, что на приiske останешься. Или тебе передали, что корова твоя отелилась?

Гульямал покачала головой:

— Нет, никто ничего не передавал.

— Отелилась, кормилица! Весь день с ней просидела, даже не успела зайти к Хуппинисе, взять белье для стирки... Только вернулась, легла, а ты тут как тут. Хотела у тебя остаться, а потом раздумала — привыкла я на своем месте спать. А ты оставайся у меня, сейчас картошки тебе дам, чайку попьем! Телочку я за чувалом пристроила, а корова в хлеву, о них не беспокойся!

Гульямал сняла тулуп, скинула каты и устало откинулась на нарах. Все вещи в этом доме — обструганный сосновый чурбан у чувала, затянутое брюшиной окошко, измятый медный самовар с дырочкой около ручки — были дороги ей, ведь каждой из них касался руками Хисмат. Он сидел на этом чурбане, зажигал лучинки для самовара, она сама не раз разливала по чашкам крепкий чай, ухаживая за ним и свекровью, и теперь все здесь скучало по его рукам.

— Что ты такая скучная? Или грустную муху проглотила? — пошутила Сайдеямал.

— Устала, мама. Скажи лучше, не было ли сегодня письма от кайнеша? ¹

— Не было, доченька, — вздохнула Сайдеямал. — Неужели ты думаешь, что я стала бы скрывать от тебя такую радостную весть? Самой-то мочи нет, сердце кровью обливается, как о нем подумаю... И сны нехорошие снятся — то будто он в воду падает, то в какую-то яму проваливается. Это, говорят, к беде.

— Не говори так, — побледнела Гульямал. — Нельзя к беде сны разгадывать, а то сбудутся!

---

¹ К а й н е ш — брат мужа.

— Нет, нет, — испугалась старушка, — пусть аллах хранит моего сыночка, пусть он будет жив и невредим! Пусть возьмет лучше меня, старую, хватит мне небо коптить... Он же у меня один-единственный, последний мой! Ни минутки не проходит, чтоб я о нем не подумала, и когда ложусь, и когда встаю, только о том и молюсь всемогущему, чтобы скорее вернулся под родную крышу, чтоб увидеть мне его...

Гульямал взяла маленькую подушку, на которой когда-то спал Хисматулла, припала к ней щекой. Слезы душили ее, и, не удержавшись, она вдруг заплакала навзрыд, кинувшись всем телом на нары, закрывая лицо подушкой.

Сайдеямал тихонько подошла, присела рядом и положила руку ей на плечо.

— Не плачь, доченька, — с трудом проговорила она, вытирая подолом катившиеся по щекам слезы. — Не слушай меня, старую... Вот увидишь, он вернется!

— Два месяца, как писем нет, — сквозь всхлипы выговаривала Гульямал. — Говорят, будто его в самое пекло послали!.. Какого-то приказа не выполнил, против царя выступал...

— Если и послали его, то несправедливо, — склонила голову Сайдеямал. — Уж я своего Хисмата знаю, ничего он не мог худого сделать. И ты не горюй, не умножай мою боль, доченька. На свете больше плохих людей, чем хороших, поэтому и у сына моего столько недругов...

— Знаю я, кто эти слухи разносит, — Нигматулла! — сказала Гульямал, все еще прижимая подушку к щекам и всхлипывая. — Мало ему, вору, что он столько людей погубил — и Гамилю, и Шарифулле, и Райсу, — все нейдет!

— Будь он проклят, этот Нигматулла, — посуровело лицо Сайдеямал, — не будет ему про-

щения перед аллахом! Всю деревню замучил за свою сгоревшую лавку! Неужели нет в нем страха перед высшим судом? Нет, попомни мои слова — не суждено злему человеку пользоваться добром, добытым ценою слез!

— Какой там страх! — с болью ответила Гульямал. — Он теперь задумал на Нафисе жениться! Уж и не знаю, как ему помешать...

Сайдеямал промолчала и, как бы не слыша последних слов невестки, захлопотала у чувала. Только сняв казанок с дымящейся картошкой, она снова повернулась к Гульямал:

— Пусть что угодно делает! А ты — знай себя, не вздумай в дела Нафисы вмешиваться!

— Неужели тебе не жаль Нафису? — удивилась Гульямал. — Каково ей будет замужем за этим зверем!

— Я потому и говорю тебе это, что жалею ее, — поджала губы Сайдеямал. — Куда уж ей выбирать себе мужа! Хорошо, что хоть этот нашелся, сыта и одета будет.

— Как же, накормит он, разевай шире рот! — горько усмехнулась Гульямал. — Хорошо еще, если с голоду не помрет! Она и нужна-то ему для того, чтоб дрова на ней вместо лошади возить, спины в его доме не разгибать! Райсу он любил, а все равно через три месяца из дома выгнал, да еще опозорил, сказал — деньги воровала, подарки родным делала. Ведь эти подарки он сам, по обычаю, должен был сделать родителям невесты!

— Всех не пережалеешь, — перебила ее Сайдеямал. — А такую, как Нафиса, хоть жалей, хоть не жалей, ничего не изменишь.

— Я не за нее, я за Хисмата переживаю, — глотая слезы, сказала Гульямал. — Что он будет делать, если Нафиса выйдет замуж за другого?

— Хисматулле и без Нафисы жена найдет-ся! — рассердилась старушка. — Или, может, ты его разлюбила?

Гульямал печально посмотрела на свекровь:

— Потому и говорю так, мама, что люблю его больше жизни. Хоть и плохо мне, а мешать ему не стану...

— Вот тебе и раз! Что это еще за новости? Или тебе на прииске кто-нибудь понравился? Никогда раньше так не говорила, — огорчилась Сайдеямал.

— Никого у меня в сердце, кроме кайнеша, нет и не будет, — видно, так мне на роду написано, чтоб только он меня за сердце задевал... Только даже если он со мной жить начнет, все равно о Нафисе думать будет, места себе от тоски не найдет. Зачем себя обманывать? Я другого хочу — пусть он женится на Нафисе, а меня возьмет старшей женой, если только я ему не противна, — еле слышно закончила Гульямал.

— Да ты с ума сошла! Никогда не будет на это моего согласия, так и знай! — замахала руками Сайдеямал.

— Но почему, мама? Мне хватит и того, что я рядом с ним. Я им в тягость не буду, все домашние дела стану делать, за скотиной смотреть, детей их нянчить...

— Смотрю я на тебя, доченька, и не могу понять... Женщина ты вроде умная, а такие мысли у тебя в голове, будто ты глупее самой глупой овцы в отаре! Грош цена твоей любви, если ты за нее бороться не хочешь! Разве это дело — перед таким теленком, как собака, на брюхе ползать, каждую улыбку, как хлеб в голодное время, выклянчивать?! Да ты любую за пояс заткнешь, если захочешь! Почему ты с дру-

гими мужчинами, как камень, а с ним, как кисель? Распрямись, доченька, води себя достойно, тогда и плакать не придется! — твердо сказала Сайдеямал. — Послушайся меня, я тебе добра желаю.

— Любую заткну, а Нафису не заткну... — Гульямал опустила голову. — Любит он ее, мама, а любовь — она слепая, только и видишь, что любимого, это уж я по себе знаю...

— Хватит! Чем ерунду болтать, давай-ка лучше чаю попьем, — отмахнулась Сайдеямал. — Пей, пей! — притворно сердитым голосом продолжала она. — А то ходишь как в воду опущенная, смотреть на тебя тошно!

— Ой, мама, я же тебе гостинец принесла! Там, у дверей, в узелке, баранки и сахару немножко, — вспомнила Гульямал.

— Балуеть ты меня, — улыбнулась старушка. — Не горюй, доченька, подыми голову! Ты ж у меня красавица, умница. Вот увидишь — вернется Хисмат, все хорошо будет, уж я-то знаю. Ведь он в каждом письме тебя вспоминает, приветы шлет, что же ты ревешь, как маленькая?

— Может, и правда все хорошо будет, — с надеждой вздохнула Гульямал и, развязав узелок, положила на скатерку сахар и несколько баранок.

— Вот так-то лучше, — одобрила Сайдеямал. — Держись за меня, доченька, а я за тебя держаться буду, и время быстрее пролетит. Дождемся мы Хисмата, я еще детей ваших нянчить буду, пусть пошлет мне аллах на старости лет это утешение!

— Спасибо тебе, мама, — улыбнулась Гульямал. Веки ее были еще красные от слез, но на душе стало спокойно и светло.

Кулсубай так устал после ночной смены, что еле добрался до землянки. Глаза резало от света, ноги подкашивались, и он вынужден был два раза присесть и отдохнуть по дороге.

Сара напоила его горячим чаем, помогла снять мокрую одежду, развесила ее на деревянной перекладине.

— Ложись, атахы, не тяни,— ласково поглядев на мужа, сказала она.

— А ты долго спать будешь? — спросил его Файзулла. — Ты ведь еще обещал мне ружье из дерева вырезать, не забыл?

— Не забыл, сынок, — улыбнулся Кулсубай. — Вот отдохну и сделаю!

— Хватит, не шумите, не мешайте отцу, — строго сказала Сара. — С вашими игрушками да сказками он совсем спать перестал! Сделает завтра — тоже большой беды не будет. Отец у нас один, его беречь надо.

Кулсубай с удовольствием растянулся на нарах. Спина и плечи его ныли, натруженные руки горели. Он думал, что тотчас уснет, провалится в сон, как в черную глубокую яму, но не успел закрыть воспаленные глаза, как все мысли, не дававшие покоя ни дома, ни на работе, снова вернулись к нему.

«Кажется, раньше все было ясно: надо только бороться — и жизнь изменится к лучшему. А на деле выходит, что это пустые мечты. День за днем, год за годом, а ничего не меняется, течет, как и текло, по обычному руслу. Кажется, не только не уменьшилось нашего горя, а еще и прибавилось. Неужели суждено человеку родиться лишь затем, чтоб в мученьях добывать себе хлеб? Вот уже и Сайфетдин погиб, не до-

ждавшись счастливых времен, и не он один, а мы все еще не теряем надежды. Разве наши деды и отцы не пытались переиначить эту жизнь? Почему же мы думаем, что у нас выйдет то, что не далось им? Конечно, сейчас еще и война виновата в том, как тяжело мы живем. Однако и перед войной не ели хлеба досыта, дырку дыркой латали. Вот Сафуан говорит, что это русские наш народ разорили, но ведь русским не лучше, чем башкирам, живется. Или баи рождаются для того, чтобы быть баями, а бедняки — чтобы работать на них?.. Не поговорить ли мне еще разок с Михаилом? Может, яснее станет?»

Он поднялся, потер кулаками глаза, делая вид, что только что проснулся, не спеша подошел к перекладине, снял еще не высохшие портянки.

— Куда это ты собрался? — спросила Сара, оторвавшись от прялки.

Кулсубай намотал на ноги портянки, натянул каты, надел тулуп и повернулся к жене:

— Вспомнил — дело у меня одно есть. Скоро вернусь...

На глазах Сары выступили слезы. «Небось, опять пошел насчет своей Маши узнавать, — с горечью подумала она. — Сколько лет прошлю, а все никак забыть ее не может... Алла, что будет со мной и моими детьми, если он покинет нас?»

Кулсубай тихонько прикрыл за собой дверь землянки.

День как будто стал теплее, но небо, ясное и чистое утром, снова затянуло серой мглой. Снег пуховыми шапками лежал на ветвях деревьев, дыбился волнами в глубоких падах. Казалось, и горы, и долина плотно укутаны белым ватным одеялом.

Кулсубай вышел к берегу Юргашты, на дороге, ведущую к большой шахте. Река еще не стала, хотя почти до середины покрылась мутной коркой льда с продолговатыми застывшими пузырьками. Пройдя мимо бараков, за пригорок, где теснился молодой пихтач, Кулсубай свернул на тропинку и очутился в березняке. Здесь он на минуту, как бы в нерешительности, остановился, огляделся по сторонам и, увидев, что никто не идет за ним, быстро зашагал вперед. По мере приближения к обрыву, на склоне которого в заброшенной землянке проводил собрания Михаил, шаг его становился медленнее, словно он преодолевал в себе что-то.

У землянки, прислонившись спиной к березе, стоял Сафуан.

— А где остальные? — спросил Кулсубай.

— Все здесь! — насмешливо ответил Сафуан. — Разве не видишь? Целая толпа собралась, стоять негде! — Он скривил губы и со злостью швырнул в сторону потухший окурок.

Кулсубай заглянул в землянку. Стекло в окошке было разбито, чувал разрушен, провисший потолок кто-то подпер двумя бревнами, на полу лежал снег.

— Ну и холодище! — заметил он, выходя наружу.

Сафуан старательно вытряхивал из кармана табачные крошки. Свернув козью ножку, он глубоко затыкнулся и процедил сквозь зубы:

— А ты считал, тебе тут рай приготовили? Может, ковры постелить прикажешь, граммофон, как у Накишева, завести? Небось, сам не позаботился чувал подправить или хотя бы дров принести!

Кулсубай хотел было ответить грубо, но сдержался.

«Хоть и злой, а говорит справедливо»,— подумал он, снова зашел в землянку и начал приводить в порядок чувал.

Постепенно стали подходить и другие старатели. В тулупах и телогрейках, с красными от мороза лицами, они хлопали руками и подпрыгивали, пытаясь согреться.

— Вот хорошо, Кулсубай, что ты явился! — войдя, обнял его за плечи Михаил.— По правде говоря, браток, я уж и не верил, что придешь. Сколько собраний пропустил! Ну-ка, ну-ка, повернись к свету! Вроде, с лица спал... Болел, что ли?

— Да нет, дома дела были,— нехотя отвечал Кулсубай.

Переговариваясь, старатели устраивались кто как мог: Сафуан прислонился к стене, Кулсубай присел на корточки, так как нар в землянке не было, Мутагар и Гайзулла притулились на остатках разрушенного чувала, некоторые сели прямо на земляной пол. Михаил вынул из кармана свернутую вчетверо газету.

— Товарищи, давайте потише,— сказал он.— Вот «Оренбургское слово» за одиннадцатое ноября этого года. Здесь говорится о том, что цены растут не по дням, а по часам, все больше становится спекулянтов. Только те товары, которые они скупают у местных фирм, дают им от пятидесяти до ста процентов барыша. Представляете себе, что это такое? За два-три дня каждый из них зарабатывает больше, чем старатель за целый год! И такое положение не только в Оренбургской губернии, а повсюду...

— А разве это не из-за войны? — спросил Сафуан.

— Конечно, из-за войны,— согласился Михаил.— Но подумайте: кому выгодна эта вой-

на? Разве баи или помещики, или заводчики стали жить от нее хуже? Нет, у них от этой войны карманы вздулись! А мы в это времяivotы подтягиваем, не только детей, но и самих себя прокормить не можем. Ведь цены увеличились втрое, а где и вчетверо.

— Да и купить-то нечего!

— Их бы самих голодом поморить, знали бы, как к людям относиться, — загомонили старатели.

Михаил поднял руку.

— Должен сказать, что у нас на прииске положение скоро изменится, — уж не знаю, к лучшему или к худшему. У меня есть верные сведения о том, что вот-вот приедет новый хозяин, Касьянов...

— Надо к нему сразу с жалобой идти, — может, хоть от Накышева избавимся, — сказал Мутагар.

— Все богачи одинаковы, — перебил его Сафуан. — Я так думаю, что лучше никуда не ходить. Не сдвинуть нам Накышева с места, а уедет новый хозяин, Накышев нам за эту жалобу отомстит.

Кулсубай впервые с того дня, как случился обвал в шахте, испытывал настоящее волнение, словно проснулась в нем долго дремавшая сила и искала сейчас выхода — он не мог спокойно сидеть на месте, и когда раздался насмешливый голос Сафуана, он не выдержал и вскочил.

— Не шуми, Сафуан! — крикнул он. — Дай человеку досказать. Михаил больше нас знает...

— Будто мы сами не знаем, что жизнь у нас тяжелая, — не унимался Сафуан. — Как соберемся, так одно и то же! Сейчас тяжело, а потом лучше будет!

— Ты зачем сюда явился, Сафуан? Если затем, чтоб мешать, то уходи сразу! — Кулсубай сжал кулаки.

— Я еще не все договорил, товарищи. — Голос Михаила был тих и спокоен. — Накышев тоже готовится к тому свиданию, только по-своему. Первым делом велел богатые золотом шахты закрыть, а теперь собирается снизить заработную плату и увеличить рабочий день.

Старатели снова зашумели, Михаил закашлялся, вынул из кармана платок.

— Тише, тише! — заволновался Кулсубай. — Видите, больной человек, и так еле говорит...

— На других приисках и заводах не лучше. Например, на Златоустовском оплата труда ниже, чем у нас на Кэжэнском, а живут так же, как мы, в бараках спят вповалку. На Качкарском золотом прииске все продукты тухлые, дети с голоду пухнут, а не выполнит старатель нормы за день — тут же к расчету, и никаких поблажек... — Михаил подавил приступ кашля и, помолчав, добавил: — В ответ на эти притеснения рабочие собираются объявлять забастовки и стачки. Я думаю, что мы не будем отставать от всех!

— А что это такое, стачка? — спросил один из старателей, он всего лишь месяц назад пришел работать на прииск из соседней деревушки.

— Сейчас я тебе объясню, — язвительно ответил Сафуан. — Было у нас тут один раз такое — вот он, Михаил, сказал, что надо всем собраться и на работу не выходить, а вместо этого заявить свои требования, чтобы плату повысили, рабочий день уменьшили, бараки новые построили. А что получилось? Вызвали казаков, половину перебили и по тюрьмам, распахали, как вот меня, а вторую половину еле-еле на ра-

боту приняли, и то не всех... Не дело ты говоришь, Михаил! Зачем только вы, большевики, головы людям сказками забиваете? Стачками ничего не добьешься, только хуже будет. Разве мало здесь безработных шатается? Не выйдем мы, так безработными эту прореху заткнут, а как людям тогда жить? И так голодаем. Нет, я вашими баснями сыт по горло!

— А вы, собственно, кто будете? — Михаил в упор посмотрел на Сафуана.

— Не признал? — Сафуан громко засмеялся. — Я в тот раз, как ты эту самую забастовку устроил, от солдат тебя защитил! Быстро же ты хорошее забываешь!

— Нет, я вас хорошо помню, — спокойно ответил Михаил. — Я о другом вас спрашиваю: сейчас вы к какой партии принадлежите? Чего добиваетесь?

— Я сам по себе! Я для башкир стараюсь, — нагло ухмыльнулся Сафуан. — Я не хочу, чтоб они, поверив русским сказкам, которые ты тут плетешь, бросили работу и снова голодали. Хватит того, что один раз тебя послушались, теперь ученые! Зачем в омут кидаться, если плавать не умеешь? Русские сами по себе, а мы сами по себе. Вы, русские, что хотите, то и делайте. А почему мы, башкиры, из-за вас страдать должны?..

Кулсубай переводил взгляд с Михаила на Сафуана, и никак не мог решить, кто же из них прав. По лицам других старателей было заметно, что и они в таком же замешательстве.

— Пока у вас одни слова, — заметил Михаил. — А где же дело? Каким образом вы намерены сделать башкир счастливыми? У вас нет никакой программы, а значит, и цели!

— А зачем она нам? Мы в своем хозяйстве и сами разберемся!

— Вот в этом и заключается, товарищ, ваша большая ошибка.— Голос Михаила звучал ровно и уверенно.— Вы только кричите с пеной у рта о том, что готовы сделать башкир счастливыми, а как это сделать, не знаете. В то время как у нас есть общая программа: и для башкир, и для русских, и для татар — для всех бедняков на свете. Мы знаем, в чем наша сила — в единстве. Если все бедняки плечом к плечу встанут против баев и помещиков, против царя, против всех притеснителей, им не устоять! Надо только, чтоб мы были как одна семья, где все братья. Задача перед нами одна — установить власть народа, справедливую власть, чтобы ни один человек не смог унижать и притеснять другого!

— А казаки? — спросил из угла Мутагар.

— И казаков в эту семью возьмем! Они такие же люди, как мы с вами. Вы думаете, у них дома нет своих богачей и своих бедняков? Они везде есть, надо только объяснить им нашу программу, и они перейдут на нашу сторону.

— Ну, и что же вы будете делать на этой вашей стороне? — язвительно усмехнулся Сафуан.

— Прежде всего прекратим эту разорительную войну. Потом отнимем землю и имущество у богатых и поделим поровну между бедными, чтобы все были равны и каждый ел досыта. Товарищи! Наша судьба в наших руках! А если мы, как предлагает он,— Михаил показал рукой на Сафуана,— будем сидеть и ждать у моря погоды, наше положение останется таким же тяжелым, как было до сих пор!

Лицо Сафуана покраснело от злости, на крупных руках выступили голубые вены.

— Что вы его слушаете? — выкрикнул он. — Развесили уши! Он вам еще и не такого наплетет! Когда это русские к нам с добром приходили? Разве не они отняли у нас земли, принадлежавшие еще нашим дедам? Разве не они забирают лучших наших мужчин на войну? Раньше мусульмане не курили и вина не пили, а теперь каждый парень, стоит ему прийти на прииск и увидеть русские порядки, только этим и занимается!

— Не русские отняли у вас земли, а богачи. И не только у вас — у русских тоже все земли кучка богачеев в руках держит! Вот я и хочу, чтоб мы вместе боролись за то, чтобы эти земли, на которых и ваши, и наши деды жили, снова вернулись к нам, ее настоящим хозяевам!

— Не верю я тебе! И слушать больше не хочу! А вы, — повернулся Сафуан к старателям, — если ему поверите, опять в дураках останетесь!

— Не хочешь слушать — уходи! — крикнул кто-то из старателей.

Сафуан резко повернулся и, хлопнув дверью, вышел из землянки. Старатели притихли.

— Я вас не заставляю решать сейчас, — прервал наступившую тишину Михаил. — Подумайте, взвесьте все как следует. Конечно, забастовка провалится, если вы послушаете этого человека и решите, что башкиры должны сами зарабатывать себе свободу. Вся наша сила в том, что мы держимся друг за друга. Только при этом условии победа будет на нашей стороне... — Он снова сильно закашлялся и вынул платок.

— Давайте расходиться, товарищи, — сказал Кулсубай. — Только по одному.

Скоро Кулсубай и Михаил остались одни.

— Ну что, браток, задумался? — улыбнулся Михаил.

— Да всякое в голову лезет... — Кулсубай смутился и тяжело вздохнул. — Почти все новенькие. Провалится, по-моему, забастовка...

— Ничего, пусть привыкают. Когда начинали, еще хуже было. А время сейчас самое подходящее, на других приисках тоже к забастовкам готовятся, — ответил Михаил и достал трубку.

Они вышли из землянки, поднялись по откосу, цепляясь за гибкие березовые ветки.

— Пусть только вернутся с фронта наши старые товарищи: тогда совсем дело на лад пойдет. Ты знал Хисматуллу?

— Знал, — отозвался Кулсубай. — Я вот что тебе хотел сказать: приходил ко мне сегодня Нигматулла, как раз о новом хозяине рассказывал. Говорит, приедет он — тогда ты с ним все Сакмаево с лица земли сотрешь, кресты на лбу выжигать станете... Мол, башкирский народ ему жалко, и никому он теперь не верит, и другим человеком хочет стать, — много чего молол. Выгнал я его. Только невдомек мне, зачем он ко мне приходил? Давай, говорит, снова дружбу с тобой заведем... Накрылся, что лиса хвостом, — один пух торчит!

— Да, неспроста он к тебе подмазывается, — приостановившись, задумался Михаил. — Да и Накышев что-то готовит, судя по всему, по ночам в конторе штейгеров да десятников собирает... Думаю, раз Нигматулла такие речи повел, где-то они с Накышевым друг другу поперек горла встали. Держись от него подальше, браток, он человек хитрый, смотри, как бы тебя вокруг пальца не обвел! Не к нашим ли собраниям хочешь через тебя подобраться?

— Ну, уж этого он у меня не выведает, — успокоил Михаила Кулсубай.

На опушке Михаил остановился.

— Будь здоров, браток! Я первый пойду, лучше, чтоб нас сейчас вместе не видели. Запомни только: кто бы ни стал хозяином прииска, народу от этого легче не будет. У нас своя дорога, и если мы пойдем по ней прямо, никуда не сворачивая, все бедняки богачами станут, а если свернем, ничего не добьемся. Подумай насчет стачки, подумай. Если ты пойдешь, за тобой и другие пойдут, старатели тебя уважают. Даже с теми силами, что у нас сейчас есть, хоть чего-нибудь, а добьемся, вот увидишь! Нельзя оставлять их в покое, чем спокойней, тем больше жируют. На одном заводе в Уфе добились повышения заработной платы, это что-нибудь да значит! — И Михаил, крепко пожав Кулсубаю руку, зашагал к конторе.

VI

После разговора с Нигматуллой Хаким потерял покой. Чем бы он ни занимался, куда бы ни шел, он все время думал о Гульямал. Как и советовал ему десятник, он старался как можно чаще попадаться ей на глаза — подрядился даже подвозить породу к тепляку, возле которого она работала, вежливо и церемонно раскланивался при встрече, а по вечерам, как молодой жених, крутился около ее дома.

Но на прииске Гульямал всегда была окружена людьми, возвращалась в Сакмаево не одна, а со своими товарками. Придя домой, топила свекрови или, наоборот, зазывала ее к себе, и сколько Хаким ни пытался, ему не уда-

валось поговорить с молодой женщиной с глазу на глаз.

«Шайтан бы тебя забрал, старая хрычовка! — плевался он, застывая в сумерках у окошка и каждый раз натыкаясь глазами на худенькую фигурку Сайдеямал. — Хоть на минуту оставь ты ее в покое, что ты к ней привязалась? Или на самом деле боишься, что не убережешь такую невестку для своего сына?»

Однажды, увидев, что Гульямал сидит на нарах одна, задумчивая и тихая, и что-то чинит при свете керосиновой лампешки, Хаким чуть не подпрыгнул от радости. Наконец-то! Сердце его заколотилось, руки стали мелко дрожать. Он шагнул было на крыльцо, но остановился, со страхом чувствуя, что все продуманные и приготовленные заранее слова вылетели у него из головы.

«Что же делать? — потерянно думал он и присел на ступеньку, чтобы прийти в себя. — Что ей сказать, чтобы она не рассердилась и не выгнала меня прочь? Всемогуший аллах, помоги мне! Может, лучше потом зайти? Или сделать вид, что я зашел случайно, а там аллах вернет мне память и все нужные слова!»

— Здравствуй, Хаким, проходи, — приветливо улыбнулась Гульямал, открыв дверь.

Она не очень удивилась, увидев Хакима, усадила гостя на нарах, постелила скатерку, положила на красивом, разрисованном цветочками подносе, хлеб и кусочки копота¹ и стала заваривать в чисто вымытом чайнике мятные листы.

Хаким с довольным видом наблюдал за ней. «До чего же проворная баба, все в руках горит — правду мне Нигматулла сказал. А чисто-

---

¹ К о р о т — сухой творог.

та-то какая, ни соринки, все блестит! Клянусь аллахом, такого белого чувала я ни в одном доме не встречал! Лучше, чем замужняя, живет, и круглая, как булочка, а одета как нарядно!..»

Гульямал присела напротив Хакима, поджав ноги в мягких сафьяновых сапожках. Камзол ее был расстегнут, и в ворота расшитой шелком сорочки виднелся кусочек смуглой, золотистой кожи.

— Сейчас самовар запоем, — сказала она. — От хорошего чая, говорят, у человека на душе радостней становится. Ты ко мне по делу, агай, или просто так зашел?

— Обычай говорит: сначала гостя чаем напои, а потом уже расспрашивай, — нашелся Хаким.

— Ну что ж, давай тогда по обычаю, — рассмеялась Гульямал. — Раз ты не спешишь, то и мне спешить некуда!

— Какая ты красивая, Гульямал, — не отрывая глаз от ее сорочки, продолжал Хаким. — Лучше тебя у нас в Сакмаеве, пожалуй, и не найдется... Жалко только, что мужа у тебя нет, самой всю работу делать приходится. Вон с левой-то стороны плетень у тебя во дворе заваливается, а починить некому...

— Ничего, зиму так простоит, а весной подправлю, — махнула рукой Гульямал. — Живу — не жалуюсь, покуда, говорят, нога ногу минует, и ладно!

— А что ты никогда к нам в гости не зайдешь? Живем мы рядом, почти соседи, а близкий сосед иногда получше дальней родни бывает...

— Нет у меня времени по гостям ходить, — покачала головой Гульямал. — И за домом смотрю, и на приiske работаю, и свекрови по-

могаю, хлопот хватает. Подставляй-ка чашку, агай, хоть и не больно много у меня угощения, но уж не посетуй...

Выпив две чашки ароматного мятного чая и съев несколько кусочков корота, Хаким отказался от третьей, расположился поудобнее на подушках и стал жаловаться на свое одиночество.

— Живу бобыль бобылем, — вздыхал он. — Не везет мне, одна беда за другой в ворота стучится. Вечером сидишь один, и поговорить-то не с кем. Сын мой мал еще, чтобы с ним беседы вести, а из соседей никто не заглядывает. С тех пор, как Мугуйя умерла, совсем хозяйство развалилось, дырку заштопать некому...

— Да, мужчине тяжело одному, — сказала Гульямал, вспомнив Хисматуллу. — Кто ему лепешки испечет, кто стирает? А с ребенком, наверно, и того хуже, без женских рук дитя, как котенок беспомощный... Тяжело тебе, Хаким, да и работы плотницкой у тебя теперь нет, я слышала. Вот что эта проклятая война наделала, скоро и за хлеб заплатить будет нечем... Может быть, я тебе могу чем-нибудь помочь? Не стесняйся, агай, скажи, я не откажу тебе в просьбе.

— Спасибо, Гульямал! — обрадовался Хаким. — Доброе у тебя сердце, и правду ты говоришь, что нет на свете ничего хуже, когда человек один. Потому и пришел я к тебе сегодня. Я одинокий, ты тоже одна... Что, если нам вместе жить? Ведь тогда и мне, и тебе лучше станет. Люди мы с тобой работающие — я по плотницкому делу, а ты по хозяйству, хорошая у нас жизнь получится. Поживем, денег накопим, может, лошадь свою заведем... Ты мне по душе, никогда тебя ни словом, ни делом не обижу, на руках носить буду...

Щеки Гульямал порозовели от смущения. «Так вот почему я теперь, куда ни пойду, везде его вижу! Что ж ему сказать-то, чтоб не обидеть? Ведь человек он уже пожилой, одинокий, много горя на своем веку видел...» — с тревогой подумала она.

Хаким понял ее молчание по-своему и продолжал уже смелее:

— Я уже не мальчишка, знаю, что к чему... Если за молодого выйдешь, он дурить начнет, упрямиться, с другими заигрывать — только горе тебе принесет. А я тебя у окошка посажу, целыми днями на красу твою любоваться буду, сережки новые куплю! — бормотал он, теряя голову.

«Видно, так просто не отстанет, — решила Гульямал. — Надо сразу ему показать, что он своего не добьется».

— Нет, дедушка, — твердо сказала она, делая ударение на последнем слове, — поищи себе ровню! Старый муж, говорят, поперек постели лежит, не получится у нас хорошей жизни. Я Хисматуллу, кайнеша своего, жду!

— Так ведь я тебя жалеючи, — сконфузившись, прошептал Хаким. Его остренькая, клинышком, борода вздернулась и затряслась. — Знаю, что ты Хисматуллу ждешь, так он если и вернется, то калекой. А скорее всего не быть ему в живых...

— Типун тебе на язык! Да за что вы все так его ненавидите? Всяк, кому не лень, на него напраслину возводит!

— Да ты не обижайся, — оправдывался Хаким, — не я это говорю — все говорят. Мне тебя жалко, ведь ты смолоду вдовой осталась...

— Была бы шея, а хомут найдется! — отрезала Гульямал. — Стоит мне глазом моргнуть,

как у меня тут завтра двадцать мужей объявится!

— Не сердись, Гульямал, давай миром договоримся, — настаивал Хаким. — Мне даже Нигматулла сказал, что у нас с тобой очень хорошая семья получится...

— Ах, вот оно что-о! — протянула Гульямал. — Подожди, — вдруг пробормотала она и скрылась за занавеской в переднем углу. Оттуда слышались какие-то сдавленные стоны и хрипы, не то она плакала, не то смеялась.

«Что это с ней? — забеспокоился Хаким, тербя бородку. — А вдруг она сейчас кочергу или полено вынесет?!»

Но Гульямал вышла из-за занавески с неожиданно серьезным лицом, только глаза у нее блестели ярче обычного.

— Я согласна, — сказала она, подходя к Хакиму, — только с одним условием...

— Все исполню, что прикажешь! — крикнул Хаким, прижимая руки к груди. — Скажи только слово — вмиг сделаю!

— Так вот, — Гульямал строго поджала губы, — если ты в самом деле задумал взять меня в жены, сбрей свою бороду. И усы! — добавила она, заметив, как заметались глаза Хакима. — Терпеть не могу рыжие бороды!

— Какой же мусульманин ходит без бороды? — чуть не плача, возразил Хаким. — Не сошла ли ты с ума? Что скажет мулла Гилман? Только неверный способен на такое! Ах, Гульямал, ты смеешься надо мной!

— Даже и не думаю. Не сбреешь — не пойду за тебя! — отвернулась Гульямал.

— Все сакмаевцы надо мной смеяться станут! Не выставляй меня на позор, Гульямал, красавица моя, сжался! — надрывался Хаким.

— Нет, нет, или борода, или жена. Что тебе дороже? — капризно выговаривала Гульямал. — А с бородой и на глаза мне показываться не смей.

— Хорошо, я подумаю, — удрученно вздохнул Хаким, видя, что молодая женщина непреклонна.

— Иди, иди думай, — топнула ногой Гульямал. — Ненавижу твою бороду, смотреть на нее не могу!

Едва лишь за Хакимом захлопнулась дверь, как Гульямал села прямо на пол и принялась хохотать, не в силах остановиться, держась руками за живот.

— Ой-ой, не могу!.. — приговаривала она.

Слезы ручьями текли у нее по щекам, в боку кололо, а она все никак не могла побороть себя, мотала головой, охала, смех словно взрывал ее изнутри, и, едва вытерев щеки, она снова принималась тихо смеяться.

Наконец она поднялась, убрала скатерку и стала мыть чашки. Дверь распахнулась.

— Ну вот, белье так и лежит в тазу, — огорчилась, входя, Сайдеямал. — И мне полоскать не дала, и сама не прополоскала, а ведь белье, когда оно так долго лежит, портится...

— Ох, мама, мне не до белья было, — улыбнулась Гульямал. — У меня жених в гостях был, видишь, я его чаем поила? Только что из дому вышел. Не встретила ли ты его по дороге?

— Какой жених? — растерялась старушка. — Значит, ты собралась замуж?.. Ах, бедный мой сыночек, одна мать у тебя осталась, бросила тебя эта неверная!

— Что ты, что ты, мама! Я пошутила! — Гульямал, испугавшись, подбежала к свекрови. — Прости меня!..

— Разве так шутят? Так и умереть недолго...

Ты же знаешь, только и свету у меня в окошке, что сынок да ты...

— Да ведь ко мне на самом деле свататься приходили! И знаешь, кто? Старый Хаким! Я уж и не знала, как от него отделаться, так привязался — ножом не отдерешь...

— Да, у кого на уме молитва да пост, а у Хакима бабий хвост, — сплюнула Сайдеямал. — Взбесился он, что ли, старый козел?

— Но я его отвадила, теперь и думать о женьтибе забудет, сказала: «Сбрей бороду, тогда соглашусь!» — хохотала Гульямал.

— Нехорошо смеяться над старым человеком, — невольно улыбнувшись, пожурила ее Сайдеямал.

— А пусть не пристаёт! Что же делать, если он слов не понимает? Да, забыла сказать — свататься его Нигматулла подговорил! Один аллах знает, за что он на Хисмата столько зла держит!

— Ну, а если Хаким и в самом деле бороду сбреет, что тогда делать? — вдруг встревожилась старушка.

— Да что ты, мама! Борода ему дороже всего на свете! А сбреет, так я такую потеху над ним в Сакмаеве устрою — на улицу вылезать перестанет!

Сайдеямал смотрела на невестку и горестно покачивала головой.

VII

Каждый день старатели толпились на площади, у конторы, ожидая прибытия нового хозяина. Накышев то и дело посылал урядника разогнать собравшийся народ, но спустя час люди вновь стояли у ворот, курили, с жадным нетерпением ловили каждое слово, надеясь, что вот-

вот подкатят по белой дороге сани и человек, сидящий в них, разом разрешит их сомнения и заботы.

— Зря вы тут торчите! Попусту тратите время! — выйдя из конюшни, махнул рукой Зина-тулла.

— Без надежды только шайтан обходится, — ответил ему один из старателей, в ветхих, стоптанных лаптях и потертом, залатанном чекмене. — Говорят, новый хозяин хоть и не мусульманин, а человек хороший.

— Да у тебя все сначала хорошие, — посмеиваясь, подхватил другой, в шапке, уши которой торчали вверх, как крылья. — И Галиахмет хороший был, и Аркашка, и Рамиез... Вспомни, что ты про Накышева раньше говорил? Ты у нас всегда все вперед других знаешь, будто на два аршина под землей видишь! А как поживешь с новым недельку — волком взвоешь. Мусульманин, не мусульманин — им до наших печалей дела нету... Что совой об пень, что пнем об сову, а все сове больно!

— Зачем за глаза напраслину возводить? — обиделся первый. — Если б он такой же был, не стал бы с собой столько добра везти.

— Какого добра?

— А ты не слышал? — удивился стапатель, пыхтевший большой козьей ножкой. — Подвод двести, говорят, нанял, половина — с мукой, а на остальных и крупа, и конфеты, и ситец разный. Все даром будет раздавать! А сам, говорят, во главе обоза, на паре вороных! — торопливо объяснял он, не замечая, что у него за спиной, широко расставив ноги и насмешливо улыбаясь, стоит Сафуан Курбанов.

Дождавшись, когда стапатель закончит, Сафуан с силой надвинул шапку ему на глаза.

— Сам-то ты долго в обозе у русских плестись собираешься? — спросил он. — Или это тебе твоя баба по ночам такие байки плетет, чтоб не скучно было?

Старатели замолчали. Сафуан, выпятив грудь, обвел собравшихся взглядом:

— Ну, что же вы замолчали? Чему радуетесь, ослы упрямые? Да если здесь вместо мусульманина неверный станет хозяином, ни один башкир на прииске работы не получит! Что тогда жрать будете?

— Не пойму я, куда ты клонишь, Сафуан? Уж не хочешь ли ты сказать, что Накышев нам тут сладкую жизнь устроит? Или ты тоже, как Нигматулла, за пятак ему проданся? — крикнул Кулсубай.

— Не меряй на свой-то аршин, — сплюнул Сафуан. — Это ты в свое время Накышеву пятки лизал, как теперь неверным лижешь! Я себя так дешево не ценю, никогда никому не кланялся и кланяться не собираюсь!

Старатели засмеялись.

— Что, Кулсубай, получил? Впредь не задирайся!

— Дергач, говорят, от собственного языка страдает!

— А ну, Кулсубай-агай, покажи ему, где рожки зимуют!

Кулсубай опустил голову.

— Был такой грех, — тихо сказал он. — Только зря ты меня сейчас им попрекаешь...

— Старая любовь долго помнится! — рассмеялся Сафуан и, повернувшись к Кулсубаю спиной, показал на него через плечо большим пальцем: — Сколько раз говорил ему — не суйся не в свое дело. Бодливый баран без рогов родится, а овце рога и вовсе не положены!

Кулсубай рванулся к нему, но Гайзулла успел уцепиться за его руки.

— Не связывайся с ним, агай, прошу тебя! Старики говорят: в умной беседе ума прикупишь, а в глупой и свой растеряешь!

— Ах ты хромоногая сорока! — рассвирепел Сафуан. — Себя умным считаешь, а меня дураком?! А ну, иди сюда, я тебе ребра-то пересчитаю! — И, выставив вперед кулаки, двинулся на Гайзулла.

— А это видел? — Кулсубай в свою очередь поднял тяжелые, как гири, кулаки. — Если хоть пальцем Гайзулла тронешь, я тебе всю карточку испорчу!

— Я ж не тебя трогаю, отойди! — недовольно пахмурился Сафуан.

— Что? Как вшей давить, сила есть, а на быка ногтя не хватает? — подзадоривал его Кулсубай. — Ты всегда людей кулаками запугиваешь, так айда, потягаемся! Может, мои-то, рабочие, потяжелей будут?

Старатели притихли и насторожились.

— Да брось ты, Кулсубай, — отступил Сафуан. — От шутки и до драки недалеко!

Лицо Кулсубая покраснело от гнева, руки тряслись. Казалось, вся злость, издавна копившаяся в нем, готова была теперь выплеснуться на одного этого человека, чтобы тот никогда уже не смел с таким высокомерным видом хвастаться своей силой.

— Что, испугался? — хрипло выкрикнул Кулсубай. — Чем на задних лапках перед Накышевым ходить да целый день навоз ногами пинать, с нами в шахте денечек постоял бы! Дармоед! Какое у тебя право других учить, когда ты не из одного котла с нами кашу хлебаешь?

— С утра до ночи неверным задницы лижешь, а на своих тебе наплевать!

— Кто? Я?! — Кулсубай слепо кинулся в толпу, стараясь добраться до обидчика.

— Стой! — крикнул ему вслед незаметно подошедший Михаил. — Куда, горячая голова? Кулсубай!

Кулсубай нехотя обернулся, подоспевший Гайзулла тут же схватил его за плечи.

— Ведете себя как мальчишки! — укоризненно покачал головой Михаил. — Дел по горло, а вы ссоритесь. Кулаки нам еще пригодятся, — знать бы, кого бить, а то ненароком сами себя поколотите! Раз уж собрались, давайте лучше поговорим, как нам дальше жить...

Кулсубай удивленно уставился на Михаила: «Что он, с ума сошел? Среди бела дня! И где? У конторы управляющего!..»

Михаил поднялся на большой камень у плетня, постоял с минуту, оглядывая оборванных, растерянных и полуголодных людей.

— Товарищи! — Голос его пресекся, но тотчас снова окреп и с силой зазвенел в наступившей тишине. — У каждого из вас сын, брат или отец сейчас на фронте. Многие из них уже сложили свои головы, а война между тем требует все новых и новых жертв. Не проходит дня, чтобы мы не слышали, что еще кого-то забрали в армию, еще чья-то семья получила похоронку. Из чьего же кармана оплачиваются военные расходы? — Михаил помолчал, как бы ожидая ответа на свой вопрос, и резко рубанул воздух рукой. — Из нашего, товарищи! Да, да, не удивляйтесь, мы сами оплачиваем эту войну, и не только кровью наших сыновей и братьев на фронте, но и здесь, на прииске, — трудовым потом! Мало того — администрация нашего прииска

готовится снова снизить заработную плату и увеличить рабочий день, не сегодня завтра на приiske закроют две самые богатые золотом шахты. Это значит, что многие из нас окажутся на улице!

Старатели зашумели.

— Не поддавайтесь на эту провокацию, товарищи! — крикнул Михаил. — Не работайте на руку войне, которая с каждым днем уносит наших близких, не оплачивайте их смерть! На многих заводах и приисках рабочие устраивают сейчас стачки и забастовки, чтобы не дать богачам возможности продолжать эту разорительную войну за наш счет! Выступим вместе с ними! Не просить, не выклянчивать мы должны, а требовать! — Михаил вынул из кармана лист бумаги. — Вот эти требования, выдвинутые забастовочным комитетом нашего прииска: первое — всем рабочим и служащим повысить заработную плату от одного рубля тридцати копеек до двух рублей; второе — забойщикам, работающим в более тяжелых условиях, повысить плату до трех рублей; третье — добиться восьмичасового рабочего дня, а для забойщиков шестичасового...

Накышев, присев на корточки, чтобы его не было видно, наблюдал за происходящим из окна конторы. Лицо его было изжелта-бледным, спина покрылась мурашками. Уже полчаса назад он послал урядника за помощью на Кэжэнский завод, запер изнутри все двери конторы и теперь осторожно выглядывал из окна то на площадь, где толпились старатели, то на дорогу.

«Что он там говорит? И куда этот олух пропастился? — с тревогой думал он. — Надо бы-

ло кого-нибудь другого послать. Или в Кэжэне тоже беспорядки?..»

Он видел, как на камень вслед за Михаилом один за другим взбирались другие старатели, говорили что-то, возбужденно размахивая руками. Гул голосов то становился тише, то снова взрывался криками. Последним на камень опять встал Михаил. Он говорил недолго, вынул снова из кармана какую-то бумажку и, видимо, прочитал ее. После этого старатели стали не спеша расходиться.

Скоро площадь опустела. Накышев сел в кожаное кресло у стола, пытаясь успокоиться. Дрожащими руками вынул из коробки папироску, закурил. Взгляд его по-прежнему не отрывался от окна, он боялся, что старатели снова вернуться, может быть, даже будут вооружены, и тогда ему уже не поздоровится.

«Может, уйти потихоньку?» — подумал он, и в ту же минуту на площадь с гиканьем ворвались казаки. Впереди отряда на резвой буланой кобылке красовался урядник с шашкой наголо.

Не прошло и трех минут, как он вбежал в комнату и, вытянувшись во фрунт, щелкнул каблуками.

— Дурак! — грохнул кулаком по столу Накышев. — Где ты торчал столько времени? Опять этого русского упустили!

— Лошадь оступилась захромала, Гарей Шайбекович — оправдывался урядник, подобострастно тараща глаза на начальника. — Полдороги до Кэжэна бегом бежал!

— Вот набью тебе рыло, а после скажу, что так уж получилось! — передразнил его Накышев. — Тебе бы решетом в реке воду ловить, а не в урядниках расхаживать... Пшел вон, бесто-

лочь! Стой! Куда? Казаков не отпускай, пусть сегодня здесь будут, понял?

— Так точно, ваше благородие! — Урядник снова щелкнул каблуками и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Накышев забарабанил пальцами по столу. «Если и дальше так пойдет, скоро они у меня в конторе станут собрания устраивать! Подождать, что ли, шахты закрывать? И куда это Нигматулла подевался? Когда я его последний раз видел? Кажется, уже больше недели прошло! Ладно, найдется, не о том я беспокоюсь, — перебил он сам себя. — Хозяина бы надо встретить — юноше небось лестно будет... Эх, знать бы, по какой он дороге едет! Мимо Кэжэна все равно не проедет, вот я и встречу его там. Не беда, если денек-другой подождать придется, — может, за это время и на приiske все уляжется...»

Накышев встал, накинул на себя шубу и выглянул во двор.

— Эй, Зинатулла-а! — крикнул он...

Открыв дверь, Зинатулла в нерешительности топтался на пороге.

— Лошади в порядке?

Зинатулла с изумлением посмотрел на управляющего. Обычно Накышев вызывал к себе конюха по ночам, будучи сильно навеселе, велел запрягать, чтобы промчаться во весь дух по приiskовому поселку в кошевке, запряженной парой лошадей, и никогда не спрашивал его, в порядке ли лошади.

— Напоил, накормил их, как положено, — пожав плечами, ответил Зинатулла.

— Болван! Какая мне разница, кормил ты их или нет? Я спрашиваю, готовы ли они в дорогу.

— Сейчас запрягу. — Конюх двинулся было к дверям, но резкий окрик Накышева остановил его:

— Стой, дубина! Разве я отпустил тебя?

— Не-ет... — растерялся Зинатулла.

— Позови ко мне сначала штейгера, главного инженера и десятников, а запрягай к ночи! Да корму захвати, а то, может, дня два там пробудем... Ну, чего встал?

Оставшись один, Накышев отпер ключом маленький шкафчик у стола, взял оттуда графин, отпил несколько глотков прямо из горлышка, передернулся и вытер губы рукавом. «Шайтан их раздери! — думал он, снова опускаясь в кресло и чувствуя, что начинает побаливать сердце. — Один другого тупее, что конюх, что урядник. Один я за всех должен отдуваться».

Он прикрыл глаза рукой и попытался было вздремнуть, но тут во дворе забрежали собаки, послышался скрип отворяемых ворот, чьи-то оживленные голоса, ржание лошадей.

Накышев вскинулся, переваливаясь, выбрался из кресла, но не успел подойти к окну, как дверь распахнулась и в комнату вошел человек в черной меховой шапке, черной шубе и пимах. В одной руке он держал трость с серебряным набалдашником, в другой — небольшой сакбояж. Следом за ним, улыбаясь и часто моргая белесыми, словно обсыпанными снегом, ресницами, семенил Нигматулла.

— Знакомьтесь! — торжественно сказал он. — Это хозяин нашего золотого прииска, наш уважаемый Петр Тимофеевич Касьянов! А это Накышев, Гарей Шайбекович, управляющий...

На минуту Накышев потерял дар речи, но тут же лицо его широко расплылось в любезной

улыбке, он шагнул вперед и затряс руку Касьянова.

— Петр Тимофеевич, дорогой, а я вас и не признал сразу! И борода, и усы... Думаю: кто же это? Возмужали, возмужали! Вот что значит годы! Вы за это время просто, можно сказать, расцвели, а я совсем сдал! Поясница одолела, да и сердчишко пошаливает... Да что же вы стоите? Давайте я помогу вам пальто снять. Хоть бы предупредили, когда будете, я бы вас встретил, — суется вокруг Касьянова, ласково выговаривал управляющий. — Умучились небось по незнакомой дороге-то?

— Минуточку, — буркнул Касьянов. Он открыл саквояж и принялся вытирать полотенцем заиндеветую бороду и усы.

— Не беспокойтесь, Гарей Шайбекович, я всю дорогу сопровождал Петра Тимофеевича, — ответил за Касьянова Нигматулла.

— На Кэжэнский базар, что ли, ездил?

— Да нет, в Верхнеуральск! — Нигматулла улыбнулся. — Поехал сначала в Оренбург, а там узнал, что Петр Тимофеевич через Верхнеуральск едет, вот и встретил.

— Мог бы и предупредить, — еле сдерживая гнев, процедил Накышев.

— Некогда было, — весело сказал Нигматулла. — Заехал к вам, как собирался, а вас дома не оказалось!

«Ах ты бестия, обошел! — Управляющий побагровел. — За ним глаз да глаз нужен, а я-то, дурень, все свои карты ему раскрыл! Ну, ничего, с ним я еще рассчитаюсь, он от меня далеко не убежит».

Касьянов расчесал густые светлые волосы, поправил манжеты, воротничок, одернул жилет и с любопытством осмотрелся. Взгляд его нена-

долго остановился на висячей лампе, кожаном кресле, затем он сунул обратно в саквояж расческу, закрыл его и повернулся к Нигматулле:

— Ну как, дружище, не пора ли нам поужинать после такой дороги? Ох, и замерз я, до сих пор отогреться не могу!

— Сейчас устроим! — ободрил его десятник. — Гарей Шайбекович, прикажите!

— Ты что, как навоз под хвостом у лошади, застрял? Кто здесь управляющий, ты или я?! — Накышев вдруг осип от злости. — Можно подумать, я без тебя не знаю, что делать!

Касьянов, не понимавший ни слова по-башкирски, встревоженно посмотрел на управляющего:

— Что вы сказали?

— Гарей Шайбекович советуется со мной, что подать к столу, — объяснил Нигматулла.

Касьянов еще раз внимательно посмотрел на управляющего. Вид его явно не вязался со словами десятника.

— Что с вами? Вы плохо себя чувствуете? — участливо спросил он.

— Нет-нет, — промямлил Накышев, — сейчас все пройдет. — И поспешно вышел в коридор. Скоро оттуда донесся его голос, он крикливо отдавал кому-то распоряжения.

Между тем в комнату один за другим заходили штейгер, главный инженер, десятники. Касьянов здоровался с каждым за руку, знакомился, пытался расспросить их о том, как идут дела на прииске, но люди эти, в свое время умело отобранные Накышевым из числа наиболее верных, мялись, старались скорее закончить разговор и тихо рассаживались на стульях вдоль стены.

Скоро появился сам Накышев, за ним робко шла молоденькая круглолицая девушка в длинном платье с оборками.

— Ужин готов, — смущенно пробормотала она, обращаясь к Касьянову. — Пойдемте, я накрываю в другой комнате.

— Ну вот и славно! — обрадовался Касьянов.

Касьянов двинулся вслед за девушкой, Нигматулла и Накышев не отставали от него. Девушка провела их в соседнюю комнату, посреди которой стоял круглый стол, застланный белоснежной скатертью. На столе высились бутылки с водкой и вином, стояли блюда с бишбармаком, сыром, колбасой, жареным мясом.

— Вот это ужин! — ахнул Касьянов. — Ну, господа, да мы столько и за неделю не съедим! А что, мы только втроем будем ужинать? Здесь, по-моему, на всех хватит!..

Накышев недовольно поморщился. Он рассчитывал во время ужина взять инициативу в свои руки, поговорить как бы в своем домашнем кругу, и такой поворот дела помешал бы ему.

— Вы же устали, Петр Тимофеевич, а десятиники гвалт подымут. Не знаете, что это за народ старатели. Как выпьют, поперек глаза пальца не видят!

— Вот и хорошо! — Касьянов рассмеялся. — Можно будет поближе узнать людей, которые у меня работают. А то они тут тихие какие-то... Стесняются, что ли?

— Поди позови, — Накышев кивнул девушке. — Да сначала принеси гостю умыться!

Девушка быстро принесла медный таз и кумган, полила на руки Касьянову.

— Ах, черт, полотенце забыл! — отряхивая ладони над тазом, сказал Касьянов.

Накышев сурово взглянул на девушку, та покраснела и опустила голову.

— Ну ничего! — перехватив этот взгляд, примирительно заметил Касьянов и, вытащив из кармана шелковый платок, вытерся им. Запахло духами.— Да, вот еще что,— продолжал он, усаживаясь за стол,— я водки не пью, у меня там, в санях, коньяк в ящике. Сходите, пожалуйста, принесите бутылку-две.

— Это можно, — потирая руки, согласился Нигматулла.

— Вы не туда сели, Петр Тимофеевич, — дождавшись, когда десятник выйдет, сказал Накышев.— У нас, по обычаю, гость должен занять самое лучшее, самое почетное место! — и указал на кресло, обитое бархатом.

— Уступаю его вам! — Касьянов шутливо склонил голову.— Вы здесь уже давно, Гарей Шайбекович, так сказать, главное лицо па приiske! Да я, знаете, и не люблю сидеть на мягком.

Накышеву не оставалось ничего другого, как погрузиться в кресло. Десятники, стараясь не шуметь, рассаживались за столом. Каждый — кто прямо, кто тайком — с любопытством наблюдал за новым хозяином.

Касьянов держал себя просто — все время улыбался, шутил, предлагал папиросы из серебряного портсигара. Дождавшись Нигматуллу, он усадил его рядом с собой, откупорил бутылку и, поглядев на маленькие рюмки, обратился к девушке, молчаливо и робко стоявшей у стены:

— Смените-ка нам эти наперстки на что-нибудь более солидное! А то пока до души доберется, скиснет!

Девушка принесла стаканы, и Касьянов, разлив коньяк и улыбнувшись сидевшему напротив Накышеву, встал.

— Господа! — сказал он. — Я очень рад, что познакомился с вами. Этот тост я поднимаю за всех, кто сидит за этим столом. И пусть все боги — и ваши, и наши — пошлют нам удачи в добыче золота!

Он протянул руку, чокаясь со всеми по очереди, и стоя выпил стакан до дна.

— Вот это по-нашему, по-шахтерски! — одобрительно зашумели десятники.

— Благодарствуем, Петр Тимофеич! Уважили! — пробасил главный инженер.

Не дожидаясь, пока уляжется гомон, Нигматулла вновь наполнил стаканы.

— Пьем за нашего дорогого гостя! — сказал он, высоко подняв свой стакан. — Петр Тимофеич! Будем служить вам верой и правдой, золотые горы намоем!

— На рожон лезешь, — по-башкирски пробормотал Накышев. — Чешись конь с конем, а свинья с углом!..

Нигматулла пропустил его слова мимо ушей, лихо опрокинул стакан и со стуком поставил его на место.

После второго стакана языки у десятников развязались, от смущения и неловкости не осталось и следа. За столом стало шумно, все накладывали на свои тарелки бишбармак, смеялись, переговаривались, уже не стесняясь нового хозяина.

— Запонки видел? — тихонько шепнул штейгер, склонившись к главному инженеру.

— Как же, золотые! — в тон ему ответил главный инженер. — А цепочка на жилете? Не-

бось и часы золотые... Положение его такое, как же, хозяин золота, да вдруг без золота!

— А камень на перстне как блестит! Похоже, брильянт или алмаз?

— Наверняка самый драгоценный, — убедительно кивнул головой главный инженер.

Сам Касьянов только пригубил от второго стакана и, слегка закусив, принялся оживленно беседовать с Нигматуллой.

Накышев не вмешивался в их разговор, молча жевал губами потухшую папиросу, маленькими глотками прихлебывал коньяк и почти не закусывал. На душе у него было скверно, сердце не отпускала ноющая боль. Даже коньяк не подействовал на него, как обычно, голова была ясной и трезвой. Время от времени он поднимал глаза, чтобы разглядеть Касьянова, но каждый раз видел лишь осклабившееся в довольной улыбке лицо Нигматуллы.

«Из кожи вон лезет, подлец! — в бессильном бешенстве думал он. — О чем он там ему нашептывает? Может быть, обо мне несет какой-нибудь вздор? Как бы его отвадить? Прилип, как грязь к колесу, и не отстает! А что, собственно, такого он может ему рассказать? Если всерьез наговорит напраслину, сам себя замарает! Видно, просто подмазывается, хочет лишнюю шахту перекупить! Ничего, я его отважу, покажу я ему, кто здесь настоящий хозяин! — успокоил себя управляющий и снова взглянул в сторону Касьянова: — Бородку-то для солидности отрастил, а сбрить ее — совсем сопляк будет!»

Касьянов, видимо, почувствовал на себе пристальный взгляд управляющего и обернулся. Его продолговатое лицо с младенчески розовым румянцем на щеках, высоким лбом, усыпанным

веснушками, и голубыми, как бы удивленными глазами и на самом деле выглядело очень молодого.

— Что же ты угощаешь нашего дорогого хозяина одними разговорами? — подчеркнуто сурово сказал управляющий Нигматулле. — Разве можно так утомлять человека после долгой дороги?

Десятники как один прекратили гвалт и повернулись к Накышеву. Касьянов хотел было что-то возразить, но управляющий поднялся со стаканом в руке и облизнул сухие губы.

— Я хочу, по добромому обычаю наших предков, с песней преподнести этот стакан дорогому гостю!

Он откашлялся и запел с хрипотцой, старательно вытягивая мелодию:

Все богатство Азамата —
Белый конь да сталь булата,
Но куда б ни мчал джигит,
Он везде добро творит!¹

— Ай-хай! Он везде добро творит! — подхватили все, сидевшие за столом.

Касьянов поднял стакан, приложил руку к сердцу, низко склонил голову в знак благодарности, слегка пригубил. Накышев выпил коньяк залпом, опрокинул стакан вверх дном и неодобрительно посмотрел на Касьянова:

— Нехорошо, Петр Тимофеевич, по обычаю после такого тоста нельзя оставить в стакане даже капли!..

— Про таких у нас говорят: всю силу оставил, — поддержал его Нигматулла. — Пейте, пейте, не хотите же вы заболеть?

---

¹ Перевод песен в книге Н. Мальцевой.

— Вставать утром с тяжелой головой я тоже не хочу,— улыбнулся Касьянов.

— Нет, нет! Так не полагается! Пусть выпьет до дна!— закричали наперебой уже изрядно опьяневшие гости.

— Обычай есть обычай,— пробасил главный инженер.

— Спасибо, я уже согрелся,— сухо сказал Касьянов и посмотрел на часы. Он уже устал от шума и разговоров.— Хватит на сегодня!— И поднялся.

Десятники неохотно последовали его примеру. Один из них уже не мог сам встать из-за стола, и двум другим пришлось помочь ему. Когда все ушли, Касьянов вздохнул и снова сел.

— Гарей Шайбекович, позаботьтесь о постели.— Он зевнул и прикрыл ладонью рот.— Мне хочется завтра встать пораньше и сразу взяться за дела.

«Видно, недоволен чем-то. Это его Нигматулла настроил»,— подумал Накишев.

— Все уже готово. Тут, через два дома,— ответил он.— Сейчас принесу вам шубу, и мы отправимся.

— Вы к себе хотите, Гарей Шайбекович?— удивленно спросил Нигматулла.— У вас же одна кровать, где же вы сами спать будете? Нет, это неудобно, давайте лучше ко мне! Лошади у меня резвые, домчат так, что моргнуть не успеете, Петр Тимофеич!

— Да нет, что это ты выдумал, на ночь глядя? До твоего Сакмаева полчаса езды, если не больше! Да и устал уже человек, наездился! А у меня ему хорошо будет— его на кровати уложу, сам на диване устроюсь, он у меня широкий, места хватит!

— А здесь у вас дивана не найдется? — спросил Касьянов.

— Как же! Специальная комната есть для гостей, — быстро отозвался управляющий, довольный любой зацепкой, лишь бы хозяин не уехал с десятником.

— Вот и славно! Проводите меня туда, Гарей Шайбекович. А вы, дружище, езжайте домой и высытись хорошенько, завтра дел по горло! — Касьянов дотронулся до плеча Нигматуллы.

— Да нет, я тогда тоже здесь побуду, — махнул рукой Нигматулла. — Спокойной вам ночи, Петр Тимофеевич!

Оставшись один, Нигматулла сел в кресло, налил себе полстакана коньяку и выпил. Метель бесшумно лизала темные стекла окон. Нигматулла был доволен собой и сейчас, расслабившись после изнурительного дня, впервые согнал с лица напряженную улыбку. Устало вздохнув, он с наслаждением закурил.

— Коньяк и сыр оставь, — сказал он девушке, убиравшей со стола, пуская дым колечком.

«Эх, поспать бы! — широко зевнул он. — Так нет же, сейчас прикатится эта бочка, набитая бишбармаком, и скоро от нее не отделаешься! Всю душу вымотает своими расспросами и подозрением».

И, словно в ответ, в коридоре слышались тяжелые, шаркающие шаги. Десятник быстро вскочил, на цыпочках обогнул стол и, сев на свое прежнее место, положил голову на руки, желая показать, что он смертельно устал.

Не глядя на него, управляющий прошаркал к столу и опустился в кресло, как бы вскользь заметив:

— Так спишь, что хоть в гроб клади и хорони...

— Я еще не сплю.— Нигматулла поднял голову и протер глаза.— Что это вы, Гарей Шайбекович? Радоваться надо — хозяин приехал, а вы туча тучей...

— Ладно, не притворяйся! Может быть, я еще благодарить тебя должен, что ты мне такую свинью подложил? — мрачно протянул Накышев.

— Какую свинью? Помилуйте, Гарей Шайбекович, я уже больше недели занимаюсь только вашими делами — бросил дом, сколько в Оренбурге намучился, одних телеграмм за свой счет штук шесть послал, привез вам хозяина, всю дорогу ему о вас рассказывал, уши прожужжал, что вы за человек, а вы еще сердитесь! Не знаю, за каким шайтаном старался!

— Хватит в жмурки играть! — оборвал его управляющий.— До поры до времени сидел, как мышь под веником, а теперь нате, вылез, показал себя! Уж так юлил перед хозяином, у него небось уши медом заложило от твоего жужжания... А вот этого не пробовал? — Управляющий показал Нигматулле кукиш и хрипло рассмеялся.

— А я-то дурак, думал, что вас обрадую! — покачал головой Нигматулла.— Эх, Гарей Шайбекович, зря вы мне не доверяете...

— Ври больше! Расскажи лучше, сколько за ужином шахт успел выторговать да что про меня плел!

— Да о вас за столом вообще разговора не было! — глядя прямо в глаза Накышеву, заверил десятник.— Такое всегда придумаете, просто голова кругом идет, честное слово!

— А какой базар ты только что устроил? Чуть не целый час со мной спорил, чтоб его к

себе увезти? Да как у тебя вообще язык повернулся мне перечить? — хмурил брови управляющий.

— Гарей Шайбекович, я ж хотел, как лучше! — недоуменно вскричал Нигматулла. — У меня-то дома все устроено, приготовлено, бабу ему специально нашел, угощения — во! — десятник провел ребром ладони под подбородком. — Его ж там обработать в два раза легче! Какие шахты?! У меня на одну-то с грехом пополам хватит, для вас же его охаживаю! И собака, говорят, на того не лает, чей хлеб ест, так неужели вы думаете, что я за вашей спиной посмел бы темные делишки обделывать? Эх, Гарей Шайбекович, не понимаете вы моей души, черствое у вас сердце!..

— Ладно, завтра проверим, в какую сторону твой вестер дует, — заметно смягчившись, сказал Накышев. — Но смотри, если ты опять меня морочить вздумал...

В коридоре раздался шум, кто-то ожесточенно забарабанил в дверь кулаками. Накышев схватил со стола лампу и бросился на стук, Нигматулла не отставал от него.

В коридор, дыша морозом и спиртным перегаром, ввалился мужик в тулупе и сапогах.

— Где хозяин прииска? — зычным, раскатистым голосом спросил он.

— Да тише ты! — цыкнул на него Накышев. — Спит он!

— Это мне все равно! — не менее громко заявил мужик. — Ведите меня к нему!

— Да в чем дело? — рассердился Накышев. — И кто ты такой, чтоб требовать?

— Делеша у меня срочная. Всю ночь коня гнал!

— Ну, так отдай депешу мне, я его управляющий, и завтра утром, как только он встанет, я ему передам,— сказал Накышев.

— Нельзя, депеша секретная, сказано — лично в руки!

— Ну, так подожди до утра, вон приляг в той комнате на полу,— посоветовал Нигматулла.

— Не могу я до утра ждать! Если б мог, не примчался бы среди ночи! — повысил голос мужик.

Дверь в конце коридора открылась, и оттуда выглянул Касьянов в длинномалом бархатном халате и мягких шлепанцах.

— Что тут происходит? — сонным голосом спросил он.

— Мне хозяин прииска нужен, а они вот меня не пускают!

— Я вас слушаю.

— А ты кто, Касьянов?

— Ну да,— кивнул Касьянов.

— Петр Тимофеевич?

— Он самый.

— Хозяин прииска?

— Гарей Шайбекович, скажите же ему! — начиная раздражаться, повысил голос Касьянов.

— Мне, понимаете, сам хозяин нужен! — Мужик посмотрел на Накышева.

— Да он перед тобой, дурья башка! — потеряв терпение, крикнул управляющий. — Чего тебе еще надо?!

— Ну, раз так... — пробормотал мужик и, шумно высморкавшись, откинул полу тулупа, достал из-за пазухи бумагу.

Касьянов взял у Накышева лампу, несколько раз пробежал депешу глазами и, сунув ее в карман халата, объявил:

— Господа! Компаньоны срочно вызывают меня в Петроград. Гарей Шайбекович, прикажите запрягать.

— Останьтесь хоть на денек, Петр Тимофеевич,— изменившись в лице, стал упрашивать его Нигматулла,— вы же еще даже прииска не видели!

— Конечно! — поддержал его Накышев. — Один день ничего не меняет, вы хоть узнали бы, как идут у нас дела, посоветовали бы что-нибудь!..

— Нет, мне нужно спешно ехать,— настойчиво повторил Касьянов. — Быстро закончу дела и тут же вернусь обратно! Распорядитесь, Гарей Шайбекович, насчет лошадей, а я пойду одеваться.

— Рухнули все наши планы, Гарей Шайбекович,— тихо сказал Нигматулла, когда они остались одни.

— Не каркай раньше времени,— зло оборвал его Накышев. — Не навек уезжает! Может быть, все к лучшему... будет время подумать...

Десятник и управляющий проводили хозяина прииска до самого Кэжэна. Дорога была еще не наезженной, но тройка лошадей оказалась резвой, быстро домчала до заводского поселка.

Вернувшись в контору, Накышев вызвал к себе кассира, и, когда ему доложили, что кассир не может прийти, так как принимает у старателей золото, направился к нему сам. Не отдавая себе отчета, что его толкает на это, Нигматулла тоже последовал за управляющим.

В комнатке кассира было тесно, у стола толпились старатели. Когда вошел Накышев, они расступились, и Нигматулла увидел крупную, высившуюся на столе горку золотого песка. Чуть

подальше, за толстой полуоткрытой дверцей сейфа, тоже блестело золото.

«Вот где богатство! — пожирая глазами золотую россыпь, подумал Нигматулла. — Прямо под носом, стоит только руку протянуть — и твое! — Он покосился на железные решетки на окнах, внимательно оглядел дверь с прочным английским замком. — Что там мои жалкие гроши! Касьянову капитал даром достался, он для этого пальцем не пошевелинул! Какой толк покупать одну-две шахты? Вот если б весь прииск мой был, чтоб каждая крупинка, что в Юргашты намывается, ко мне в карман ложилась. А зачем в карман? Я б тогда тоже себе такой железный ящик завел... Замочек-то здесь плывый, решетки подпилить можно...»

Накышев переговаривался с кассиром, старатели приходили и уходили. Иногда Нигматулла слышал отдельные слова — «круглым счетом», «реестр», «выручка», — но все, о чем они говорили, доходило до него смутно, как сквозь густую пелену тумана. Так же машинально он вышел вместе с Накышевым на улицу и поплелся за ним к конторе.

— Ну как? — Управляющий неожиданно резко повернулся к нему и посмотрел прямо в глаза.

— Что как? — не понял Нигматулла.

— Много золота в сейфе?

— Хватает, — тяжело вздохнул Нигматулла, но тут же спохватился и недобро шуря глаза, спросил: — Вы что же, Гарей Шайбекович, нарочно меня туда водили?

— Я тебя на аркане не ташил! Сам увязался, — пожал плечами управляющий.

— Да... — снова вздохнул Нигматулла. — Тут за каждый целковый дерешься, а он может ты-

щу выбросить и не заметить! И за что ему такое? Чем он лучше вас или, скажем, меня? Он, по-моему, с этими деньгами не знает, что и делать...

Накышев не ответил. Повернулся к десятнику и размашисто зашагал к конторе.

Вернувшись в контору, управляющий вызвал к себе штейгера и главного инженера. Нигматулла не принимал участия в разговоре, смотрел в окно, курил, делал вид, что внимательно слушает. На самом деле он не слышал ни слова. Перед глазами плыли решетки на окнах, английский замок, полуоткрытая дверца сейфа и за нею груда тускло блестевшего золота.

VIII

Вернувшись в Петроград, Касьянов зажил на широкую ногу. Он ничего не делал, ни о чем не думал, да и не хотел думать, отталкивая от себя даже мысли о делах и успокаиваясь тем, что дела подождут своей очереди, а он пока немного отдохнет и развлечется. Два года, проведенные им на Урале и в Сибири, казались ему сном, будто и не уезжал он никуда из Петрограда, не осматривал ни рудников, ни приисков, а жил всегда так, как сейчас,— музицировал на вечерах, писал нежные стишки в альбомы дам, играл в вист и на бильярде, рассылал актрисам корзины роз из собственной оранжереи и вел с важными чинами разговоры о политике и будущем России.

В обществе его приняли так, будто он давно был своим, желанным гостем для всех. Слухи о том, что наследство его составляет более двадцати рудников и золотых приисков, а свободный капитал — три с половиной миллиона, сделали

ему такую протекцию, о которой он мог только мечтать. Дворянин, богат, молод, умен, хорошо танцует и недурен собой — чего же больше? Где бы он ни появился — в новеньком, только что сшитом у самого модного портного костюме, лакированных ботинках, с неизменной своей открытой улыбкой, — маменьки тотчас начинали оживленно шушукаться, девицы кокетничали, стараясь привлечь его внимание, а мужчины увлекали его в свой кружок, чтобы поговорить, поспорить или сыграть партию в вист.

Вставал он поздно, около часа. Камердинер по звонку приносил ему кофе и очередную почту — деловые письма, приглашения на приемы и вечера, билеты на благотворительные концерты, надушенные записочки в маленьких конвертах. Одевшись, позавтракав и сделав распоряжения по дому, он отдавал два-три необходимых, еще с вечера записанных визита, а дальше начиналась обычная, суетная и веселая кутерьма — обеды, приемы, ложа в театре, клуб, кутежи с друзьями, которых становилось у него все больше и больше. Подвыпив, он ехал с ними в ресторан, к цыганам, либо катался на тройках с лентами и бубенцами, щедро угощал всех шампанским.

Будучи сразу принят министром и обласкан вниманием других высокопоставленных лиц, он почувствовал себя на недостижимой высоте. Ему казалось, что так будет всегда — освещенные, устланные коврами лестницы, по которым он поднимался мимо мраморных скульптур и ваз с цветами, мимо прозрачных зеркал, где отражались его светлая борода и отлично сидящий на нем модный коричневый сюртук, а в зале или гостиной его ждали милые, обаятельные люди, которым приятно было видеть его и го-

ворить с ним,— дамы, которые с улыбкой обмахивались веерами после танца, все его старые и новые друзья, с которыми так интересно и весело было проводить время.

Только одно обстоятельство омрачало эту безмятежную жизнь и все время портило ему настроение: начиная с первой встречи, он не мог найти общего языка с компаньонами, вызвавшими его в Петроград. И дело было не только в том, что они отнеслись к молодому Касьянову осторожно и даже недоверчиво, — это как раз было закономерно, так как до этого они вели дела только с отцом, а сына видели всего один раз, перед отъездом в Сибирь, и естественно, не были уверены в деловых качествах начинающего промышленника. Основной вопрос заключался в помещении свободного капитала, тех самых пресловутых трех с половиной миллионов, благодаря которым он стал вхож в лучшие дома и принят высшим обществом с таким радушием и благожелательностью.

Наконец компаньоны пригласили его на Литейную, в старинный особняк, где жил председатель их горнопромышленного акционерного общества, английский миллионер, держатель контрольного пакета акций. Касьянов прибыл на это совещание последним, учтиво поклонился, сел в одно из мягких кресел и с любопытством огляделся вокруг.

Просторный, застланный малиновым ковром кабинет был полон дыма, компаньоны говорили о войне — хвалили генерала Брусилова, критиковали царскую ставку и ее бездарных руководителей, надеялись на усиление Антанты. Высокие, до потолка, застекленные шкафы, тисненые золотом корешки книг, мраморный камин с ажурной решеткой и небрежно прислоненными

к ней щипцами, массивная люстра с хрустальными подвесками, резной письменный стол с львиными лапами, посредине которого высилась чернильница старой бронзы с фигурками играющих борзых и столь же аккуратно и симметрично расположенные по бокам от нее серебряные канделябры, две картины Бенуа одинакового размера и в одинаковых рамах, висевшие слева и справа от стола,— все это было так не похоже на строгий рабочий кабинет отца, что Касьянов, усмехаясь, подумал о том, как редко здесь работают.

— Чему улыбаетесь, господин Касьянов? — прервал его размышления один из компаньонов, круглолицый маленький человек с тонким, певучим голосом.

Он то и дело вертелся в кресле, поворачиваясь то к одному, то к другому собеседнику, машинально поглаживая черные усы и бакенбарды, вопросительно заглядывая в лицо каждому и находясь, по всей видимости, в большом возбуждении.

— Положение при дворе внушает мне серьезнейшее беспокойство, и мне кажется, что пора плакать, а не улыбаться. С тех пор, как убили Распутина, государь совершенно отстранился от дел, все эти парадные смотры — сплошная фальсификация!

— Не горячитесь, князь,— поморщился генерал, сухонький старичок в мундире, с орденом Владимира на шее. Надушенная, сияющая лысина его была похожа на розовый бильярдный шар.— Петр Тимофеевич приехал совсем недавно и, очевидно, не представляет себе в полной мере нависшей над нами опасности.

— Как же не горячиться?! — воскликнул князь, впиваясь в кресло маленькими ручка-

ми. — Ведь надо же что-то предпринимать! Мы не можем сидеть сложа руки! Вот-вот произойдет взрыв чудовищной силы, это просто носится в воздухе, посмотрите только на эти очереди за хлебом! Один государь ничего не хочет замечать. Ни для кого не секрет, что он целиком находится под влиянием Александры Федоровны. Я ничего не имею сказать против внучки королевы Виктории, — князь поклонился в сторону англичанина, — это, без сомнения, женщина государственного ума и властности, она сама принимает министров, выслушивает доклады, делает назначения, но ее деятельности явно недостаточно для предотвращения угрозы бунта! Государь просто не представляет себе, что может произойти в результате такой политики, он даже не догадывается о том, в каком ужасном положении находится сейчас армия и что делается в тылу. Ведь, не считая этих прогулок в Могилев, он уже бог знает сколько времени не выезжал из Царского Села! Когда великий князь Александр Михайлович подал ему докладную с точным описанием нынешней обстановки в России, государь просто не дослушал его и ушел раскладывать пасьянс! А большевики пользуются этими обстоятельствами, чтобы устраивать забастовки. Совсем недавно, в прошлом году, в стачке участвовало свыше миллиона рабочих! Как можно после этого ждать, что промышленность будет развиваться нормально? А вы говорите — не горячиться!.. Я не могу не горячиться, я с ужасом смотрю вперед и думаю: что же будет?.. — Князь устало откинулся в кресле и прикрыл глаза рукой.

Хозяин дома, сухопарый, в свободном сюртуке и затейливом шейном платке, молча мусолил тонкими губами кончик толстой сигары. Его не-

возмутимое плоское лицо, гладкие, как бы прилизанные, волосы с пробором на боку и голубые выгоревшие глазки за толстыми стеклами очков почему-то вызывали у Касьянова острую неприязнь, и он старался не глядеть на англичанина.

— Вся беда в том, что у нас совершенно не привлекают к государственной деятельности представителей буржуазии, — сказал генерал. — Необходимо, чтобы правительство считалось с нами и хоть в какой-то степени контролировалось думой. Без этого мы не сможем ни подавить волнения внутри страны, ни довести войну до победного конца.

— Да, — вмешался в разговор хозяин дома, — Россия явно стоит на пороге неприятных событий. Судя по отзывам прессы, они назревают везде. Мне нечего скрывать от вас, господа, дела нашей компании тоже, как говорится, оставляют желать лучшего... — Англичанин говорил тихо и лениво, с легкими покровительственными интонациями; ему словно доставляло удовольствие растягивать слова и делать паузы, наблюдая одновременно за растущим столбиком пепла на конце сигары. — Вчера я получил докладную от нашего директора-распорядителя. На Урале и в Сибири беспорядки, на нескольких приисках и заводах были забастовки. Кстати, на одном из ваших рудников, господин Касьянов, рабочие устроили самосуд над штейгером и управляющим. К счастью, полиция вовремя вмешалась в это дело... Мне думается, однако, что события на этот раз захватят не только окраины, но и самый центр России, вы, должно быть, и сами чувствуете это. — Англичанин стряхнул пепел и сделал выразительную паузу. — Нам, промышленникам, следует отнестись

к предстоящему бунту с максимальной осторожностью. Все мы, кроме господина Касьянова, держим свободные капиталы в иностранных банках. Что бы ни случилось здесь, в России, там они всегда пребудут в целости и сохранности. Но этого мало. Лично я намерен в скором времени покинуть Петроград и переехать в Лондон, пока здесь не наступит затишье, свидетельствующее о том, что обстановка переменилась. Вам, господа, я советовал бы сделать то же самое, если только вы не такие большие любители приключений и не надеетесь на то, что непосредственное общение с бунтовщиками доставит вам массу приятных развлечений... — Англичанин вынул сигару изо рта, сдержанно улыбнулся.

Круглое лицо князя пошло красными пятнами. Генерал встал и, заложив руки за спину, подошел к окну. Один Касьянов не придавал словам англичанина никакого значения. На мгновение ему показалось, что весь разговор этот заранее продуман компаньонами, чтобы запугать его и заставить принять выгодное им по каким-то причинам решение. Он весело посмотрел на генерала, стоявшего лицом к окну, на съезжившегося в кресле князя, перевел взгляд на хладнокровного англичанина и скрестил руки на груди.

— Мне кажется, вы преувеличиваете опасность,— с вежливой улыбкой заметил он.— Я был и в Сибири, и на Урале. Уверяю вас, ничего особенно страшного там не происходит. Если бы угроза была столь велика, другие акционерные общества и компании без сомнения чувствовали бы это. Между тем и французы, и американцы, и ваши соотечественники, господин

председатель, не вывозят, а наоборот — ввозят капиталы в Россию.

— А такие неглупые дельцы, как Рамиевы, продают им предприятия и прииски и срочно вывозят капитал за границу,— холодно отпарировал англичанин, глядя на Касьянова поверх очков.— Все, кто скупает сейчас земли и заводы, просто не понимают сложившейся ситуации. Нельзя сказать, чтобы и вы, господин Касьянов, ориентировались в ней правильно.

— Ну хорошо, взгляните на это хотя бы с точки зрения истории,— не уступал Касьянов.— Сколько раз могущество русского государства бывало поколеблено! Вспомните хотя бы историю пугачевского бунта, вспомните, наконец, что сама Москва была в руках Бонапарта! И что же? Все в конце концов разрешилось благополучно!

— Нет, никогда волнения не принимали такого размаха,— покачал головой князь.— Я удивляюсь вам, господин Касьянов, неужели вы ничего не замечаете?

— Отчего же не замечаю? Замечаю.— Касьянов неторопливо закурил и поудобнее расположился в кресле.— Согласен, положение сложное. Тем не менее, господа, я не намерен поддаваться панике. Войны всегда вызывали в России народные волнения, это естественно. Я считаю, что с моей стороны бесчестно было бы уехать и бросить родину в такое тяжелое для нее время. Напротив, мой гражданский долг и совесть призывают меня остаться, и всем, чем я смогу, помочь России, государю и моему народу.

— Мне совсем не хочется с вами спорить, Петр Тимофеевич,— генерал отошел от окна и снова сел в кресло,— но двадцатилетняя дружба с вашим отцом обязывает меня предупредить

вас от плохо продуманного и в корне неверного шага. Вы ничем не сможете помочь сейчас ни России, ни государю. Все происходящее настолько серьезно, что вся страна может на какой-то срок погрузиться в состояние полной анархии, в беспросветный мрак! Вы еще молоды, неопытны в делах. Прошу вас, поверьте мне. Ни государь, ни правительство не предпринимают и не намерены предпринимать никаких мер. Князь Голицын махнул на все рукой, одно только назначение Протопопова министром внутренних дел означает провал и бездействие! Надежда на думу, единственную организацию, которая может сделать что-то в этих условиях, — ничтожна! У меня есть точные сведения о том, что государь собирается распустить ее после пасхи. Надвигается катастрофа! Как только все это начнется, наши банки затрещат по швам! А вы закрываете глаза и абсолютно не хотите считаться с фактами! А последняя стачка? Обуховский, Невский судостроительный, Путиловский, Металлический — четыре завода! И вы еще сомневаетесь, что бунт может охватить всю страну? Пока еще есть возможность, положитесь на наше чутье и опыт, уезжайте, забирайте с собою все, что сможете, чтобы потом действительно помочь этой разрушенной чернью России встать на ноги и восстановить здоровую жизнедеятельность!

— Я верю в Россию, господа. Я верю в разум русского народа, он не позволит анархии! — спокойно сказал Касьянов.

— Никто не мешает вам верить в Россию, — вмешался, князь. — Я тоже люблю ее не меньше вас. Именно эта любовь и мысли о будущем России заставляют меня в настоящее время держать капитал в женевском банке.

— Благодарю за совет, господа, — Касьянов поклонился, — но я все же предпочитаю вложить деньги в златоустовский банк, на развитие наших железных дорог. Я уверен, это поможет России и в настоящее время, хотя бы в стратегическом отношении.

— Вы идеалист, — сказал англичанин.

— Да! — поднял голову Касьянов. — Но я идеалист на практике. У вас все пока слова, а я предпочитаю любить Россию на деле и хочу, чтоб мои капиталы защищали интересы отечества уже теперь, а не в каком-то неизвестном будущем.

Все, кроме хозяина дома, ощутили некоторую неловкость, князь отвернулся.

— Ну что ж, господин Касьянов, мы со своей стороны сделали все возможное, чтобы предупредить вас и устроить ваше будущее. Надеюсь, вы не отнесетесь к нашим словам легкомысленно и, взвесив все за и против, перемените свое мнение. — Англичанин положил в пепельницу потухшую сигару и поднялся. — Господа, прошу вас разделить со мною мою, так сказать, холостяцкую трапезу...

— Отчего же холостяцкую? — заинтересовался Касьянов.

— Моя семья уже в Лондоне. — Англичанин широко улыбнулся, и во рту его сверкнули золотые коронки. — Прошу к столу, господа, все давно готово!

Обитый голубым шелком зал, где был накрыт стол, выглядел несколько мрачновато. Все, начиная от тарелок, столового серебра, салфеток и кончая лакеем в чулках, панталонах и фраке, неуловимым образом походило на невозмутимое плоское лицо англичанина. Сначала Касьянову стало от этого смешно, затем неприятно.

Подали кулебяку, рябчиков, посыпанный зеленью ростбиф на горячем блюде. Зашел разговор о положении на фронте, затем о театре и снова о войне. Лакей усердно подливал ром, венгерское и мадеру в хрустальные бокалы, на каждом из которых красовался вензель хозяина дома.

Касьянов почти не принимал участия в разговоре. Он испытывал довольно противоречивые чувства. Там, в кабинете, все было ему ясно и легко, когда он говорил об интересах отечества, гордость и восторг переполняли его, теперь же это ощущение собственной силы и мужества куда-то ушло и уступило место опасениям, что компаньоны правы если и не во всем, то по крайней мере в большей части своих предсказаний.

«Во всяком случае, пока не улягутся волнения в Петрограде, я могу пожить и на Урале, — думал он, машинально отщипывая виноградины от холодноватой матово-черной грозди. — Да, так будет, пожалуй, вернее всего. Во-первых, поближе познакомлюсь с делами, а во-вторых, если что-нибудь произойдет, смогу сам на месте контролировать события. В конце концов, бунт вряд ли продлится более одного-двух месяцев, а та же самая долина Юргашты красивейший уголок природы, где можно и отдохнуть, и поохотиться...»

Подали шампанское, мороженое. Затем решили в гостиную, и Касьянов поспешил откланяться.

Когда он вышел, было уже за полночь. Две кариатиды на фронтоне особняка легко, как пушинку, поддерживали балкон за каменные завитушки. Касьянов вспомнил женщин в полублузах, сгружавших породу лопатами, и нахму-

рился, усаживаясь в темную карету. Кучер тронул поводья, и колеса загромыхали по булыжнику.

Над городом опускался туман. Тих и пустынен был Невский проспект, днем и вечером кишевший людьми, и Дворцовая площадь с окаменевшим у Александровской колонны часовым. Великий Петр перед Исаакиевским собором все так же крепко сидел в седле, удерживая вздыбившегося коня.

«Так всегда укрощали Россию, зря они боятся», — глядя на Медного всадника, подумал Касьянов.

Карета мягко покачивалась на рессорах, сонно мигали фонари на столбах перед витринами магазинов. Редкие шаги прохожих, окрик городского, и снова все тихо, только цоканье копыт и громыханье колес по булыжнику.

Скоро карета остановилась. Кинув пальто на руки подбежавшему швейцару, Касьянов быстро поднялся на второй этаж, зашел зачем-то в бильярдную, повертел в руках кий и, чувствуя, что вряд ли сможет сейчас уснуть, решительно направился в кабинет отца. Это была уютная комната с простой мебелью, среди которой выделялась только старинная конторка в углу у окна. На стенах висели таблицы и карты, стол и шкаф были завалены папками с делами, на подоконниках стояли стеклянные пробирки с золотоносным песком.

Касьянов зажег лампу и присел на диван. Он не заглядывал сюда с тех пор, как приехал, и так как приказал не трогать кабинет, телефон и бумаги, в беспорядке лежавшие на столе, успели покрыться тонким слоем пыли.

«Завтра же займись делами», — решил он.

Бронзовая ручка двери тихо повернулась, вошел камердинер с подносом. Касьянов распечатал письмо и начал читать.

— Куда прикажете подать ужин? — спросил камердинер.

— Иди, иди, потом! — махнул рукой Касьянов.

Дочитав, он сел за стол и принялся строчить: «Оренбургская губерния, Юргаштинский прииск, управляющему Накишеву. Заработную плату не прибавлять. С забастовщиками переговоры не вести. Скоро приеду. Касьянов». Он еще раз пробежал написанное глазами и, сняв телефонную трубку, принялся энергично крутить ручку.

Отправив телеграмму, Касьянов вышел в гостиную и сел за рояль. Но та же самая веселенькая ария из «Дон-Жуана», которую еще сегодня днем с таким успехом исполнял он вместе с молоденькой княжной под аплодисменты присутствующих, теперь не получалась — пальцы не слушались и деревенели, в висках стучало, он путал клавиши и все больше злился на себя.

Оставив, наконец, рояль, он потушил свет, подошел к окну и раздвинул шторы. Примикающий к дому парк, где жили летом птицы и ручные белки, с которыми он так любил играть в детстве, был весь в снегу. Не было видно даже опоясывающей его дорожки. Над парком медленно проплывали похожие на льдины холодные облака.

Постояв немного, Касьянов снова зажег свет, сел на оттоманку и позвонил.

— Коньяку, — коротко приказал он вошедшему камердинеру. — Постой, скажи мне, что делал отец, если ему бывало грустно?

— Ваш батюшка, — серьезно отвечал камер-

динер,— если бывали не в настроении, обычно гуляли пешком — по набережной или в Летнем саду...

— Неси коньяк, — прервал Касьянов.

Когда камердинер вышел, он прилег на оттоманку. «Что же это такое? Надо взять себя в руки», — подумал он и, чтобы развеяться, попробовал вспомнить подробности вчерашнего бала. Платья из тафты в пышных оборках, запах духов, локоны, белые атласные башмачки... Мысли его мешались, перед глазами почему-то вставала одна и та же картина — лицо государя на портрете в богатой золоченой раме, где Николай Второй был изображен во весь рост, в горностаевой мантии, со скипетром и державой в руках. Его лицо с закрученными кверху усами спокойно взидало со стены на огромный, полный золотого блеска зал, на пары, плавно кружащиеся по фигурному паркету, на самого Касьянова, лежавшего на оттоманке в ожидании коньяка. Вдруг лицо стало темнеть, меркнуть и погасло...

Дверь бесшумно отворилась. Увидев, что Касьянов спит, старый камердинер покачал головой, осторожно, стараясь не шуметь, поставил поднос на стол и бережно укрыл молодого хозяина пледом.

IX

«Не оставляй меня одну, пожалуйста, не надо! Я умру без тебя!» — хватаясь за брата горячими руками, просила Гамиля. «Тише, ты всех разбудишь!» Загит, плача, прижал к себе голову девочки. «Я не хочу умирать, не хочу! Больно!» — не слыша его, кричала Гамиля...

Загит в испуге открыл глаза и приподнял голову.

Белый лунный свет вырезал в окне четкий силуэт фпкуса, тусклым колечком свернулся на колесе ручной швейной машинки, посеребрил шишечку на деревянной спинке кровати и зеленоватыми пятнами расплылся на полу. Перед иконами в правом углу горел малиновый огонек лампы.

Загит вытер мокрые глаза и снова положил голову на подушку. Сердце все еще колотилось. Гамиля часто снилась ему, и всякий раз после этого он чувствовал себя разбитым.

Загит вздохнул. С тех пор, как он поджег лавку Нигматуллы и, по совету Гайзуллы, добравшись до Кэжэна, разыскал на краю поселка небольшой домик, где жили Голубковы, он долгое время ничего не знал ни о братьях, ни о своем верном друге. Наталья Дмитриевна и Алексей Иванович, выслушав историю Загита, без лишних разговоров поселили его у себя, помогли устроиться на завод, — словом, приняли как родного. Однако не было дня, чтобы Загит не вспомнил отца, его мучило сознание того, что Нигматулла, может быть, мстит семье за его поступок и что сам он, боясь обнаружить свое местопребывание, не может ничем помочь им в эти тяжелые голодные дни.

Тягучий, густой бас заводского гудка прервал его раздумья. Протяжно и одиноко выл гудок, отдаваясь эхом в горах и заставляя дребезжать оконные стекла.

До начала работы оставалось больше двух часов. Обычно Загит после первого гудка позволял себе еще немного вздремнуть, но мысли о доме так взбудоражили его, что он уже не смог заснуть.

Первым знакомым, которого он встретил в Кэжэне, оказался Михаил. Это случилось в са-

мом начале этой зимы, в морозный воскресный день на узкой, ведущей к базару улочке. Увидев Михаила, Загит бросился к нему, не помня себя от радости, схватил его за руки и даже чуть не заплакал. Михаил едва узнал в этом высоком худощавом парне того мальчика с полными губами и свисающим чуть не до глаз чубом, на которого когда-то указал ему Хисматулла, а узнав, рассмеялся и обнял Загита за плечи.

— Ну, здравствуй, здравствуй, пропащая душа! Вот где ты, оказывается, скрываешься! А в Сакмаеве тебя уж давно похоронили, волкам на съедение отдали! Ну и заварил ты там кашу, браток! Этот Нигматулла теперь, как зверюга, по деревне рыщет, по три шкуры с должников дерет!

Загит опустил голову.

— А с отцом ничего не случилось? — с трудом проговорил он.

— Да вроде нет,— поняв, что мучает парня, ответил Михаил.— Ты не волнуйся, завтра я как раз на прииск пойду, спрошу там сакмаевских, может, и разузнаю что-нибудь. Зайди ко мне денька через четыре.

— Спасибо тебе, агай! — Глаза Загита снова наполнились слезами.— Я ж ничего тут о них не слышу, и спросить не у кого...

— Ну-ну, не разводи сырость, — улыбнулся Михаил.— Идем-ка, покажу тебе, где меня найти.

Эти несколько дней превратились для Загита в настоящую пытку. Он не мог спать, почти ничего не ел, похудел, осунулся и на четвертый день едва не попал под тяжелую, груженную рудой вагонетку, за что сразу был оштрафован мастером. Но ни штраф, ни ругань мастера не могли отвлечь Загита от тревожных мыслей.

Едва работа кончилась, как он в чем был, весь чумазый и потный, бегом помчался к заводским воротам, мимо площади, церкви и базара, по мосту, на ходу надевая тулуп. Запыхавшись, он ворвался в дом Михаила и еще с порога, не успев поздороваться, выпалил:

— Ну как?

Михаил, сидевший за столом, вздрогнул от неожиданности.

— Да ты что, очумел? Так можно и напугать насмерть. Отдышись сначала, умойся, давай я тебе на руки полью... Да не смотри ты на меня такими глазами! Отец твой здоров, конюхом у Нигматуллы работает. Аптрахим тоже здоров. Султангали на прииске крутится. Ну, а младшенького вашего отец, по обычаю, каким-то бездетным людям отдал после того, как Фарзана умерла. Ты ведь знаешь об этом?

Загит кивнул.

— Ну вот вроде и все... Да, забыл сказать — идут разговоры, что отец твой жениться собрался!

— Жениться?! — изумился Загит.

— Да, на какой-то вашей, сакмаевской.

— Это хорошо, наверно... — неуверенно протянул Загит. — Только вот добрая ли она, не обидит ли Аптрахима? И где отец калым достал, или она из бедных?

— Уж это я не знаю! — развел руками Михаил.

— А Гайзулла?

— У Гайзуллы дела плохие, браток, — покачал головой Михаил. — Сестру его старшую помнишь, ту, что с Хисматуллой бежала? Так вот, ее теперь Нигматулла сватает.

— И она согласилась? — возмутился Загит.

— В том-то и дело, что нет,— вздохнул Михаил.— Только туго им теперь от этого приходится, Нигматулла им товаров не отпускает, и Хажисултан-бай с ним, видно, в сговоре. Вот и мыкаются. Гайзулла на прииске отвалы моет, тем и кормится, а что он там может намыть? «Летом, говорит, в горы пойду»,— надеется золотое место найти... Но я ему пока ничего про тебя не сказал, а то еще слухи пойдут! Да ты не огорчайся, может, обойдется у него! Садись, чайку попьем, потолкуем!..

С тех пор каждый раз, когда Михаил появлялся в Кэжэне, Загит проводил с ним все свободное время. Они говорили о заводе и прииске, Михаил давал Загиту книжки, сам терпеливо разъяснял непонятные места, часто брал с собой на собрания, и рабочие, постоянно видя их вместе, шутливо прозвали Загита «Мишин хвостик». Сначала Михаил боялся за него, но так как Загит настаивал, стал поручать ему даже распространение листовок в цехах.

Теперь Загит смотрел на жизнь другими глазами. Он понимал, что поджог одной лавки ничего не может изменить, что один человек не в силах преодолеть веками копившееся зло. Вот если встанут все заводы, все прииски, все деревни, какие есть на земле, только тогда можно будет уничтожить таких, как Нигматулла и Хажисултан-бай, только тогда жизнь станет счастливой. И за эту правду, которую он узнал, за то, чтоб в нее поверили и сакмаевцы и, старатели, и все бедняки, Загит готов был отдать все...

В сенях негромко звякнули дужки ведер. Дохнув прохладой, отворилась дверь. Наталья Дмитриевна свалила у печки охапку дров, скинула шубейку и, засветив керосиновую лампу, подошла к полатам;

— Захар, сынок, вставай! На работу опоздаешь...

Загит зажмурился, делая вид, что еще спит. Все нравилось ему в этой женщине — мягкий, ласковый голос, плавные и вместе с тем ловкие движения, простое, доброе лицо, всегда как бы освещенное изнутри светом, льняные, в два ряда уложенные вокруг головы косы. Хотя внешнего сходства не было, Загиту казалось, что она похожа на его мать.

Наталя Дмитриевна привстала на лежанке и легонько взъерошила ему волосы.

— Вставай, вставай! Я же вижу, что не спишь! Ну, права ножка, лева ножка, подымайся понемножку!..

Загит рассмеялся. Наталя Дмитриевна всегда говорила и вела себя с ним как с маленьким, и он охотно подчинялся, так как это доставляло ему радость.

— Сейчас! — отдергивая пятки, хохотал он. — Ой, тетя Наташа, щекотно!

Пока Загит слез с полатей, умылся и сел за стол, Наталя Дмитриевна вынула из печи чугунок с овсянкой, поставила хлеб, чайник и стакан, налила в таз воды и стала готовиться к стирке.

— Теть Наташа! — позвал Загит.

— Аюшки!

— А ты чего же? Я без тебя есть не буду! — Загит отложил в сторону крашеную деревянную ложку.

— Вот ты какой! Вишь, дел у меня невпорот? Ну ладно, чайку с тобою попью, на-ка, вот у меня еще две конфетки осталось. — И, подперев щеку кулачком, она уселась на лавку возле Загита. — Ешь, ешь, у тебя работа потяжелей, чем у меня, тебе еще расти надо!

— Куда ж дальше? — дуя на горячую жидкую кашу, весело спросил Загит. — И так, если б я сейчас в Сакмаеве оказался, никто меня там и не узнал бы!

— И слава богу! — перекрестилась Наталья Дмитриевна. — Расти на здоровье, хоть выше крыши! — Розовая, тщательно отглаженная сатиновая кофточка ее пахла свежестью и морозом, возле улыбчивых глаз собрались мелкие морщинки. — Сегодня шарф надевай, видишь, как февраль поджаривает? — Она показала на разрисованные инеем окна. — Я уж и то за Алексея Иваныча беспокоюсь. Сказала ему: «Надень еще носки шерстяные», а он — ни в какую! «В одеяло, говорит, меня заверни да неси вместе с лошадью и санями, тогда надену!..»

Выйдя из сеней, Загит сразу начал мерзнуть. Тихий снежок, порошивший вчера весь день, сменился резким ледяным ветром. Из будки, гремя цепью, вылезла старая тощая собака и приветливо замахала хвостом. Голые ветки одинокой березы в саду беззащитно гнулись, прижимаясь к дому.

Загит прикрыл лицо шарфом, натянул потуже шапку, сунул руки в карманы зипуна и вышел на улицу.

Поселок просыпался. Хлопали двери, кричали петухи. Звеня ведрами на коромыслах, шли за водой женщины. Обгоняя их, в сторону завода торопливо шагали мужчины.

Выйдя к запруде, Загит на минуту остановился. Ему нравилось это место. Чуткая тишина обнимала уральские горы, горбатились на склонах камни и островерхие скалы, стройные сосны и ели стояли недвижно, словно замороженные этой величественной красотой.

Над рекой ветер усилился. Он бросался на Загита с разных сторон, сильными, грубыми рывками толкал то в грудь, то в спину, и Загит то и дело тер снегом щеки и лоб, чтобы не отморозить. «Не иначе как акман-токман начинается!» — с тревогой подумал он.

Скоро впереди показалась церковь с голубым куполом, сырые, обомшелые стены завода, день и ночь дымящие трубы. Зазвонили к заутрене медные колокола, тотчас вслед за ними взвыл второй гудок.

«Успею», — решил Загит, но мороз заставил его прибавить шагу, и от запруды в гору он поднимался почти бегом.

Взобравшись наверх, Загит сразу понял — случилось что-то особенное. Толпа у заводских ворот была вдесятеро больше обычного — люди, окончившие смену, не расходились по домам, а вновь прибывшие не спешили занять свои рабочие места. Слышны были крики и свистки годовых.

Загит припустил во все лопатки.

Вдруг над толпой взметнулся красный кумач, несколько хриплых голосов нестройно начали:

Сеялось семя веками,
Корни в земле глубоко.
Рубят леса топорами —
Зло вырубать нелегко.

Оглушительно взревел третий гудок, но голосов в ту же минуту как будто стало в тысячу раз больше, и, заглушая гудок, веками призывавший к рабскому труду и покорности, еще громче, еще мощнее грянули:

Нам его с детства привили,
Деды сроднились с ним.

Мертвые в мире почтили,
Дело настало живым!..

Подбежав, Загит схватил за рукав первого попавшегося человека:

— Что случилось? Забастовка?

— Революция! — вытирая слезы и не переставая улыбаться, ответил рабочий. Лицо его дрожало, горечь и радость смешались в нем. — Царя свергли, понимаешь? Наша взяла!..

— Ура-а! — крикнул ошеломленный Загит и, сорвав с головы шапку, подбросил ее кверху.

Люди в толпе обнимались, многие плакали. Кто-то топтал ногами вытащенный из конторы портрет Николая Второго. Гудок задохнулся и смолк.

Слившись в один поток, обе смены рабочих огромной колонной двинулись к базарной площади. Хлопало на ветру красное полотнище. Со всех сторон бежали к колонне женщины. Запели «Варшавянку», «Марсельезу», потом «Колодников»:

Динь-дон, динь-дон — слышно там и тут,
Нашего товарища на каторгу ведут...

Загит пел вместе со всеми. Запрещенные эти слова, которые шепотом, потихоньку пели раньше на сходках, теперь открыто и грозно звенели в морозном воздухе, и казалось, не было на свете такой силы, чтобы заставить людей замолчать.

Загиту стало жарко. Он с радостью чувствовал слева и справа от себя плечи рабочих. «Вот оно, когда все вместе! Вот какая мы силища!» — хотелось крикнуть ему.

Внезапно из-за поворота, чеканя шаг, вышла рота солдат с ружьями наперевес. Сбоку, подпрыгивая и махая обнаженной шашкой, бежал офицер в длиннополой гвардейской шинели.

Песня смолкла. Рабочие пошли медленней. «Неужели начнут стрелять?» — с ужасом подумал Загит. Колонна и вооруженный отряд сближались молча и неумолимо. Слышен был только чеканный шаг солдат, шарканье подошв, скрип снега. Когда до колонны оставалось не более десяти шагов, офицер командовал:

— Ро-ота, стой!

Рабочие тоже остановились. Офицер сделал несколько шагов навстречу демонстрантам.

— Разойдись! Если через десять минут не очистите улицу, прикажу стрелять! — крикнул он.

— Не имеете права! Царь свергнут, теперь хозяева сами рабочие! — приблизился к нему Михаил.

— Молча-аты! — рявкнул офицер. — Ложь! Повторяю — через десять минут будет открыт огонь!

— Солдаты! Товарищи! Не слушайте, он вас обманывает! — повернулся к солдатам Михаил. — Не стреляйте в своих!

По команде офицера защелкали затворы, взметнулись штыки винтовок.

«Конец!» — потемнело в глазах у Загита.

Неожиданно из толпы вырвался старик без шапки, с белой, совершенно седой головой. Он скинул на снег полушубок, рванул за ворот темную рубаху и, ударив кулаком в голую грудь, встал перед шеренгой штыков.

— Нате! Колите! Стреляйте! — со слезами в голосе закричал он. — Может, мой родной внук, что в солдатах, тоже сейчас перед вашими отца-

ми и дедами стоит! Стреляйте, сукины дети! Чью вы кровь проливаете? Отцеубийцы!..

— По врагам царя и отечества огонь! — командовал офицер.

Но солдаты продолжали стоять перед стариком с красными и растерянными лицами. Многие опустили винтовки.

— Под суд захотели? Огонь! — хрипло заорал офицер и, видя, что его никто не слушает, замахнулся шашкой на старика.

Наперерез ему бросились и рабочие и солдаты, в мгновение ока офицер был обезоружен и скручен ремнями. Бледное, потное лицо его искажилось от страха.

— Что с ним делать, дедушка? — спросил один из солдат.

— А ну его к бесу, сынок! — утирая слезы, радостно ответил старик. — Запри куда-нибудь в сарай, а там видно будет!..

Но толпа, напираящая сзади и не слышавшая уже слов старика, подхватила офицера и, словно на волне, понесла его к обрыву. «Христа ради, пощадите! У меня жена, дети! Люди, братцы! Умоляю!» — истошно вопил он, извиваясь на гребне поднятых рук.

— Зачем? Не надо!.. — крикнул Загит.

— А зачем он заставлял солдат в нас стрелять? — со злобой ответил кто-то рядом. — Собаке собачья смерть! А не изничтожить эту сволочь сейчас, так она потом тебя же исподтишка убьет!..

Крики смолкли, и Загит понял, что офицера сбросили вниз.

Отхлынув от обрыва, толпа вновь ринулась к базару. Солдаты смешались с рабочими. Осторожно вышли из домов купцы и местные чиновники. Некоторые из них несли портреты Род-

зянко и других членов думы. Все они, однако, держались особняком с серьезными, без тени улыбки, лицами.

Дойдя до базарной площади, люди остановились. Загит увидел Михаила, взбирающегося на ящики у забора, и хотел было пробраться поближе к нему, но это было невозможно — толпа плотно стиснула его со всех сторон.

— Товарищи! — Михаил взмахнул фуражкой, и гул голосов тотчас прекратился.

«Как тогда, на поляне, — подумал Загит. — Эх, видел бы все это сейчас Гайзулла!..»

— Товарищи, в Петрограде победила революция! Царские министры арестованы! Все учреждения захвачены рабочими, это наша первая большая победа!

— А что дальше-то будет? — выкрикнул какой-то солдат.

— Дальше мы сами выберем себе правительство. Это будет правительство рабочих и крестьян, в нем будут депутаты от каждой губернии! Оно станет защищать интересы народа, каждого простого человека, а не кучки богатеев и их прислужников!.. Я думаю, в первую очередь оно прекратит войну, заставит каждого заводчика и фабриканта улучшить условия труда, уменьшить рабочий день и платить рабочим настоящую заработную плату, а не жалкие гроши, что они платят теперь! Больше никто не сможет попираť права человека! Перед нами стоит еще задача — взять власть в свои руки на местах по всей России. Конечно, нас ожидает сопротивление! Богачи не захотят так просто отдать накопленное веками... Но я уверен — рабочий класс вместе с крестьянами и солдатами, вернувшись с фронта, одолеют все препятствия на своем пути, и мы начнем новую, счастливую жизнь!

Конец богачам! Конец войне! Да здравствует революция!..

Михаил спрыгнул вниз. Толпа одобрительно гудела. Где-то сзади крикнули: «Ура!», но на ящики уже взбирался новый оратор — пожилой рабочий с расчесанной надвое бородой, которого на заводе уважали и побаивались.

— Я вот что скажу,— медленно и степенно начал он. — Революция, депутаты — это все хорошо, а вот войну нам надо до конца довести. У меня у самого два сына на фронте, и сам я в солдатах был, знаю, какая это служба. Но никогда еще русский мундир не был опозорен! Суворова и Кутузова весь мир знает, наши воины по всей земле славятся! Неужели ж мы себя слабаками перед германцами покажем? Нет, революция — это одно, а честь — другое, ее хранить надо, она нам от прадедов из рук в руки передавалась. И работу нам сейчас срывать никак нельзя! Вот мы тут стоим, и работа стоит, а на фронте нашего чугуна не хватает! Потому зову — перетерпим, переждемся пока, но чести своей не уроним! Пойдем на завод, а речи говорить и после работы можно!

— Честь честью, только зачем же честь без ума хранить? — встав на его место, кричал какой-то солдат. — В кого мы стреляем на фронте? В таких же рабочих и крестьян, как мы! Что из того, что они германцы? Они такие же простые люди! У них тоже богачи на фронт не идут! Война выгодна только богатым! Они специально затевают ее, чтобы набить себе карманы на поставке оружия и продовольствия! Кому идут завоеванные земли? Им! Кто получает контрибуцию от побежденной стороны? Они! Долой войну!..

— Неправда это все! Никто царя не свергал! А нам за бунт выволочка завтра будет! — усевшись верхом на заборе, заорал усатый дядька в зипуне.

— Врешь, паскуда! — Кто-то стащил усача за ногу, и у забора началась потасовка.

— Товарищи! Не выйдем на работу, пока не отремонтируют цеха! — надсаживался справа от Загита человек с черным от сажи лицом.

— Ломай завод, громи магазины! Бери, что хошь! Теперь все наше! — тонким голосом визжали слева.

Впереди мелькнуло бледное лицо какой-то женщины.

— Исть нечего! Одни штрафы! Чем детей кормить? — крикнула она.

Мальчишка лет двенадцати, взобравшись на крышу базарного ряда, неистово свистел в четыре пальца. Кто-то выстрелил в воздух.

— Со-звать Уч-ре-ди-тель-ное соб-ра-ние-е!.. — горланили где-то сзади.

Шагах в пятнадцати от Загита подняли на руки священника в черной рясе, с красными от мороза ушами. Он, беззвучно, как рыба, открыл и закрыл рот, призывая к чему-то, и указывал рукой в сторону церкви.

Люди не знали, кого слушать. Да и невозможно было расслышать ни одного отдельного голоса, — казалось, говорили все разом. Загит, пробравшийся к забору, нервно кусал губы, не понимая, что происходит.

Постепенно толпа поредела. Люди собирались в небольшие кучки в разных концах площади, продолжая спорить и обсуждать случившееся. Загит переходил от одной кучки к другой, все более убеждаясь в том, что люди ничего не поняли.

Окончательно разошлись только с наступлением сумерек. Загит отправился к Михаилу, но, увидев на двери замок, поплелся домой. На душе у него было горько и тяжело.

«Почему не поняли того, что сказал Михаил? Почему сомневаются, не хотят верить в собственные силы? — думал он, все убыстряя шаг и не чувствуя крепчавшего мороза.— Ведь когда они пели сегодня все вместе, все было так просто и ясно! Да, прав был Михаил, когда сказал мне, что людям еще нужно объяснить их правду, что они настолько привыкли жить рабами, что не могут себе представить, как можно жить иначе. Ничего, они поймут, они поверят! Вот назначат рабочее правительство, и сразу все изменится. Тогда я вернусь в Сакмаево, соберу всех на площади и скажу: «Товарищи! Мы свободны! Революция победила!..»

Х

Касьянову казалось, что едет он уже целую вечность. Бесконечные задержки и остановки поезда, пропускавшего вперед военные эшелоны, весть об отречении Романовых от престола, настигшая его в Москве, частые проверки документов, нищие старухи и дети, подбегавшие к вагонам на полустанках, его сосед по купе, вечно пьяный поручик, с утра до вечера громивший прогрессистов, октябристов, кадетов, социал-демократов, эсеров, большевиков, почему-то примешивая сюда же евреев, немцев и интеллигенцию, полная растерянность и невозможность уяснить для себя, что же это за партия и чего ждать от так называемого Временного правительства, так издегали и утомили Касьянова, что, доехав до Оренбурга, он в ту же ночь нанял

кучера, чтобы только поскорее оказаться на месте и никуда уже больше не двигаться.

От Оренбурга, однако, ехать оказалось гораздо приятней. Кошевка, запряженная парой гладких, упитанных лошадей, легко скользила по укатанной дороге, весело позванивали под дугой медные колокольчики, мерно покачивалась впереди широкая спина неразговорчивого кучера, безмятежно катилось в вышине медленное солнце. Закутанный в тулуп Касьянов с удовольствием рассматривал розовый, в сверкающих искорках снег, синие тени в гуще кустарника, ледяные сосульки, горевшие на ветках кедров и елей, как рождественские свечи. Все это понемногу отвлекло его от неприятных мыслей, и он вполне уверился, что поступил правильно, решив провести несколько месяцев вдали от городских тревог и волнений.

В Верхнеуральске кучер заупрямился.

— Буран будет, барин, нельзя ехать. Подождать надо...

— Какой буран? Да ты посмотри, какое ясное небо! — удивился Касьянов.

— Последний буран, он здесь в марте бывает, — настаивал кучер. — Все говорят, что вот-вот начнется...

— Да брось ты, — отмахнулся Касьянов. — Отсюда до Кэжэна рукой подать! — И видя, что кучер все еще колеблется, добавил: — Едем! Красненькую надбавлю!..

Но как ни торопился Касьянов добраться до Юргаштинского прииска, обстоятельства явно были против него. Оказалось, что большая часть дороги занесена снегом, и лошади, утопавшие в нем по самые грудки, фыркали и тянули кошевку невыносимо медленно. К полудню подул резкий встречный ветер. Небо затянулось серыми

клочьями облаков, и скоро отчетливая чистая линия горизонта, ясно видная раньше за бескрайней белой равниной, сменилась мрачной смутной мглой.

Касьянов почувствовал, что начинает мерзнуть, достал из саквояжа бутылку коньяку, хлебнул и, тронув кончиком трости плечо кучера, предложил выпить и ему.

— Прибереги лучше, барин, — хмуро отказался кучер. — Вишь, какая непогодь, к ночи больше замерзнем...

Мороз усиливался, вместе с ним крепчал и ветер. Швыряя горстями колючую снежную пыль, подвывая на разные голоса, он со злостью ударял то спереди, то сбоку. Кучер то криком, то кнутом что было мочи подгонял усталых лошадей. Белые вихри, раскручиваясь, неслись по равнине. Они росли на глазах, сталкивались, рассыпались и вновь возникали, как из-под земли, становясь все выше и страшнее. Скоро вся равнина превратилась в огромный кипящий котел. С грохотом и свистом мчалась в нем серая мгла, стало совсем темно.

— Зря ты меня не слушал, барин! — закричал кучер, обернувшись и прикрывая рукавицей лицо. — Вот он, акман-токман-то!

— Что-что? — не расслышав, переспросил Касьянов.

— Да башкиры так этот буран называют — акман-токман! Потому что злой, беспощадный... Вон как буянит!

— Может, ненадолго? — подняв воротник тулупа, сказал Касьянов.

— Ненадолго? — криво улыбнулся кучер. — Нет, барин, он только начал, здесь еще самые-то черти на кулачках не бились! Башкиры гово-

рят: «Акман-токман шесть дней бесится, и каждый день ужасней того, что был!»

— Целую неделю?! — ахнул Касьянов. — Что же делать? Может, обратно повернуть?

— Поздно! Назад — верная гибель!.. — ответил кучер. — Да ты не трясись, барин, жить-то — оно иной раз страшней, чем помирать! Все на свете творится благостью божьей да глупостью человеческой, — не бойсь, может, не пришла еще за нами коса, а только рядом косит!..

К счастью, дорога свернула влево, к пологой, поросшей густой чащей горе. Въехали в лес. Здесь было немного тише. Ветер, разбиваясь о плотную стену деревьев, с яростью раскачивал старые стволы, шумел в темных верхушках, но уже не был так силен, как на равнине.

— Нет ли здесь поблизости деревни? — спросил Касьянов.

— Да нет, барин, — вздохнул кучер. — На Урале деревни редко попадают, не то что в степи...

Привстав и заглянув через плечо кучера, Касьянов неожиданно увидел, что лошади стали седыми от инея. На мгновение представилось ему, как медленно и неотвратно и лошади, и кучер, и сам он в тулупе и с тросточкой превращаются в огромную, отливающую серебром, ледяную статую. Он снова схватился за саквояж, вытащил коньяк и хотел уже отхлебнуть, но, вспомнив, что говорил кучер, тихо чертыхнулся и положил бутылку обратно.

Лошади шли с трудом, рывками, но шли, и хотя продвижение вперед было весьма незначительно, это все же успокаивало Касьянова.

«Акман-токман... Какое странное слово! — подумал Касьянов. — Даже в самом звуке его есть что-то дикое, стихийное, тревожное, как ба-

рабанная дробь! Никогда в жизни не думал, что это так страшно...»

Он вспомнил, что кто-то в начале зимы, в Оренбурге, рассказывал ему о мартовском буране, вспомнил, что называли ему и слово «акмантокман», но тогда он не придал ему ни малейшего значения, как не придал значения и совету компаньонов, которые убеждали его как можно быстрее покинуть Петроград, пока не увидел своими глазами того, что компаньоны, тщательно избегая слова «революция», называли волнениями, бунтом, чудовищным взрывом и катастрофой.

Цепи городских и жандармов на Литейном мосту, застрявшие в гуще народа пролетки и трамваи, молоденький солдат, усевшийся на бронзовых плечах статуи Александра III и оравший оттуда: «Братья! Долой царя! Долой войну! Хлеба и мира!», красные полотнища в черной толпе, выбитые стекла витрин, вытащенные на улицу ящики с оружием, быстро разобранные рабочими, град камней и снежков по окнам правительственных зданий, зарево пожаров над полицейскими участками, строчившие с чердаков пулеметы и груды, груды, груды тел убитых и раненых у Троицкого собора, вопли, стоны, крики и, наконец, песни, с которыми шли по городу простые люди, песни, от которых у Касьянова почему-то каждый раз бежали мурашки по спине, а в глазах, сколько он ни крепился, накалились слезы,— все это так подействовало на него, что первые два дня в поезде он чувствовал себя как пьяный или одурманенный наркотиками человек и только в Москве понял, какой опасности он подвергался. Вместе с тем его тянуло в эту опасность, какая-то неведомая сила властно звала его не прятаться, выйти на улицу и петь

вместе с ними, может быть даже упасть на колени и просить прощения, или хотя бы спросить, что ему делать, у этих людей с решительными лицами, твердо знающих, куда и зачем они идут... И как ни старался Касьянов забыть, не думать о том, что происходит сейчас в Петрограде, мысли об этом догоняли его, он все больше запутывался и не мог прийти ни к какому ясному мнению.

«Пожалуй, все это чем-то напоминает акман-токман, — подумал он. — Так же величественно и непонятно, так же сметает и крушит все на своем пути... Что же будет, в самом деле? Полная анархия, как предсказывал генерал? Или мне не дано узнать и этого, и акман-токман уже готовит мне гибель среди этих гор, как иная стихия положила предел государству Российскому?..»

Кошевка внезапно остановилась посреди поляны.

— Но-о! — щелкнув кнутом, истошно крикнул кучер. — А-а, чтоб вас!..

Он соскочил с кошевки, утопая в снегу, подошел к лошадям, ослабил у коренной череседельник, снова взмахнул кнутом, но лошади, закусив удила и тревожно фыркая, беспокойно били передними копытами и упорно не хотели двигаться дальше.

— Что такое? — спросил Касьянов.

— С пути сбились, — мрачно ответил кучер.

— Ты ж говорил, что твои лошади всегда дорогу найдут, если их своим ходом пустить... — растерянно возразил Касьянов.

— Не вишь разве, что творится? — сердито перебил кучер. — Глаз открыть нельзя... В такую погоду не то что лошадь, а сам шайтан ихний заблудится!

Ветер с дикой силой выл и тряс верхушки деревьев, снег летел густой плотной массой, и головы лошадей впереди виднелись смутно, как в тумане.

Кучер вытащил из-под сиденья кремневое ружье и, подойдя поближе к Касьянову, прокричал ему в самое ухо:

— Я пойду дорогу поищу! Ты не засни тут, барин, слышь? В тулуп-то не очень кутайся!

— Постой, а ружье зачем? — схватил его за руку Касьянов.

— Не ровен час, волков встрену! Лошадь завсегда волка чует, может, оттого и стоит...

Еще с минуту видно было, как, проваливаясь в снег и поднимая ружье, кучер движется вперед сквозь снежную завесу. Касьянов остался один.

«Надо быть готовым ко всему, вдруг они выскочат прямо на меня!» — подумал он и, освободившись от тулупа, вынул из саквояжа наган, глотнул коньяку и сел, напряженно всматриваясь в серую мглу.

Где-то справа, совсем близко, послышались выстрелы. Тотчас две большие черные тени мелькнули перед его глазами.

Касьянов выпрыгнул из кошевки и два раза выстрелил в воздух. Ответом ему был вой пурги и скрип и гул деревьев. Он шагнул было туда, где, как ему казалось, находился кучер, но мысль о том, что он может заблудиться и не найти потом лошадей, остановила его. Он вернулся в кошевку и сел, накинув тулуп поверх пальто.

«Стрелять больше нельзя, — решил он. — Может быть, там целая стая...»

— Э-э-эй! — крикнул он.

Крик ушел в сторону и тут же заглох.

Кучера все не было. Пытаясь согреться, Касьянов стал тереть лицо руками, стучать черными пимами в дно кошевки и, убедившись, что это не помогает, надел тулуп в рукава, застегнулся, взял поводья и, привстав, резко ударил лошадей кнутом. Лошади рванулись, но тут же снова стали, и сдвинуть их с места не было уже совершенно никакой возможности.

«Это конец», — подумал Касьянов. Внезапно вспомнились ему бревенчатые стены, зажженная лампадка, бледное лицо матери в черном платке и жаркий шепот ее, заглушавшийся раскатами грома: «Господи Иисусе Христе, матушка-заступница, пресвятая богородица, батюшка, святитель Христов Никола-угодник! Спаси и помилуй нас, грешных, от бед, от напастей, от напрасной горькой смерти...»

Он расстегнул воротник тулупа и с трудом вытащил за цепочку маленький старинный образок в простой медной ризе — единственное, что осталось у него от матери.

— Господи, не губи меня! Я же не сделал ничего дурного! — крикнул Касьянов, всхлипывая и торопливо покрывая образок поцелуями.

Образок с темным ликом Спасителя был холоден и нем. Касьянов некоторое время глядел на него, потом засунул обратно под тулуп и с ужасом огляделся вокруг.

— Э-эй! По-мо-ги-те-е-е! — захлебываясь снегом и не слыша собственного голоса, заорал он. В ту же минуту ему стало легче, и мысль о смерти стала привычной обыденной мыслью, как если бы он думал о ней всегда.

«Идиот! — выругал он себя. — Что ты кричишь? Кому и когда дан был ответ, за что и почему он умирает именно сейчас, а не завтра или вчера? Какой коротенький отрезочек был

мне отпущен... И зачем? На что уходило у меня время? Правда, я никому не сделал зла, но ведь я добра я тоже не сделал никому... Вот оно что! Я был бесполезен! Вот почему я умираю!..»

Глаза его слипались, руки и ноги окоченели так, что уже не чувствовали холода. Шум леса, бешеные порывы ветра, назойливый и неровный звон медных колокольчиков все отдалялись, отдалялись куда-то; он вдруг почувствовал, что становится легким, удивительно легким, таким легким, что ветер может сдуть его с кошевки, и, не в силах шевельнуться, медленно закрыл глаза...

Когда усталый кучер, еле передвигая ноги, добрал до кошевки, Касьянов спал. Лицо его было строгим и белым, бородака заиндевела.

Кучер схватил его за воротник тулупа, затормошил, потом нагнулся, обеими руками сгреб снег у кошевки и стал растирать ему лицо. Касьянов только мычал и стонал в ответ.

— Барин, барин, слышь? Вставай, говорю! Замерзнешь! — не переставая трясти его, повторял испуганный кучер.

Видя, что это не действует, он снял с Касьянова пимы, растер снегом его ступни, снова вздернул пимы и, приподняв барина за воротник тулупа, поставил его на ноги. Касьянов шатался и бормотал что-то неразборчивое.

— Двигайся! А ну, живо! — сердито приказывал кучер, вертя его во все стороны. — Бегом! Быстро! — И, схватив его под руку, сам побежал с ним вокруг кошевки.

Наконец Касьянов открыл глаза и сразу же застучал зубами от холода.

— Так, — сказал кучер. — Теперь посиди, глотни спиртного-то, чай осталось еще?

Касьянов мотнул головой, непослушными руками открыл саквояж и, чуть не выронив бутылку, сделал несколько глотков. Кучер тем временем выпряг лошадей и пропал с ними в мутной темени. Не успел Касьянов удивиться его новому исчезновению, как он появился снова.

— Слезай теперь! — потребовал он.

— Зачем?

— Стог нашел, надо кошевку туда укатить, — улыбнулся кучер.

— Что под сеном умереть, что в санях — какая разница? — безнадежно махнул рукой снова начинавший мерзнуть Касьянов.

— По-твоему, барин, может, и нет, а по-нашему, по-мужицкому, есть! Бывает, что и воробей на кошку чирикает, — ино горько проглотить, да сладко выплунешь!

Касьянов нехотя поднялся с кошевки. Кучер связал оглобли вместе, запрягся в них, обернувшись к Касьянову, крикнул: «Толкай!» — и потянул. Однако провалившиеся в снег полозья стояли крепко, будто вмерзли в лед. Кучер бросил оглобли, утоптал снег перед санями и снова потянул. Кошевка подалась. «Толка-ай!» — еще раз крикнул кучер. Касьянов, наступая на полы тулупа, приладился к задней стенке плечом и всей тяжестью навалился на нее. Кошевка поползла чуть быстрее, черные пимы Касьянова скоро были полны снега, он задыхался, чувствуя в то же время, как ему становится все теплее и страх уходит куда-то, уступая место твердой решимости бороться за жизнь, не сдаваться.

— Уф! Согрелся! — довольно сказал он, когда сани уже были оттащены к стогу, стоявшему на краю поляны.

— Еще бы! Работа, как баня, парит, а кто в лапоть звонит да черных кобелей добела перемывает, тому и в бане холодно!

Касьянов улыбнулся и покачал головой.

Кучер опрокинул кошевку к подветренной стороне стога, подгреб к ней сено, заделал края мокрыми слежавшимися кусками, навалил сверху жерди и обернулся:

— Прошу к нашему шалашу! Ну, барин, мотри, живы будем — с тебя не красненькая, а синенькая причитается!

— Живы будем — я и сотенной не пожалею! — горячо ответил Касьянов.

Кучер накрыл лошадей рогожей.

— А костер не разложим? — спросил Касьянов.

— При таком ветре и думать нечего! Да это не страшно. До рассвета как-нибудь вытерпим, спать по очереди будем. Только крепко нельзя, иначе на сонный базар отправимся!

— А завтра что?

— Чего ж загадывать, когда черт помрет, если он еще и не хворал? Голова-то нам на что дана? Придумаем что ни то!

Касьянов совсем уже было залез в шалаш, но снова высунулся.

— А волки не могут назад вернуться? — с тревогой спросил он.

— Какие там волки! — засмеялся кучер. — Два лося у стога пригrelись, выстрелил я, а они, бедные, и ноги наутек...

Касьянов лег на сено и, едва приклонил голову, тут же провалился в сон. Кучер уселся рядом с ним. Лошади с хрустом жевали сено.

«Ну, кажись, все в порядке, — подумал кучер. — Теперь только не заснуть бы... А барин-то не черствый... Молодой еще, не вошел, видать,

во вкус. Поматереет — не лучше других станет! Хоть, может, и зря я так, на сусле пива не угадаешь... Ох, Катька, поди, все глаза выплачет, ежли что!..»

Он представил себе заплаканное лицо жены, которая почему-то так просила его не ехать в этот раз, что он даже заколебался.

«А ведь чуяла, что в беду попаду,— покачал он головой.— Бабий нюх что собачий, как взывает, добра не жди...»

Руки и ноги его ныли от усталости. Он прикрыл глаза, прислонился к плечу Касьянова и замер без движения.

XI

С тех пор, как на прииск пришла телеграмма от Касьянова, прошло уже около трех недель, а о хозяине не было ни слуху ни духу. Бесплезно прождав его дней семь в Кэжэне, Накышев запросил Оренбург, затем Верхнеуральск, не получив ответа, он вернулся на прииск и наконец, теряясь в догадках и предположениях, отправил на поиски Зинатуллу. Он наказал ему не возвращаться без хозяина или хотя бы без точных сведений о том, что с ним случилось.

В ожидании этих вестей он почти не выходил из конторы, перестал пить и с утра пребывал в скверном настроении — ругал штейгера, главного инженера, подряд штрафовал десятников и кричал на всех, кто попадался под руку. Больше всего его бесила необходимость оставаться трезвым, так как хозяин мог появиться с минуты на минуту.

Мрачный, бледный, в плотно сидящей на голове тюбетейке, он то разбирал бумаги в сейфе, то вдруг резко вставал и начинал метаться по

комнате, снова садился и отрешенно барабанил пальцами по столу, не зная, чем занять себя.

Сознание его исподволь точила одна въедливая мыслишка, он старался отогнать ее, но она снова исподтишка подбиралась к нему, и тогда кровь начинала стучать в виски тугими молоточками.

«Не может быть,— тут же отвечал он сам себе,— этого просто не может быть!» И опять принимался рыться в бумагах, в сотый раз рассматривал злополучную телеграмму, вызывал к себе десятников, кричал, но мысль не исчезала, а только затаивалась, казалось, ожидая лишь удобный для нападения момент.

Зинатулла приехал неожиданно. Накышев не слышал, как отворились ворота во двор, как проскрипели по снегу полозья, и когда высокая, худая, немного нескладная фигура конюха вслед за робким стуком в дверь возникла на пороге, управляющий вздрогнул, словно увидел не живого человека, а призрак, и на мгновение прикрыл глаза.

— Ассалям агалейкум! ¹ — поздоровался Зинатулла.

— Ты один? — с дрожью в голосе спросил Накышев.

Конюх кивнул и продолжал:

— Большой привет вам от Тарзимана-бая, письмо привез от вашей жены, все здоровы. Давлетхан спрашивал, когда приедете...

— И это все, что ты привез?! — холодея от бешенства, заорал Накышев. — Что я тебя, за приветам посылал? Где Касьянов?

— Я спрашивал, искал... — Зинатулла растерянно развел руками.

---

¹ Приветствие.

— Да говори скорее, дурак! Где он?

— Из Верхнеуральска выехал прямо перед бураном, а больше никто ничего не знает. Лошади домой, в Оренбург, вернулись...

— Какие лошади?

— Ну, того кучера, что хозяина вез. Баба его плачет, говорит — сам на свою голову поехал, дети плачут...

— Так. А в повозке ничего не было?

— Да они без саней вернулись, распряженные...

— Так, так, значит, так. — Накышев потер подбородок, изо всех сил стараясь не задохнуться от захлестнувшей душу радостной догадки. — Ай-хай, какая беда! Жаль этого русского, хороший был человек, настоящий джигит! Но, видно, так аллах ему судил, хоть и молодой... — Накышев встал из-за стола, подошел к конюху и приветливо похлопал его по плечу. — Молодец, Зинат! Вот что, позови-ка мне срочно Хажигалиева. А потом иди на все четыре стороны, три дня полного отдыха тебе даю — что хошь, то и делай!

— Хорошо, сейчас, — быстро ответил конюх и выскользнул за дверь.

«Ну что ж, самое время узнать, что у этого подонка на уме, — думал Накышев. — Да и случай подходящий, чтобы его на место поставить! Больно высоко нос задрал!»

Он заглянул в сейф, вытащил из папки исписанный донизу лист, просмотрел его, с довольным видом положил на место, запер дверцу и, подойдя к окну, увидел пересекавшего площадь Нигматуллу. Тот шел быстро, и по походке его можно было заметить, что он слегка пьян.

«Тем лучше», — подумал Накышев и, сев в кресло, раскрыл перед собой одну из папок.

Нигматулла вошел без стука.

— Садись, — кивнул ему управляющий, — я сейчас.

Он перевернул несколько листов, внимательно вглядываясь и подправляя что-то, потом захлопнул папку и отложил ее в сторону. Нигматулла смотрел ему в лицо внимательно, словно пытаясь угадать каждое новое движение управляющего.

— Что-нибудь стряслось? — спросил он, едва Накышев поднял голову.

— Хочу с тобой посоветоваться. — Управляющий раздвинул в улыбке бледные губы.

— А-а... — облегченно вздохнул Нигматулла. — А я уж думал... Прямо напугал меня наш Зинат: «Иди, говорит, срочно», — даже доест не дал, прямо из трактира вытащил...

— Ладно, потом дожужешь! Сейчас надо мозгами пораскинуть, что и как... — Накышев напустил на лицо серьезность. — Дело у меня одно горит, вот я и хочу попросить тебя кое о чем...

— Помочь можно, вот только смогу ли я? Если деньгами, так сейчас самому нужны. Но под небольшой процент могу и одолжить.

— Да что ты мне все про деньги! Тут дело другого рода. Помощь мне от тебя нужна маленькая, пустяковая...

— Ну, Гарей Шайбекович, кому же мне еще плечо подставлять, как не вам? Только скажите, что нужно, а цену можно и потом назначить. Сами знаете, я торговаться не люблю...

— Вот и хорошо, что ты настоящий друг. Постой-ка, я только дверь запру. — Накышев вынул из кармана связку ключей.

— Зачем это? — обеспокоился Нигматулла.

— А чтоб не мешали! Разговор у нас, я думаю, будет долгий, а тут начнут еще все эти

олухи с докладами ломиться, от них и так с утра до вечера отбою нет, — продолжал управляющий, вылезая из кресла и направляясь к двери. — Потычутся-потычутся и перестанут!..

Он два раза повернул ключ в замке, как бы машинально сунул его в карман и, кряхтя, уселся рядом с Нигматуллой.

— Вот, значит, какое дело, дружок. Вроде и секретное, а вроде бы и нет... Смотря с какой стороны к нему подойти. В общем-то не дело даже, а беда моя. Да и не беда даже, а скорее несколько неприятный оборот... По простоте моей все это вышло или по глупости, и сам в толк не возьму...

— Что это вы, Гарей Шайбекович, вокруг да около ходите? — настороженно усмехнулся десятник. — Я человек простой, давайте и вы со мной по-простому, нужно что — так говорите прямо, а то я, пожалуй, и не соображу, о чем речь!

— Прямо так прямо, — согласился Накышев. — Договорились мы, видишь ли, с Касьяновым... Продал он мне прииск!

— Продал? — Глаза десятника округлились и потемнели. — Вам?

— Ну, конечно, мне, кому ж еще!

— Телеграмма, что ли, пришла?

— Да нет, еще в тот раз, когда приезжал.

— Ничего не понимаю, хоть убейте, — помогавший головой Нигматулла. — Вы же вроде и двух слов друг другу сказать не успели?

— Ай-хай, какой ты недоверчивый! — хлопнул рукой по колену Накышев. — А спать я его в приезжей комнате укладывал, забыл? Тогда и сговорились, пока ты тут носом клевал.

— Ну, так и что теперь?

— Да мучаюсь вот, — Накышев потер ладонью лоб, — понять не могу, то ли я на этом деле выиграл, то ли проиграл...

— Дорого запросил, что ли? Может напополам купить, или хоть треть моя будет, неужто вместе не наскребем? Не хватит моих — у Хажисултана займу...

— Не тараторь ты, дослушай сначала, — досадливо поморщился Накышев. — Отдал я ему уже все сполна, мой прииск, весь мой, понятно? Все мои сбережения наличными прямо так из рук в руки передал, ни гроша теперь за душой нету. Тут другая совсем задача, почище долгов будет... Расписку я у него не взял, вот что. Да и опять не в этом дело. Можно было бы и без расписки обойтись, если б я, дурак, догадался эти деньги при свидетелях ему передать. А чтоб это дело узаконить и прииск на мое имя перевести, три свидетеля нужно, понимаешь? Или расписку. Двух свидетелей я уже нашел, мне бы теперь еще одного — и дело в шляпе! Вот об этом и хочу тебя попросить, дружок. Нужна твоя подпись...

— Где?

— Ну, на той бумаге, где сказано, что ты видел, как я ему деньги передал. — Накышев поднял голову и внимательно посмотрел на десятника. — Вот такое простое дело. Может, и не стоило так долго о нем говорить? Я знаю, ты ко мне относишься хорошо, в просьбе не откажешь, а насчет цены — так я и сам торговаться не люблю, за мной не пропадет! И комар, как говорят, лошадь свалит, если волк пособит, а я твоей помощи не забуду.

— Теперь понятно. — Десятник помрачнел. — Решили, значит, Гарей Шайбекович, без меня обойтись? Воля ваша, своей не навяжешь. Только вот как помочь вам — не знаю. Меня ж при

том разговоре не было? Не было. А что вы хозяину деньги давали, я и вовсе не видал!

— Не видал! Эка важность! Да тебя и не спросит никто, видал ты или не видал. Подпиши, и дело с концом! — рассмеялся управляющий.

— Как же я подпишу, что видал, если не видал? Нет, Гарей Шайбекович, здесь дело подсудное, зачем же мне ни за что ни про что в него лезть?

— Брось ты! — Добродушно улыбаясь, Накышев похлопал его по плечу. — Что ты, как девица, ломаешься? Мы с тобой друг друга, слава аллаху, не первый день знаем. Называй цену и ставь подпись.

— Да на что она вам сдалась, эта бумага? Вы ж сами говорили, что Касьянов телеграмму прислал, вот-вот приедет. Человек он вроде честный. Зачем же вам свидетели? Если вы ему деньги давали, я думаю, он от этого не откажется?

— Вот и я так думал, потому и расписки не взял...

— Неужели отказался? — удивился Нигматулла.

— Да нет, у него и в мыслях не было... Эх, если б он мог здесь оказаться, разве я сейчас так перед тобой унижался бы? — Накышев тяжело вздохнул и отвел глаза в сторону. — Нет его, нет! Понимаешь? По дороге к нам умер, вот какая беда получилась.

— У-умер?! — подскочил десятник. — Как умер? От чего?

— В акман-токман попал, бедняга, замерз. И он, и кучер — оба как сосульки. Да ты сядь, не волнуйся. — Накышев удрученно посмотрел на десятника и покачал головой. — Все пропало, понимаешь? И сам погиб, и под меня беду подвел...

— Что-то не верится, Гарей Шайбекович, — все еще продолжая стоять, возразил Нигматулла. — С тех пор, как акман-токман был, уже, считай, недели две прошло. Да и не может быть, чтобы он в такую непогоду выехал. Что он, враг самому себе? Ох, Гарей Шайбекович, обманываете вы меня... Думаете, я про Сабитова не помню? Помню, все помню! Вы-то всегда из воды сухим выйдете, а меня, простака, за решетку! Но я не Сабитов, не на того напали! Как хотите, а бумаги вашей я не подпишу. Мне своя жизнь пока дорога, чтоб в такой капкан лезть!

— Ну и дурак! — спокойно сказал Накышев. — Не веришь? Вот посмотри на телеграммы, убедись! Два запроса послал, а ответы — пустые хлопоты.

Он выдвинул один из ящиков стола, швырнул на колени десятнику две телеграммы и снова опустился в кресло, внимательно наблюдая, как тот читает, медленно шевеля губами.

— Вон оно что-о! — наконец проговорил Нигматулла. — Стой, дай подумать. Так. Все ясно! — Он притушил сигарку о ножку стула, оскалился и захохотал. — Это ты... ты его убил! А денег он от тебя не получил ни копейки! Ну и мудрец ты! Не ожидал, клянусь аллахом, не ожидал! Ловко ты квашню замешал, вот только испечь хлеб трудно будет!

— Выпей воды, — все с тем же спокойствием посоветовал Накышев. — Ты что, свихнулся? Чего ты орешь, как баба! Какой тебе от этого толк?

— Ты, ты убил! — захлебываясь нервическим смехом и тыча пальцем прямо в грудь Накышеву, выкрикивал Нигматулла. Желтые длинные его зубы вылезли из-под губы, и все лицо казалось какой-то оскаленной неживой маской.

— Ну, пораскинь своим убогим умом, — устало сказал Накышев, — был ли хоть день, чтоб ты меня не видел? Даже если б я и хотел, когда я, по-твоему, мог это сделать?

— Ты?! Да ты зайца убить боишься, непонятно, зачем на охоту ездишь! Разве я говорю, что ты его сам убил? Да на тебе тогда сейчас не то что лица не было, а штаны бы к задку от страха присохли! Ловкач, ничего не скажешь! Только не думай, что ты всех ловчее! Убил Касьянова, а теперь хочешь прииск к рукам прибрать? А это видел? — Нигматулла, продолжая скалиться, но уже не смеясь, белый как полотно подошел к Накышеву и, сложив кукиш, протянул его прямо к лицу управляющего. — Подохну, а такого не будет! Не отвалится тебе этот кусок! Моя это земля, слышишь? Или напополам, или сделаю так, что на всей земле тебе места не будет, чтоб было где на ней хоть одну ногу поставить!

— Такого бы кипятку да в мой котел, — не шевельнувшись, бесстрастно сказал Накышев, словно не замечая глумливого жеста десятника. — Зря, видно, тебя сегодня из трактира вытащили... Да пойми ты, осел, уж если б я решил его уколошить, то первым делом за тобой бы послал! Ты же сам предлагал свои услуги!

Нигматулла опустил на стул, желтые глаза его растерянно забегали по стенам.

— Кто ж его тогда тюкнул? — недоверчиво пробормотал он.

— Откуда я знаю! — угрюмо отозвался Накышев. — Михаил, говорят, его терпеть не мог. Может, он?

— Говорят? Кто же это говорит? — не отрывая глаз от невозмутимого лица управляющего, фыркнул Нигматулла.

— Да все говорят, весь прииск, — глядя в окно, равнодушно ответил Накышев. — Ничего, комиссия разберется, найдет, кто виноват.

— Не ври! — не помня себя от ярости, вскинулся Нигматулла. — Ты его убил, ты! Некому, кроме тебя, и незачем! Думаешь, я не знаю, что ты уже месяцев пять золото в сейфе держишь и не отправляешь? Все ждал, пока от Касьянова избавишься, потому и не отправлял, а теперь хочешь акман-токманом следы замести!

— Ну, хватит шутки шутить! — Накышев стукнул по столу кулаком. — По какому праву ты, червяк, так со мной говоришь? Сам же предлагал мне осенью от него избавиться, но разве я тогда с тобой согласился? Или, может, это как раз твоих рук дело, оттого и бесишься теперь, что петля по тебе плачет?

— Нет, дудки, на этом меня не поймает! Шутил тогда, испытать тебя хотел, вот и все, — голос десятника охрип от волнения. — Ты меня не собьешь, все про тебя знаю!

— И что же ты такого знаешь? — деланно рассмеялся управляющий.

— Не беспокойся, все знаю и всем теперь расскажу...

— Что ж ты раньше молчал, коли знал? У тебя что, улики против меня есть? Или, может, свидетели?

— Мне свидетели не нужны, я сам свидетель, — насупился десятник.

— Молод ты еще, зелен! Черного от белого днем отличить не можешь. И поучиться у старших не хочешь, хвост задираешь — все я да я! А кто ты есть? Да никто, десятник, пятое колесо в телеге. Завтра свистну, и духу твоего тут не будет! В наше время будь ты сто тысяч раз

прав, а без свидетелей правота твоя никому не нужна!

Управляющий медленно встал, задвинул шторы на темнеющих окнах и зажег низко висящую над столом лампу с зеленым абажуром. В комнате стало светло и уютно.

Десятник потер кулаком красные веки.

— Ладно, Гарей Шайбекович, я пошел. Отоспаться надо, завтра поговорим...

Он подошел к двери и дернул за ручку. Дверь не поддавалась. Нигматулла обернулся.

— Подожди, дружок, потерпи немного, — ласково сказал Накышев. — Я тебя сюда не в гости позвал, не чай распивать, а за делом. Вот решим, как нам быть, тогда и спать пойдешь. Всему свое время.

— Считай, что решили, — усмехнулся десятник. — Я от своих слов не откажусь: или пополам, или ни мне, ни тебе!

— Все сказал? Не передумаешь?

— Нет.

— Ну, тогда пеняй на себя, друг ситный. Думаешь, мне трудно третьего свидетеля найти? Это я не себе, а тебе хотел удружить! Прииск узаконить — дело плевое, уж будь уверен, желаешь ты того или не желаешь, а я его получу. Вот он где у меня! — Накышев похлопал ладонью по толстой дверце сейфа. — Только на меня потом не обижайся.

— Ха, ничего у тебя без меня не выйдет. — Верхняя губа десятника насмешливо вздернулась. — А если б вышло, не уламывал бы ты меня сейчас, как молодуху в кустах. Уж я твои повадки знаю! Мы с тобой не одной веревочкой связаны... Думаешь, так просто — взял и разорвал? И сейчас ты никого так не боишься, как меня... Вот и поделись со мной своим страхом, по-

ловина — тебе, половина — мне, чего уж скупиться? Про сейф только не забудь, тоже поровну. Иначе хоть разорвись на месте, не будет тебе моей подписи!

— Ну и пусть не будет, хрен с тобой, иди домой и спи, — вдруг сказал Накышев.

— Не понимаю, чего ты ерепенишься? — наслаждаясь своей властью, продолжал настаивать десятник. — Такое простое дело. Уже давно бы по рукам ударили! Вроде и человек ты умный, должен понимать, что у меня тоже характер есть. Ну, кто, кто к тебе в свидетели пойдет, если не я? Сам же говоришь, что сейчас свидетель — это все. Чего ж мы впустую языками работаем, старую жвачку пережевываем?

— Да в том-то и штука, что хватает мне свидетелей, хоть отбавляй! — Накышев повернулся, открыл сейф, вынул из черной кожаной папки пачку бумаг, потряс ими и хлопнул об стол. — Вот они! Главный инженер, штейгер, десятники — двадцать человек, как один, и все подтверждают! Один ты, пентюх, в затылке чешешь!..

Скуластое лицо Нигматуллы покрылось красными пятнами, насмешливая улыбка сбежала с губ. С минуту он, казалось, не мог найти ни слова в ответ, только глаза его сжались в узкие щелки и стали еще больше похожи на рысьи.

— А компаньоны? — наконец, с трудом проговорил он. — Вот о ком ты забыл! Без компаньонов такие вещи не решаются, а они — навряд ли глупее тебя будут!

— Фу ты, шайтан! — Накышев досадливо сморщил толстый приплюснутый, как у зайца, нос. — И за что меня аллах такими тупоголовыми, как ты, наказывает? Говорят тебе, не беспокойся. все в порядке, все документы здесь! —

Накышев постучал по черной папке согнутым пальцем. — Мертвые и те тебя умнее. Молчат.

— Врешь! Не можешь ты прииск узаконить! Кто тебе его сейчас узаконит, если царя нет? — в бешенстве крикнул Нигматулла, чувствуя, что пол плывет и качается у него под ногами.

— А Временное правительство? А члены думы? Таких людей, что любят деньги и золото, везде много. Ну что на меня пялишься? Все готово, колеса смазаны, будь уверен — ни одно не скрипнет. Теперь я — хозяин золота!

Внутри у Нигматуллы словно что-то оборвалось. Воротник казакина сдавил горло, кровь резкими, порывистыми толчками билась в виски, отдаваясь по всему телу глухим, отрешенным гулом. Широкая фигура управляющего, который, уложив бумаги обратно в папку и аккуратно завязав тесемки, укладывал ее обратно в сейф, вдруг словно выступила из тумана, стала невероятно резкой, до боли отчетливой и в то же время какой-то плоской, пустой, почти неживой; с той же резкостью и отчетливостью заново увидел он на мгновение всю комнату до мельчайших деталей, вплоть до трещины на стене — и стулья, и сукно на столе, и низко висящую над ним лампу.

Управляющий ленивыми, замедленными движениями уложил папку в сейф и, повернувшись спиной, так же медленно стал закрывать дверцу.

Одним прыжком Нигматулла оказался возле стола.

— Мое! Не отдам! Нет!.. — закричал он и, не узнав в этом крике своего голоса, со страшной силой выбросил вперед стиснутый в камень кулак.

Но управляющий, словно ожидая этого, невероятно ловко увернулся, и тотчас литая массивная чернильница ударила десятника в плечо.

Нигматулла отлетел назад, затылком в стену, и, не почувствовав ни злости, ни боли, снова бросился вперед.

Накышев, державший в одной руке мраморное пресс-папье, тщетно пытался повернуть ключ в замке. На лбу его жирно блестели капельки пота, шея побагровела. Увидев черные, с остановившимися зрачками глаза десятника, он метнул пресс-папье и попал прямо в живот. В ту же минуту ключ в замке повернулся, и, глядя на скорчившегося десятника, Накышев осторожно стал отступать, выдвигая впереди себя кресло.

Внезапно Нигматулла выпрямился и, крикнув что-то уже совсем невнятное, схватил стул и швырнул его в управляющего. Стул, ударившись об угол сейфа, разлетелся на части. Вылетевшее сиденье сбило тубетейку с головы Накышева.

Десятник снова согнулся, вытащил из-за голенища охотничий нож и, шумно дыша, пошел на управляющего.

— Брось! Не дури!.. — хрипло сказал Накышев.

Нигматулла словно не слышал его. Бледный, с остановившимися зрачками, с длинным, желто блестящим в правой руке ножом, он шел вперед слепо, как зверь на запах свежей крови. Никогда еще не видел он перед собой с такой ясностью ненавистное ему круглое лицо управляющего, жирные складки на шее, застывшие мешки век, упруго дергающийся кадык на шее.

— Ключ, — сквозь стиснутые губы выжал Нигматулла, упершись в край стола, на проти-

вположном конце которого, закрывшись наполовину креслом, стоял Накишев с серым лицом и плотно сжатыми меловыми губами.

Связка ключей, чуть не задев десятника по лицу, упала на зеленое сукно. Нигматулла, положив нож в левую руку, торопливо отыскал в связке нужный ему ключ, открыл сейф и вынул черную папку.

Резко щелкнул взведенный курок.

— Стой! Не оборачивайся, собака! Бросай нож! Ну?!

Нигматулла скосил глаза. Управляющий, присев на корточки, закрылся креслом. Черное дуло маленького револьвера целилось прямо в голову десятника.

«Не достану», — решил Нигматулла и разжал пальцы.

— Отшвырни нож ногой! Так. Теперь развяжи тесемки.

— Что? — сдавленно пробормотал десятник.

— Тесемки, олух! Папку открой! Ручка от тебя слева, на столе, можешь повернуться... Ставь тамгу¹.

— Где?

— На верхней бумаге, в самом низу.

Нигматулла с трудом вывел начальную букву своей фамилии, приставил к ней хвостик и, выпрямившись, посмотрел на Накишева:

— А теперь что?

— Теперь положи бумагу обратно в папку, закрой сейф и кинь ключи хозяину, вошь! Отойди от стола. Дальше, дальше, к самой двери!

Накишев, держа десятника на прицеле и не спуская с него глаз, осторожно нагнулся, боком

---

¹ Тамга — знак, который ставят вместо подписи неграмотные.

поднял с пола ключи и нож, подвинул на место кресло и сел.

Нигматулла потерянно стоял у двери.

— Что молчишь, воды в рот набрал? — управляющий спрятал нож в стол и разгладил редкую бородку.

— А чего говорить-то? Твоя взяла, — буркнул Нигматулла.

— Ага. А ты думал, что один такой о двух головах ходишь? — усмехнулся Накышев, отирая платком лицо и шею. — Ну как, на пользу урок? Доволен?

— На пользу, — низко опустил голову десятник. — Извините, Гарей Шайбекович, шайтан попутал...

— Вот с этого конца тебе бы сразу начать, так теперь и навозную жижу хлебать не пришлось бы! Ну, да ничего, бывает... Запомни только, что хозяин — я, крепко запомни! А не запомнишь, я тебя в таком дерьме вываляю, что родной отец не узнает!

— Хорошо, Гарей Шайбекович, — униженно кивнул десятник. — Спасибо вам за науку, в следующий раз не будет такого, обещаю вам.

Лицо его снова стало беспокойно-подобострастным, в голосе появились просительные интонации.

— Следующего раза не будет, — мрачно заметил управляющий. — А коли наука впрок, слава аллаху. Завтра полторы тысячи мне принеешь. Надо начальство подмазать, а то, говорят, сухая ложка рот дерет...

— Что вы, Гарей Шайбекович! Да у меня в жизни таких денег не было! Еще рублей пятьсот мог бы вам в долг наскрести, и то с тяжежкой...

— Не в долг, болван! Про шахту у Гнилого озера забыл?

— Сами знаете, все вместе с лавкой сгорело! Ну, где я столько наберу?

— Что ж ты мне тогда голову зря морочил? — нахмурился Накидышев. — Сказал бы сразу, я бы эту шахту уже раз двадцать продал бы...

— Без ножа ты меня режешь... — Голос десятичника задрожал.

— А ты думал, я тебе ее за красивые глаза подарю? — возмущенно подался вперед Накидышев.

— А подпись моя?

— Да ты мне одних нервов рублей на двести тут со своей подписью намотал, скажи спасибо, что за это не требую!

— Семьсот как-нибудь наберу, а больше не получится... — десятичник уныло повесил голову.

— Эка загнул, семьсот! Да она у тебя в полгода окупится, зачем тогда мне ее продавать-то? Нет, полторы — и ни копейки меньше!

— Тысячу! Больше вправду не могу, хоть повесьте! — с отчаянием махнул рукой десятичник.

Накидышев задумался.

— Хорошо, пусть пока будет тысяча, — наконец с недовольным видом согласился он. — Аллах видит, только от доброты своей так с тобой поступаю, другой на моем месте и говорить об уступках, не стал бы... Так, это решили. Теперь вот что — учти, про Касьянова пока никто на прииске знать не должен, нам еще нужно его именем кое-какие дела проверить.

— Само собой, Гарей Шайбекович, — молчок. Боюсь только, что тут из другого места болтливый язык протянется...

— Откуда?

— От Михаила. Он ведь и в Кэжэне часто бывает, и в Оренбург иногда ездит, везде у него глаза и уши понаставлены. А люди теперь баламутные, чуть что — кидаются, будто их осы кусают! На днях вроде опять хотят к вам в контору насчет зарплаты идти.

— Знаю. Вот на этом мы его, голубчика, и сцапаем! — сжал кулаки Накышев. — Куда ж они пойдут без своего главаря? Он ведь у них всегда сам первый на рожон прет!

— Не получится, Гарей Шайбекович, — покачал головой десятник. — Большой шум может выйти.

— Ну об этом нам беспокоиться нечего. Пусть пошумят, заодно всю мошкарку выловим. Я уже договорился с начальником в Кэжэне, не сегодня завтра он сюда пришлет отряд. Закон всегда на нашей стороне. А о том, что Михаил нового хозяина ненавидит, весь прииск жужжит, так что и платить, я думаю, свидетелям не придется.

— А он что, на самом деле замерз?

— Даже труп не нашли, под снегом где-то лежит...

— А вдруг отыщется? — вскинул глаза десятник.

— Да ведь больше двух недель прошло, как выехал! Был бы жив, давно бы уже дал о себе знать.

— Ну и голова у вас, Гарей Шайбекович! Не голова, а сейф, и главное — каждая вещь на своем месте лежит! — не без зависти отозвался десятник. — И всегда у вас продумано, каждая нитка с ниткой вяжется... Одна только ниточка выпала.

— Какая еще ниточка?

— Да ведь компаньоны у вас то золото, что у кассира, отберут! Не жалко упускать?

— Ошибаешься, у меня и с этой ниточкой все в порядке,— усмехнулся Накышев.— Только это золото у меня на втором плане стоит, сначала надо прииск узаконить. Учти — там и твоя доля имеется, четвертая часть! Надо это обмозговать хорошенько, поговорим еще, время терпит.

Он отцепил от связки один из ключей и кинул его Нигматулле.

— Можешь идти. Ключ оставишь в замке.

— Зря вы так, Гарей Шайбекович,— подняв ключ, улыбнулся десятник.— Не надо бояться... Я уже протрезвел.

— Иди, иди! Никто тебя не боится...

Едва десятник вышел и в коридоре хлопнула входная дверь, Накышев подошел к двери, запер ее и торопливо зарядил пустую обойму револьвера. После этого он обессиленно рухнул в кресло.

ХII

Давно уже пробушевал над Юргашты акман-токман, а зима все не уходила. В редкие дни ненадолго выглядывало из серой хмури неба по-зимнему холодное солнце, но ветер снова собирал над прииском мутные, непроницаемые облака, и, едва появившись, солнце тонуло в грязной наволочи облаков. К ночи начинало подмораживать, опять сыпал снег, закованная в лед река, казалось, промерзшая до самого дна, пряталась в белых глыбах сугробов, хоронилась так глубоко, что и не верилось, что она есть и где-то подо льдом течет невидимая вода.

Дни тянулись медленно, снег на отвалах все не таял, и не было никакой возможности подработать где-то на стороне. Отчаявшиеся люди то и дело приходили в контору, но управляющий только пожимал плечами: ну как можно решать что-то без хозяина?

Все это время Нигматулла как ошпаренный носился по прииску, убеждая людей не торопиться и подождать приезда Касьянова.

— Я знаю,— говорил он,— хозяин согласится повысить плату, вот увидите! А главное — чтоб все тихо было, без шума. Ну зачем лишний раз высказывать недовольство? И к ослу и то нужно подходить с добром, а то лягаться начнет! Сам, своими глазами, телеграмму видел! Уже выехал Касьянов, вот-вот приедет. Так уж лучше набраться терпения и подождать, чем потом себе локти грызть!

Однако измученные, наголодавшиеся люди не могли больше ждать. По предложению Михаила стачечный комитет прииска принял решение выдвинуть во вторник все свои требования и в случае отказа начать забастовку.

В ночь с субботы на воскресенье на прииск прибыл отряд, вызванный Накишевым из Кэжэна. Управляющий разместил людей в конторе, строго-настрого запретив конюху рассказывать кому-либо об этом. Сам он тоже ночевал в конторе,— просто дремал в кресле, закрывшись на замок, просыпаясь от каждого, самого незначительного, шороха. Лицо его похудело, под глазами легли резкие коричневатые тени, веки опухли и покраснели, в сердце то и дело рождалась глухая, ноющая боль. Просыпаясь, он машинально хватался за револьвер, который теперь всегда заряженный лежал на столе.

Наконец наступил понедельник.

Как ни странно, именно в это утро, которого Накышев так ждал и боялся, он заснул так крепко, что Нигматулле пришлось стучаться минут пять.

Сонный, с тяжелой головой, Накышев сунул револьвер в карман камзола и пошел открывать.

— Десять часов, Гарей Шайбекович! — весело доложил Нигматулла, входя в контору.

Следом за ним вошел парнишка лет пятнадцати с нагловатым румяным лицом. Он с любопытством огляделся по сторонам, скользнул взглядом по Накышеву и равнодушно уставился в окно. Челюсти его продолжали быстро и ритмично двигаться, издавая громкие звуки, напоминающие чавканье, с которым голодная собака принимается за еду.

— Кого это ты привел? — протирая глаза, недовольно спросил Накышев.

— Это Султангали. Помните, я вам как-то о нем говорил? Помощник мой. Хороший помощник, настоящий джигит, бойкий, смекалистый, для любого дела годится.

— Кто твой отец? — внимательно разглядывая мальчика, поинтересовался управляющий.

— А зачем? — не переставая чавкать жвачкой, ответил парнишка. — Отец мой дурак и нюня, я родни не признаю. На кой они мне, если у них в голове солома, а в кармане глина? Только и знают, что попрошайничают...

— Ага, понятно, кто ты такой! — весело рассмеялся управляющий. — Что ж, помощник ты, надо думать, неплохой. Может, и мне поможешь?

— Помочь можно, а сколько дадите? — Султангали вынул руки из карманов тулупа и щелкнул пальцами в воздухе.

— Деловой джигит! — управляющий покачал головой. — Далеко пойдет! Ну а сколько ж ты сам берешь?

— Смотри за что, — дерзко глядя в глаза управляющему, вскинул голову парнишка. — По коню и корм, а дохлую кобылу и за копейку покупать не стоит!

— Выучил на свою голову, — засмеялся Нигматулла и похлопал Султангали по спине. — Уговор забыл? Что у нас сначала — дело или карман? Так и здесь будет.

— Дело делом, а прежде, чем покупать, о цене договариваются, — не смутился Султангали.

— На, возьми для начала гривенник! Думаю, цена подходящая, — усмехнулся Накышев.

Парнишка ловко поймал монетку в воздухе и тотчас сунул ее за щеку.

— Что делать?

— Знаешь такого Михаила? С трубкой ходит.

— Этот самый?

— Что значит «самый»? — не понял управляющий.

— Я про того, который с Хисматуллой возился, задаром его читать учил! Во дурень! Я б с него за ученье все жилы вытянул!

— Выходит, знаешь? — переспросил Накышев.

— Я всех знаю, — с довольным видом выпятил грудь парнишка. — Я его даже сегодня видел с Гайзуллой, с хромоногим.

— Так вот, надо его найти и сюда привести.

— На аркане, что ль? А если он не пойдет?

— Скажи, хозяин золота зовет, насчет прибавки зарплаты поговорить хочет, — пояснил управляющий.

— А где он? Я хочу на него поглядеть!

— На кого? — удивился Накышев.

— На хозяина золота!

Управляющий, задетый дерзостью мальчишки, хотел было прикрикнуть на него, но вовремя заметил, что Нигматулла делает ему какие-то знаки.

— Хозяин золота спит, ночью приехал. Вот приведешь Михаила, тогда и хозяина увидишь. Беги быстро, а то не догонишь, и деньги обратно возвращать придется! Ты что, каждый день по гривеннику получаешь?

— Ладно. — Султангали сдвинул шапку на затылок, направился было к двери, но, дойдя до порога, обернулся: — А если он все равно не пойдет, то я тут ни при чем, гривенник назад не отдам!

— Иди, иди! — махнул рукой управляющий.

На площади было пустынно, от ветра пощипывало лицо, и Султангали, выйдя из конторы, припустил по улице изо всех сил.

«Наверно, у Кулсубая они, — соображал он на бегу. — Где им еще быть? А если не там, то можно и Кулсубаю сказать, он передаст. Во здорово, целый гривенник! Дурак, я бы за такое дело копейки две дал, не больше. Надо, пожалуй, почаще к нему ходить, щедрый начальник, видно, денег куры не клюют, раз так швыряется. И я осел. Надо было поморщиться, — может, больше бы отвалил. Нигмат совсем жадный стал, ничего не дает. Думает, что я один, без него, не проживу! Не худо бы около этого начальника устроиться!..»

Добежав до низеньких, коптящих слабыми дымками землянок, он свернул влево по знакомой тропинке и, угадав землянку Кулсубая по одинокой березе, стоявшей рядом, открыл дверь. Внизу, на нарах, сидели Кулсубай и Михаил.

Сара стирала белье в большом деревянном корыте.

Султангали быстро спустился по ступенькам и выпалил, все еще задыхаясь от бега:

— Скорей иди в контору! Из Оренбурга большой начальник приехал, сам хозяин золота! Тебя зовут! Говорит, всем деньги раздавать будут!

Кулсубай встал. Светлые глаза Михаила удивленно уставились на Султангали.

— Он сказал — русского, который главный, а не тебя, агай, — Султангали переминался с ноги на ногу.

— Ты, браток, видно, меня с кем-то спутал, — покачал головой Михаил. — С чего ты взял, что я главный?

— Нет, не спутал! — горячо возразил Султангали. — Они так и сказали: пусть придет Михаил, тот, который трубку курит.

— Мало ли на свете людей, которые курят трубки! По-моему, ты ошибаешься...

— Нет, я знаю, что тебя! — Султангали засмеялся и, выкинув из-за щеки монету, зажал ее в кулаке. — Ты тот самый, который всех баламутит.

— Говорят тебе, не тот это человек! — разозлился Кулсубай. — Разве может у меня быть в гостях кто-то такой, что всех баламутит? Кому кто нужен, пусть сам ищет, а ты ко мне с такими поручениями больше не ходи, а то обратно по лестнице на голове подниматься будешь!

— А что я им скажу? — растерялся Султангали. — Они же велели...

— Кто они?

— Начальники все, в конторе сидят.

— И хозяин золота там?

— Да.

— Ну вот и передай им, что у меня такого человека нет и быть не может! И поторопись, тебя ведь, наверное, ждут обратно?

Но Султангали и не думал уходить, он во все глаза смотрел на Михаила.

— Неужели они не за тобой послали? — наконец с недоумением проговорил он.

— А зачем хозяину золота нужен тот, кого ты ищешь? — полюбопытствовал Кулсубай.

— Откуда я знаю! — Губы Султангали скривились в усмешке. — Разве они мне скажут? Велели — я и побежал! А вы меня обманываете...

— Ну вот, ты уже на нас и сердисься! — рассмеялся Михаил. — Ты чей сам-то будешь?

— Ничей, — нахмурившись, буркнул Султангали.

— Будешь грубить — уши надеру! — грозно пообещал Кулсубай. — Мал еще! Если тебя человек спрашивает, ты что, не можешь ему ответить? Сакмаевский он, — продолжил Кулсубай, повернувшись к Михаилу, — сын Хакима. А Загит ему старшим братом приходится.

— Только я не такой, как он, — с вызовом посмотрел на Кулсубая Султангали. — Он бандит и выродок, и я его братом не считаю!

— Ах ты сопляк! — рассердился Кулсубай.

— Не надо! — остановил его Михаил. — Он же не за этим к нам пришел... Давай-ка лучше подумаем: не сможем ли мы ему помочь? Я, пожалуй, знаю того человека, которого ты ищешь, — ласково обратился он к мальчишке. — Если ты скажешь, для чего начальники зовут его в контору, то я за ним схожу, так и быть!

— Я же сказал — не знаю! — вспыхнул Султангали, но тут же, как бы вспомнив что-то, стукнул себя по лбу ладонью. — Из-за какой-то бумаги, насчет зарплаты! Это сам начальник

сказал. «А если, говорит, не найдешь, то придется еще с этой бумагой ждать, а то хозяин золоты ненадолго приехал, вот-вот уезжает...»

— А куда уезжает, не слышал? — внимательно глядя на мальчика, продолжал допытываться Михаил.

— Как будто в Питер, — не сморгнув глазом, приврал Султангали.

— Ладно, я ему передам. Скажи своим начальникам, что придет или придет надежного человека, если сам не сможет.

— Нет! Он велел, чтоб сам Михаил пришел. Говорит: «Если он главный, то с ним я и буду разговаривать...»

— Не беспокойся, все передам, прямо сейчас к нему пойду. А ты беги в контору, — кивнул головой Михаил.

— Надо срочно собрать комитет, — нахмурившись, сказал Кулсубай, едва за Султангали закрылась дверь.

— Не успеем, — подумав, ответил Михаил. — Слышал, что мальчик сказал? Что хозяин прииска вот-вот уедет. Мне кажется, надо рискнуть. Будь что будет, пойду, пожалуй! А ты, Кулсубай, собирай комитет пока.

— Я против, тут явно какой-то подвох, — возразил ему Кулсубай. — И мальчишка мне этот не нравится, дурная о нем слава идет. Я думаю, это ловушка, и нам надо быть похитрее и поосторожнее их, лучше послать туда завтра делегацию, как мы и хотели.

— С одной стороны, верно ты говоришь, а с другой стороны, что, если Қасьянов делегацию не примет? Опять ждать? И еще одно: если я не пойду, что люди обо мне скажут? Мол, агитировал-агитировал, а как дошло до дела, нас

вперед, а сам в кусты? Так не годится... Самое страшное — потерять доверие у людей...

Кулсубай угрюмо молчал, глядя, как Михаил надевает тулуп. Подпоясавшись, Михаил подошел к нему, поглядел прямо в глаза.

— Если случится что, не оставляй дела на полдороге, браток. Я на тебя надеюсь, смотри не подведи. И забастовку обязательно надо провести, хоть бы и без меня. Бери тогда все в свои руки, ты у нас самый опытный.

— Идем, я тебя провожу, — опустил голову Кулсубай.

Он вышел на улицу, не надев тулупа, без шапки. Минут пять Сара слышала, как тихонько бубнят наверху два голоса, затем Кулсубай снова спустился в землянку и стал торопливо обуваться. Сара подошла к нему и опустилась на колени рядом с ногами.

— Атахы, ради аллаха, прошу, не ходи никуда! Сердце мое чует, беда будет тебе от этого русского! Зачем ты его слушаешь? Ты же обещал мне...

Кулсубай молча надел тулуп, снял с гвоздя шапку.

— Атахы! — плача, с отчаянием вскрикнула Сара.

— Вот что, жена, — твердо сказал Кулсубай. — Если ты так чтишь аллаха, слушайся мужа и не проси его о том, в чем сама не смыслишь! Откуда тебе знать, куда я пошел? Что ты по мне причитаешь, будто я уже умер?

— Боюсь... — испуганно всхлипнула Сара.

— Чего боишься? — смягчаясь, как всегда, при виде слез жены, спросил Кулсубай. — Нечего тебе бояться, сиди дома и жди, когда я вернусь. Думаешь, я для этого русского стараюсь? За тебя, за то, чтоб дети наши были счастливы!

И не реви, не распускай нюни, вся землянка наша уже от твоих слез отсырела, спать холодно будет!.. Ну, хватит, хватит, успокойся.— Он с огорчением махнул рукой и вышел из землянки.

Навстречу ему по тропинке, прихрамывая, шел Гайзулла. Его покрытая малахаем голова была низко опущена, по щеке, застывая, бежала блестящая светлая дорожка.

— Ну вот, и ты реवेशь! Сговорились, что ли?

— А я к тебе шел, агай,— поднял голову Гайзулла.— Ты что, торопишься?

— Ну, что у тебя?

— Старика Хакима видел,— с трудом выговорил Гайзулла,— Говорит, что Загита волки загрызли, кости, говорит, нашли, и одну шапку...

— Фу ты, я уж думал, в самом деле что-нибудь случилось! — облегченно вздохнул Кулсубай.— Жив-здоров твой Загит, не горюй! Только пока об этом никому знать нельзя. Сам понимаешь, что с ним Нигматулла учинит, если услышит...

— А чьи же это кости были? — удивленно засопел Гайзулла.

— Да мало ли чьи! Может, скотина какая подохла, а может, никаких костей и не было! Ты что, своими глазами их видел?

— Нет...— Гайзулла покраснел.

— А раз не видел, то лучше помолчи. Никогда не верь слухам, пока сам не убедишься! — Кулсубай улыбнулся. — А теперь вот что. То, что ты пришел, хорошо, поможешь мне. Давай-ка на самой большой скорости беги к шахтам, в первую и четвертую обязательно загляни, ну и еще, если успеешь... Людей ты наших знаешь, объяснять не надо. Так вот, шепни, кому смо-

жешь, на ушко, что Михаила в контору вызвали, арестовать хотят, понял?

— Понял,— кивнул Гайзулла.

— Ну давай ноги в руки! — хлопнул его по плечу Кулсубай и, не оборачиваясь, быстро зашагал в сторону плотины.

ХІІІ

— Вы с ним поосторожнее, Гарей Шайбекович, он у меня с норовом, заковыристый парнишка! — повернулся к Накышеву Нигматулла. — Если против холки погладить, может при случае такое коленце против тебя выкинуть, что за голову схватишься! А потом спросишь его: «Что ж ты наделал?» А он тебе: «Что ты, то и я, расплатились, стало быть».

— Много воли даешь, — недовольно буркнул Накышев.

— А как не дать, если берет? Парнишка ловкий, в любом деле сгодится, правая рука моя, не смотрите, что мал...

Дверь внезапно открылась, и в комнату вошел худой, высокий человек в зипуне поверх черного пальто, с саквояжем в руках. Все лицо его поверх шапки было укутано грубым вязаным шарфом, из-под которого клочками выбивалась русая борода и усы.

— Здравствуйте! — хрипло и невнятно проговорил он и начал разматывать шарф, поставив саквояж на один из стульев.

— А вы, собственно, кто будете? — обескураженно спросил Накышев.

Незнакомец разматал шарф, скинул зипун, пальто и остался в измятом костюме, который висел на нем мешковато, как с чужого плеча; из-под жилета выглядывал грязноватый ворот-

ничок. Он слабо улыбнулся, пригладил ладонью бородку и сел.

— Не признали? Ну, давайте снова знакомиться... У вас там папиросы, кажется? Будьте добры, а то от этой махорки меня просто тошнит...

— Петр Тимофеевич!..— изумленно и радостно вскрикнул Нигматулла.

— Я просто глазам не верю... — прохрипел Накышев, бледнея и хватаясь рукой за сердце.

С минуту в комнате стояла такая тишина, что стали слышны звуки с улицы. Лицо управляющего приобрело землистый оттенок, нервно задергалось левое веко. Продолжая держаться рукой за сердце, он прикрыл ладонью глаза, чувствуя, как в горле медленно набухает пухлый, тяжелый ком, который невозможно ни проглотить, ни выплюнуть.

Нигматулла, напротив, как вскочил, так остался стоять с торжествующим и от этого слегка глуповатым лицом, прижав руки к груди и быстро хлопая белесыми ресницами.

Касьянов удивленно переводил взгляд то на одного, то на другого, решительно ничего не понимая.

Затем все разом пришло в движение. Нигматулла, очнувшись, кинулся к столу и дрожащими руками поднес Касьянову коробку с папиросами, не переставая улыбаться и приговаривать:

— Петр Тимофеевич, какая радость! Где же вы были? Мы ж вас, можно сказать, по всему свету искали, уж и увидеть не чаяли!.. Может быть, чайку вскипятить? Или покрепче чего подать?

— Уф-ф! Напугали! — медленно приходя в себя, с трудом выдавил улыбку Накышев, попробовал было встать, чтобы поздороваться, но

тут же снова сел.— Вы уж извините меня, старика, не привык я к таким неожиданностям...

Касьянов вяло прикурил и откинулся на спинку стула. Продолговатое лицо его было очень бледно, на лбу от слабости выступила испарина.

— Да расскажите, что с вами было? — продолжал суетиться десятник.— Мы ведь запросы посылали — и в Оренбург, и в Верхнеуральск, везде говорят — выехал, а куда доехал — неизвестно!

— Чего только не было!.. — покачал головой Касьянов.— Почти все время без памяти лежал, только третьего дня очнулся... Никогда не думал, что такое приключится со мной...

— Так вы в акман-токман попали? — живо выпрашивал Нигматулла.

— Два дня,— тяжело вздохнув и как бы сам не веря собственным словам, сказал Касьянов, голубые глаза его влажно заблестели.— Как во сне... Сначала на равнине началось. Ничего подобного никогда не видел, и не дай бог увидеть ни мне, ни вам... Потом в лес заехали, под стогом ночевали. А утром встал — кучер замерз. Хотел было лошадей запрячь — не смог, отвязал их, они тотчас же и убежали. Надо было, конечно, сначала сссть, а потом отвязывать, да я не догадался, уж больно слаб был. Потом пошел, куда дошел, где упал, сам не знаю... Полз еще... Так бы и замерз, если б не подобрали, но этого я уж не помню... Очнулся в избе, на хуторе, от Кэжэна недалеко, думал сначала — снится. Что же за народ у нас такой удивительный! Двое, старики уже, ну кто я им? А они со мной почками сидели... Вот и выходили.

— Значит, аллаху так было угодно,— поглаживая бородку, заметил Накышев.

— Ох, Петр Тимофеевич, видно, в рубашке вы родились под счастливой звездой! — перебил Нигматулла. — Надо же так, на волосок от смерти были!

— Я и сейчас еще не совсем здоров, такой упадок сил, просто встаю — и ветром качает, голова кружится...

— А у нас тут дела совсем неважные, Петр Тимофеевич, — зыркнув глазами на десятника, глухо сказал управляющий. — Бунтуют, грозят работу бросить... Бумагу мне принесли насчет заработной платы, восьмичасового рабочего дня. Вот, посмотрите...

— Да сейчас везде так, — отмахнулся Касьянов от бумаги. — Вы меня извините, господа, я просто не в состоянии говорить о делах, так что сделайте милость, устройте мне комнату и прислугу, мне надо лечь...

— Может, ко мне? — предложил Нигматулла, вопросительно глядя на управляющего.

— А здесь нельзя? — спросил Касьянов.

— Видите ли, — смутился Накышев, — здесь сейчас все комнаты заняты...

— Кем? — удивился Касьянов.

— Солдатами. Сегодня у нас тут как раз одна акция задумана... Конечно, раз вы тут, хотелось бы еще поговорить об этом с вами, так сказать, получить согласие или хотя бы совет, — но если вы не можете...

— Да, да! Делайте, что хотите... — Касьянов устало закрыл глаза.

— Тогда подождите, посидите здесь, я все устрою, — грузно встал из кресла Накышев. — Все равно, я думаю, им здесь больше ночевать не придется, а к вечеру можно будет перевезти вас ко мне, там вам будет покойно...

Переваливаясь, он пересек комнату, прикрыл за собой дверь, и тотчас увидел штейгера и унтер-офицера, кутивших в дальнем конце коридора, у окна. Из двух соседних комнат слышались голоса солдат, шаги, чей-то смех.

— Ну, что у вас там? — спросил, подходя, Накишев.

— Все готово, Гарей Шайбекович. — Унтер-офицер повернулся, слегка щелкнул каблуками и чуть наклонился вперед. — Где же ваш головорез?

— Сейчас будет, с минуты на минуту. Так что вам лучше взять его прямо в коридоре. Боюсь, что он придет не один...

— Это не страшно, Гарей Шайбекович. — Унтер-офицер улыбнулся уголками губ. — Мои молодцы не подведут!

— Тут вот еще какое дело. Надо освободить одну из комнат. — Накишев поморщился. — Хозяин прииска приехал, больной, еле ногами двигает... Как снег на голову свалился! А везти его сейчас в другое место неудобно, мало ли что может случиться по дороге...

— Понимаю, — наклонил голову унтер-офицер.

Он открыл одну из дверей, негромко скомандовал, и в коридор один за другим высыпали солдаты в серых суконных шинелях.

— Врассыпную к дверям...

— А курить можно? — переспросил один из солдат. Круглое курносое лицо его было серьезно, серые глаза смотрели весело и чуть нагло-вато.

— Кури пока, — кивнул унтер-офицер. — Но чтоб настороже! Как только появится, сразу закрыть вход, чтоб ни одного не выпустить, хоть бы их там была целая дюжина. Ясно?

— Приказ не совсем точный, — продолжая смеяться глазами, ответил солдат. — Живьем их брать или можно и того?.. У меня пуля дура, где ударит, там и дыра!

— Живьем. И хватит бузить, сначала дело сделай! — повысил голос унтер-офицер.

Солдат оглянулся и нехотя пошел к дверям, бормоча что-то себе под нос и вынимая кiset.

— Из двадцати ни одного промаха, — с гордостью шепнул Накышеву унтер-офицер.

— Стрелять — в крайнем случае, — раздумывая, сказал Накышев. — Главное — главаря взять, потом целый год лови — не словишь! И чтоб без особого шума. Сами знаете, сейчас всюду беспорядки, кое-что против нас может обернуться...

— Не волнуйтесь, сработаем, как часы, — успокоил его унтер-офицер.

Солдаты по двое, по трое разместились в коридоре. Несколько человек, глядя на курного, закурили.

— Куда эта девка подевалась, чтоб ей пусто было! — раздраженно сказал Накышев, заглянув в опустевшую комнату. — Не могу же я его в такой кавардак вести!

— Да она вроде заглядывала с утра, Гарей Шайбекович, — ответил штейгер. — С веником... Посмотрела, что творится, и ушла. Если хотите, я схожу?

— Сходи, только быстрее, а то он там у меня в кабинете свалится...

— Неужели так плох? — уставился на него штейгер.

— Не то слово! — развел руками Накышев. — Иди, иди, а то я, пожалуй, сам побегу, до того вы меня заморочили...

— Может быть, на всякий случай поставить людей во дворе? — натягивая грязноватые белые перчатки, поинтересовался унтер-офицер.

— Не надо, заметно будет, — покачал головой управляющий. — У него же нюх собачий, боюсь, что и так не придет... Ну, вы стойте тут, я сейчас вернусь.

— А если он как раз и появится?

— Да берите всех подряд, — усмехнулся Накышев, — там разберемся... Вообще-то он в ушанке, вид самый простой, но если что учуял, мог и переодеться.

«Самому бы лечь да отлежаться, — с горечью подумал он, чувствуя, как к горлу снова подступает тошнота. — Сколько я уже не сплю по-человечески? Месяца два, пожалуй... Так и на тот свет недолго отправиться».

— Штейгера только не возьмите! — уже почти дойдя до своего кабинета, обернулся он. — А то он у меня такой джигит, что может сразу от одного испуга копыта откинуть!

Солдаты засмеялись.

В ту же минуту входная дверь распахнулась и в коридор решительными, широкими шагами вошел Михаил. Увидев солдат, он отпрянул было обратно к двери, но дверь уже была плотно захлопнута, и курносый с нагловатой ухмылочкой придерживал ее носком сапога, небрежно подкидывая револьвер правой рукой.

— Это он! Скорее! Взять! — опомнившись, крикнул Накышев.

В мгновение ока трое повисли на Михаиле сзади, и он ничком упал на пол. Один из солдат прижал его коленом, другой вывернул руки за спину. Щелкнули замки наручников.

— Все или еще будут? — лениво спросил курносый.

— Да остальные — неважно! — радостно ответил управляющий. — Главное было этого взять, он тут у нас первый заводила!..

— А ну, поднимите его! — приказал подошедший офицер. — Хоть посмотреть, что за птица.

Лицо Михаила было красным от напряжения, левую бровь пересекала широкая красная ссадина, но глаза смотрели спокойно и даже холодно.

— По какому праву? — сдерживая кашель, сдавленно проговорил он.

— Поговори, поговори у меня про права! — весело ответил офицер.

Курносый, стоявший сзади, ленивым и точным движением согнул ногу в колене и ударил Михаила в спину.

— Стой смирно, шваль! — неторопливо прикрикнул он.

— Эх, браток, против себя воюешь, — кашляя и морщась от боли, повернулся к нему Михаил.

Удар по голове заставил его замолчать.

— Слава аллаху! — облегченно вздохнул Накышев. — Сколько он у меня в печенках сидел, вы себе не представляете! Весь прииск перебаламутил, всех на ноги поднял, что ни день, как петух, с утра орет, а дураки слушают!..

— Ничего, у нас долго не погорланит! Петуху место в кастрюле, Гарей Шайбекович, а в кастрюле, сами понимаете, не запоешь, — со смехом ответил офицер. — Куда его теперь, в Кэжэн?

— А-а, куда хотите! Моя бы воля, прикончил бы на месте, но закон есть закон, и я его уважаю. Глядите только, чтоб не сбежал по дороге, у него уже на этот счет большой опыт имеется...

— За дорогу ручаюсь, а дальше, сами понимаете, он уже в другую инстанцию перейдет. Но ничего, я там предупрежу, с кем они дело имеют.

— Лучше не валандаться долго, сразу его везти, — обеспокоенно проговорил Накышев. — А то, боюсь, хватятся.

— Сейчас отправимся...

— Что, все? — испуганно перобил его управляющий. — Нет, уж вы, будьте добры, отправьте его под конвоем, хоть с этим вашим, который из двадцати ни одного промаха, а сами оставайтесь! Знаете, какая тут может из-за этого каша завариться?

— Можете считать, что уже заварилась! — неожиданно сказал Михаил. — Думаете, от меня избавитесь — и все шито-крыто будет? Плохо ваше дело... Ничего у вас не выгорит!

— Заткнись, чахотка! — ткнул его штыком курносый. — Слышь, что сказали! Идем, да смотри у меня! Пошевелишься — не раздумывая всю обойму вкачу!..

Он схватил Михаила за воротник тулупа, грубо встряхнул и потащил к дверям.

— Васильков и Шушин, с ним! — махнул рукой унтер-офицер. — Доставите на место — тут же назад — и, пожалуй, еще сюда подкрепления дня на два. Так, Гарей Шайбекович?

— До чего же вы замечательный человек, умница! — радостно ответил управляющий. — Сколько я офицеров в жизни перевидел, а с таким в первый раз встречаюсь! Был бы я вашим начальником, вы бы у меня уже не в унтерах, а в полковниках бы ходили! И ребята все как на подбор, и без лишних слов... Если бы все офицеры были такими, Россия давно уже стала бы первой державой в мире! Я вообще считаю,

что государством должна управлять армия, это наилучший вариант из возможных!

Унтер-офицер с улыбкой поклонился, прижав руку к груди:

— Столько похвал, Гарей Шайбекович...

— Ничего, похвала только глупому глаза застит, а не поблагодарить вас за такую услугу просто грех! — расшаркивался Нақышев.

Тем временем Михаил, подталкиваемый сзади курносый, уперся в двери обеими ногами и изо всех сил пытался удержаться в этом положении.

— Откуда только силы взялись! — с удивлением наблюдая за ним, усмехнулся унтер-офицер. — Что ж ты, Рябинкин, где твоя удаль хваленая? Или он такой сильный, что соплей тебя перешебить может?

Курносый со злостью дернул за воротник, и Михаил, вскинув руки, рухнул навзничь, глухо ударившись об пол головой.

— Долго я с тобой возиться буду, гад? — пнул его сапогом курносый. — Вставай!

Михаил перевернулся и продолжал лежать на боку, отчаянно кашляя. Ссадина под бровью кровоточила, на лбу рядом с нею появилась шишка, левый глаз начал заплывать.

— Н-не могу... — прошептал он, отхаркиваясь.

— Ну, гляди сам, сейчас без зубов останешься! — мрачно предупредил курносый и снова согнул ногу в колене.

— Прекратите! — вскрикнул незаметно вышедший из кабинета Касьянов. — Вы что, с ума сошли! Немедленно прекратите!

Курносый недоуменно посмотрел на унтер-офицера, тот с насмешкой перевел взгляд на растерянного Нақышева.

— Что здесь происходит? — гневно глядя на управляющего и нервно кусая губы, продолжал Касьянов.

— Я же вам говорил... — смешался управляющий. — И вы сами же сказали: «Делайте что хотите!»

— А если я вам сейчас скажу, чтоб вы себе ногу отрубили? — покраснев от возмущения, крикнул Касьянов.

— Ну при чем тут нога, Петр Тимофеевич? — вставил вышедший вслед за Касьяновым Нигматулла. — Это же не человек, а зверь! С ним только так и можно! Если б не он, и беспорядков бы на прииске не было...

— Странно, — пожал плечами унтер-офицер. — Перед вами преступник и бандит, а вы его защищаете.

— Я никого не защищаю! Но я против того, чтоб с любым человеком обращались так, как вы... Это насилие! Если он виноват, то есть, в конце концов, другие виды наказаний, предусмотренные законом, а мордобитие еще никогда никого в разум не приводило!.. Да поднимите же его, видите, ему плохо!

Курносый, не дожидаясь приказа, схватил Михаила под мышки и поставил на ноги.

— Так это вы хозяин прииска? — с трудом разжал губы Михаил.

— Совершенно верно, — учтиво ответил Касьянов.

— Хороший же у нас с вами разговор получился...

— Какой разговор? — удивился Касьянов.

— Как какой? Вот этот... — Михаил снова закашлялся.

— О чем он? Я не понимаю... — Касьянов вынул из кармана мятый шелковый платок и

вытер снова выступившую на лбу испарину. — Мы с вами, кажется, и двух слов не сказали...

— Вот именно, что слов не понадобилось. И без них все оказалось ясно!

— Да что вы с ним цыцкаетесь, Петр Тимофеевич! — обеспокоенно сказал Накышев. — Идемте! Комната, правда, еще не совсем устроена, но лечь уже можно.

— Что вы имеете в виду? — не обращая внимания на управляющего, спросил Касьянов.

— Если уж вы действительно вызвали меня для разговора, то уж больно в неравном положении мы находимся, — сказал Михаил.

— Снимите с него наручники! — багровея, приказал Касьянов.

Курносый щелкнул замками. Михаил распрямил плечи и стал растирать отекавшие руки.

— Так, может быть, теперь вы объясните мне, что за преступление я совершил? — спросил он.

— Я, собственно, не знаю... — Касьянов оглянулся на управляющего. — Дело в том, что я только что приехал.

— Да это же главный подстрекатель! Весь прииск на ноги поднял, а теперь спрашивает, в чем виноват! Вешать таких надо без всякого суда! — нетерпеливо пояснил управляющий.

— Да что говорить — бандит! — поддержал Нигматулла.

— Бандит, значит? — вытирая платком кровь на щеке, прищурился Михаил. — А может быть, наоборот — вы-то и есть как раз настоящие бандиты и преступники — все жилы у народа вытянули, в душу наплевали и думаете, что все это вам с рук сойдет?

— Видали, какой он?! — взвизгнул Накышев. — Слышали? И так с утра до вечера, толь-

ко и знает, что грязью плеваться! Простые люди его развесив уши слушают, особенно молодые старатели, а они потом к нам с разными требованиями идут, вроде тех...

— С какими требованиями?

— Да я ж вам только что в кабинете показывал, а вы сказали, что не можете, — ответил Накышев.

Глаза Михаила посветлели, лицо пошло красными пятнами.

— Вот видите! — упрекнул он Касьянова. — Прибыль подсчитывать у вас всегда времени хватает, а до народа дела нет! А подите встаньте на их место, посмотрите, в какой нищете они живут, как у детей от голода животы пухнут! А если бы вашим детям так жилось? Справедливо это, по-вашему?

— У меня нет детей... — растерянно проговорил Касьянов.

— Какая разница! Не у вас, так у него, — Михаил кивнул на управляющего, — а не у него, так еще у кого-то! Людям все равно, кто хозяин. Сколько ни перебивало тут хозяев, а жизнь у рабочих лучше не стала. Терпение ведь тоже когда-нибудь лопается! И если они еще к вам с требованиями идут, а не с топорами, так это по простоте своей! Все верят, как дети, все ждут: может, вы одумаетесь, может, поймете, что дальше так нельзя!

— Я не понимаю: почему вы говорите все это мне? — горячо возразил Касьянов. — Я как раз и приехал сюда специально для того, чтобы помочь людям! Я не хочу, чтобы они жили в таких условиях, поверьте мне...

Михаил, не отвечая, смотрел на него насмешливо и холодно.

— Почему вы думаете, что для меня нет ничего святого на свете? — все больше возбуждаясь, продолжал Касьянов. — Уверяю вас, для меня ничего нет дороже и святее, чем родина! И я все сделаю, чтобы народу стало легче! Но неужели вы не понимаете, что сейчас война и трудно всем, не только на моем приiske? И, в конце концов, то, что делаете вы, не приносило разве народу еще больше бедствий, не вызывало разве каждый раз ужаснейшие кровопролития? Я думаю, что так народу не поможешь!

— А как же вы собираетесь ему помочь?

— Пока я ничего не могу сказать, я еще не видел прииска...

— Вот этим все и кончается — словами! Только обещаете или страшаете, а чтоб легче народу стало, пока палец о палец еще никто не ударил! — возмутился Михаил. — Да что у вас с ним общего? Смогли бы вы сейчас раздать людям свои капиталы и жить, как они, в землянках или бараках, полжизни в шахтах колупаться, чтобы потом выйти оттуда калеками, которые никому не нужны с той минуты, как только не смогут держать в руках кайлу? Что же касается до кровопролития, как вы это называете, так кто, по-вашему, его устраивает — народ? — Михаил окинул взглядом коридор. — Вы хотите быть гуманным, а когда мы идем к вам, как вот я, безоружный, вы меня мордой об пол?! Кто же кровь проливает — мы или вы? Нет, господин Касьянов, вы еще в трех соснах блуждаете, все идеала ищете, а народ, которому вы так стремитесь помочь, уже не может, иссякло терпение, кончилось! — Михаил закашлялся и приложил платок к губам.

Касьянов, не в силах сказать ни слова, прислонился к дверному косяку. Вид его был очень

плох — щеки, казалось, еще больше запали, темные круги резко обозначили усталую голубизну глаз.

— Я сейчас, — слабым голосом сказал Касьянов и, держась рукой за стену, медленно пошел в кабинет.

Нигматулла след в след двигался за ним мелкими, крадущимися шажками, готовый в любую минуту поддержать хозяина.

— Что это с ним? — спросил Михаил.

— Какое твое дело! — обрушился на него Накышев. — Наденьте-ка ему наручники и везите скорей от греха подальше! А то, я чувствую, еще час — и он такую веревку тут нам совет, сам шайтан повесится...

— Сами себе веревку вьете, — с ненавистью глядя на Накышева, процедил сквозь зубы Михаил. — Ни чести, ни совести, ни закона у вас нет, одна вывеска, и та уже давно слиняла! Конец вам приходит, вот и забеспокоились, только жаль, что не я вам эту петлю на шею накидываю!

— Ма-а-лчать! — гаркнул унтер-офицер.

Курносый выжидательно поглядел на него.

— Иди закладывай, в дороге потешишься, — кивнул ему унтер-офицер.

Курносый, щелкнув каблуками, исчез за дверью.

— Сколько лет вашему Касьянову? — шепнул унтер-офицер, склонившись к управляющему.

— Двадцать с лишком, — пожал плечами Накышев. — Молодой еще, только что дела в руки получил, да еще больной, с дороги... А в общем-то и без дороги, наверно, такой бесхитростный. Быть хозяином — это, знаете ли, талант, не каждому дается! Я бы никому не позволил так с со-

бой разговаривать. Если перед каждой ложкой в кисель превращаться, съедят скоро!

— Верно говорите, Гарей Шайбекович! — заметил унтер-офицер, кривя уголки губ. — Им ведь сколько ни дай, всегда будут кланчить и канючить, чем больше даешь, тем хуже!

Дверь распахнулась, и в коридор вбежал запыхавшийся штейгер. Он был без шапки, и темные глаза его так выпучились, что казалось, вот-вот выскочат из орбит. Следом за ним быстро вошел курносый.

— Все! — выкрикнул штейгер, подбежав к Накышеву. — Со всех сторон, еле пробрался! Вот шапку сняли, кричат: «Не отпустите Михаила — подожжем все к шайтану!»

— Та-ак, — процедил сквозь зубы унтер-офицер. — Ты, Рябинкин, можешь и стрельнуть разок для острастки!

— Никак нет! — запротестовал курносый. — Знаете, сколько народу? Вся площадь черным-черна!

— Это все его рук дело! — дрожа от испуга и ярости, Накышев повернулся к Михаилу. — У-у, шайтан, придушил бы тебя, как собаку! Где ни появишься, везде смута!

— Нет, это как раз дело ваших рук, — спокойно ответил Михаил, глядя прямо в глаза управляющему. — Просто пришла пора расплаты за все.

— Ну что ж, придется просить помощи в Кэжэне, — задумчиво протянул офицер.

— И опять никак невозможно! — вытянулся курносый. — Во-первых, не пройти, а во-вторых, сами знаете, в Кэжэне сейчас своя смута может начаться!..

— Ну, сколько б ни дали!

— Все равно будет капля в море! — уверенно возразил курносый. — Вы в окно вон поглядите! Это ж прорва, три роты проглотит и не почувствует!

— Что же делать? — сложив маленькие ручки под подбородком, спросил штейгер, испуганно переводя взгляд с офицера на управляющего и обратно. — Они же все разнесут! А попасть им сейчас в руки — не приведи господь, ключев не останется!

— Да, веселая картинка! — сказал кто-то из солдат.

— Ма-алчать! — рявкнул унтер-офицер. — Если вы еще у меня языки распустите, Сибири на всех не хватит!.. А ты, мразь, выйди к своим, скажи, пусть лучше расходятся по-хорошему, — повернулся он к Михаилу. — Рябинкин тебя на всякий случай на прицеле из окна подержит, понял? Если не разойдутся — все тут полягут! Или тебе лишняя гирька на совести не помешает? Не пойдешь, так я тебя сейчас сам, своими руками уничтожу! — Он неторопливо расстегнул кобуру, вынул револьвер, щелкнул курком. — Ну?!

— Какая низость! — Михаил с отвращением посмотрел на унтер-офицера и сплюнул.

Большие, острые уши унтер-офицера вспыхнули, губы раздвинулись в полуоскале.

— Что скажете, Гарей Шайбекович? — сказал он, не опуская руки. — К стенке его или обождать немного, пока одумается?

Накышев молчал. Реденькая длинная бородака его тряслась, тубетейка сползла на затылок.

С улицы катился гул голосов, стук в закрытые ворота.

Из кабинета, держа в руках лист бумаги, вышел Касьянов, следом за ним, как тень, гнулся Нигматулла.

— Я прочел ваш ультиматум, — сказал Касьянов, обращаясь не то к Михаилу, не то в пустоту. Голос его звучал устало и глухо, но твердо. — К сожалению, вы требуете невозможного. Однако, я думаю, кое-что можно сделать. Во всяком случае, нужно поговорить с людьми, и поговорить по-хорошему, иначе это может привести к самым неприятным последствиям...

— Да, да, вы правы! — поддержал его Накышев. — Такого скопления народа никогда еще не было, и они очень возбуждены!

— Вы лучше знаете, что сказать им, Гарей Шайбекович, я ведь еще не в курсе дел...

— Я?! Я не могу! — Лицо управляющего перекосилось, глаза забегали по стенам. — Извините, Петр Тимофеевич, но выйти сейчас к ним — это все равно что попасть в акман-токман! Я уже старик, мне такое не под силу...

— Чистое безумие! — согласился с ним унтер-офицер. — Они его сейчас, как волки, растерзают! Нет уж, лучше начать отстреливаться. Патронов у нас часа на четыре, а там, я думаю, может быть, помощь из Кэжэна подоспеет...

— Извините, что не знаю вашего имени-отчества, но, может быть, вы поговорите с ними? — Касьянов подошел к Михаилу. — По виду и разговору вы все же человек интеллигентный и не можете не понимать, какой страшной бедой это грозит... Это же анархия!

— Анархия? — Михаил рассмеялся. — Нет, господин Касьянов, это не анархия, а это революция! Вы хотите, чтобы я народ вашими посулами успокоил? А им плевать на ваши слова, им и жизни не жалко, потому что разницы нету, сегодня от пули помереть или завтра от голода...

— Да как вы это терпите, Петр Тимофеевич? Кто ж здесь хозяин-то? — крикнул Нигматулла.

— К окнам, ребята! — скомандовал унтер-офицер. — А тебя, мразь такая, коли ты сам на кулаки лезешь, я сейчас сам успокою!..

— Поберегите нервы! — сурово остановил его Касьянов. — Я не позволю, чтоб здесь, на моем приiske, пролилась кровь! Слышите? Не позволю!

— Но ведь другого выхода нет, Петр Тимофеевич! Мы все погибнем! — Накышев схватился руками за голову.

Словно подтверждая его слова, во дворе что-то затрещало и обвалилось с диким грохотом.

— Ворота... — осевшим голосом прошептал штейгер.

— Повысьте заработную плату, снизьте рабочие часы, дайте людям возможность жить! — горячо сказал Михаил. — Только на этих условиях я обещаю вам полную неприкосновенность!

— А что у вас там, наверху, Гарей Шайбекович? — спросил Касьянов, указывая рукой на лестницу.

— Контора, как и здесь...

— Идемте! Там есть окно?

— Есть. Что вы задумали, Петр Тимофеевич? Не сходите с ума, это же возбудит их еще больше! — Управляющий смотрел на него со страхом.

Не слушая его, Касьянов быстро направился к лестнице. Накышев, задыхаясь, не отставал от него. Остальные с изумлением наблюдали за этой сценой.

Не добравшись и до середины лестницы, Накышев внезапно охнул, схватился за сердце и медленно осел на ступени.

— Петр Тимофеевич!.. — свистящим шепотом проговорил он.

Касьянов даже не оглянулся.

С трудом, чувствуя, как дрожат и подгибаются колени, он пробрался в узкую комнату с низким потолком, под самой крышей конторы, отодвинул в сторону покрытый пылью стул и рванул деревянную дверку, ведущую на уличную сторону.

Внизу, во дворе конторы и на площади, сколько мог охватить его взгляд, толпились старатели. Задние ряды с силой давили на тех, кто стоял во дворе, неся сплошной гул. Люди старались дотянуться до высоких окон конторы, влезали на плечи друг другу, с силой дергали дверь, стараясь сорвать ее с петель.

У Касьянова закружилась голова, и он схватился рукой за край дверки, чтобы не упасть.

А сзади уже накатывало и грохотало:

— Эй, там кто-то по крыше лазает?!

— Багром его оттуда, окаянного!

Все подняли головы вверх, и Касьянов на мгновение почувствовал себя как загнанный на дерево зверек.

— Послушайте! Давайте поговорим по-хорошему!..— крикнул он в черное колышущееся море голов.

— А ты кто такой? — спросили его снизу.

— Я?.. Я хозяин этого прииска! — споткнувшись почему-то на слове «хозяин», во весь голос ответил Касьянов.

— Говорили уж по-всякому!

— По горло словами сыты!

— Тише, вы, может, и вправду что путное скажет!..

Касьянов молча ждал, пока уляжется шум. Ноги у него подкашивались, в глазах закипали слезы.

— Я болен, не могу говорить громко,— наконец сказал он.

Старатели, стоявшие во дворе, притихли, ожидая. Задние продолжали напирать.

— Я прошу вас разойтись, потому что...

Толпа многоголосо взорвалась:

— Мы тут все больные!

— Ишь какой, «разойдись»!..

— Пусть сначала Михаил выйдет!

— Да что с ним говорить, тащи из конюшни солому, пусть сгорят все со своей конторой!..

— Михаила сюда!

— Может, они его уже там прикончили втихую!..

— Да жив он, ваш Михаил! — собравшись с силами, крикнул Касьянов. — Сейчас договорим, и выйдет! Что ж вы, его вместе с конторой палить будете?!

— Его не будем, а вас всех не мешало бы! — мрачно пообещали внизу. — Мотри, хозяин, что-бы без подвоха! Подождать мы, скажем, подождем, а если Михаила хоть пальцем тронете, гореть вам всем и на том и на этом свете! Соломы хватит!

— Сейчас он выйдет, — повторил Касьянов и, шатаясь от слабости, закрыл дверку.

Шум во дворе начал постепенно стихать.

Касьянов с минуту постоял, закрыв глаза и передыхая, затем стал спускаться, держась за перила и еле передвигая ноги.

— Ну что? — шепотом спросил штейгер.

— За то, что вам были нанесены телесные повреждения, — сказал Касьянов, подходя к Михаилу, — я привлеку к ответственности кого следует. Но нельзя же в отместку за побои позволить пролить кровь...

— Что же я, по-вашему, должен делать? — недоуменно посмотрел на него Михаил. — Я у

вас вовсе не компенсации за свои синяки требую, а хочу, чтобы вы по-человечески отнеслись к людям, которые работают на вас!

— Я прошу вас выйти и не допустить погрома конторы и прочих беспорядков. Идите скажите им — пусть приступают к работе.

— Вы думаете, что-нибудь изменится оттого, что я скажу им об этом? Вы же только что говорили с ними! Послушались они вас?

— Они не хотят говорить со мной, пока не увидят вас, — с горечью признался Касьянов. — Кажется, я слишком поздно приехал...

— И вы хотите, чтобы я вышел к ним с пустыми руками? Нет, господин Касьянов, я не выйду, пока вы не дадите мне точного ответа, что вы намерены сделать для улучшения жизни старателей. И, пожалуйста, снимите с меня наручники, а то мы с вами опять говорим не на равных...

Касьянов посмотрел на унтер-офицера, тот кивнул курносому, снова щелкнули замки наручников. Михаил скрестил руки на груди и прислонился к стене.

— Я спрашиваю вас, — сказал он, — прочли вы требования забастовочного комитета? Намерены вы удовлетворить их?

— Я не могу решить этого сейчас, я обязан связаться сначала с компаньонами, — опутив голову, тихо ответил Касьянов. — Пока я сделаю запрос, пройдет не менее трех дней.

— Люди не будут ждать, пока вы договоритесь с компаньонами, — настойчиво повторил Михаил. — Вы же видели, в каком они состоянии. Я должен дать им ответ сейчас, иначе я не могу ручаться за то, что контора и все, кто здесь находится, будут в целости и сохранности.

Касьянов задумался. Как во сне, снова промелькнули перед его глазами выбитые стекла витрин, кипящие в черной гуще красные знамена, страшное побоище у Троицкого собора...

— Пожалуй, вы правы, — наконец сказал он. — Скажите, что пока я могу по своему усмотрению прибавить заработную плату на пятнадцать процентов. И, кроме того, обещаю наладить снабжение прииска продуктами. А пока компаньоны ответят мне, я осмотрю прииск и погляжу, что еще можно сделать...

— Какой позор! — прошептал унтер-офицер.

У Накышева был такой вид, словно его ошпарили кипятком. Нигматулла, сам того не замечая, грыз ногти на руках.

— Ну, что ж, для начала неплохо, — согласился Михаил.

— А теперь, извините, я все-таки лягу. — Касьянов провел ладонью по лбу. — Надеюсь, все будет в порядке?

— Я постараюсь все объяснить людям, — кивнул головой Михаил. — Я думаю, мы с вами еще увидимся.

— Да, да, конечно. Гарей Шайбекович, проводите меня, если вам нетрудно...

Управляющий, поддерживая Касьянова под руку, повел его по коридору. Михаил, отодвинув курного в сторону, снял задвижки и шагнул на крыльцо. Не успел он сделать это, как тут же оказался в объятиях Кулсубая.

— Миша! — со слезами на глазах крикнул Кулсубай, голос его пресекся.

— Михаил!.. Выпустили!.. — пронеслось над толпой.

Старатели подняли Михаила на руки и вынесли на площадь.

— Да что вы!.. Ребята! Товарищи!.. — вытирая глаза и смеясь от радости, шептал Михаил, а руки все несли его, тянулись, старались дотронуться, прикоснуться, со всех сторон вразнобой кричали: «Ура!», лица людей светились улыбками. Его донесли и поставили на камень у забора.

На площади стало тихо, только поскрипывал под ногами снег. Люди тесным кольцом окружили Михаила, но и те, кому не удалось пробиться поближе, стояли молча, казалось, не дыша, боясь пропустить хотя бы одно слово.

— Товарищи! — поднял голову Михаил. — Это наша с вами первая настоящая победа!.. Горжусь тем, что мы стали, наконец, как одна семья!.. Пусть пока это небольшая победа, но, как говорят, мал золотник, да дорог. Пока мы добились только повышения зарплаты и хорошего снабжения, но если мы и дальше будем идти вместе, в ногу — ничто не устоит перед нами!..

Накышев, штейгер и унтер-офицер, молча стоя у окна в кабинете, наблюдали за происходящим.

— Надо взять его сегодня, как только уляжется шум, — сказал Накышев. — Иначе наш телок пойдет у него на поводу и все полетит в тартарары!

— Будет сделано, Гарей Шайбекович, — не сомневайтесь, — ответил офицер, теребя белые перчатки.

XIV

Весь день Михаил ходил от барака к бараку, объясняя, советуясь, уговаривая людей не бросать дело на полдороге, стоять за свои права до конца. Старатели слушали его жадно, но тем

не менее многие готовы были остановиться на достигнутом, боялись, что из Уфы и Оренбурга вышлют на помощь Накишеву казаков и тогда все примет совсем другой оборот — забастовочный комитет будет арестован, самых лучших людей сгноят по тюрьмам, а что толку? Тем, кто останется на прииске, совсем житья не будет. Да и правда ли то, что пообещал молодой хозяин? Может быть, это только приманка, предлог, чтобы оттянуть время, и уже со всех сторон спешат к Юргашты вооруженные отряды, чтобы отомстить за тот малый кусок хлеба, что вырван сегодня из хозяйского рта?..

Ближе к ночи, чуть не падая от усталости, Михаил зашел в барак возле разрушенной фишеровской шахты, где они договорились встретиться с Кулсубаем. Старатели, тесно забившие барак, тотчас расступились, и Михаил, присев на нары, в который раз терпеливо стал объяснять, как нужно им вести себя дальше. Слова его перемежались частым кашлем, трубка дрожала в руках, голубые, как весенние льдинки, глаза смотрели весело и спокойно и, казалось, светились изнутри.

Наконец он замолчал и оглядел собравшихся:

— Ну, что скажете, товарищи?

— Я тут все сидел и твои слова в голову себе укладывал, — из угла поднялся один из старых старателей.

Он отложил в сторону надетый на колодку старый лапоть, который пытался починить, и пошел поближе.

— Ну и как, уложил? — Михаил весело рассмеялся.

— Много я про тебя слышал, — без улыбки ответил старатель. — Знаю, что человек правиль-

ный нутром, справедливый, за бедных все сердцем стоишь. И все-таки, по-моему, не прав ты...— Старик сунул руку под шапку и в нерешительности почесал затылок.

— Ну-ну, договаривай! Чего ж ты на полуслове остановился? — подбодрил его Михаил. — Мы ж с тобой не как враги говорим, а как друзья, что нам друг от друга свои мысли скрывать?

— Не прими только моих слов в обиду, — вскинул седые брови старик, — не хочу я, чтоб они тяжестью легли тебе на душу... Только вот, кажется мне, не тот совет ты дал Кулсубаю...

— Да, если б не Кулсубай, одни угли бы сейчас остались от конторы! — поддержал его парень помоложе, кутавшийся в старое шерстяное одеяло. — Один бы пепел над прииском летал!

— Моя бы воля, я б этому Накышеву голову собственными руками свернул! — присоединился к ним третий, с округлой бородкой и полными, словно надутыми, щеками. Глаза его от гнева помутнели, руки сами собой сжались в кулаки.

— Чего их было жалеть? — продолжал старик. Сухое, морщинистое, как кора высушенного дерева, лицо его было неподвижно, но губы дрожали. — Они нас никогда не жалели, сына моего под землей оставили, в этой шахте проклятой, когда озеро провалилось, даже и попрощаться мне с ним не довелось... Чего только не натерпелись от них, толстопузых, всю чашу горькую до дна испили! Так чего ж их, гнид, жалеть, я спрашиваю? Раз уж собрались миром, тут и надо было их всех порешить!

— Ну ладно, предположим, порешил ты их, а дальше что? — спросил Михаил.

— Какая разница! — дерзко ответил парень. — Главное — волков перестрелять, а с собаками уж как-нибудь справимся!

— Ну, горяч мужик! — Михаил рассмеялся. — Смотрю я — с тобой, пожалуй, и целый полк не справится, как зайцы, побегут, а?

Парень густо покраснел.

— Да я не про себя...

— А про кого же?

— Про всех!

— Ну ладно, про всех, так про всех. Скажи, у тебя, к примеру, револьвер есть или ружье?.. Вот видишь, нету. И у других пока нету. А как пойдут они на нас с пулеметами, что ты тогда будешь делать?

— В лес уйду, — мотнул головой парень.

— Так всю жизнь и проживешь в лесу?

— Зачем всю жизнь? Поживу-поживу, а потом снова выйду...

— Ну, а товарищам твоим какая польза от того, что ты по лесу бегать будешь да от тех же волков, которых перестрелять хотел, прятаться, как заяц? Нет, браток, если мы все по лесам разбежимся, не будет у нас хорошей жизни! Ну, пристрелишь ты Накышева, ну, еще парочку негодяев, а потом что? Приедет на прииск новый хозяин, привезет с собой пулеметы, с чем ты на него пойдешь? Кол из забора вырвешь?

— А что же делать? — растерянно спросил парень.

— Что ни делай, все равно ничего не сделаешь! — глухо пробормотал старик. — Только и осталось доброму человеку, чтоб чести своей не уронить, жизнь за нее выложить! И то — какая ей нынче цена, жизни этой? Хлеба не ешь, света белого не видишь, и за что с утра до вечера пот проливаешь и спину гнешь, неизвестно... Чем та-

кой жизнью жить, лучше хотя бы одного толстопузого уничтожить, а там — хоть грудь под пули!..

— Эх, дедушка, рано ты помирать собрался, — покачал головой Михаил. — Человек не для смерти на свет рожден. Если мы все себя под пули положим, кто тогда нашим внукам скажет, где правду искать? Думаешь, у тебя одного сын погиб? Да они сейчас сотнями в братские могилы ложатся, так, что и не сыщешь потом... Сам посуди: что получится, если перебьют всех хороших людей? По какому праву мы им эту землю без боя сдавать должны, когда она наша, исконная, дедами засеянная и обжитая? Грудь под пулю и дурак подставить сумеет, а ты сумеешь выжить да еще и так этих «толстопузых» перехитрить, чтоб верх над ними взять, вот тогда весь народ тебе в ноги поклонится и спасибо скажет!..

— Разве их перехитришь? — безнадежно посмотрел на Михаила старик. — Сам говоришь: если одного убить, другой с пулеметами придет...

— В том-то и дело, что нельзя бороться в одиночку! Они на нас все силы собирают, и мы так же должны! Миллионы не перестреляешь, а наша сила еще только-только народилась, вот и получилось не народное правительство, а Временное. Само за себя говорит — Временное, на время то есть! Я думаю, что если мы будем все вместе выступать, как сегодня, то они не устоят перед нами даже и с пулеметами!

— Может, и так, тебе виднее, ты человек грамотный, ученый, только у нас тоже свои обычаи есть, дедовские, и нам от них отступить негоже, — не сдавался старик.

— Что же это за обычаи? — поинтересовался Михаил.

— Немудреные, — усмехнулся старик. — Вот тебя ведь в конторе били сегодня?

— Били, — согласился Михаил.

— Вот видишь, и фонарь у тебя под глазом.

— Ну и что же?

— А то, что их, собак, убить за такое дело надо было! Деды говорили: «Если аллах забыл наказать кого-то и ты сделаешь это за него, добра на земле больше будет». А ты не дал нам отомстить за тебя! Разве это справедливо? Какая же это будет революция, если таких душегубов прощать?

— Вы думаете, они не стали бы защищаться? У них же там все наготове стояло, и патронов на четыре часа, своими ушами слышал! Зачем же мне вас под пули ставить, да еще так бессмысленно? — возразил Михаил.

— Ты расскажи, какая это власть потом будет — народная? — спросил внимательно слушавший Михаила парень. От спора он даже перестал чувствовать холод и не замечал, что одеяло уже давно сползло ему с плеч на колени.

— По правде сказать, браток, я толком ответить на это пока не могу, но есть один человек, который про все это знает и ведет за собой всех... Его зовут Ленин. Ты запомни это имя... Я думаю, от каждой губернии свой представитель будет, а выбирать мы его сами станем — худого не выберем!

— Все равно не будет порядка, — обронил старик.

— Почему? — удивился Михаил.

— В стаде должна быть одна голова, а там, где две или три, уже шайтан ноги об руки ломает. Вот посмотри на лошадиный табун — один

у них жеребец, и все остальные его власть знают. И у людей так же. Испокон веков ни отцы наши, ни деды, ни прадеды без хозяина не обходились, в том только беда, что хозяева худые были. А если младший не станет старшего уважать, если сын отца перестанет слушать, если бедняк перед баем, как петух, расхаживать станет, а бабы перед муллой творить, что хотят, что может из этого путного выйти?.. К кому тогда сын за советом придет, на кого отец в старости опираться будет? Кому бедняк зимой кланяться станет, когда вся мука кончится? Нет, стада без головы не бывает...

Не успел старик договорить, как в барак вбежал Кулсубай в расстегнутом тулупе, с бледным лицом.

— Прячься скорей! — крикнул он Михаилу. — Из Кэжэна войска вызвали, уже по всем баракам тебя ищут!.. Через минуту будут здесь!..

— Вот что, — быстро скидывая с себя казакин, заявил старатель с округлой бородкой и пухлыми щеками, — вроде видом мы с тобой схожие, давай сюда шапку и тулуп, а сам иди вон в угол, возьми колодку и сделай вид, что лапоть плетешь! Может, получится? Да малахай покрепче натяни! Эй, ребята, дайте малахай, у кого побольше...

Кулсубай влез на верхние нары и повернулся лицом к стене. Михаил стал ковыряться в лапте, плотно натянутом на колодку. Старик прислонился спиной к стене, закрыл глаза и затянул дребезжащим голосом протяжную старую песню:

Как у нашего стола есть четыре ножки,
Как стоят на нем гурьбой сто четыре чашки,
Сто четыре иль сто пять —
Никому не сосчитать!
Помогите мне, соседи, я запутался опять...

Как во рту лепешки тают,
Что за песни здесь поют!
Все ли люди это знают?
Все ли слышат? Все ль идут?

Пир удался нынче ладный,
Все, кто хочет, заходи!
Может быть, кумыс прохладный
Успокоит жар в груди...

— Красивая песня, — сказал Михаил. — Жалко, слов не знаю. Грустная только! Сколько ни слышал у вас песен, все грустные...

— А с чего нам веселиться? — усмехнулся старик. — Есть у нас и другие песни, про Урал, про батыров наших. Будет время — все тебе спою, только и там песни хоть и храбрые, а на губах горечь выступает...

— Ничего, будут еще у вас веселые песни! — с уверенностью сказал Михаил. — Соловей и в клетке петь будет, а выпусти его, разве в нем душа не взыграет? Вот тогда и песня веселая польется!

За дверью слышались голоса. Старатель, переодевшийся под Михаила, поглубже натянул на лоб стертый до кожи козырек ушанки и сжал трубку в руке.

— Вот он! Держите его! — крикнул курносый, врываясь и указывая на старателя.

Тот, в свою очередь, сделав вид, что пытается бежать, кинулся к дверям, и, споткнувшись о ногу, ловко подставленную курносому, растянулся на пороге.

— От меня не уйдешь! — похохатывал, зашелкнув наручники, курносый. — От меня потеха никогда еще не уходила!..

Старатель промышал что-то неразборчивое, курносый не глядя дернул его за воротник, под-

нял и подтолкнул к двери. Несколько солдат, вбежавших в барак вместе с ним, взяли их в плотное кольцо и вывели на улицу.

Едва они вышли, как Кулсубай скатился с нар. Михаил отложил в сторону колодку с лаптем.

— Слава аллаху! Обошлось... — облегченно вздохнул старик.

— Быстрее, быстрее! — торопили их старатели. — А то они снова нагрянут!..

— На-ка вот зипун, — сказал парень и принес с дальних нар рваный, потертый зипун.

— Скажи ему за меня спасибо, браток, — кивнул головой Михаил, поднимая валявшуюся у порога трубку. — Если б не он, гнить бы мне по тюрьмам еще года два, а может, и сегодня в живых уже не было бы... Побратались мы с ним, — выходит, я ему ушанку, он мне малахай...

— Да иди ты! — сердито прервал его старик. — Они ведь и по следу пойдут, успеете ли уйти? Дай вам аллах счастья и помощи в трудной дороге! А ты приходи, сынок, когда вернешься...

— Ладно, дедушка, приду обязательно! До свиданья, товарищи! — И, махнув малахаем, исчез в темном провале дверей.

Кулсубай, кивнув, последовал за ним.

Не прошло и нескольких минут, как в барак снова ворвались солдаты. Курносый осмотрел все нары, обшарил углы, грозил, размахивал револьвером, но старатели только пожимали плечами.

— Про что твоя говорит, урус? — латая лапоть, спросил старик. — Ты пришел, схватил, а теперь говоришь, где?

— Ничего, далеко не уйдет! — злобно прошипел курносый и, сделав знак солдатам, выбежал, придерживая рукой болтавшуюся на боку шашку.

XV

Три дня Касьянов провалялся в постели, не в силах приняться за дела. С утра он чувствовал слабость, к вечеру у него поднималась температура, и все это время он, кутаясь в одеяло и глядя в окно на чисто убранный двор конторы, где сновали люди, думал о том, что вел себя как мальчишка и говорил совсем не то, что нужно было сказать, вспоминал насмешливые искорки в глазах офицера, наглую ухмылку курносого солдата, вытянувшееся лицо Накышева, черную толпу на площади, слова Михаила, решительное выражение его спокойных светлых глаз...

— Принесите мне отчеты за последние годы, — попросил он на четвертый день Накышева, когда тот зашел навестить его.

Спустя полчаса управляющий принес ему целую грудку папок с делами, и Касьянов копался в них до ночи, выписывал в записную книжку отдельные цифры, пытаясь предугадать, насколько возрастет добыча золота в ближайшие годы, и вызывая Накышева по каждому пустяковому делу. Но как ни старался он заглушить в себе неприятные и противоречивые мысли, они не давали ему покоя, да и болезнь брала свое — папки выпадали из рук, и, усталый, он откидывался на подушки либо снова смотрел в окно, то ругая себя, то вдруг начиная горячо оправдывать, словно в нем постоянно жили и спорили два человека с разными характерами.

«Наверно, генерал или князь иначе вели бы себя на моем месте... — думал он. — Интересно, что они ответят на мою телеграмму? Господи, и телеграмма-то, кажется, ненормальная, я же ничего не соображал, когда писал ее!.. С другой стороны, отчего я так мучаюсь? Я поступил так,

как подсказывала мне совесть, я не допустил кровопролития... В любом случае с людьми нужно обращаться по-человечески и договариваться по-хорошему, иначе ни в каком деле успеха не будет. Если пойти на уступки, они станут лучше работать, а если они станут лучше работать, и добыча повысится. Мое дело — добыча золота и хорошие отношения с рабочими, тогда и эта за-
раза — политика — их не коснется...»

Он так и уснул, сидя на подушках, с папками в руках, а когда на следующее утро Накышев зашел узнать, как чувствует себя хозяин, Касьянов был уже одет.

— Петр Тимофеевич, зачем же вы? — всплеснул руками управляющий. — Ложитесь сейчас же, вам еще нельзя!..

— Ничего, ничего, я чувствую себя уже вполне прилично, — возразил Касьянов. — Да и время не ждет. Пока нет ответа от компаньонов, я хочу осмотреть прииски.

— Прямо сейчас? — растерялся Накышев.

— Да, пожалуй. Дела я уже проглядел, — Касьянов кивнул на папки, аккуратно сложенные на подоконнике, — теперь пора взглянуть на все своими глазами.

— Вы что, и в шахты будете спускаться? — спросил Накышев, ощущая, как по спине его бежит неприятный холодок, как всегда перед спуском в шахту. — Нет, Петр Тимофеевич, это немыслимо! Да я вас в таком состоянии просто не могу туда вести! Вы простужены насквозь, а там сырость, мерзлота...

— Там видно будет, спускаться или нет, — нахмурился Касьянов. — Во всяком случае, если не сегодня, то завтра обязательно спустимся. Я хотел бы узнать, в каком они состоянии и что

там нужно сделать для улучшения условий работы.

«Значит, не будет продавать, — мелькнуло в голове у Накышева, и лицо его тотчас приняло скучное выражение. — А может как раз посмотрит и решится? Надо ему самые плохие шахты показать, не станет же он по всем лазить, осматривает одну-две — и ладно!..»

— Можем пока осмотреть плотину и некоторые тепляки, — сказал он. — Вам надо хорошо одеться, Петр Тимофеевич, а то снова сляжете... У меня как раз две шубы, давайте я вам одну принесу? Широковата будет, но зато спасет от новой простуды...

— Согласен, — кивнул головой Касьянов и, присев на кровать, стал делать какие-то пометки в записной книжке.

— Эй, Зинат! — выбежав на крыльцо, крикнул Накышев. — Зови ко мне штейгера и главного инженера, сейчас поедem с хозяином прииск осматривать! Пусть подождут в кабинете, а я на минутку домой сбегаю. И вот еще что — запряги пару самых резвых и сани большие, чтобы мы все четверо уместились!

Не прошло и получаса, как он, снова постучавшись, входил к Касьянову.

— Все готово! Лошади запряжены... — сказал он, протягивая хозяину рыжую лисью шубу.

— Лошади? — удивился Касьянов. — А может быть, лучше пешком?

— Нет, Петр Тимофеевич, вы не сможете... — настаивал на своем Накышев. — Вон еще какой бледный...

— Отчего же? Я с удовольствием пройдусь... А впрочем, вы правы, наверно, да так и быстрее получится.

Он надел поверх пальто шубу, взял записную книжку и двинулся вслед за управляющим.

Во дворе уже стояли наготове просторные розвальни, запряженные парой холеных коней саврасой масти. У розвальней топтались штейгер и главный инженер. Зинатулла раскладывал на соломе теплые подстилки.

— Здравствуйте, Петр Тимофеевич! — пробасил главный инженер. — Рано встать изволили, поторопились, по лицу видать, что еще не вся болезнь вышла...

— Не обожждать ли? — поддакнул штейгер, щуря темные глазки. — Может, завтра?

— Не откладывая на завтра того, что можно сделать сегодня, знаете такую пословицу?

«Да, сейчас нужно обеими руками в него вцепиться, — подумал управляющий. — Главное, чтобы он мне доверял, как самому себе, иначе не только прииск, но и золото из сейфа уплывет...»

— Садитесь, Петр Тимофеевич, давайте я вам ноги как следует укутаю, — пригласил он.

— Помилуйте, Гарей Шайбекович, вы меня уже так укутали, что хоть в сугроб положи, все равно жарко будет! — рассмеялся Касьянов.

— Нет уж, извольте слушаться, раз нездоровы! — весело ответил Накышев и, усаживая молодого хозяина, прикрыл его ноги ковриком.

К полудню они осмотрели несколько шурфов и подъехали к тепляку на плотине. Навстречу им, размахивая короткими полными ручками, выбежал ровнялыцки.

— Какая честь! Проходите, пожалуйста! Не поскользнитесь, тут место такое... еще две ступенечки!.. — не переставая кланяться и пятясь задом, бормотал он.

Начиная с той самой минуты, как его предупредили, что хозяин хочет осмотреть тепляки, он не давал женщинам ни минуты передышки и, даже когда кончалась поступавшая из шахт порода, заставлял их перемывать заново уже промытые камни.

Поэтому женщины встретили Касьянова молча, некоторые лишь украдкой бросали взгляды на лисью шубу, мешком сидевшую на плечах молодого хозяина, на управляющего и штейгера, выглядывавших у него из-за спины.

— Здравствуйте, — сказал Касьянов.

Женщины нестройно ответили ему, продолжая кидать лопатами породу. Гульямал, стоявшая у вашгерда, на секунду оглянулась, глаза ее озорно сверкнули. Ровняльщик тотчас угрожающе двинулся в ее сторону. Гульямал, прыснув, отвернулась и стала быстро-быстро разбрасывать камни на решетке. Казалось, даже вода в том месте, где она стояла, течет быстрее и говорливее.

— Есть у вас какие-нибудь претензии к администрации, если не считать прибавки к заработной плате и уменьшения рабочих часов? — спросил Касьянов.

Работа приостановилась. Женщины, опершись на лопаты, повернулись к Касьянову.

— А как же! — задорно крикнула Гульямал. — Вон стоит самая большая претензия! — и указала рукой на ровняльщика. — Видали, какой карапуз? Как здесь, у нас, — так прямо бабий царь, роздыху не даст, а как на фронт супротив германца пойти, слабо будет! Конечно, с бабами легче воевать, и патронов не надо, а голосок у него почише всякой пушки будет!

— Опять ты язык распускаешь? — покрывшись красными пятнами, буркнул ровняльщик. — Не забывайся!

— А что ты со мной сделаешь? С работы уволишь? Так тебе же от этого хуже!

— Почему это?

— Я-то себе везде на кусок хлеба заработаю, а тебе тогда придется платок в магазине покупать!

— Не понимаю, что ты там тараторишь? — пожал плечами ровняльщик. — При чем тут платок?

— А при том! Раскинь мозгами: какой тебе мужик пойдет эту гальку мыть? А не найдешь работницу, придется тебе самому на мое место встать! Вот тогда и наденешь себе на голову бабий платок!.. Самая подходящая корона для бабьего царя!

— Ну, язва! — с ожесточением сплюнул ровняльщик под общий хохот. — И что с тобой делать, не знаю, прямо в кишках ты у меня засела! Только от Михаила избавился, теперь новый Михаил появился, в юбке! Мало того, что меня на позорставляешь перед такими высокими гостями, — всех баб с толку сбила! Вон уже сколько породы накопилось, куда вы смотрите? Руки у вас поотсыхали?

Женщины нехотя взялись за лопаты.

— Значит, у вас нет никаких просьб? — вытирая платком набежавшие от смеха слезы, переспросил Касьянов.

— Наши просьбы дома остались, — с горечью сказала высокая худая женщина в черном платке. — Кто на печке от холода плачет, кто в люльке от голода ревет, а кто по шахтам спины не разгибает. Разве тебе, барин, понять? Ты лучше в бараки сходи, посмотри, какая у нас жизнь, —

тогда и спрашивать не надо будет...

— Правильно, Марья Николаевна! — поддержала ее Гульямал. — Не так, хозяин, спрашиваешь! Постой-ка весь день на вашгерде, а потом иди в эти клоповники да переночуй там, может, тогда небо в овчинку покажется!

— Идемте, Петр Тимофеевич, — управляющий потянул Касьянова за рукав. — Хватит на сегодня.

Касьянов молча вышел и сел в розвальни. Штейгер и главный инженер примостились сбоку.

— Давайте к баракам, — приказал Касьянов.

— Я бы не советовал вам идти туда просто так, — предупредил Накышев.

— Что значит просто так? — удивился Касьянов.

— Я бы взял с собой хоть двух солдат, а то могут быть неприятности. Старатели, знаете, народ горячий...

— А я думаю, что они такие же люди, как и мы с вами, Гарей Шайбекович, — сухо ответил Касьянов. — И мне бы не хотелось говорить с ними, приставив дуло к спине! Больше того, я считаю, что в том и заключается наша беда, что мы говорили с народом на языке пуль. Я хочу, чтобы у меня на приiske все было по-другому, чтобы люди понимали меня, а я их, и чтобы мы могли взаимно уважать друг друга.

— Боюсь, что не получится у вас такой дружбы, как вы хотите, — усмехнулся Накышев. — Я старательский народ знаю... Вот выстави вы им завтра бочку водки — горы для вас своротят, щелкни кнутом — пятки лизать начнут, а человеческого языка не понимают, нет! Темный народ, сам не знает, чего хочет.

— Я придерживаюсь иного мнения, — все так же сухо и непримиримо отвечал Касьянов. — Кстати, не слышал пока, чтобы вы с ними говорили по-человечески... И даже если вы правы и все так просто, почему старатели, вместо того чтоб лизать вам пятки, собираются поджечь контору и вас вместе с ней?

Главный инженер и штейгер переглянулись, главный инженер покачал головой.

— Вы у нас, Петр Тимофеевич, человек новый, годами молодой, — пробасил он, откашлявшись в кулак, — не знаете, как раньше бывало. Гарей Шайбекович вам дело советует, не след туда без солдат идти!

— Вы как хотите, а я пойду, — упрямо повторил Касьянов. — Посмотрим, кто из нас окажется прав...

Розвальни остановились у низкого, наполовину ушедшего в землю барака. Касьянов соскочил с розвальней.

— Куда здесь? Показывайте, Гарей Шайбекович! — приказал он.

— Если что, беги к офицеру, — шепнул Накышев главному инженеру.

Тот согласно кивнул головой.

Уже в узком темном коридоре Касьянов начал задыхаться, войдя же в барак, побледнел, прислонившись к дверному косяку, и прижал к носу платок.

В большом, вытянутом в длину помещении тянулись к потолку высокие нары, сработанные по одной мерке, так что человек, взобравшись на них, еле-еле мог вытянуться, а высокому приходилось спать, согнув ноги в коленях. Из трех маленьких заиндевелых окошек сочился слабый, как в предрассветных сумерках, свет. Справа, в дальнем углу, вытянув кверху колено черной от

копоти трубы и словно придерживая ею потолок, стояла небольшая железная печка. Сверху на нее в беспорядке были навалены сырые валенки, каты и лапти, от которых валил и стлался по потолку белый пар. На деревянных гвоздях висели зипуны, тулупы и связки копченой рыбы, вокруг которой черными кучками шуршали тараканы. Между нарами протянуты были веревки, где сушились прелые рубахи, штаны и портянки. Справа простоволосая грудастая баба из ковша поливала над ведром на голову коренастому, широкоплечему мужику, тот фыркал и отплевывался. Чуть подальше, над очагом в казанке кипела вода. По замусоренному земляному полу, усталому кое-где соломой, бегали полураздетые босоногие ребятишки. На ближних нарах, обнявшись, чтобы не упасть, спали двое подростков, огонь от очага бросал на их худые, бледные лица багровый отблеск. Примостившись недалеко от грудастой бабы, на маленьком квадратном коврикe сидел, закрыв глаза и поджав ноги, сухощавый старик. Одна щека его распухла и была обвязана грязной тряпкой, жилистая шея была худенькой, как у ребенка. Старик тихонько покачивался из стороны в сторону, бубня себе что-то под нос тоскливо-монотонное.

Вокруг железной печки, толкаясь и ругая друг друга, суетились женщины. Каждая старалась поставить чайник или кастрюлю на более выгодное место.

Их мужья, вернувшиеся после ночной смены, устало и понуро сидели на нарах в ожидании еды. Многие так и спали сидя. Некоторые из них чинили лапти, другие молча дымили трубками, третьи торопили жен; на нижних нарах, прикрепив к скрипучим доскам сальную свечу, трое парней, не замечая ничего вокруг, играли в кар-

ты; крики, шепот, чей-то затяжной кашель, стук ребячьих ног, храп — все смешалось в назойливый, ровный гул. Запах пота, гнили, прелых портянок, вареной картошки, сырого белья и овчины так шибал в нос, что невозможно было продохнуть, но никто, казалось, не замечал этого, так же как никто не обращал внимания на вошедших.

Касьянов отнял платок от лица.

— Что же это, господи!.. — сдавленным голосом прошептал он.

— Я предупреждал вас, — тихо заметил Накишев.

— Я все же попробую, — сказал Касьянов и, пройдя вперед, остановился у нар, где сидел длиннорукий рябой мужик, покачивая на колене девочку лет четырех.

Мужик поднял глаза на Касьянова.

— Разрешите присесть с вами? — спросил Касьянов.

— Садись, пока свободно, — с неприязнью ответил тот. — Что, в своих хоромах места мало, пришел наши занимать?

Касьянов тотчас вспомнил блестящий, зеркальный паркет, бездумно скользящие по нему атласные бальные башмачки, свой дом, ручных белок в парке и покраснел до ушей.

— Мне хочется по-хорошему... Я хотел бы помочь... — сбиваясь и путаясь, стал торопливо объяснять он. — Я хочу спросить вас: почему здесь так грязно?

Мужик посмотрел на Касьянова и недобро рассмеялся:

— Что, не нравится? А не нравится, так возьми да почисти!

— Ну зачем ты так, Вась? — схватила его за плечо подбежавшая женщина с круглым, крас-

ным от печного жара лицом. — Может, то хороший барин, может, поможет нам?.. — Она с надеждой заглянула в глаза Касьянову. — У нас, барин, беда большая, эвона братенник его родной помирает, глянь сюда, на верхние нары, повыше! А у него двое детей! Если помрет, на меня останутся, и своих трое, никак одним не под силу будет! Помогите, ежели не жалко, помогите, кормилец!..

Баба всхлипнула, прижала к глазам край темного передника и вдруг, бросившись на колени, прижалась губами к руке Касьянова.

— Что вы, да что вы! Встаньте, ради бога! — вскакивая, крикнул Касьянов. — Я помогу, я все сделаю, только встаньте!..

— А ну, Катька, уйди! — злобно проговорил длиннорукий. — Ничего он не сделает! Разве не видишь, какой расфуфыренный пришел! Потешиться над нами захотел, на слезы твои поглазеть, дура!

— Ирод! — набросилась на него Катька. — Ты сколько мне денег приносишь?! Все пропиваешь, скоро меня пропьешь! А чем детей кормить? Ирод ты проклятый, кабак тебе жена, а не я!.. Ой, барин хороший, лиха я с ним хлебнула, ой, хлебнула же! Если ты не поможешь, хоть в петлю полезай. Не нужна мне жисть такая, лучше сдохнуть... — И, рыдая, припала снова к ногам Касьянова.

— Я вас умоляю, встаньте, я все сделаю... — затравленно озираясь, проговорил Касьянов.

— Катя, не надо... Катюша... — донесся слабый голос сверху.

Касьянов поднял голову и встретился глазами с братом длиннорукого, который тщетно пытался приподняться на локте.

Заскрипели по углам нары, старатели собирались к месту происшествия, как на представление.

— За что же это ей одной такие милости? — уперев руки в бока, зычно выкрикнула грудастая баба, сжав в руке ковш. — А мы что, хуже, чем она? У меня вон тоже четверо на шее, скоро пятый будет! Ей, значит, золотой каравай, а нам — крошки подбирай?! Ты, Катька, или за всех проси, или я тебе все патлы повиыдеру!

Внезапно, вырвавшись из-за чьей-то юбки, подбежала к Касьянову девочка и с размаху ткнула его кулачком раз, другой, третий...

— Бисмилла! ¹ — прошептала пожилая башкирка, роняя из рук шитье. — Что ты делаешь?

— Зачем тетя Катя плачет? — с гневом крикнула девочка, снова замахиваясь на Касьянова. — Ты нехороший! Уходи!..

Кровь бросилась в лицо Касьянову, он сжал голову руками и присел на краешек нар. Катька, прижав к себе девочку, с испугом смотрела на него. В бараке наступила тишина.

— Вы меня не поняли, — тяжело дыша, сказал Касьянов. — Я не только ей, я всем помочь хочу... Потому и пришел к вам...

— Если хочешь помочь, зачем про грязь спрашиваешь? — сердито прервал его длиннорукый.

— Как зачем? — растерялся Касьянов. — Разве плохо, если чисто? Тесно, конечно, я понимаю, но это ничего, я обещаю, я еще бараки строить буду! Но нельзя же в такой грязи жить! Разве трудно пол подмести, баню истопить?

---

¹ Б и с м и л л а — заклинание перед молитвой. едой и при страхе.

— Ба-ню? — рассмеялся длиннорукий. — Ты, барин, спросил бы сначала, есть ли баня, а потом уж про грязь говорил бы!

Старатели дружно вторили ему. Со всех сторон смотрели на Касьянова смеющиеся, хохочущие лица. Ничего, кроме насмешки, не было в их глазах.

— Дожить бы до весны, до первой травки, а ты — баня... — с хриплым присвистом прошептал сверху брат длиннорукого.

— Сначала спроси, чем мы живот набиваем! — злобно крикнул старатель в лихо заломленной набок шапке.

— Ты сюда ночью зайди, погляди, как люди вповалку на земле спят! — наступала грудастая.

— Посмотри, в чем ходим! — обнажив голую грудь, распахнул рваный тулуп один из старателей. — Рубашки истлели, штаны сопрели, вошь на клопе сидит и тараканом погоняет!

— Я построю баню, даже две, — пообещал Касьянов, опутив голову. — Не надо так... Я не виноват, что вам так живется...

— Не виноват? — переспросил длиннорукий. — Кто же тогда виноват? Сами мы, что ли? Коль не виноват, так зачем сюда пришел!

— Я хотел узнать, чего вам не хватает... — упавшим голосом сказал Касьянов.

— Всего хватает! — уверил его старатель в заломленной набок шапке. — Вшей хватает, клопов хватает, нужды хватает, только тебя до сих пор не хватало — вот ты и явился!

— Петр Тимофеич! — окликнул его от дверей готовый бежать в любую минуту Накышев.

— Да, да, я иду, — ответил Касьянов, поднимаясь и чувствуя, как к горлу подступает противная, липкая тошнота. — Я еще приду.

— Приходи, гостем будешь! — расхохоталась грудастая. — А хошь, хоть сейчас с нами оставайся — напоим, накормим, узнаешь, почем фунт нашего хлебушка!..

Шатаясь от слабости, Касьянов еле дошел до розвальней. Всю дорогу до конторы он молчал, то закрывая глаза, то вновь открывая их, но казалось, он не видит ничего кругом. Дойдя до своей комнаты, он сел на стул и тупо уставился в окно.

— Не обращайтесь на них внимания, Петр Тимофеич, не надо, — стараясь успокоить и привести его в себя, суетился Накрышев. — Я же вас предупреждал, что народ у нас темный, распущенный, невоспитанный... Сколько я их знаю, они к начальству без всякого уважения относятся...

— А мы? — с горечью прошептал Касьянов. — Мы к ним разве с уважением относимся?

Накрышев продолжал молча стоять рядом с хозяином.

— Вы идите, Гарей Шайбекович, — махнул рукой Касьянов. — Не беспокойтесь, я сейчас лягу...

«Пожалуй, ладно, пусть останется один. Может, на пользу пойдет», — устало подумал управляющий и, попрощавшись, вышел.

Касьянов медленно снял шубу, присел на кровать, вынул свою записную книжку и, еле удерживая карандаш в непослушных пальцах, записал: «Бани — 2. Новые бараки — сейчас 5, а потом еще».

Он провел ладонью по горячему лбу, с трудом поднял выпавший из рук карандаш, дописал: «Полы дощатые» — и не раздеваясь лег на кровать. Голова у него кружилась, спина ныла от усталости, при одном воспоминании о запахе

барака к горлу подкатывал тяжелый, удушливый ком.

«Завтра же начну строить»,— подумал Касьянов и провалился в беззвучную, черную тьму...

Пришедший утром Накышев застал его в самом плохом состоянии. Он срочно велел запрягать и под надзором штейгера отправил хозяина в Верхнеуральск, в уездную больницу.

XVI

С тех пор, как началась война и мужчины один за другим стали уходить на фронт, Сакмаево год от года разорялось, словно каждую ночь слетались сюда большие хищные птицы и разносили деревню по колышку, по жердочке.

Почти ни у кого не осталось дворовых построек, сараи разобрали на дрова, некому было подправить кренившиеся набок плетни, починить ветхие крыши. Голые, беззащитные дома еще до середины зимы засыпало снегом под самые окна. Никто уже не убирал, как прежде, сугробов, и лишь узкие, вытопанные тропинки вели от ворот к дверям, оставляя слева и справа от себя высокие, как стены, снежные заносы.

Акман-токман сорвал несколько старых крыш, свалил и поломал редкие одинокие деревья, и только дымки чувалов говорили еще о том, что здесь живут люди...

Ежась и потирая озябшие уши, Гайзулла еле-еле выбрался на необкатанную дорогу и направился в сторону, где жил мулла Гилман.

Дом муллы находился недалеко от мечети и, как и дом Хажисултана-бая, поглядывал светлыми окнами на деревенскую площадь. Это был один из немногих сохранившихся домов в поселке. Все дворовые постройки его остались целы-

ми, а двор был тщательно убран и подметен. У сарая, перебирая несколько пар вожжей, стоял Ягуда-агай.

— Добрый день! — поздоровался Гайзулла. — Хозяин дома?

— Где ж ему еще быть в такой холод? — с недовольным видом ответил Ягуда-агай.

— Не знаешь, случайно, не нужен ему работник?

— Почем мне знать, может, и нужен, — пробурчал Ягуда-агай. — Только он их, по-моему, задаром нанимает...

— Как это задаром? — не понял Гайзулла.

— А так! Нанять наймет, а платить не платит, словно не дни, а грехи свои ему отработываешь! — объяснил Ягуда-агай и, выбрав нужные ему вожжи, ушел в сарай.

Гайзулла вытер ноги о разноцветный половик в просторных сенях и робко постучался. Не получив ответа, он потянул за ручку и, сдернув махлай, робко переступил порог.

Гилман-мулла сидел на большом красном ковре и, сложив руки, отвечивал длинные поклоны в сторону восточного окна. Рябое лицо его было почти полностью скрыто под белой чалмой, из-под халата торчали мягкие сафьяновые сапожки.

Скрипнула половица. Из-под широкой цветастой занавески показалось на мгновение круглое лицо жены муллы Рамзии. Гайзулла кивнул головой, боясь произнести слово, чтобы не нарушить молитву, и Рамзия снова скрылась за занавеской.

Наконец мулла перестал отвечивать поклоны. Еще несколько минут он сидел в молитвенной позе, беззвучно шевеля губами, затем подобрал полы длинного халата, встал и, словно

только что заметив гостя, уставился на Гайзуллу неподвижным взглядом.

— Ассалям агалейкум, мулла хэзрет! — чувствуя себя неловко под его испытующим взглядом, вежливо поздоровался Гайзулла.

— Вагалейкум саям¹, — протяжно, словно пропел мулла. — С чем пришел молодой джигит? Хочет ли он, чтобы я совершил молитву о здравии его родных, или он хочет жениться и пришел просить чтобы я прочитал никах² и протер над его домом благословение аллаха?

— Нет, — покраснев, ответил Гайзулла. — Я пришел спросить, нет ли у вас в доме какой-нибудь работы для меня.

— Работы? Ну что ж, садись, давай подумаем... Эй, жена, принеси-ка нам чаю!

Почти тотчас вслед за его словами из-за занавеси вышла Рамзия с кипящим самоваром в руках, словно только и ожидала этого окрика. Она проворно расстелила перед муллой красиво вышитую скатерку, поставила на нее чашки и, снова чуть ли не бегом скрывшись за занавесью, так же быстро вынесла оттуда горячие лепешки на блюде, кувшин кислого молока и деревянные миски.

Мулла неторопливо присел у скатерки, прислонился спиной к подушкам и кивнул Гайзулле:

— Садись, джигит. Поговорим. Язык голову кормит, а голова язык, и это дело, угодное аллаху! Бисмилла!

Он разлил по мискам кислое молоко и помещал в своей миске ложкой. Руки его с длинными, как бы заостренными пальцами были холе-

---

¹ Ответное приветствие.

² Н и к а х — молитва при бракосочетании.

ными и белыми, как у богатой женщины, и Гайзулла, скромно присевший на краешке ковра, старался, чтобы и его шершавые, обветренные руки выглядели так же уверенно,— взяв ложку, он тоже стал помешивать молоко.

«Аллах, я, пожалуй, и забыл, какого оно вкуса! — неожиданно подумал он.— Но если я покажу это мулле и съем свою чашку раньше, чем он, то он может решить, что я слишком прожорливый, и не возьмет меня... Наверно, он нарочно поставил мне еду, чтобы посмотреть, как я ем!..»

— Какая же нужда заставила тебя прийти просить работы? — снова как бы пропел мулла.— Ведь ты уже работаешь у Хажисултана-бая. Или он мало платит тебе?

— Нет, он платил мне хорошо, — стараясь поднести ложку ко рту так же лениво и говорить так же степенно, ответил Гайзулла.— Но теперь я больше не работаю у него...

— Почему же ты потерял такую выгодную работу? — удивленно сказал мулла, задержав свою ложку на полдороге.— Наверно, ты плохо работал? Или кто-то сказал о тебе неправду Хажисултану-баю и он выгнал тебя, не проверив, на самом ли деле ты виноват? Или он плохо с тобой обращался и ты сам решил найти себе другого хозяина?

— Нет, нет! — торопясь, возразил ему Гайзулла.— Все было не так, мулла хэзрет. Честное слово, я очень старался, когда работал у него, и на обращение тоже пожаловаться не могу! Он меня из-за Нафисы выгнал...

— Из-за Нафисы?.. — еще более изумленно проговорил мулла. — Ай-хай, не зря говорится в коране, что женщина — нечистая тварь, и все зло — от нее! Кто с женщиной свяжется, тот по-

теряет голову и сам станет носить юбку. Воистину, обереги нас аллах от такой беды! Что же натворила опять твоя сестра? Что ей, мало того горя и позора, что она уже принесла в родительский дом? Да она у тебя, наверно, просто албасты — злой дух! Где ни пройдет, везде следом несчастье катится... В прошлом месяце, когда меня позвали прочитать никах над твоей сестрой и Нигматуллой, я уж было подумал, что теперь-то она возьмется за ум и будет вести себя так, как положено по шариату! Ведь ей достался в мужья не кто-нибудь, а человек не бедный, уважаемый, дом его — полная чаша, и раз он живет в таком довольстве, значит — аллах чтит благочестие этого человека. На его месте, право, я бы еще подумал, прежде чем брать в жены такую, как твоя сестра... Так Расскажи мне, что совершила опять эта неверная?..

— Она ничего не сделала худого, — покачал головой Гайзулла.

— Как же не сделала, если из-за нее тебя выгнали с работы? Зачем ты хочешь скрыть от меня проступок сестры? Даже если ты не расскажешь мне о нем, то аллах на небе видит все ее прегрешения, и она споткнется, не пройдя и шага, когда вступит на мост, что ведет в рай! Каждый из нас получит то, что заслуживает, а у нее столько грехов на душе...

— Она не виновата в том, что Хажисултанбай выгнал меня, — с трудом слушая, как мулла посылает проклятия на голову его сестры, проговорил Гайзулла. — Просто Хажисултанбай разозлился, что она вышла замуж, вот и выгнал меня...

— Даже если это так, я в это не верю, — не такой человек Хажисултанбай, чтобы помнить старые обиды, ведь мы с ним соседи, и я знаю,

как благочестиво он живет, — вылив в ложку остатки молока, размеренно ответил мулла, — так вот, даже если это так, то я не понимаю, почему же теперешний муж твоей сестры не даст тебе работы? Хозяйство у него большое, и рук в нем, по-моему, не хватает. Или сестра твоя плохо отзывалась о тебе и такой почтенный человек не хочет иметь с тобой никакого дела?

— Нет, Нафиса-апа не могла сказать обо мне ничего плохого, — все так же ровно отвечал Гайзулла. — Но мы бедняки, и ее муж не хочет признавать родства с нами...

— Нет, тут что-то не так, — пристально глядя на Гайзулла, возразил мулла. — Муж твоей сестры уважает обычаи дедов, обычаи дедов говорят нам, что родня — это смое святое, что есть у человека. Не иначе как ты пришел сюда, чтобы обмануть меня... Зачем ты говоришь дурные слова о двух самых достойных людях в поселке? Насколько я знаю, ни один из них не причинил тебе ущерба, а только, наоборот, помогал твоему дому в трудное время. Нет, ты неблагодарный человек, и, видимо, они долго терпели твою неблагодарность и лень, прежде чем выгнать тебя и отказать в куске хлеба! Но аллах сказал, что всякое доброе дело будет отмечено, и всякое худое — наказано, вот тебя и наказали. Тебе стоило бы прийти ко мне, чтобы молиться об отпущении грехов, а ты оправдываешь собственную лень и клеветешь на тех, кто были твоими благодетелями. И ты хочешь после этого, чтобы я нанял тебя, как работника?

Он допил чай и с важностью поставил пустую чашку на скатерть. Гайзулла так и сидел с ложкой в руке, низко опустив голову. На дне его миски еще оставалось молоко, и он не знал, можно ли ему после таких слов допить его.

— Хвала аллаху за эту еду, что он послал мне сегодня! — благочестиво подняв глаза, проговорил мулла. — Пусть и дальше будет благословение твое над моим домом, и я всегда буду благодарен тебе за эти крохи, что ты присылаешь своим слугам для поддержания сил!

Гайзулла молча положил ложку на скатерть.

— Эй, жена! — крикнул мулла.

Рамзия унесла самовар и чашки, сложила скатерку и собралась уже было снова уйти за занавеску, но мулла остановил ее.

— Скажи, хватает ли рук у меня в хозяйстве? — кичливо спросил он.

— У тебя в хозяйстве всего хватает, — спрятав руки под передником, смиренно сказала Рамзия. — Но разве жена советчица своему мужу в таких делах? Если тебе кажется, что у тебя в хозяйстве чего-то нет, скажи мне о своем желании, и если аллах поможет мне, я выполню его...

Мулла с довольным видом посмотрел на ее полноватую, крепко сбитую фигуру, на аккуратную головную повязку, перехваченные лентами и монистами косы. Рамзия стояла посреди комнаты не шелохнувшись, опустив глаза и ожидая, что прикажет ей муж.

— Ладно, иди! — махнул рукой мулла, и жена тотчас скрылась за занавеской.

Мулла развалился на подушках и все тем же изучающим взглядом посмотрел на Гайзуллу. Гайзулла поежился.

— Ты видел, как должна вести себя женщина, если она уважает обычаи дедов и шариат? Это не то что твоя сестра, у которой под каждой пяткой сидит по злему духу! Если когда-нибудь будешь выбирать себе невесту, посоветуйся со

мной — я знаю толк в женщинах и сразу вижу, какого они характера...

— Так как же насчет работы? — кашлянув, спросил Гайзулла.

— Насчет работы? Разве тебе еще не ясно? Или, может быть, я уже слишком стар и не умею даже ответить на вопрос человека? — Мулла сердито сдвинул к переносью седые брови.

— Нет, что вы! — испуганно заморгал Гайзулла. — Вы очень хорошо говорите, это просто я, наверно, такой непонятливый...

— Ну что ж, если ты такой непонятливый, я могу объяснить тебе еще раз. Но, мо-моему, я ясно сказал, что мне не нужен ленивый работник...

— Я не ленивый, мулла-хэзрет, — робко прошептал Гайзулла. — Пожалуйста, проверьте, как я работаю, я вам докажу!

— Нечего и проверять! Я тебя уже проверил! — отрезал мулла. — Насквозь вижу, какой ты ленивый и неблагодарный человек!

— Как? — опешил Гайзулла. — Вы даже не посмотрели, что я умею делать! Я знаете как быстро работаю? Мулла-хэзрет, возьмите меня, ради аллаха, не дайте пропасть с голоду! Я буду очень, очень стараться, вот увидите! Все же знают, какой вы добрый и благочестивый человек, поэтому я и пришел к вам за помощью... Возьмите меня, век буду вашу доброту помнить! — на глазах Гайзуллы показались слезы.

— Нет, — покачал головой мулла, — зря ты меня уговариваешь... Я ведь уже сказал тебе, что мне нужен работник, а не дармоед.

«Алла, зачем я столько съел? — с отчаянием подумал Гайзулла. — Надо было только отхлебнуть и сразу положить ложку!»

— Я больше не буду так много есть,— вытер ладонью мокрые глаза и взмолился он.— Мулла-хэзрет, если вы меня возьмете, я на вас по гроб жизни работать буду, все буду делать — и двор чистить, и за лошадьми ходить, и за овцами!.. Я не ради себя прошу — мать у меня дома лежит больная, а есть нечего и топить нечем... Мулла-хэзрет, сжальтесь, вы же мусульманин!..

— Я-то мусульманин, а вот ты даже не находишь нужным, придя ко мне, выбрить голову и поблагодарить аллаха за еду! — язвительно заметил мулла.

— У меня нет бритвы! — стал оправдываться Гайзулла.— Только возьмите меня, и я куплю... У меня мать больная, пожалейте!

— Какой ты все-таки бестолковый! — недовольно нахмурился мулла, поднимая голову от подушек.— По сто раз тебе нужно одно и то же разжевывать... Какое мне дело до того, что творится у тебя в доме? Ты пришел сюда наниматься, а не милостыню просить, а мне не нужен ленивый работник!

— Но почему вы решили, что я ленивый? — обескураженно воскликнул Гайзулла.

— Потому, что когда человек ест, у него уши должны ходуном ходить, а ложка из руки в руку летать! А ты, когда ел, спал, тебе даже ложку ко рту лень поднести! Какой же из тебя работник?..

— Я думал, это нехорошо! Я думал, наоборот... — попытался объяснить Гайзулла.

— Э, какая мне забота, что ты там думал! — досадливо отмахнулся мулла.— Лучше подумай, что скажут обо мне Хажисултан-бай и Нигматулла-бай, самые почтенные люди в нашем поселке, если я после того, как они выгнали тебя,

стану тебе помогать? Они же решат, что я хочу поссориться с ними и нанести им обиду! Нет уж, раз ты наказан аллахом за свою лень и неблагодарность, выпутывайся из этого сам!

— Мулла-хэзрет!..— Гайзулла умоляюще посмотрел на муллу.

— Сказал тебе — нет, нет и нет! Надевай малахай и не приходи ко мне больше с такими просьбами! Вот если тебе нужно будет отмолить грехи или жениться, тогда я с радостью помогу тебе!

Гайзулла медленно оделся, продолжая смотреть на муллу все так же просительно, и мулла, чтобы не видеть этого взгляда, поудобнее расположился на подушках и повернулся к нему спиной.

— Ну что, взял? — поинтересовался Ягуда-агай, заметив на крыльце высокую худую фигуру Гайзуллы.

— Нет, не захотел...

— Еще бы! — фыркнул Ягуда-агай.— Работнику ведь платить надо — не деньгами, так едой, где ж такому бедному человеку, как наш мулла, найти столько денег и столько еды! Ему хватает того, что он на двух рабочих, как на десяти, ездит, зачем ему третий!..

Оказавшись за воротами, Гайзулла устало прислонился к плетню, не зная, куда идти. Темно и тоскливо было у него на душе. Деревня словно вымерла, и серое небо над ней тускло светило с холодной своей высоты.

«Аллах, как жестоко ты поступаешь со мной! — поднял глаза вверх Гайзулла.— Зачем ты придумал эту зиму? Почему ты помогаешь всем, кроме бедных людей? Даже птицы зимой находят, чем прокормиться, а мне не к кому идти просить помощи... Хажисултан-бай теперь и

близко меня ко двору не подпустит, а Нигматулла в последний раз избил Нафису за то, что я пришел туда... Ведь она, бедная, и замуж-то за этого подлого вышла только, чтобы помочь мне и матери! Как ты допустил это? За какие грехи ты разлучил мою сестру и Хисмата, за что ты покрыл позором их имена, почему они должны так страдать? И почему тебе жалко помочь мне достать сегодня хоть немного еды, чтобы накормить мать? Ведь она уже второй день ничего не ест... Почему ты не надоумишь меня, куда мне пойти, где заработать кусок хлеба? Разве это худое дело?.. Или все это месть хозяина горы за тот несчастный кусок золота, что отец отдал Галиахмету-баю? Но когда же все кончится, неужели несчастье всю жизнь будет преследовать меня?..»

Он начал мерзнуть и, надвинув поглубже махлай, засунув руки в рукава, побрел по улице.

Новый дом Нигматуллы, высокий, с крашенными кружевными наличниками и палисадником, даже издали выделялся среди приземистых домиков Сакмаева.

У тяжелых, словно отлитых из чугуна, темных ворот с навесистым козырьком на русский манер Гайзулла остановился. Он не хотел идти к сестре, но ноги будто сами подвели его сюда, и теперь не оставалось ничего другого, как попытаться счастья здесь.

«Говорят, голод и в ад заведет, — невесело подумал он. — А вдруг самого нету дома и Нафиса вынесет мне кусок хлеба для матери... А прогонит Нигмат — что ж, от чужого стола не стыдно отойти».

На усадьбе глухо, как из-под земли, залаяла собака. Гайзулла постоял еще с минуту, переминяясь с ноги на ногу, потом надавил плечом на

калитку с железной пружиной и проскользнул во двор.

Собака высунулась из конуры, лязгнула цепью, точно раздумывая, лаять ли ей или еще подождать. Длинная проволока тянулась от ее конуры до забора, около сарая высилась куча полузасыпанных снегом свежих стружек, за сараем виднелись спускавшиеся почти до самой реки длинные клетки с тесовыми крышами, двери их были окованы железом, на каждой из дверей в больших петлях висело по два замка.

Собака лениво тявкнула, и сразу от одной из клеток отделилась коренастая фигура Нигматуллы.

— Кого там носит? — шурясь на свет, крикнул он. — Ах, это опять ты, сорока хромоногая! Сколько же тебе нужно говорить, чтоб ты ко мне не являлся? Или ты забыть дорогу не можешь с тех пор, как я тебя прогнал? Будешь упрямиться, как осел, я тебе и вторую ногу сломаю, слышишь? Может, тогда и хромать перестанешь, выровняешься?

— Не выгоняй меня, агай, — жалобно произнес Гайзулла. — Мать совсем свалилась, кашляет целыми днями, а я нигде не могу найти работы... Помоги мне, мы же с тобой теперь родичи!

— Чего ради? — осклабился Нигматулла, показывая свои желтые, прокуренные зубы. — Если я себе десять жен заведу, что же, прикажешь мне тогда даром десять семей кормить? Такого родственника, как ты, мне и вовсе не надо! В тебя одного, как в бездонную бочку, все без толку провалится!

— Я не прошу тебя помогать мне даром, — низко горбясь, выпрашивал Гайзулла. — Может быть, тебе нужен работник? Ты же знаешь, агай, я все умею делать. Давай я буду твой двор уби-

рать, а ты мне за это будешь давать хоть немного еды, чтобы прокормить мать...

— Без тебя найдется, кому убрать! Убирайся сам отсюда! — Нигматулла сплюнул.

— Тогда дай мне хотя бы повидаться с моей сестрой! — со слезами в голосе тянул Гайзулла, не двигаясь с места. — Почему ты такой злой?

— Вот как! Ты еще меня же на моем дворе поносить будешь?

— Нет, агай, нет! — испугался Гайзулла. — Я тебя не ругаю, да пошлет всемогущий аллах добро и радость твоему дому! Но разреши мне повидать сестру... Я не буду в дом входить, пусть она сама ко мне хоть на минутку выйдет. Я хотя бы привет от матери ей передам...

— Ну, уж если тебе так хочется, сейчас я тебе покажу сестру, — Нигматулла усмехнулся и, подойдя к будке, спустил с цепи собаку. — Хес! Взять, Кетмер!..

Гайзулла не успел сделать и шага, как собака, в несколько прыжков оказавшись рядом с ним, прыгнула на него мохнатой рыжей грудью, свалила на землю и, рыча, вцепилась зубами в воротник зипуна. Глаза ее были такими же желтыми и злыми, как у Нигматуллы.

— А-а-а-а!.. — закричал Гайзулла. — Не надо! Убери ее, агай, я больше не приду! Спа-а-сите!

На отчаянный его вопль во двор выбежала Нафиса и, остолбенев на крыльце, что есть силы позвала:

— Кетмер! Кетмер! Нельзя!

Услышав ее голос, собака прижала уши и, виновато виляя хвостом, пошла к будке.

Нафиса подбежала к брату и помогла ему подняться на ноги.

— О алла, зачем я появилась на свет! — всхлипнула Нафиса, уткнувшись в плечо Гайзул-

ле.— Лучше бы мне никогда не вылезать из живота моей матери! Лучше бы отец сразу бросил меня в реку!..

— Кто тебе позволил выйти из дому? — заорал Нигматулла.

Нафиса подняла заплаканное лицо, тут же вжала голову в плечи и закрыла ее руками. Подбежавший Нигматулла так дернул ее за косу, что она не удержалась на ногах и упала в снег.

— Шлюха! — волоча ее за косу к высокому крыльцу, кричал Нигматулла.— Мало тебе, что я твой позор на себя взял! Люди и так на меня пальцами показывают! Неблагодарная тварь!

Собака, услышав ругань хозяина, снова рванулась от будки, взвизгнуло, скользя по проволоке, железное кольцо, и Гайзулла еле успел выскочить за ворота. Калитка захлопнулась за ним, точно выстрелила в спину, и, закрыв глаза, он в изнеможении прислонился к забору.

«Убе-ей, убей меня!» — бил ему в уши рыдающий голос сестры, а он стоял, окаменев, у забора, и слезы бессилья душили его.

«Как ты можешь терпеть это зло, аллах? Почему ты не видишь ее мук и не покароешь этого жестокого человека? Да и человек ли он, если забывает, что грех мусульманину быть таким неразумным и жить одной ненавистью? Почему ты прощаешь ему, когда он забыл, что есть ты, аллах, и что когда-нибудь придет его час страданий, и ты вспомнишь все зло, которое он сотворил на земле? Неужели он одними молитвами отводит от себя все прегрешения и ты не видишь, что он живет обманом и подлостью? — Гайзулла шел и шептал все эти слова, и на душе его становилось легче. Он вытер ладонями начинавшие щипать на морозе щеки и, придерживая одной рукой разорванный воротник, не

спеша брел к дому. — Неужели, аллах, тебе трудно, как и нам, разобраться, что делают люди на земле, и отличить праведных от неверных? Вот раньше люди думали, что во всем виноват царь, и кляли его, сейчас царя сбросили, а жизнь все равно, как каторга, а может быть, и хуже... Или каждому написано на роду испытать то, что было известно тебе одному, аллах, еще до того, как все мы появились на свет? Но кому и зачем нужна такая жизнь, если мы должны терпеть только лишения и муки?»

Проходя мимо ворот Хажисултана-бая, Гайзулла вдруг вспомнил, как еще совсем недавно он и его друг Загит, дрожа от каждого шороха, наклеивали на эти ворота листовки, которые им дал Хисматулла.

«А может быть, меня выручит Султангали, брат Загита? — неожиданно подумал он и остановился, оглядываясь по сторонам, будто кто-то шепнул ему эту удачную мысль на ухо. — Расскажу ему о брате, обрадую его, что Загит жив и здоров, и он за это даст мне немного хлеба и картошки! Мне только перебиться день-два, а там я еще что-нибудь придумаю и найду!»

Он заторопился, прихрамывая сильнее, чем обычно, и теперь уже верил, что его ведет удача. На земле тоже посветлело, облака поредели, и иногда сквозь разрывы проглядывало солнце, и снег слепяще вспыхивал на гребнях сугробов.

Он быстро дошел до дома Хакима и, не стряхнув снег в сенях, не постучавшись, рванул на себя дверь.

Его удивила царившая в доме тишина. Сумрачный свет еле пробивался через узкие, почти заваленные снегом, оконца, и глаза должны бы-

ли привыкнуть, чтобы начать что-нибудь различать.

— Эй, есть кто в доме? — громко спросил он и, сделав шаг от порога, увидел Аптрахима.

Мальчик сидел, сжавшись в комочек, в темном углу около холодного чувала, худенькие его плечи были прикрыты ветхим ковриком.

— Ты почему же не отзываешься? — спросил Гайзулла.

Мальчик сидел по-прежнему, сгорбившись, не шевелясь, и только большие черные глаза его испуганно стыли, как неживые, на бледном лице.

Гайзулла огляделся, и сердце его сжалось от тоски и жалости. Дом выглядел совсем заброшенным и пустым, точно люди давно оставили его, и лишь по какой-то нелепой причине бросили тут одного этого мальчика. Занавеска, отделявшая когда-то мужскую половину от женской, была сорвана, чупал почернел от копоти и дыма, со стен свисали лохмотья паутины. Деревянный пол был так замусорен, словно его не мели целый год. На узких дощатых нарах валялось какое-то тряпье, не было ни одной подушки, половина досок была оторвана, и через проломы виднелся покрытый толстым слоем пыли пол.

«Неужели Хаким стал топить свой дом нарами? — поразился Гайзулла. — А слух прошел, что он собирался жениться? Разве можно приводить молодую жену в такой дом?»

Он присел на корточки и тронул мальчика за плечо:

— Ты знаешь меня? Я Гайзулла, друг твоего брата Загита!

При упоминании о старшем брате лицо мальчика оживилось, но он тут же скривился, словно собирался заплакать.

— Загита волки съели! — мрачно насупившись, сказал он. — Его шайтан на том свете в котел грешников бросил!

— Это кто тебе сказал?

— Отец каждый день его так ругает... Это из-за него мы так плохо живем!

— И ты веришь?

— Как же мне не верить словам отца? Разве я не сын ему?

— Ты должен почитать своего отца, как положено сыну и доброму мусульманину, — подтвердил Гайзулла и, помолчав, добавил: — Однако насчет Загита он ошибается... Он живет на этом свете и скоро ты его увидишь!..

— Зачем ты меня обманываешь? Я уже не маленький! С того света люди не возвращаются!

— А он на том свете не был, он просто долго болел и не мог известить вас, что живой и невредимый. Я тебе правду говорю! — Он потряс мальчика за плечо. — Слышишь? Только ты покамест молчок об этом! А то Нигматулла подкараулит его и убьет!

Аптрахим заплакал в голос и, дернувшись вдруг всем телом, уткнулся в колени Гайзулле.

— Спасибо тебе, агай, — всхлипывая, выговаривал он. — Лучше Загита никого на свете нет! И Гамиля, и мама жалели и любили его, и он их жалел, и еду нам всем приносил, и гостинцы... Они умерли, и у меня никого больше не осталось, кроме Загита!

— Как же никого? А отец? А Султангали?

— У отца я на шее вишу, он мне об этом каждый день говорит... А старшего брата я совсем в глаза не вижу, он живет где-то на стороне! Зачем я ему? Он разбогатеть хочет, как Нигматулла...

— Жалко, что мне тоже нечем пока накормить тебя,— вздохнул Гайзулла.— Но как только я достану хлеба, я тебе принесу, слышишь? Я не оставлю тебя!.. Может быть, скоро Загит придет, тогда тебе будет хорошо... Давай я хотя бы печку затоплю, чтоб в доме не было так холодно...

— Ой, не надо, агай! — Аптрахим схватил его за руку.— Отец побьет меня... Если бы эти дрова были из леса, тогда можно было бы, а от нар ничего скоро не останется...

— Ну, смотри, как знаешь,— Гайзулла в растерянности постоял около мальчика, потом нерешительно двинулся к порогу.— Может, тебе лучше к нам пойти? Все же в тепле будешь сидеть?

— Нет, я буду ждать отца,— мальчик упрямо мотнул головой.— Он обещал принести картошку...

Когда Гайзулла вышел на улицу, его уже ничто не радовало — ни вышедшее из-за облаков солнце, ни залитая светом улица. Но, как ни странно, своя беда уже не казалась рядом с чужим горем такой большой, как прежде.

XVII

Он пробродил по улицам до сумерек, уже не надеясь достать хотя бы кусок хлеба для матери, когда неожиданно за мечетью послышался мальчишеский свист и крики и в ту же минуту из-за ограды высыпала на дорогу целая ватага деревенских ребятишек.

«Опять, наверное, за Шарифуллой гонятся,— подумал он.— И как они могут так издеваться над бедным человеком! Нигматулла разорил его, а они каждый день плюют нищему

и больному человеку в душу! И аллах не останавливает и не накажет их».

И тут он увидел бегущего впереди ватаги Султангали. Вот он вырвался на раскатанную санную дорогу и остановился, поджидая мальчишек.

Гайзулла не сразу догадался, чем он занимается, решил даже, что он играет с ребятами в какую-то новую игру, но, подойдя ближе, в удивлении замер.

Вынув из карманов холщовых штанов конфеты в бумажной обертке, Султангали разложил их на передках своих кат с суконными голенищами и осторожно, точно идя по натянутой веревке, стал пятиться по санной колее. Ребятишки, согнувшись, чуть не ползли следом за ним, не спуская жадного взгляда с конфет, ожидая, когда хоть одна свалится с ката и упадет в снег. Тогда тот, кто был ловчее всех, хватал ее, а остальные пытались отобрать ее у него, падали в сугроб, визжали, царапали друг друга. За мальчишками, отстав на несколько шагов, мелкой трусцой бежал Шарифулла, весь обвешанный железными погремушками, консервными пустыми банками, сквозь гвалт и крики доносилось дребезжание железок и слабый голос нишего, похожий на мычание. Нечего было и думать, чтобы ему досталась в этой драке хотя бы одна конфета, но он бежал за ребятами, точно на невидимой привязи.

Внезапно Султангали, подпрыгнув, как козленок, раскидал все конфеты, и вся ватага кинулась на дорогу, и началась потасовка.

— Я первый схватил!

— Отвяжись, а то тресну!

— Ах ты гад! Ты кусаться?

Ребятишки рвали конфеты друг у друга, валялись в снег, ползали по дороге, у кого-то из носу уже текла кровь, кто-то ревел от обиды и боли. А Султангали, отойдя в сторону, весело хохотал и потешался устроенным себе на забаву зрелищем и изредка покрикивал и подзадоривал:

— А ты дай ему подножку!.. Смажь его по сопатке! Вот так, чтоб не зевал!.. Для чего аллах наградил нас кулаками? Чтобы драться и не давать спуску друг другу!

Вытащив из кармана горсть леденцов, он швырнул ее в сугроб, и началась новая свалка, визг, крики и слезы. Шарифулла тоже было кинулся за леденцами, но кто-то подставил ему ногу, и нищий со всего разбега рухнул в сугроб, зарываясь в него головой.

— А ты почему стоишь? — точно только сейчас заметив подошедшего Гайзулла, насмешливо спросил Султангали. — У тебя своих конфет много? Ха-ха!.. — Он нащупал в кармане конфету и протянул на ладони: — На, бери, я не жадный!.. Я скоро разбогатею, как Нигматулла, и буду всем бедным и нищим куски бросать, чтоб все знали и говорили: «Вот идет Султангали-бай, богаче его нет человека даже в Кэжэне!»

Подержав конфету, он снова небрежно сунул ее в карман и сплюнул.

— Гордый ты, видать, как мой братец Загит, чтоб ему на том свете жарко было! Слюну проглотишь, а хлеба не попросишь!

Тут Гайзулла увидел в его зубах кусочек жвачки, похожей по цвету на темный янтарь, и во рту его на самом деле стало влажно от слюны. Он вспомнил, как еще недавно мать готовила эту жвачку из лиственничной смолы, чуть сдабривая ее маслом, он любил ее жевать, и сей-

час, будь у него эта жвачка из смолы или хотя бы та, что делается из молодой березовой коры, он бы мог терпеть даже сильный голод. Когда ее жуешь, то вроде и есть совсем не хочется...

— Послушай, кустым¹, — подавляя в себе недоброе чувство к заносчивому и наглому подростку, сказал Гайзулла, — я был у вас дома... Почему ты забыл о своем младшем брате? Аптрахим может умереть с голоду, у него уже нет сил, чтобы встать на ноги...

— Разве моя мать его родила? — смачно жуя жвачку и поминутно сплевывая, ответил Султангали. — Когда мне было шесть лет, я ни у кого ничего не клянчил, а воровал и был сыт! Пусть каждый живет, как умеет... Я им не батрак, чтоб на них работать!

— Но если Аптрахим тебе не родной, почему ты не признаешь своего отца и не поможешь ему?

Султангали с презрительным вызовом оглядел Гайзуллу, его залатанный зипун, наполовину оторванный воротник, старый малахай, торчавший, как воронье гнездо, на маленькой голове.

— Ты мог бы и не напоминать мне об этом глупом осле! — сказал он, не скрывая своей издевательской ухмылки. — С тех пор, как он сбрил бороду, он для меня не отец!

— Сбрил бороду? Зачем?

— Так ты не слышал, как он опозорил себя и меня и весь наш род? — удивился Султангали. — Все Сакмаево хохочет над ним, пальцами в него тычет, а он на старости лет с ума сошел и надумал жениться?

---

¹ Кустым — обращение к младшему.

— Об этом я слышал...

— Тогда зачем просишь за него? Он же из-за этой вертихвостки Гульямал сбрил себе бороду, чтобы ей понравиться! Она ему так сказала: «Сбреешь бороду — я за тебя пойду!» Это не баба, а шайтан в юбке! И когда он пришел домой пьяный и без бороды и растерял по дороге свой последний разум, я перестал бывать дома! Хватит с меня и того, что над ним смеется вся деревня!.. И за что аллах наградил меня таким отцом? Пусть они с Аптрахимом подышают, но моей ноги у них больше не будет!.. Мне и так стыдно на глаза людям показываться... «Постой, постой, — говорят все, — это не твой отец лишился из-за бабы своей бороды?» Лучше бы мне провалиться сквозь землю, чем слышать эти слова!..

Шарифулла наконец каким-то образом изловчился и сгреб голой рукой сразу несколько леденцов, кто-то из ребятишек заметил это и крикнул:

— Он набрал больше всех! Ловите его!

Прижав кулак к груди, Шарифулла бросился наутек, и вся ватага, улюлюкая и крича, кинулась следом за ним.

— Послушай, агай, — обращаясь к подростку как к старшему и стараясь этим смягчить и свою неприязнь и вместе с тем как-то задобрить Султангали, сказал Гайзулла, — одолжи, если можешь, два фунта муки... Мне нечем кормить мать.

— А чем будешь отдавать? — Султангали рассмеялся. — Вшами? Или ты, как мой отец-дурак, когда берет в долг, обещает отдать вовремя, а приходит время, он забывает у кого что брал!.. А когда сам кому одолжит и не получит, то сра-

зу идет жаловаться к старосте Мухарраму: помогите, обидели правоверного мусульманина.

— Но почему ты мне не веришь, что я отдам тебе свой долг?

— Почему? — чавкая жвачкой, Султангали уставился на Гайзуллу, на его красное от стыда лицо, с выражением покорности и смирения, и смягчился. — Ладно, так и быть, рискну, хоть у тебя и нет ничего за душой! Отдашь не муку, а поможешь мне!.. В это воскресенье все старатели будут сидеть по домам, а мы полезем в тепляки, пошуруем там немного!

— А что мы будем там делать? — Гайзулла побледнел.

— Может быть, люди что забыли там, а мы подберем! — с загадочным видом проговорил Султангали. — Да чего ты задрожал раньше времени? Я не первый раз туда пойду...

— Мать говорит: кто у мусульманина украдет, того на этом свете наказание ждет, а кто у русского, тому и на том свете прощенья не будет...

— А я и не собираюсь ничего воровать! Вот увидишь, что мы и рук своих не замараем, такая чистая работа, но зато прибыльная!

— Боюсь я, кустым...

— Вот слюняй и трус! — хмыкнул Султангали. — Страшно бывает только тому, у кого сердце зайца!.. Знаешь, сколько мы с тобой за вечер заработаем? Сколько один старатель за целый месяц!

— Но мы же возьмем грех на душу.

— Ну ладно, решай сам! — Султангали сдлал вид, что ему надоела эта пустая болтовня и он собирается уйти. — Пойдешь — дам муки, не пойдешь — ищи другого такого дурака, как я!..

— Хорошо, ради матери я согрешу, пусть простит мне аллах или покарает меня по заслугам...

— Тогда айда!

Султангали велел подождать у ворот дома, где он теперь снимал угол, и Гайзулла уже решил, что он надсмеялся над ним, когда после долгого отсутствия тот появился наконец, держа в руках большой каравай хлеба, завернутый в платок.

— Не забудь — в субботу перед заходом солнца... Встретимся у Красного яра!

— Да, да! — радостно бормотал Гайзулла, еще не веря, что в руках у него теплый, будто недавно вынутый из печи, каравай.

Старая Фатхия, присев возле чувала, ощупью набивала в трубу самовара сухие щепки, когда скрипнула дверь и на пороге показался Гайзулла.

— Эсей, я принес хлеб...

— Хлеб? — удивилась мать. — Надеюсь, ты взял его у кого-то взаймы или ты должен будешь отработать за него?

— Я отработаю за него, — потупил голову Гайзулла. — Ты поставь самовар, а я отрежу кусок от караваея и отнесу маленькому Аптрахиму, а то с ним будет худо...

— Добрые дела всегда зачтутся аллахом, — Фатхия устало кивнула сыну. — А как поживает Нафиса? Ты был у нее? Здоров ли наш зять?

— Она живет хорошо, эсей, — принимая еще один грех на душу, ответил Гайзулла. — Они оба передавали тебе приветы...

Мать продолжала спрашивать, как выглядит Нафиса, купил ли ей Нигматулла новую шубу, как обещал, но Гайзулла уже не слушал ее. Отхватив ножом краюху, он сунул ее за пазуху и выскочил из дому.

До самой субботы он жил как бы в предчувствии какой-то беды, не зная толком, чем ему за-

няться. Если бы была его воля, он ушел бы из Сакмаева, чтобы никогда сюда больше не возвращаться. Но он не мог оставить мать, не мог не выполнить данного им слова, не мог просто покинуть родной дом.

В субботу он проснулся рано, когда в окне лишь начал брезжить немощный свет утренних сумерек, привез на салазках хворост из лесу, затопил чужал и весь день крутился то в доме, то во дворе, лишь бы не думать о том, что ему предстояло сегодня совершить. Ведь если он потеряет честь, он будет хуже нищего, хуже любого вора. Он станет неверным, и аллах никогда не простит его!

С тяжелым сердцем он вышел из дома раньше условленного времени и направился к Красному яру.

Солнце еще не садилось, небо было ясным и чистым, розово светились сугробы, покрытые ледяной корочкой. Сугробы уже чуть оседали, из-под них пробивались первые, робкие ручейки. К ночи они застывали, а с восходом солнца опять начинали сверкать и подтачивать рыхлые белые холмы. Пахло талым снегом, дым из труб развеивало ветром, он тянулся понизу, по-весеннему резкий и терпкий.

Лесная тропинка, на которую Гайзулла свернул за деревней, тоже осела, стала глубже, солнце высвечивало здесь каждую ветку на деревьях, в березняке, пестром и ярком до ряби в глазах, стоял птичий щебет и перезвон. Зимняя тишина кончилась, и лес словно готовился к близкой весне, полный шороха опадающего снега и птичьего пересвиста...

«Как же я вчера не заметил всего этого? — недоумевал Гайзулла. — Или потому, что мне было горько и обидно, я уже ничего не видел и

не слышал... Раз появились птицы, значит, скоро весна, скоро пробьются подснежники, а там и щавель, и дикий лук, и борщевник!.. Я буду чуть свет прибегать сюда, нарывать полную корзину, и тогда нам ничего не будет стоять прокормиться. Не понадобится столько и хлеба, можно будет жить на одной траве!»

Он не заметил, как дошел до оврага и остановился, услышав звон лопат, доносившийся с берега Юргашты. Он прислонился к березе и долго стоял так, вдыхая влажный ветер весны, стараясь угадать на слух, какая птичка высвистывает высоко на ветке.

— Эй, заснул, что ли?

По узкой скользкой тропинке спускался Султангали, хватаясь за ветки кустов.

— Рановато мы немного пришли, в тепляках еще люди... — Он потопал ногами, стряхивая налипший на каты снег.

— А что же мы там станем делать?

— Не приставай! — отмахнулся от него Султангали. — На месте увидишь!.. И перестань дрожать, как овечий хвост!..

— Да не боюсь я, если дело честное.

— Ну и жуи свою честь вместо хлеба с утра до вечера! — Султангали рассмеялся. — Если ты джигит, ты должен за свою жизнь, как волк, драться... Если не хочешь, чтоб тебя покусали, сам кусай других...

Солнце потонуло за горой, в лесу стало быстро темнеть, из березняка подул холодным ветром. Разом смолкли птицы, и лес будто вымер, лишь где-то в овраге запоздало бормотал ручей, точно жаловался, что заблудился и не находит дорогу в темноте.

— Кажись, ушли, — Султангали дернул Гайзулла за руку. — Топай за мной, да потише...

Впереди показался отвал, окруженный черными стволами деревьев. Какой-то старатель привез последнюю тачку, опрокинул ее, и пустая порода зашуршала вниз, увлекая по пути камни. Раздавался тяжелый плеск, и затем все стихло. Было лишь слышно, как хлюпала бежавшая по вашгерду вода. Дымок над трубою тепляка редел, становился прозрачным и скоро иссяк, сквозь щели между бревнами слабо пробивался свет, но и он тоже погас, последние старатели, покинувшие тепляк, стали подниматься в гору, и голоса и шаги их растаяли в вечернем воздухе.

— Теперь пора, — шепнул Султангали. — Не отставай от меня...

Чувствуя, как дрожат его ноги, Гайзулла вскарабкался за Султангали на кучу пустой породы. Они обошли вокруг тепляка, заглядывая во все щели, но не обнаружили ни одной дыры, чтобы можно было пролезть вовнутрь. Все отверстия были заколочены досками, на дверях с кованой щеколдой висел большой замок.

— Придется разуваться, иначе не попадем, — сказал Султангали и, быстро сбросив каты, прошлепал босиком по канаве с ледяной водой к зонту, по которому песок поступал в тепляк.

Расчистив зонт от застрявших там камней, он пробрался вверх по желобу и протиснулся в узкую дырку. Отколотив доску, закрывавшую продолговатое отверстие в стене, он высунулся наружу и тихо и жестко приказал:

— Живо сюда! Подай мне каты!

Гайзулла передал ему каты и боком пролез в тепляк. Султангали, не попадая зуб на зуб, обулся и прислонился коленями к маленькой железной печурке, которая еще не совсем остыла. Немного согревшись, он заслонил дырку доской, достал из кармана свечу и чиркнул спичкой.

Жидкое и крохотное пламя заколебалось от тянувшего через тепляк сквозняка, но Султангали прикрыл его листом железа и, накапав на доску воска, закрепил в нем свечу.

— Возьми вон ковш, будешь ковырять вашгерд! — сказал он.

— Чем?

— Найдем чем! — Он сунул руку в карман и вытащил два больших гвоздя с загнутыми концами. — Видал? Теперь вот что будешь делать...

Он поднялся на желоб вашгерда и начал осторожно выковыривать гвоздем застрявшую в щелях песчаную глину. Потом Султангали собрал мокрой тряпкой песок, оставшийся на дне желоба, вытряхнул его в ковш. Прочистив весь желоб, он спустился к зонту, зачерпнул в ковш воды, размягчил глину и слил воду. После того, как он промыл ковш несколько раз, на дне его блеснули крупинки золота.

— Ой, как много! — ахнул Гайзулла. — Да я за все лето не намыл бы столько в отвалах!

— Разве это много? — фыркнул презрительно Султангали. — Бывает и в десять раз больше! А они, дураки, и не догадываются, сколько у них золота в щелях остается... Тут надо не лопатой, а гвоздем работать!

— Как же это ты додумался? — восхищенно спросил Гайзулла. — Неужели сам догадался?

— Это меня Нигматулла-агай научил... — Султангали запнулся и, спохватившись, что сказал лишнее, зашептал со злостью: — Только ты смотри, никому об этом, слышал? И сам сюда один не являйся и другим не выдавай секрета, а то я тебе голову оторву!..

— Да зачем же я...

— Тихо! — Султангали цыкнул и одним дыхом загасил свечу. В напряженной тишине слыш-

но было только их затрудненное дыхание и перестук капель, сочившихся с вашгерда. — Ты слышал что-нибудь?

— Нет, — дрожа от страха и чуть не заикаясь, прошептал Гайзулла.

— Наверное, мне показалось... Пойди выгляни вон в ту дыру и послушай...

Потом Султангали снова зажег свечу, вытащил планку, установленную вдоль головки вашгерда, вычерпал ладонью воду из углубления. Подождав, когда доска немного подсохнет, он стал ловкими и быстрыми движениями прочищать щели, то и дело выковыривая белые крупинки.

Гайзулла просто не верил своим глазам, он теперь держал в руках свечу и, глядя, как растет количество крупинок, уже не чувствовал, как на руку ему падают капли горячего воска.

«Уж не снится ли мне все это? — думал он и, чтобы освободиться от наваждения, мотал головой. — Да я с тех пор, как мою, больше четырех щепотей не собрал, а тут их, пожалуй, не меньше десяти будет... Уж не помогает ли этому дьяволу сам хозяин горы?»

Словно угадав его мысли, Султангали приподнял голову и тихо приказал:

— Вылезай и жди меня на дороге... Я заделаю все дыры и догоню тебя! Да оставь свечу-то, дурень! Совсем очумел!..

«Ай-хай! В какую беду я снова угодил! — выбравшись из тепляка, затревожился он. — Теперь мне не миновать нового несчастья! Только бы сохранил аллах жизнь моей матери и моей сестры!»

Он нашептывал молитву, упрасывая аллаха смилостивиться и простить его за все, не успел перечислить все свои прегрешения, когда выныр-

нул из темноты Султангали и опять властно скомандовал:

— Айда в другой тепляк! Еще успеем...

— Отпусти меня, кустым, — быстро и горячо зашептал Гайзулла, — все равно от меня никакого проку! Я, может, только мешаю тебе... Отпусти!

— Опять за свое? — рассердился Султангали. — Или, может быть, я у тебя брал хлеб, а не ты у меня?

— Я брал, я, но ты уже намыл много золота, — упрашивал Гайзулла. — Не надо гневить аллаха!

— Если бы ты не был таким слюнтяем и умел работать гвоздем, я бы тебе половину отдал, понял? А одному мне нельзя, кто-то должен хотя бы на страже стоять!.. Вернемся домой, я тебе еще муки дам!

— Не пойдет мне впрок мука, добытая таким путем...

— Голодный будешь — и не то сожрешь! — Султангали с издевкой хохотнул в кулак. — Но знай — больше я тебя ни на какое дело не возьму!.. В ногах валяться станешь — и не подумаю тебе помочь! Нужен больно мне такой помощник, который от страха может в штаны наделать... А теперь — топай за мной и помалкивай, чтоб я тебя не слышал!

Он выбрал на этот раз тепляк, стоявший впритык к обрывистому берегу Юргашты, неторопливо обошел его, выглядывая удобный лаз.

— И тут черти законопятили — таракан не пролезет! Придется опять разуваться... Ты стой здесь и карауль. Если заметишь кого — свисти...

Султангали исчез бесшумно, проник в тепляк, как мышь, и Гайзулла остался один в темноте. Он напряженно всматривался в обступивший теп-

ляк лес, прислушивался к каждому шороху и треску и чуть не прозевал человека, появившегося впереди на дороге. Он промелькнул мимо, как тень, и Гайзулла, наклонившись к большой щели в тепляке, где мерцал огонек свечки, сдавленно крикнул:

— Идет кто-то!

— Ну и пусть себе идет, — тихо отозвался Султангали. — Лишь бы он нам не мешал... Не упускай его из виду!

Приблизившись к тепляку, человек вдруг метнулся в кусты, раздался треск, Гайзулле даже показалось, что он слышит, как неизвестный дышит — тяжело, точно загнанный зверь.

— Вылезай, тут кто-то ходит, — испуганно зашептал он в щель.

Свеча погасла, и Гайзулла весь напрягся, будто ожидая удар в спину.

— Быстро брось камень в кусты и кричи: «Держите вора!» — приказал Султангали.

Гайзулла ползком подобрался к куче пустой породы, нашарил в темноте камень покрупнее и, швырнув его в кусты, заорал что было мочи:

— Во-о-ор!.. Дер-жи-те-е во-о-ра-а!

В кустах прошумело, но, не видя за собой погони, человек осмелел и снова приблизился к тепляку.

— Эй, кто там бродит? Отвечай!.. А то будет худо!

Он подошел к двери, подергал замок и, видимо заложив за скобу железный ломик, стал со скрежетом выворачивать ее. Пока он пыхтел и возился, Султангали выскользнул через свой лаз наружу и прыгнул в кусты. Гайзулла припустил за ним, не чувствуя, как хлещут его по глазам ветки, как он больно натывается в темноте на сучки, спотыкается на тропинке.

Только очутившись далеко от Красного яра, они пошли шагом, но долго не могли отдышаться.

— А здорово я обвел его вокруг пальца, а?— довольно рассмеялся Султангали. — Будет теперь знать, как других обманывать, шайтан его за-дери!

— Про кого это ты? — не понял Гайзулла.

— Да это же твой дорогой зятек, муж твоей сестры Нигматулла!.. Бродит по ночам, как волк, ищет свою добычу, а добычу из-под носа увели! Ха-ха!

— Ты же сам говорил, что уважаешь его! Он же тебя и научил этому ночному промыслу, а ты его клянeshь!

— Я вор честный! Я у бедного человека никогда крошки не возьму! А он, жадюга, заставлял меня ковыряться, а золото к себе в карман прятал... Кинет, как подачку, две-три крупинки, и благодари его, как отца родного... Вот увидит, что я ему ни одного знака не оставил, может, поймет, что за дырку от кармана никто на него работать не будет, на мужа твоей сестры!

— Какой он ей муж! — зло отозвался Гайзулла. — Хороший хозяин и скотину так не избивает, как он нашу Нафису!

— Разве мулла не прочитал над ними никаких? — удивленно спросил Султангали.

— Ну, если и прочитал, то какая ей польза от этого? Он если что задумает, то и на муллу не посмотрит! А мулла все грехи его покроет, он тоже боится его... Да и подарки он получает богатые от Нигматуллы! Посмотрел бы ты, как он недавно таскал ее за косы, а на меня собаку спустил — еле удрал!.. Была бы моя воля, я бы этого зверя на цепь посадил, чтоб он только мог лаять на других, а не кусаться...

— Ишь ты, какой храбрый! Как батыр все равно! — Султангали захохотал во все горло. — А сам, ты думаешь, лучше его?

— Я? — растерялся Гайзулла, точно его поймали на чем-то запретном и сейчас начнут уличать. — Я, конечно, грешный человек, раз с тобой связался и, как вор, по теплякам шарю. Честный человек на это не пошел бы...

— Да ты ногтя его не стоишь! — неожиданно запальчиво, с нескрываемым презрением выдохнул Султангали. — Он вор и всех под себя подминает, потому что хочет стать богатым и сильным! А ты только хнычешь, да совесть свою грызешь, да аллаха через минуту поминаешь! Все орешь: честь, честь, — а небось как приспичило, обо всем на свете забыл и стал таким же вором, как и я... Лучше быть открытым вором, чем прикрывать свою честь такими лохмотьями!..

— Если бы твоя мать сидела без куска хлеба...

— Ладно, не скули!

До самого дома, где жил Султангали, они не проронили больше ни слова. Султангали молча вынес мешочек с мукой, Гайзулла молча взял его и зашагал прочь.

— Придешь в субботу? — крикнул Султангали. — Если надумаешь, так и быть, прощу на первый раз твою трусость!

— Нет, ты меня больше не жди, — оборачиваясь, твердо сказал Гайзулла. — Я и так не знаю, как буду смотреть людям в глаза...

Он шел по темной ночной улице, часто спотыкаясь и передыхая, и словно не замечал, как бегут по его щекам теплые слезы. Он не вытирал их, только судорожно глотал застрявшие в горле мягкие комки, устало переступал ногами, и чем

больше думал о том, за что получил муку, тем сильнее охватывали его душу стыд и раскаяние.

«Как же я буду жить дальше? — в слепом отчаянии решал он. — Если люди узнают, что я стал таким, как Султангали, как Нигматулла, они отвернутся от меня навсегда, и я буду обесчещен до конца дней, проклятый аллахом и людьми!»

XVIII

Всю ночь в доме Хажисултана-бая не прекращалась суতোлка и беготня. Хуппиниса сидела на скамеечке у занавеси, ожидая очередного приказанья Қарибы-эби, повивальной бабки, Шахарбану и Гульмадина бегали с тазами и грели воду, а сам Хажисултан-бай с вечера не выходил из своей комнаты, то ложась в постель, то снова расстилая молитвенный коврик и обращаясь к аллаху с просьбой, чтобы на этот раз все обошлось благополучно.

Наконец к утру на женской половине дома раздался слабый, похожий на мяуканье, плач новорожденного. Хажисултан приподнялся с коврика и прислушался.

Через минуту в дверях появилась Хуппиниса, лицо у нее было усталое и довольное.

— Иди скорей! У тебя родился сын! — улыбаясь, сказала она.

— Слава аллаху! — поднял руки Хажисултан и поспешил на женскую половину.

Бибисара, его четвертая жена, взятая в прошлом году из соседней деревни, простоволосая, с бледным, покрытым испариной лицом, без движения лежала на нарах. Худенькая, маленького росточка, она, казалось, за эту ночь уменьшилась вдвое; руки ее обессиленно лежали поверх покрывала, она не могла даже повернуть голову

в сторону Карибы-эби, купавшей ребенка в деревянном тазу. Шахарбану и Гульмадина стояли возле нее с полотенцами и кумганом.

Хажисултан подошел поближе.

— Ну-ка, покажите мне его! — приказал он.

Женщины посторонились, и Кариба-эби, завернув мальчика в полотенце, поднесла его к Хажисултану.

Красное, сморщенное личико малыша скривилось, и он опять слабо и беспомощно захныкал.

— Посмотри, посмотри на отца! — покачивая его, ласково сказала Кариба-эби. — Вырастешь — будешь таким же богатым и славным, как он! Ох, и повезло тебе родиться в хорошем доме, где всего вдоволь. Пусть и дальше будет счастливой та звезда, что зажег над тобой всемогущий аллах, пусть пошлет тебе и твоему отцу удачи во всяком деле и прибыли в каждом начинании, пусть ангелы записывают за тобой одни добрые поступки и благочестивые мысли!..

Ребенок перестал хныкать, как будто прислушался к словам старухи. Хажисултан улыбнулся.

— Ишь как заслушался! Аж рот открыл! Что, сынок, нравится тебе дом твоего отца? — голос Хажисултана был тихим и непривычно ласковым.

Гульмадина и Шахарбану переглянулись за его спиной.

— Покажите, дайте мне его, — тихо попросила Бибисара.

— Погоди, моя голубка, погоди, — заворковала Кариба-эби. — Надо все сделать по обычаю... Не волнуйся, получишь своего сыночка, никто не отнимет. — Она повязала головку мальчика чистой тряпкой, дала ему ложечку меда и масла, продолжая приговаривать: — Ешь, ешь, малень-

кий, всю жизнь будешь сыт и богат, как твой отец...

— Пойду сосну, — сказал Хажисултан. — Ты, мать, пригляди тут за всем...

— Иди, иди, отец, не беспокойся.

Қариба-эби запеленала мальчика и положила его на постель к матери. Бибисара с трудом повернулась и обняла его.

— Какой слабенький... — с жалостью и удивлением сказала она. — И худой... На старичка похож.

— Зачем так говорить? — строго одернула ее Қариба-эби. — Грех, так недолго и сглазить! Скажи лучше — какой крепыш!

— Они все такие сначала, — подойдя к постели, успокаивала Бибисару Хуппиниса. — А ты бы лучше поспала немного, всю ночь ведь мучилась...

— Сын... — продолжая удивленно разглядывать мальчика, ни к кому не обращаясь, как бы себе самой сказала Бибисара, и, наклонившись, поцеловала мальчика в лоб. — Хвала аллаху, у меня родился сын!

— Алла, какая ты невоспитанная! — набросилась на нее Қариба-эби. — Разве ты не знаешь, что ты еще не такая чистая, чтобы благодарить аллаха за это счастье? Можно подумать, что ты сама только что родилась на свет! Или твоя мать ничему не учила тебя?..

Бибисара растерянно смотрела то на нее, то на Хуппинису.

— Через пять дней, — кивнула Хуппиниса. — Вот сводим тебя в баню, оденем во все чистое, тогда и ты можешь поблагодарить всемогущего... А пока лежи, не вставай, тебе даже нельзя прикасаться руками к нашей пище, а уж поминать аллаха совсем запрещено... А ты не сердись, Ка-

риба-эби, это же у нее первенец. Откуда ей знать, как это бывает?

— Да я не сержусь, — смягчаясь, ответила Қариба-эби. — Я только хочу, чтоб все было по обычаю...

— Поставь чай, Гульмадина, а ты, Шахарбану, накрой. Отца, если не уснул, спроси, может, и он захочет...

Қариба-эби поправила повязку на седых волосах и важно, переваливаясь с боку на бок, направилась вслед за Хуппинисой.

Пока Шахарбану, не торопясь, расстилала скатерку и ставила чашки, Қариба-эби удобно устроилась на ковре, привела в порядок засученные рукава, сполоснула руки над тазом и одобрительно посмотрела на Хуппинису.

— Садись, — сказала она. — Хватит хлопотать, и так сегодня больше самой роженицы устала... Хорошая ты хозяйка, Хуппиниса, повезло твоему мужу. Сколько раз ни была я у вас в доме, все на тебя люблюсь. Если бы все жены были такими, счастье улыбалось бы мужьям каждый день!

— Стара стала, — вздохнула Хуппиниса. — И руки, и ноги уже не те... Раньше, бывало, так кручусь весь день, что и присесть некогда, а теперь — лапшу сварю, и прямо хоть ложись и спи до следующего дня...

— Разве младшие жены не помогают тебе? — сдвинула брови Қариба-эби.

— Помогают, — нехотя отозвалась Хуппиниса. — Особенно маленькая, Бибисара, ловкая девочка. Только последнее время, сама понимаешь, не могла я ей позволить делать тяжелую работу...

— А помнишь, как я у тебя первенького принимала? Тогда еще и дома этого у вас не было,

и хозяйство куда меньше было... Ай-хай, как будто вчера, а на самом деле как давно!

— Верно говоришь, — качнула головой Хуппиниса. — Молодость быстро проходит, не успеешь оглянуться — как у тебя уже морщины на лице, а там и до нашего кладбища недалеко...

— Приедет ли твой старший сын посмотреть на младшего брата? — прихлебывая чай и стараясь отвлечь Хуппинису от грустных мыслей, спросила Қариба-эби.

— Не знаю... Три дня, как за ним послали, сможет — так приедет... — равнодушно ответила Хуппиниса.

— Разве ты не соскучилась по нему? — удивилась Қариба-эби.

— Жаль, не было у меня дочки... — вздохнула Хуппиниса. — Сыновья всегда больше к отцу тянутся, как начнут на девушек смотреть — тут же о матери забывают, а дочь всегда к родному гнезду тянется.

Қариба-эби опрокинула чашку вверх дном и встала.

— Давай провожу тебя, — сказала Хуппиниса. — Там, во дворе, баран для тебя привязан, мой муж дарит его тебе за радость, что ты принесла ему...

— Пусть благословение аллаха всегда будет с вами! — степенно ответила Қариба-эби. Глаза ее вспыхнули от радости. — Твой муж — щедрый человек... Если что, зовите меня, я сразу приду, для таких хороших и щедрых людей ни дня, ни ночи не жалко...

Не успела Қариба-эби выйти за ворота, крепко держа на веревке упирающегося барана, как в дом Хажисултана одна за другой стали собираться женщины. Веселые, улыбчивые, они поздравляли Хажисултана с долгожданной при-

былью, и проходили за занавеску, где лежала молодая мать, чтобы посмотреть на новорожденного. Хуппиниса не успевала открывать дверь.

— Иди, тебя зовет муж, — подошла к ней Гульмадина.

— Тогда встречай гостей, а Шахарбану пусть поставит еще чаю, нельзя отпускать людей голодными в такой день.

— Да она уж, поди, легла, — недовольно и обидчиво протянула Гульмадина.

— Ну, так разбуди ее, — спокойно ответила Хуппиниса. — Мне, слава аллаху, побольше будет лет, чем вам сбеим, а я хожу, не жалуясь... И не делай такого лица, а то гости подумают, что ты не радуешься нашему празднику. Не каждую ночь тебе приходится недосыпать, а у тебя такой вид, будто ты только тем и занимаешься, что принимаешь роды!

— А с чего мне радоваться? — пожала плечами Гульмадина. — У меня, что ли, родился сын?

— Нехорошо так говорить, — покачала головой Хуппиниса. — Даже если этот дом был бы чужим для тебя, и тогда стоило бы улыбаться своим соседям, раз к нам в дом пришла радость... Видно, аллах обделил тебя добротой, оттого и нет у тебя своих детей.

— Тебе слишком хорошо говорить! — огрызнулась Гульмадина. — Мало тебя за волосы таскали да плеткой охаживали, все еще не разонравилось?

— Не твое это дело — думать о том, что кому нравится! — отрезала Хуппиниса. — Подумай лучше о том, что скажут о тебе люди, если встретят тебя у порога с таким злым лицом в такой счастливый день!

— А мне все равно, что обо мне скажут! — скривив губы, отвернулась Гульмадина. — Все надоело! Какая разница, что о тебе говорят, если сама о своей жизни ничего, кроме дурного, не скажешь!..

— Эй! Где вы там запропалились? — послышался из дальней комнаты голос Хажисултана, и Хуппиниса, еще раз неодобрительно взглянув на сердитое лицо Гульмадины, молча пошла на зов.

— Хоть с утра до ночи кричи, не дозовешься! — возмущенно кричал Хажисултан, сидя на кровати и натягивая сапоги. — Оглохла, что ли?

— У нас же гости...

— Гости, гости! Знаю я этих баб, как начнут болтать, до ночи не кончат!

— Ты же знаешь, так полагается по обычаю...

— Без тебя знаю, что обычай! — Хажисултан притопнул ногой и встал. — Обычай не говорит, что они здесь с утра до вечера торчать должны. Напой чаем, и чтоб, как приду, духу их тут не было! И мальчишку не очень напоказ выставляй — еще сглазят...

— А ты надолго уходишь?

— Как получится, — нахмурился Хажисултан. — К мулле пойду, надо посоветоваться, какое имя дать мальчику, чтобы благословение аллаха не оставило его...

— Ты хочешь уже сегодня дать ему имя? — удивилась Хуппиниса.

— Аллах, сколько глупости у тебя в голове! — разозлился Хажисултан. — Ты что, с дерева свалилась? Или память отшибло? Разве ты не знаешь, что имя ребенку дают на третий день? Я, слава всевышнему, еще ни разу не нарушал обычаев, а тех, кто якшается с неверными и забыл, как отцы и деды жили, ждет кара за каждое

прегрешение! Подай-ка мне лучше пояс, чем попусту языком молоты!

— Наверно, надо зарезать лошадь для угощения? — снимая висящий за чувалом пояс и стараясь говорить как можно мягче, спросила Хуппиниса.

— Что ж, нам для этого в долги влезать не придется, — усмехнулся Хажисултан. — Придет Хаким, скажи ему, чтобы выбрал самую лучшую, самую жирную лошадь из тех, что я поставил на откорм! Для такого праздника ничего не пожалею, всю деревню напою!

— Самый лучший у нас гнедой... Может, не стоит его резать? Такой еще сильный конь... — смущенно отозвалась Хуппиниса.

— Дура! Посчитай, сколько у меня коней и сколько сыновей! Да я не одну, а десять лошадей для такого праздника зарезать могу! Или мне торговаться с аллахом теперь, когда он исполнил мое желание и продолжил мой род?!

— Не сердись, отец, — испуганно оправдывалась Хуппиниса. — Конечно, для такого праздника ничего не жалко, пусть зарежет гнедого...

— Ладно! — махнул рукой Хажисултан. — Я доволен. Но смотри, когда я приду, чтоб ни одной бабы тут не было!

— Хорошо, хорошо, — закивала головой Хуппиниса и, проводив мужа до ворот, вернулась к женщинам.

За занавеской стало тесновато. Уже не только соседки, но и женщины с окраин узнали о случившемся и пришли по обычаю с поздравлениями и подарками.

— Ох, сколько вас тут собралось! — улыбнулась Хуппиниса. — Уж не даром ли вы любуетесь нашим мальчиком?

— Как можно смотреть на такого батыра даром! — ответила Сайдеямал и положила моток разноцветных ниток на край постели около подушки.

— Пусть наши подарки небогаты, но зато от души, — добавила старая Ханифа и положила рядом с нитками кусок мыла.

— Цена по товару! — рассмеялась Гульямал. — Сколько стоит посмотреть на малыша? — Она поправила волосы Бибисары, черной волной лежавшие на подушке. — Я принесла ему кисет, а тебе козьего пуха. Пусть твоя жизнь будет такой же мягкой!

— Спасибо, — благодарно посмотрела на нее Бибисара.

— Хороший товар сам себя хвалит, — пробормотала стоявшая в сторонке Шахарбану. — Пока батыр из теста, чтобы посмотреть на него, достаточно и одной куклы...

— Все батыры рождаются сделанными из теста! — пытаюсь сгладить неловкость, рассмеялась Хуппиниса. — Вот вырастет — будет всем батырам батыр, настоящий бай, всех врагов победит, всех красавиц в себя влюбит, всех коней объездит! Такому джигиту позорно куклу дарить, ему надо девушку сосватать!

— Ничего, сватовство от него не убежит, — улыбнулась Сайдеямал. — Еще не родилась на свет красавица, чтобы была ему под стать!

— Правильно! — поддержала ее Гульямал. — Но раз уж мы заплатили, может, теперь можно посмотреть на батыра?

Гульмадина перепеленала мальчика, повязала ему ручку красной ленточкой, чтобы отвести дурной глаз, вынула из спичечной коробки трех клопов, что оставила Кариба-эби, раздавила их

и помазала животик малыша. Скуластое лицо мальчика скривилось, он приоткрыл рот.

— Смотри-ка, смотри, он еще всем нам язык покажет! — засмеялась Хуппиниса.

Гульмадина взяла мальчика на руки и, показывая, подняла над головой:

— Вот он какой! Вот какой маленький батыр! Выше всех!

Мальчик почмокал губами, таращась по сторонам мутными темными глазками, и заплакал громко и требовательно.

— Ого, какой голос! — одобрительно сказала Сайдеямал. — Пусть будет сильным, как лев, и богатым, как царь!

— Не иначе как муллой станет, когда вырастет, — кивнула головой старая Ханифа. — Счастливым родился, слышите, как громко свое счастье зовет?

— Если б счастье от одного только громкого голоса зависело, рыбы громче всех кричали бы! — возразила Гульямал.

— Как ты можешь так говорить? — одернула ее Сайдеямал. — Разве ты не знаешь, чем громче ребенок кричит, когда рождается, тем быстрее к нему счастье спешит?

— Каждый на свет со своим счастьем рождается. Какая разница, громкое оно или тихое? Пока что над этим мальчиком счастливая звезда, раз он родился в таком доме! — примирительно сказала Ханифа.

— Уже одно то счастье, что он родился на свет человеком, — согласилась Сайдеямал. — Аллах вкладывает жизнь, куда хочет, и я думаю, если выбирать, то лучше все-таки родиться ребенком, а не волком или бараном. Какая бы ни была судьба, а человеку аллах отпустил больше всех...

Гульмадина снова положила мальчика к матери, и тот, похныкав немного, успокоился.

— Жена муллы пришла, — шепнула на ухо Хуппинисе Шахарбану.

— Ставь скорее самовар, — ответила Хуппиниса и пошла навстречу Рамзии.

— Пусть ваш сын будет богат и счастлив! — приветствовала ее жена муллы. — И пусть аллах пошлет вам радость и утешение от всех горестей!

— Спасибо, что пришла. Идем, я покажу тебе его, — взяла ее под руку Хуппиниса.

— Какой славный! — подойдя к постели Бибисары и наклонившись над мальчиком, воскликнула Рамзия. Она осторожно подправила одеяльце новорожденного и положила рядом мешочек с мукой. — А ты как себя чувствуешь? Это ведь у тебя первый?

— Да, — прикрыла глаза Бибисара.

— Хорошо, что сын, — одобчительно сказала Рамзия. — Значит, аллах благословил тебя, если первым у тебя родился мальчик. Когда наступит время, поблагодари его за это...

Шахарбану внесла и поставила на стол большой, начищенный до блеска самовар, Гульмадина следом за ней внесла чашки.

— Садитесь, дорогие гости, — пригласила Хуппиниса. — Говорят, чай по праздникам вдвое душу веселит...

Женщины, нашептывая при каждом движении: «Бисмилла, бисмилла», сполоснули руки водой из медного кумгана, принесенного Гульмадиной, и чинно расселись на нарах вокруг стола, где дышал паром самовар. Хуппиниса бросила в большой, разрисованный цветами чайник несколько крупных щепотей чаю, залила их кипятком и, потюнув немного, стала разливать по чашкам. Чай получился крепкий, янтарно-крас-

ного цвета, аромат его разнесся по всей комнате.

— Ну и запах у твоего чая! Наверно, самый дорогой! — причмокнула от удовольствия старая Ханифа. — Давно уже я настоящего чая не пила, с тех пор, как война началась — один малиновый лист.

— Пей, пей на здоровье! Налить еще чашечку? — радушно спрашивала Хуппиниса.

Гульмадина поставила на стол миски с медом, сметаной и маслом, большое блюдо с калачами.

— Богатый стол, — тихонько шепнула Сайдеямал, наклонившись к невестке. — Расщедрился сегодня, видно, до смерти рад, что сын родился...

— Ничего, ненадолго его хватит, — смеясь, ответила Гульямал. — Десять лет потом вспоминать будет, сколько на смотрины потратил...

— Долго ждал наш бай этого дня, — вытирая платком круглое, лоснящееся от чая лицо, сказала жена муллы. — Аллах никогда не оставит просьбы благочестивого человека...

— После поста в ночь Қазыра, когда открывается небо, он просил дать ему еще семь сыновей! — откликнулась Гульмадина.

— Вот и послал аллах одного из семи, — не переставая разливать чай, улыбнулась Хуппиниса. — Может быть, скоро пошлет и остальных. Шахарбану, обнови-ка самовар, уже кончается...

— Ух ты, как много! — рассмеялась Гульямал. — Куда столько? У вас же есть уже три сына, это четвертый, а если шесть — то уже десять будет? Пока родятся, да пока вырастут... Сколько сил надо потратить на семь сыновей!

— Лишь бы здоровые были, — почмокала губами старая Ханифа. — А самое главное, чтобы

выросли настоящими мусульманами, благочестивыми и праведными...

— Верно говоришь, — кивнула головой жена муллы. — Вон у Хакима какие дети? Ни один не удался. Султангали совсем отца не признает, а Загит и того хуже — продал себя неверным, сделался разбойником...

— А говорили, что он замерз, что его волки съели? — удивилась Ханифа.

— Был бы он хороший человек, съели бы, а таких порченных и волки не едят! — нахмурилась Шахарбану, ставя на стол новый самовар. — Говорят, на Кэжэнском заводе его видели, сталь варит, на каждом углу свою веру продает...

— Мало того, что сам продает, — и других еще подбивает! — оживилась жена муллы. — Недаром собаку досыта кормить нельзя, — разжиревшая собака и на хозяина бросается! Что плохого этот Загит видел от нашего бая, чем ему Нигматулла-кустым мешал? А теперь он, куда ни придет, везде их дурным словом поминает.

— А ты откуда знаешь? — спросила Гульямал.

— Я знаю, что говорю, мои уши на каждом перекрестке стоят, — довольная собой, откинулась на нары жена муллы.

— А что же Нигматулла его не проучит? — покачала головой Ханифа. — Сам говорил, что за лавку десять шкур с него сдерет, а теперь, выходит, простил он ему такой грех?

— Теперь не прежние времена и законы другие, — с важным видом сказала жена муллы. — А на Кэжэнском заводе, где полно неверных, и вовсе нельзя мусульманину со своим законом прийти — на клочки разорвут, и одной штанины не останется! Ничего, куда он не денется, даже птицу в те места, где она родилась, словно

на веревке тянет, а уж человека — тем более! Вот как встретятся они на нашей земле, на сакмаевской, тогда и поговорят как следует!

— Да, так и не видел Хаким проку от своих детей, — вздохнула Ханифа.

— Значит, не был таким благочестивым, как надо! — рассмеялась Гульямал. — Был бы он настоящим мусульманином, не сбрил бы своей бороды!

— Замолчи, вертихвостка! — сердито одернула ее Ханифа. — Может быть, это только слухи! Зачем ты чужие слова повторяешь, зачем старого человека чернишь? Борода и от старости может выпасть, и от горя, мало ли что на свете бывает!

Женщины за столом переглянулись, усмехаясь.

— Так и в коране написано, что все бывает на свете, — жена муллы с шумом втянула чай с блюда и придвинула чашку к самовару, чтобы Хуппиниса налила ей еще. — А то, что люди портятся и дети перестают слушаться отцов, так об этом еще пророк Мухаммет говорил, что так оно все и будет перед концом света...

— А что он говорил? Расскажи нам! — попросила Сайдеямал.

— Шахарбану, налей-ка еще один самовар, — сказала Хуппиниса.

Голоса женщин, как в тумане, доносились до постели, где лежала Бибисара. Под ровный гул их и звяканье чашек она то задремывала, то вновь просыпалась, чувствуя рядом, под правым боком, туго спеленатый комочек. Просыпаясь, она приподнимала голову, чтобы взглянуть на малыша, и, убедившись, что тот спит, успокаивалась.

«Почему мне так долго нельзя вставать? — думала она. — Почему женщина, когда родит,

становится нечистой? Такой праздник в доме, все радуются и благодарят аллаха, а я почему-то должна лежать и мне даже некому сказать «спасибо»... Разве это не мой праздник, разве не я его столько времени в себе вынашивала? Почему же такая несправедливость?.. Как будто мой сын родился не из меня, как будто его нашли в стогу сена, как говорят маленьким детям... Значит, мне даже нельзя будет посмотреть, как ему дадут имя?»

Входная дверь громко хлопнула.

— Что, не ушли еще? — раздался голос Хажисултана.

— Чай пьют, — ответила Шахарбану.

Женщины заторопились, стали прощаться. Хуппиниса, по обычаю, раздала им ленточки и цветные нитки, они разложили их перед собой, прочитали молитву и, еще раз пожелав новорожденному всех благ на земле, поспешили уйти. Шахарбану и Гульмадина торопливо собрали со стола.

— Все в порядке? Как там мой сын? — спросил Хажисултан.

— Не беспокойся, все хорошо, — ответила Хуппиниса.

— Хаким не приходил?

— Нет еще...

— Надо послать за ним, пора готовиться к празднику.

— Я сейчас пошлю, — надевая шубу, поспешила ответить Хуппиниса.

— Потом зайди ко мне...

«Опять ругать будет, что так долго сидели, — подумала Хуппиниса. — А что же делать? Ведь не станешь выгонять гостей, когда они сидят за столом? Тем более таких, как жена муллы... Соседи могут обидеться, нехорошо...»

Послав за Хакимом, она вернулась и, осторожно постучав, вошла к мужу.

— Договорилась? — лениво, не поворачивая головы, спросил Хажисултан.

— Я послала за Хакимом, — быстро ответила Хуппиниса.

— Как зарежут лошадь, сразу начинайте готовить. Я хочу, чтобы все было по-нашему, по-мусульмански, как учили отцы и деды, чтобы стол ломился и, как пьяный, на ногах стоять не мог!

— Конечно, отец, — довольная, что он не вспоминает о засидевшихся женщинах, сказала Хуппиниса. — Я все сделаю, чтобы это был большой праздник, ты будешь доволен...

— Все должны увидеть, что сила пока что в моих руках, от меня здесь каждая мошка зависит! Слава аллаху, на здоровье жаловаться не приходится, я не какой-нибудь дряхлый старик, и пока я жив, в деревне все как было, так и будет, ничего не изменится!

— До тебя дошли дурные вести? — осторожно осведомилась Хуппиниса.

— Дурные или не дурные, а как я сказал — так и будет! Мое слово здесь закон, а кто не по моему закону живет, тому собачья смерть! — все больше раздражаясь, прошипел сквозь зубы Хажисултан.

— Что случилось? — испугалась Хуппиниса.

— Да вернулся тут с фронта один из оборванцев! Балхизу старую помнишь? Приемыш ее, Акназар Ягудин, которого она потом в Кэжэнский приют отдала... А теперь на тебе, явился! Мало того, что сам с голым задом расхаживает, еще и других подбивает: мол, слишком много у бая богатства накопилось, если на всех поделить, то жизнь для всех лучше станет!

— Да что ты?..— Хуппиниса растерянно зажала рот ладонью.

— Распустились! Думают, совсем я уже пенёк трухлявый, так и позволю свой дом по бревнышку растащить! Ошибаетесь, я ещё крепкий дуб, матерый, сто очков любому вперед дам! — Лицо Хажисултана покраснело от гнева и возбуждения, руки тряслись.

— Не волнуйся, отец, зачем ты себя тревожишь из-за каких-то слухов? Чего только люди не наговорят! Пока что они к тебе с уважением относятся, шапки перед тобой снимают... А если перестанут, то кто же им даст муки в голодное время? Неужели ты думаешь, что они, как разбойники, могут напасть на твой дом и ограбить его?.. Ни один настоящий мусульманин не позволит себе даже думать об этом...

— Ладно, помолчи! Не твоего это ума дело! — проворчал Хажисултан. — Твоя забота — праздник подготовить. Да смотри, запряги как следует этих дармоедок, а то у них от жиру скоро такие животы вырастут, что в двери пролезть не смогут! Что они сейчас делают? Небось опять дрыхнут?

— Мало ли дел в хозяйстве... — отвела глаза Хуппиниса. — Да и ночь была сегодня тяжелая, не спали.

— Ты чего их выгораживаешь? — рассвирепел Хажисултан. — Знаю я, как они работают, все хозяйство на твоём горбу держится! А ну, позови их сюда.

Хуппиниса покорно вышла. Шахарбану и Гульмадина прилегли на нарах и тихонько переговаривались, Бибисара спала. Чашки были вымыты и пол чисто выметен.

— Идите, зовет, — кивнула Хуппиниса. — Поласковей с ним, у него сегодня плохое настроение...

Шахарбану и Гульмадина быстро застегнули камзолы и пошли вслед за Хуппинисой.

— Что ты такой невеселый, атахы? — улыбнулась с порога Гульмадина. — Ведь сегодня в доме праздник...

— Уж не болит ли у тебя поясница? — всплеснула руками Шахарбану. — Давай я потру, у меня ладони мягкие...

— Ложись, отец, ты ведь тоже еще не спал сегодня, — ласково сказала Хуппиниса. — Пусть они уложат тебя.

— У меня пока еще есть силы, чтобы лечь самому! — все больше выходя из себя, заорал Хажисултан. — Или вы тоже считаете, что я прогнил, как старый пень?! Лучше скажите, чем вы занимаетесь?

— Посуду мыли, — пожала плечами Гульмадина.

— Гости час назад ушли, а вы все посуду моете? Небось, когда жрете, ложка между ртом и миской так и летает, а как посуду вымыть, рук не хватает?.. Подай-ка мне плетку, Хуппиниса!

— Не надо, отец... Прошу тебя, не бей их, сегодня был такой тяжелый день, — умоляюще посмотрела на мужа Хуппиниса.

— Ах, вот как?! Ты еще будешь их покрывать? — разъярился Хажисултан и, сорвав плетку со стены, вытянул плетью по спине сначала старшую жену, а потом шагнул к младшим.

— Я не виновата! Не бей меня, атахы! — отступая и закрывая руками лицо, закричали женщины, но Хажисултан без жалости поднял руку

и принялся охаживать их плеткой со всех сторон — только свистело в воздухе.

Женщины, опустившись на колени, уткнулись в угол, подставив спины, крича все громче и корчась при каждом ударе. Хуппиниса отвернулась.

— Что я сделала плохого? — выла Гульмадина.

— Алла, за что мне такая тяжелая доля? — всхлипывала Шахарбану.

— Кто какую долю заслужил, тот такую и получает! — отвечал Хажисултан, не переставая работать плеткой. — Кто бы кричал, а вы-то что орете, кобылы бесплодные? Приносили бы мне каждый год по сыну, и плетки не знали бы!..

Неожиданно в проеме дверей встала Бибисара. Простоволосая, в одной рубашке, с белым, бескровным лицом, она шаталась от слабости, по щекам ее текли слезы.

— Зверь! — хрипло крикнула она, схватившись за косяк непослушными руками. — Пусть падет на тебя проклятие аллаха за то, как ты измываешься над нами!.. Нет человека хуже тебя, зверь! Гадюка!..

Ноги ее подкосились, и, никак не поддерживаемая, она соскользнула на пол.

Хажисултан с минуту в ошеломлении смотрел на нее, потом, очнувшись, бросился и потряс молодую женщину за плечи.

— С ума сошла! Что ты делаешь? У тебя же молоко пропадет, ты загубишь моего сына!..

Голова Бибисары бессильно моталась в его руках из стороны в сторону, она была без сознания. Жены застыли, не смея что-либо предпринять. Хажисултан поднял испуганное лицо и грозно посмотрел на них:

— Чего встали, дуры? Отнесите ее в постель — и быстро за Қарибой, чтоб тут же была!..

Гульмадина и Шахарбану молча подняли Бибисару и осторожно перенесли ее на нары. Скоро около нее уже хлопотала Қариба-эби с заspanным, опухшим лицом — прикладывала к голове мокрые полотенца, давала какие-то отвары, шептала наговоры.

К вечеру Бибисара пришла в себя, но каждый раз, когда Хажисултан заходил на женскую половину, отворачивала голову и безучастно смотрела в стену. Сколько ни старался он привлечь внимание молодой женщины, какие ни говорил слова, Бибисара упрямо молчала.

— Шайтан в нее, что ли, вселился? — со злостью бормотал Хажисултан, отходя от кровати. — Қорова тупая! Если б не сын, я бы ей показал, как со мной в молчанку играть!..

Хуппиниса, Гульмадина и Шахарбану сбились с ног, готовясь к празднеству, им помогала Сайдеямал, но рук все равно не хватало. На второй день приехал из Оренбурга долгожданный старший сын Хажисултана, Шаяхмет, и бай немного смягчился, позабыл свои горести, перестал злиться на жен и заперся с сыном у себя в комнате. Когда Хуппиниса вносила им самовар и еду, они умолкали, и она спешила скорее снова оставить их наедине друг с другом, радуясь, что Хажисултан не мешает ей управляться на кухне, и одновременно печалась, что не успела перемолвиться ни одним словом с сыном.

На третий день гости повалили к дому Хажисултана. Шаяхмет ухаживал за ними, подавал воду из кумгана и полотенце. Старики одобрительно посматривали на старшего сына бая.

— Ай-хай, у хорошего человека и сыновья хорошие родятся,— хвалил его староста Мухарам.

— В городе учиться, муллой будет, а совсем не гордый,— усмехнулся Нигматулла.

— Сыновья один к одному родятся,— с горечью сказал Хаким. — Значит, и младший таким же вырастет.

— Все зависит от родителей,— важно добавил мулла Гилман. — Если человек благочестив, и дети у него благочестивые. Пусть же твой младший сын вырастет таким же благочестивым, как ты, Хажисултан-бай, пусть приносит тебе радость, смягчает сердце родителей лаской и послушанием, пусть растет настоящим джигитом!

— Аминь! — ответил Хажисултан-бай и провел руками по лицу. — Да сбудутся все слова твоего благого пожелания!..

Мулла Гилман повторил его движение и, впеврив в бая неподвижные глаза, спросил по обычаю:

— Зачем ты сегодня позвал нас к себе, Хажисултан, сын Валиахмета?

Хажисултан повернулся к гостям, лицо его выражало важность и довольство.

— Соседи мои и вы, кто пришел сюда с белыми бородами и мудростью прожитой жизни, и ты, благородный мулла Гилман! У меня сегодня радостный день, я хочу дать имя своему сыну по обычаю наших предков, как они завещали, на третий день. На старости лет, когда уже выпал снег на мою бороду и голову, послал мне его аллах, потому что в ночь Қазыра я просил всевышнего об этой милости. Благословите же моего сына, пожелайте ему всего того, что есть у меня и сверх того, чтобы он рос счастли-

вым, богатым и благочестивым, чтобы люди уважали его! Аминь!

— Аминь! — хором повторили за Хажисултаном мулла и гости.

— Пусть аллах услышит твою просьбу! — вежливо сказал Шаяхмет, передавая младенца отцу.

Хажисултан взял мальчика на руки, показывая его старикам. Мулла громко и монотонно запел молитву. Старики, глядя на ребенка, кивали бородами и причмокивали.

— Хороший малыш, крепкий, дай ему аллах здоровья, — приговаривали гости.

— Да наречется тебе имя — Хайбулла, — три раза прошептал мулла, склонившись над мальчиком.

Хажисултан снова передал ребенка Шаяхмету и стал приглашать всех к столу.

Ни при одной женитьбе не было у бая такого стола — и вправду еле на ножках стоял, шатался, как пьяный. Огромные блюда с мясом, миски со сметаной, бишбармак, кувшины со свежим, пощипывающим язык кумысом, корот и городской ароматный сыр, — казалось, не было такого угощения на свете, что не стояло бы на этом столе. Дымились чашки с мясом, из угла в угол переходили деревянные кадушки с медовухой, и у каждого гостя лежала на коленях новая холщовая рубаха — всех одарил Хажисултан в честь своего праздника.

Не остались в долгу и гости, каждый подарил, что смог: мулла Гилман — теленка, староста Мухаррам — жеребенка, Нигматулла — богатое, изукрашенное серебряными бляхами седло, а те, что победнее, — платки, деньги, мыло.

Два дня сидели за байским столом сакмаевцы, прославляя щедрость и великодушие Хажисултана.

султана, каждый успел поднять тост за бая, за его сына и будущую славу его, а когда вышли на улицу и вернулись к своим нетопленным, холодным домам, где плакали от голода дети и лежали на нарах не пышные подушки и перины, а ветхие коврики да дерюги, показались им эти два дня несбыточным, не похожим на правду сном...

XIX

Дав имя сыну и справив это событие, Хажисултан слег, как это бывало каждой весной, с ломотой в пояснице. Два дня он стонал, кряхтел, жаловался, то заставляя Шахарбану растирать ему спину, то проклиная нерасторопность Гульмадины, которая уже час как должна принести ему еду, то усаживая Шаяхмета развлекать его всяческими историями и байками.

Қариба-эби не выходила из дома, готовя очередное снадобье для бая, бормоча молитвы над Бибисарой, которая все еще чувствовала себя плохо.

Хуппиниса совсем сбилась с ног и чувствовала себя, наверно, хуже всех, но держалась и не жаловалась никому, так как понимала, что если сляжет и она, заменить ее в хозяйстве будет некому и все пойдет тогда вкривь и вкось. Она покорно сносила капризы Хажисултана, старалась приласкать сына и поухаживать за ним, готовила ему его любимые блюда, разнимала Гульмადину и Шахарбану, которые то и дело ссорились, утешала Бибисару, тетёшкалась с маленьким Хайбуллой, помогала Қарибе-эби, следила за порядком во дворе, лавке и пристройках. Она спала в эти дни меньше всех, но никто не обращал внимания ни на ее осунувшееся лицо с красными

от недосыпания веками, ни на то, как она, потихоньку от всех, уходила в сени, где просто садилась, закрыв глаза на несколько минут, бледная, с колотящимся сердцем и трясущимися руками, пока в доме снова не раздавался крик: «Хуппиниса! Байбисэ-э¹», — и тогда вставала и шла, шатаясь и чувствуя, что вот-вот упадет. Только Бибисара, несмотря на свою болезнь, иногда с жалостью говорила ей:

— Ты бы прилегла, отдохнула...

— Не волнуйся, деточка, все в порядке! — с улыбкой отвечала Хуппиниса.

Только спустя неделю, когда Хажисултан поднялся, Хуппиниса позволила себе немного отдохнуть, — подав завтрак мужу и Шаяхмету, проводила до ворот Қарибу-эби и прилегла на нары. Однако не успела она задремать, как Шахарбану потрясла ее за плечо:

— Байбисэ, проснись! Зовет...

— А?.. Что случилось?.. — не сразу поняв, в чем дело, подняла голову Хуппиниса, но привычка всей жизни заставила ее быстро встать и идти к мужу.

Хажисултан был один и почти одет для того, чтобы выйти на улицу, только шапки не хватало.

Хуппиниса молча остановилась у стены.

— Ну-ка, Расскажи мне, о чем там вы с бабами эти дни говорили? — мрачно глядя на нее, спросил Хажисултан.

— Да вроде ни о чем таком... — потеряв лоб рукой, растерянно ответила Хуппиниса.

— Ну, а все же о чем?

— Да все о наших домашних делах... Про Хакима говорили, про то, что он бороду из-за

---

¹ Б а й б и с э — старшая жена бая.

Гульямал сбрил, про его детей... Жена муллы, когда приходила, всякие истории из корана рассказывала. О чем всегда говорим, о том и теперь. Ну, еще там о новом платье Мархабы... Про войну говорили...

— А что про войну?

— А про прииск ничего не говорили? Про то, то скоро и остальные вернутся, наверно...

— Это кто, Акназарка?

Хуппиниса кивнула головой.

— А про прииск ничего не говорили? Про то, как там вся голь взбунтовалась, чуть контору не сожгли?

— Ай-хай, какое несчастье! Но я в первый раз об этом слышу! Может, пустые разговоры?

— Если бы пустые, и я с тобой бы об этом не говорил! — раздраженно ответил Хажисултан. — Ты вот что, походи-ка по своим соседкам, а то давно в гостях не была! А заодно все, что про прииск говорят, в карман складывай и мне приноси...

— Хорошо, отец, схожу, — кивнула головой Хуппиниса.

— Послушай еще, что про этого Акназара говорят, и сама всем говори, что нехороший он человек, не наш, хоть и вырос тут. Иначе он всю голытьбу перепортит, все с ног на голову перевернет! И что у нас за народ такой? Кто бы откуда ни приехал — старатель какой, или городской человек, или вообще бродяга, может, нет у него ни отца, ни матери, ни корней на всем свете, а вся деревня уже тут как тут, рты разинула! Да мало ли сброда по земле шатается, разве каждого нужно слушать?.. Вот Акназарка этот, кто он есть? Тьфу, плюнуть и растереть, ни мусульманского в нем ничего, ни почтения к обычаям дедов, совсем чужая кровь в жилах течет!

Благовоспитанный человек что бы сделал в первую очередь? Муллу посетил бы, баю подношение принес, устроил бы чай для соседей! Хороший человек, если домой вернулся, то помнит, как и что ему делать надо, а если не помнит — худой это человек, не будет от него добра!..

— Вот так я им и скажу, — согласилась Хуппиниса. — Я, правда, темная, не умею так красиво говорить, но уж скажу, как смогу...

— Ладно, — прерывая ее, махнул рукой Хажисултан. — Как сможешь, так и скажешь, главное — что ты скажешь, а не как. К кому ты пойдешь сначала?

— Ну, к жене муллы схожу... — нерешительно поглядела на мужа Хуппиниса.

— Нет, к этой не ходи! Все, что она знает, я уже знаю от самого муллы. Ты походи по тем, кто победнее, кому немножко муки отнеси, кому чаю, с кого как бы долг от лавки взыскать, поняла? А я сам к Акназару схожу, послушаю, как он языком треплет...

Он надел шапку, крепко натянул ее на уши и встал.

— Поторопись с этим делом, иди сегодня же, — сказал он уже в дверях. — Да, вот еще что: никому больше об этом ни слова, а то эти толстые дуры невесть что придумают, из комара лошадь сделают, а из лошади гору!

— Хорошо, отец, — как эхо, повторила Хуппиниса.

Дойдя до одиноко стоящего в самом конце улицы домика, Хажисултан сбавил шаг. С тех пор как вернулся Акназар, старый домик Балхизы-инэй¹ с покосившейся крышей и ушедшими в землю желтыми, обмазанными глиной, стенами,

---

¹ И н э й — тетка.

зажил новой жизнью. Темные провалы окон были аккуратно и ровно затянуты матовой телячьей брюшиной, стены аккуратно обмазаны глиной, а крыша — заново покрыта жердями и дерном. Мало того — двор, как и в прежние времена, был обнесен плетнем, совсем новеньким, с чистенькими, белыми, только что обструганными жердями, снег со двора тщательно убран, и дорожка от калитки к крыльцу — выложена камнями.

«Ишь ты! Можно подумать, на него тут десять работников старались!» — со злостью подумал Хажисултан и направился к дому, из которого доносился веселый гомон.

Внутри дома все тоже неузнаваемо изменилось — чумал был заново переложен и побелен, стены и потолок обшиты свежими досками с еще сочащейся смолой, пол чисто выметен, на нарах лежали грубое армейское одеяло и маленькая подушка, весело горел огонь в очаге, пел, насвистывая, отдраенный до зеркального блеска самовар, пахло малиновым листом. На деревянных крюках у дверей висело такое количество одежды, как у Хажисултана по большим праздникам, на нарах не было ни одного свободного местечка, и люди сидели на полу, подстелив под себя зипуны и тулупы, или просто стояли вдоль стен. Как только Хажисултан вошел, гомон немедленно прекратился и наступила тишина.

Акназар, сидевший на чурбаке около очага, повернулся к дверям. На мгновение вселое скуластое лицо его выразило удивление, но оно тут же сменилось радушной улыбкой; он прищурился и кивнул вновь пришедшему:

— Ассалям агалейкум!

— Вагалейкум ассалям, — сквозь зубы процедил Хажисултан.

— Присаживайся, — пригласил Акназар, улы-

баясь еще шире и показывая ровные, белые, крепкие зубы, как зернышки — один к одному.

Он подвинулся, освобождая место на чурбаке, и, взяв чашку, потянулся к самовару. Бушлат, накинутый поверх тельняшки, соскользнул с правого плеча, и Хажисултан увидел под засученным рукавом ясно выступавшую на коже татуировку — обвитый цепью якорь.

Акназар налил чашку чая и вопросительно посмотрел на бая.

— Я ненадолго и только что от стола, — недовольно сказал Хажисултан.

— Ну что ж, твоя воля и желание для тебя закон, — весело ответил Акназар и протянул чашку Ягуде-агаю, сидевшему на другом конце чурбака. — Кому еще? Всем пока хватает? Ну, а не хватит, так подходите и наливайте сами, у меня уже руки устали!

— Так что ж ты тогда сразу не приехал? — продолжая прерванный разговор, спросил Ягуде-агай. — Не хотелось, что ли?

— Какое там не хотелось! Только о том и мечтал, чтоб сюда вернуться! — охотно откликнулся Акназар. — Так ведь тут как раз война и началась, меня сразу и забрили, с тех пор только и знал, что по свету мотался.

— Акназар-агай, а как ты в моряки-то попал? — с жадным любопытством рассматривая его тельняшку и бушлат, где на каждой пуговице блестел якорь, перебил его Гайзулла.

— А я и сам не знаю! — Акназар расхохотался. — Везли нас, везли, привезли в Оренбург, а там — опять комиссия, да не такая, как в Кэжэне, — все в белых халатах, строгие такие доктора! Взвесили меня, к палке поставили, чтоб рост измерить, молоточками стучали, сердце слушали, целый час возились, никак не меньше. Да-

же в зубы посмотрели, словно я конь, а они меня купить собираются! Главный их так прищурился и говорит: из таких, мол, как ты, матросскую породу выводить можно! Ну, а мне не все равно, где моя голова под пулей окажется, на земле или на воде? Я так думаю — один шайтан!.. А на море я уж насквозь просолился, даже вон если бушлатик мой на вкус попробовать, сама соль горькая...

— А какое оно, море-то? — допытывался Гайзулла.

— Море? Одна вода кругом, и берега не видеть... Вот где оно у меня! — Акназар постучал кулаком в грудь. — Море только когда своими глазами увидишь, то поймешь, что оно такое...

— Может, видел ты где-нибудь сыночка моего? В одно время вас забрали-то, — тихо сказала Сайдеямал. — Если ты столько изъездил, сколько говоришь...

— Нет, — покачал головой Акназар, — не слышал. Да и трудно моряку про солдата услышать: один — на земле, другой — на воде, разный у них фронт, и война разная... Ни про кого из нашей деревни не слышал, да я, может, и один из всех в моряки попал...

— У меня сын тоже в матросах, — подал голос старик Файзрахман, чинно восседавший на нарах. — Только на юге он, а ты — с севера... Но, может, хоть про корабль его слышал что-нибудь?

— А какое у него название?

— Эс-сминец, кажется... — с трудом выговорил Файзрахман.

— Да разве это название? — Акназар улыбнулся и покачал головой. — Это его, так сказать, суть, вот как, например, лодка или плот... Есть разница? Так и тут. А эсминец, как и лодку, по-

разному назвать можно, вот у нас на севере — «Самсон», «Страшный», другие еще...

— Я только это название знаю, — опустил голову Файзрахман.

— Так постой, письма ты от сына получаешь?

— Получаю, а как же!

— И сам ему пишешь?

— Пишу...

— А на какой адрес?

— Да я не сам пишу, — смутился Файзрахман. — Вот до седых волос дожил, а грамоты не знаю...

— Так это неважно! Ты мне принеси письма, там в адресе, должно быть название корабля, обязательно, иначе и письмо не дошло бы! Тогда я тебе прочту, а ежели что знаю про корабль, то и расскажу...

— Хорошо, — довольно закивал головой Файзрахман. — Добрый ты человек...

— Да что ты, агай! — смутился Акназар. Он пригладил черные, коротко стриженные усы и оглядел собравшихся. — Что ж вы чай-то не пьете? Одними разговорами сыт не будешь!

— А ты царя видел? Он тебе медаль не давал? — вдруг вскинулся из дальнего угла Шарифулла.

— Есть одна, «За храбрость», серебряная, только не ношу я ее, ни к чему... Медали при парадной форме надевают, кто же дома в парадной форме расхаживает?

— А где ж она? — поинтересовался Шарифулла.

— Да вон там, — Акназар нехотя показал на задвинутый под нары сундучок.

— Покажи, пожалуйста, — по-детски попросил Шарифулла.

— Ну, коли охота... — Акназар встал, вытащил из-под нар тяжелый, деревянный сундучок и принялся копать в нем.

— А это что? — спросил Гайзулла, тыкая пальцем в картинки, которыми была обклеена внутренняя сторона крышки.

— Это?.. Да из журналов вырезал, для красоты! — Акназар приподнял голову. — Вот эта картинка из «Нивы», вишь пароход двухпалубный, а река Волга называется... Не видел я ее, правда, никогда, но зато слышал. Самая знаменитая у русских река... А это горы, на наши смахивают, поэтому и вырезал... Погляжу — и и словно дома побываю...

— А это кто? — спросил Гайзулла, рассматривая портрет узколицей большеглазой женщины в лиловом платье, с веером из черных перьев в руках.

— Да я и сам не помню... Не то какая-то заграничная царица, не то актриса...

— А это? — Гайзулла указал на виньетку от коньяка, наклеенную между картиной и женщиной в лиловом платье.

— Экий ты дотошный! — с любопытством поглядел на парня Акназар. — Хорошо, молодец, так и надо! На-ка медаль, посмотри, небось, тоже интересно?

— Мне, мне! — закричал Шарифулла, выбираясь из угла. — Ты же мне пообещал!

— Ладно, все успеете!

Пока он ходил в сени за водой, разводил самовар, заваривал в чайнике листья малины, подкладывая в очаг аккуратные, ровные поленья, медаль переходила из рук в руки. Разглядывали ее внимательно и пристрастно, словно медаль эта была выдана не Акназару, а всей деревне. Хажисултан, так и не решившись сесть, наблюдал за

всем происходящим, прислонясь спиной к дверному косяку, не сняв шапки и еле сдерживая готовую вот-вот прорваться ярость.

— Да... — протянул Ягуда-агай, бережно поднеся ладонь с лежащей на ней медалью к огню, чтобы получше разглядеть ее. — Красивая медаль. Наверно, такую дают за очень храбрый поступок...

— Акназар-агай, а за что тебе эту медаль дали? — спросил Гайзулла.

— Балда! Ему сам царь ее дал! — возбужденно выкрикнул снова забравшийся в угол Шарифулла.

— Да нет, не царь. Царь медали и ордена только министрам выдает или там адмиралам, а матросам медали дает командир корабля. Эту медаль мне выдали, когда я на сторожевом катере плавал.

— Значит, не видел ты царя, — разочарованно вздохнул Шарифулла.

— Как не видать? Видел! — кашлянув в кулак и поглядев в сторону Хажисултана, сказал Акназар.

— А какой он?

— Какой? Да какой же, как все богатые люди, разница только в названии... Вот у нас, например, бай, а там — царь, понял?

— Значит, царь такой же, как бай? — недоверчиво посмотрел на матроса Шарифулла.

— Ну да! — подтвердил Акназар. — В точности такой, даже потолще нашего Хажисултана будет... Богатые люди всегда лучше бедных едят, оттого их и разносит в ширину...

— Акназар-агай, а ты видел, как его с трона скинули? — спросил Гайзулла.

— Видел! — не сморгнув глазом, ответил Акназар. — Знаю даже одного такого матроса, что

его за ногу из-под трона вытащил! Дружок мой закадычный, Кириллом звать.

— Что ж ты молчал? Расскажи, агай... — стали просить со всех сторон.

Народу в комнате прибавилось, все время кто-то входил, здоровался и устраивался, как мог, в тесной, до отказа набитой людьми комнате. Под конец люди, не вмещавшиеся в комнате, остались стоять в сенях, а те, кто не нашел места и в сенях, стали заполнять двор и пытались оттуда расслышать, что говорит Акназар.

— Рассказать можно. Сейчас чаю только глотну! — Акназар усмехнулся в усы, выпил залпом две чашки и провел ладонью по широкому обветренному лицу. — Стало быть, служу я... Матрос как матрос, то в кубрике, то в кают-компании, то палубу драю, то пулеметы разворачиваю, свое матросское дело знаю, а дальше — пусть шайтан разбирается! Ничем таким не отличался, только вот разве медаль, да и ту, по правде сказать, у нас почти все матросы получили, а кто — и по две штуки. Даже и не знаю, за что мне такое выпало — только вызывает меня однажды к себе один большой человек, самый близкий помощник того, кто царя скинул...

— А кто царя скинул?

— Да замолчишь ли ты наконец! — возмутился Файзрахман. — Слова человеку не даешь сказать! Разве мы сюда тебя пришли слушать?..

Гайзулла покраснел, Акназар ободряюще подмигнул ему и продолжал, переворачивая кочергой поленья в очаге и весело поглядывая на Хажисултана:

— Так вот, вызывает меня к себе этот большой человек и говорит: «Посмотри-ка ты, Акназар, вон туда». Смотрю, а он мне на дворец царя показывает. «Вот, говорит, Акназар, какое дело —

сидит этот царь у себя во дворце, весь в шелках да в бархате, жрет, сколько влезет, пьет, сколько сможет, вроде ваших баев, а кругом-то него люди голые ходят, и даже кусочка хлеба у них нету. За что же это — царю все, а людям кукиш? Где же тут справедливость?» Задумался я и отвечаю: «Правда, нет в этом деле справедливости, но только что же с этим поделаешь, так уж устроено — у богачей карманы полные, а у бедняков пустые». — «А ты посчитай-ка, — говорит он мне, — сколько на свете богачей и сколько бедняков, кого больше?» Посчитал я, вижу — бедняков больше. «Правильно, — говорит мне этот человек, — А если все богатство, что у богачей, на всех людей поровну разделить, что тогда будет?» Ну, подумал я и говорю, что, мол, будет тогда и бедняку что надеть и что поесть. «Правильно, говорит, так и надо сделать, бери-ка своего дружка Кирилла, бери всех других матросов и гони, говорит, его в шею, царя этого!» — «А почему ж, говорю, я, а не кто-нибудь другой?» — «А кому ж еще-то, — отвечает он, — ты разве не бедняк, ты разве о своем куске хлеба каждый день не думаешь, ты разве не хочешь, чтоб тебе и другим беднякам на свете жилось хорошо? Если вы не пойдете, то кто же тогда на него пойдет? А ну, говорит, выгляни в окно!» Я глянул, а там народу — словно море шумит перед штормом. Ну, думаю, девять баллов, работенка, киль ей в душу! «Это кто ж, спрашиваю, такие?» А он отвечает: «Это твои братья, со всей земли бедняки. Бери-ка ты это войско и ступай прямо на царя!» Ну, я так и сделал. Взял дружка своего Кирилла, и пошли мы на дворец, а за нами — все матросы, а за матросами — бедняцкое войско. Еще до дворца не дошли, а стража, что царя стерегла, вся от испуга разбежалась, минис-

тры нас у порога встречают: мол, сдаемся мы тебе и твоему войску, Акназарка, без всякого сопротивления! А мне не до них, мне самого царя надо! Ищем мы, ищем, по комнатам ходим, а комнаты все такие, что и в сказках таких не бывает, — одна золотая, другая серебряная, а третья вся драгоценными камнями сверкает — прямо глаза разбегаются! Идем-идем по дворцу, а его нигде нет, окаянного...

— Вот куда наше золото уходит, — прошептал кто-то.

— Наконец пришли мы с дружкой Кириллом в ту комнату, где трон стоял. Глядим — а трон пустой. Куда ж, думаю, он делся, шайтан? А Кирилл мне и говорит: а чего, это, Акназарка, из-под трона вроде красный сапог торчит? Подошли мы поближе — и вправду, торчит. А ну, говорю, Кирилл, потяни за сапог! Так он его и вытянул! — Акназар захохотал, следом за ним засмеялись и гости, кто открыто, а кто — с опаской поглядывая на бая, и все же не в силах удержаться от смеха. Хажисултан с простью глядел то на смеющихся, то на свои красные шегольские сапожки.

— Так вот, тянет он царя за ноги, — все больше воодушевляясь, продолжал Акназар, — а царь аж белый весь стал, кричит: «Акназарка! Не предавай меня, я тебя с ног до головы озолочу, первым министром сделаю!» — «Нет уж, — говорю я, — теперь весь твой род, всех богачей уничтожу и богатство твое бедным раздам, чтобы все по справедливости было!» Ну, тут уж ему делать нечего, видит, что дело его плохо, и говорит: «Эх. Акназарка, Акназарка, подрезал ты меня...» Посадил я его в тюрьму, распустил войско, а сам сюда подался посмотреть, все ли у нас тут идет, как надо...

— Выходит, ты сюда порядки наводить приехал? — не выдержал Хажисултан. Он оторвался от стены и выступил вперед, сжимая кулаки. — Ну, давай, принимайся теперь за меня, если сил хватит, голодранец несчастный! Язык без костей! Сидишь тут и лаешь, а про что — сам не знаешь!

— Я тебе что, собака, чтоб лаять! — подняв брови, с угрозой спросил матрос.

— Хуже собаки! — Лицо Хажисултана побагровело, глаза налились бешенством. — Не успел приехать, а уже на меня кидаешься, людей с толку сбиваешь!

— Да я, по-моему, о тебе и слова худого не сказал! — Акназар с веселым недоумением оглядел собравшихся.

— Ты что, за дурака меня считаешь? — заорал Хажисултан. — Думаешь, я не понимаю, на что ты намекал, когда про царя рассказывал? А ты даже не подумал встать и приветствовать меня по обычаю, когда я вошел! Но смотри — это тебе даром не пройдет, ч над собой никому еще смеяться не позволял и не позволю! Если мать с отцом тебя обычаем не научили, то я за эту науку возьмусь, бесплатно обучу — голодом заморю, как последнюю шавку, из деревни выгоню и пепел за тобой следом развею!..

— Руки короткие, — спокойно и насмешливо ответил Акназар. — Врешь ты все, никого ты теперь ниоткуда прогнать не можешь! Скинули царя, и тебя скинут, прошли ваши времена, новые пришли — наши!

— А вы-то хороши! — повернулся к односельчанам Хажисултан. — Рты разинули, уши развесили... Да я вам завтра сто тысяч таких же небылиц наплету! А ну, марш по домам! Если не пойдете, то и ко мне в дверь пусть ни один

из вас не стучится, и пусть будет проклятие аллаха на вас и на ваших детях до седьмого колена!

— Страхом хочешь взять? — Акназар встал, скинул бушлат одним движением плеч, и сразу стали видны выпиравшие под полосами тельняшки крупные бицепсы на руках и груди. — Иди, иди сюда поближе, — ласково и спокойно поманил он Хажисултана. — Я тебе сейчас так твою морду надраю, что навсегда отсюда чистый уйдешь, в баню ходить не надо будет!.. Ну, чего ж ты встал? Или душа в пятки спряталась?

— Ты мне за это ответишь! — погрозил кулаком Хажисултан и, навалившись всей тяжестью на плотно стоявших людей, стал пробираться к выходу.

Акназар сунул два пальца в рот и по-разбойному засвистал, расхохотался, хлопая себя ладонями по коленям:

— Эй, лупи эту крысу пузатую! В штыки, ребята! Береги, бай, свои красные сапоги, чтоб было за что из-под кровати тащить!

Хажисултан еле вырвался из сеней и, не глядя ни на кого, затрусил к калитке. Голова у него болела, спина и ноги ныли оттого, что он так долго стоял, поясницу снова заломило.

«Если все голозады будут возвращаться такими с фронта, что же тогда будет? — думал он. — Уж лучше бы навеки там оставались. Испортился народ, испортился! Уже и мулла Гилман ничего не может сделать, а над старостой они просто смеются, чуть не в глаза его желтой змеей называют! Нет, тут одних слов мало... И если не придумать — всему конец! Хоть сегодня ложись и помирай!»

Придя домой, он, не заглядывая на женскую половину, отправился к себе и сразу же лег. Шаяхмет помог ему раздеться.

— Вот что, сынок, ты завтра усзжаешь, дам я тебе одно письмо. Сам его отнесешь и передашь прямо из рук в руки, понял? — устало сказал Хажисултан, откинувшись на подушках.

— А кому?

— Оренбургскому мулле-хэзрету. Да смотри спрячь конверт подальше, там не только письмо — там еще и деньги будут.

— Деньги? — удивился Шаяхмет.

— И немалые. Пусть он это письмо при тебе прочтет и тут же ответит. Скажи ему: если мало денег, мол, отец еще даст, только чтобы он приехал сюда хоть на денек!

— Ты хочешь, чтобы он приехал к тебе в гости? — еще больше удивился Шаяхмет.

— Я хочу, чтобы он поговорил с людьми во время намаза. Может быть, такой священный и образованный человек сможет наставить их на путь истинный... Ты же сам учишься на муллу и должен понимать, как это важно, когда человек держится своей веры. А я вижу, что она у нас в Сакмаеве с каждым днем все слабее и слабее... Как же я могу смотреть на это равнодушно? Я сделаю все, чтобы люди перестали слушать шайтана, который говорит сейчас устами русских, — это мой долг. Разве не так?

— Да, отец, — склонил голову Шаяхмет, — ты настоящий мусульманин.

XX

Весна хлынула с гор неожиданно-негаданно, казалось, за неделю растопила все снега, и не успели люди оглянуться, как уже зазеленела на

склонах трава, показались первые ландыши и лес точно окутался зеленым дымом.

Берега Юргашты стали веселыми и оживленными: копались на отвалах дети, с шумом текла по вашгердам вода, многие начали собираться в горы — кто искать золото, свой счастливый фарт, кто на джайляу.

Вся весна прошла в хлопотах и сборах. В Сакмаеве подправляли на скорую руку изгороди и плетни, заново ремонтировали клетки и сараи. Прииск тоже наполовину опустел, и лишь в одном Кэжэне дымили трубы и почти каждый день собирались на митинги — выступали и приезжие ораторы, и свои, и хотя говорили вроде всегда об одном и том же, люди тянулись на эти сборища, жадно слушали всех, чтобы понять, что творится в округе и по всей стране...

Однако в тот час, когда на базарной площади в полдень появился отпущенный на побывку Хисматулла, она показалась ему пустой и безлюдной. Перекинув через руку шинель и подправляя то и дело висевшую за спиной котомку, он обошел базарные ряды в надежде увидеть кого-нибудь из сакмаевцев, но не повстречал никого.

Но это не расстроило и не огорчило солдата, — теперь он был недалеко от дома, и нужно было только набраться терпения, чтобы найти попутную подводу и добраться до родного порога. Пристроившись около забора, он расстегнул воротник гимнастерки, вынул из котомки небольшой сверток с припасами и разложил на траве. Аккуратно отрезав перочинным ножом кусок черного хлеба, он круто посолил его солью из тряпицы, стал медленно и с наслаждением жевать, поглядывая по сторонам и радуясь каждому новому встречному, птичке, вспорхнувшей

с забора на ветку березы, траве под ногами, даже чертополоху, глушившему придорожные канавы. Он так истосковался по всему родному, что душа его живо отзывалась на все, что видели глаза и слышали уши...

Пока он не торопясь жевал хлеб, на базарной площади что-то изменилось, ровно прибавилось народу, стало шумно, хотя было трудно понять, куда и зачем спешат люди. Он слизнул с загорелой ладони крошки и остановил мчавшегося мимо босоногого мальчишку.

— Эй, малой! — весело позвал он. — У вас что, нынче какой-то праздник?

— Не праздник, а митинг! — на ходу отозвался парнишка. — Может, опять драка будет, как вчера! Потеха!

— Постой, постой! — пытаюсь удержать мальчишку и расспросить его обо всем поподробнее, воскликнул он. — Что за митинг?

Но мальчишки и след простыл. А народ уже бежал на другой конец площади, оттуда, все нарастая, катился возбужденный гомон, смех, там уже кто-то взобрался на телегу и размахивал красным флагом.

Хисматулла торопливо кинул за спину котомку, подхватил шинель и быстро зашагал на край площади. Ему пришлось уже протискиваться через толпу, чтобы быть поближе к телеге, на которой теперь, возвышаясь над всеми, стоял полный, коротконогий человек в городском костюме с жилеткой и размахивал рукой. У него было круглое лицо с рыжей бородкой, в правой руке он мял белый батистовый платок.

— Граждане Кэжэна! Прошу внимания! — одернув жилетку, оратор внушительно прокашлялся, помахал батистовым платком. — Вчера, во время моего выступления, кое у кого возник-

ли сомнения в подлинности моих слов!.. Я рад сегодня документально подтвердить свою правоту! Вот она! В моих руках только что полученная телеграмма, где черным по белому сказано, что большевики изменили революции! — он переждал прокатившийся по площади шум, вынул из кармана хрустящий на ветру листок. — Каждый в любой момент может подойти и прочитать, что здесь написано! А здесь написано то, что сегодня знает уже весь мир, а именно — что большевики по тайному сговору с нашими врагами немцами готовили свержение Временного правительства!.. Тем самым они предавали нашу революцию, наши идеалы! Они предавали Россию, дорогую для каждого из нас...

— Кто это говорит? — наклоняясь к стоявшему рядом пожилому усатому человеку с усталым лицом, спросил Хисматулла.

— Да ты что — с неба свалился? — изумился усатый и даже пожал в недоумении плечами и отвернулся. — Неужели ты Комловского не знаешь? Да тут его любая собака...

— Я на самом деле свалился, только не с неба, браток, а с фронта, — тихо ответил Хисматулла. — Из госпиталя вернулся, на побывку...

— А-а, тогда дело другое, — усатый действительно усмехнулся. — Тогда слушай, скоро поймешь, что это за птица и про что она каркает... Он купец второй гильдии, а недавно назначен уездным комиссаром Временного правительства! Шишка, да еще не на ровном месте...

— Лидер большевиков, известный под кличкой Ленин, с помощью тайных агентов вошел в прямой контакт с Вильгельмом и, надо полагать, получил за это предательство священных интересов России весьма внушительную сумму! Со временем истории станет известна эта сум-

ма, но можете не сомневаться, что наши заклятые враги не поскупились!.. Сейчас Ленин скрывается в подполье, не исключено; что его переправили уже за границу, но ему все равно не уйти от суда народа!..

«Врешь, паскуда!» — чуть было не выкрикнул Хисматулла, но, взглянув в напряженное, застывшее, как маска, лицо пожилого рабочего, сдержался. Он не знал, кто окружал его в этой толпе, друзья, враги или обманутые этой хитрой ложью доверчивые рабочие люди, потому что с разных концов уже несло:

— Повесить за такие дела мало!

— А чего правительство смотрит? Чего расусоливать, раз документы на руках!

— К стенке всех врагов отечества! — багровея, кричал неожиданно вынырнувший около телеги офицер, седой, в пенсне. — Шпионам не должно быть никакой пощады!

— Спокойно, граждане! Спокойно! — выбрасывая вперед руку с белым платком, стараясь перекрыть шум толпы, надрывался уездный комиссар. — Мне понятны ваши патриотические чувства! Можете не сомневаться, что никто не уйдет от справедливого возмездия! Большевики себя полностью разоблачили! Их гнусный замысел провалился, и Временное правительство воздаст им по заслугам!.. У нас рука не дрогнет, чтобы наказать изменников и предателей Родины!..

— Просим от нашего имени передать правительству нашу признательность и благодарность, — снова дернулся офицер, пенсне слетело с его горбатого носа и сверкнуло на солнце, но тут же погасло, повиснув на витом шнурке. — Да здравствует Временное правительство! Ур-р-ра Керенскому! Сла-а-ва!

Толпа нестройно отозвалась на этот крик.

— ...ра-а!

Хисматулла навалился грудью на телегу, качнул ее всем телом, и комиссар, нелепо взмахнув руками, чуть не полетел вниз. Но телега выровнялась, комиссар расставил пошире ноги, подвинулся к самому краю, и Хисматулла нашел этот момент самым удобным, чтобы дернуть его за штанину.

— В чем дело? — насупился комиссар. — Что вы хотите?

— Я тоже хочу два слова...

— От имени кого вы намереваетесь выступать? — снова нацепив пенсне, подозрительно сощурился седой офицер.

— От себя хочу сказать, — кладя на телегу котомку и шинель, сказал Хисматулла. — С фронта иду, после ранения... Может, людям будет интересно послушать?

— Слово просит солдат нашей доблестной армии! — глядя сверху на Хисматуллу, громко объявил уездный комиссар. — Мы приветствуем среди нас защитника родины!

Он первый, скомкав платок, захлопал в ладоши, и вся площадь прошелестела, награждая нового оратора аплодисментами.

Хисматулла вскочил на телегу и оторопел, увидев запруженную людьми площадь. Он так растерялся, что с минуту немо, широко распахнутыми глазами смотрел на это море голов, пестрые бабьи платки и кепки, на пыльный большак за крытыми прилавками базара, на поникшие ветлы. Он словно оглох на мгновение, хотя над толпой катился ровный, как прибой, шум голосов, крики ребятишек, чей-то плач.

— Давай, солдат, не томи! — крикнули из толпы. — Раз вызвался — говори, что знаешь!

— А я врать и не собираюсь, — нашелся наконец Хисматулла и вздохнул всей грудью. — Вот стоял я там внизу, слушал этого господина, и стало мне обидно...

Шум сразу пошел на убыль, и Хисматулле показалось, что он слышит, как громко колотится в его груди сердце.

— Покормил вшей я в окопах, два раза меня ранило, в штыковые атаки ходил, в госпиталях належаюсь, сейчас домой иду, тут недалеко — может, знаете Сакмаево? Так вот я оттуда... А обидно мне стало потому, что этот господин про меня все говорил и все, как есть, врал!

Раздался смех, чей-то выкрик, но через минуту на площади стыла уже хрупкая, готовая вот-вот сломаться, тишина.

— Не буду от вас скрывать, что я большевик! Настоящий, без подделки, весь на виду перед вами, и скрывать мне от вас нечего, но и напраслину, и хулу всякую я тоже терпеть не намерен!

Уездный комиссар наконец, кажется, понял, чем грозит ему это выступление, и схватил Хисматуллу за руку:

— Я лишаю вас слова! Прошу покинуть трибуну! Вы дезертир!

— А может быть, и шпион немецкий! — завопил офицер и попытался сдернуть Хисматуллу за ногу с телеги. — Долой!

Хисматулла крепко держался на телеге. Он легко оттолкнул от себя комиссара, лягнул в грудь офицера и крикнул уже во весь голос:

— Видали, как они за правду стоят, эти господа? Видали? Уже в дезертиры определили! В изменники!.. А кому дают в награду вот эти кресты? Кому?

Он потер ладонью георгиевский крест на гимнастерке, чуть подался вперед, чтобы было

видно всем, что у него на груди, и толпа зароптала:

— Не затыкайте рот человеку!

— Он же герой!

— Давай, солдат, крой! Не стесняйся!

Хисматулла не заметил, как пробились к телеге и стояли теперь плечо к плечу рядом с уса-тым рабочим чем-то похожие на него люди, видимо, с Кэжэнского завода, они одобрительно кивали ему, и он понял, что теперь не один, что эти люди, в случае чего, придут на подмогу.

— Я не знаю, откуда вы получили эту телеграмму, — все более воодушевляясь и волнуясь, говорил он. — Но знаю, что все, что там написано, ложь, вранье... Никто никогда не докажет, что самые близкие и преданные народу люди могут стать предателями. Но разве я могу быть изменником и шпионом? Зачем? Ради кого? Я как был на этой земле, так и останусь здесь, мне только одного хочется, как и всем большевикам, — чтобы поскорее наступил на этой земле мир, чтобы перестала литься кровь, чтобы те, кто не имеет земли, получили ее, а те, перед кем мы вечно гнули шею и на кого работали, не мешали нам строить новую жизнь... А что мы получили от Временного правительства? Войну оно кончать не собирается! Землю не обещает, и, по всему виду, будет защищать интересы тех, у кого всего много!.. Вот скажите вы, как наш уездный комиссар, вы хотите, чтоб завтра война кончилась?

— Я жду, чтоб поскорее наступил желанный мир! — с жаром ответил коротконогий и вытер батистовым платком потное разгоряченное лицо. — Но, кроме наших желаний, есть большая политика, есть интересы России...

— Если вы окажетесь под игом иноземца, вы не получите ни земли, ни мира, ничего! — еле сдерживаясь от ярости, поддержал его офицер. — Надо в первую очередь думать об отечестве, а не о себе!

— Зачем вы позволяете этому большевистскому агитатору разводить свою демагогию? — вырвался кто-то из толпы. — Война до победного конца!

— Не мути воду, солдат!

— Слезай с верхотуры!..

Эти одинокие всплески тонули, однако, в общем все нарастающем гуле, и было пока непонятно, что таила в себе эта неподвластная простым расчетам стихийная сила.

— Вы все сказали, что хотели? — спросил уездный комиссар. — Тогда прошу освободить...

— Не торопитесь, господа хорошие! — раздался спокойно насмешливый голос, и не успел Хисматулла ответить Комловскому, как на телегу вскарабкался Михаил и заключил его в крепкие объятия. — Здорово, браток!

— Это опять вы? — скривил губы уездный комиссар. — Желаете, как вчера, организовать новую свалку, довести дело до побоища!

— А это уж как получится! — озорно отозвался Михаил и повернулся лицом к толпе: — Если не возражаете, я могу кое-что добавить к тому, о чем говорил предыдущий оратор!

Лица рабочих, плотно стоящих вокруг телеги, оживились, кто-то из них захлопал в ладоши, и вот уже пошел по рядам, отдавая эхом на всю площадь, оживленный говор, и гомон, и стук ладош. Судя по всему, многие хорошо знали Михаила и радовались его появлению.

— Прежде всего я хотел бы получить телеграмму, которую вы тут всем показывали, но ко-

торую никто пока не прочитал! Давайте посмотрим, кем она послана, кем подписана, и прочитаем ее народу! Если она для него написана, зачем ее скрывать?

— Вер-на-а! — прокатилось по площади.

— Телеграмма носит личный характер, — вспыхнув, ответил Комловский. — Она адресована мне, как уездному комиссару!

— Зачем же вы тогда размахивали ею? — под взрывы хохота поинтересовался Михаил. — Если она вам послана, то и читайте ее дома, с женой и детьми! А вы морочите людям головы да еще бросаете такие позорные обвинения большевикам! Это нечестно и подло!

— Я никого не обманываю! — взвизгнул комиссар. — Извольте!

Он сунул сложенный вчетверо листок Михаилу, и тот, развернув его, быстро пробежал глазами.

— Товарищи, это очередная фальшивка, посланная такими же провокаторами, каким тут сегодня предстал господин Комловский! — размахивая зажатой в руке бумажкой, крикнул Михаил. — Здесь даже есть подписи никому не известных лиц! Это не телеграмма Временного правительства, а телеграмма врагов народа, сфабрикованная в Оренбурге! Можете ее наклеить на столбе вон там, на площади! Пусть все читают эту грязную подметную бумажонку, и видят, и знают, как защищают наши интересы господа Комловские!

Пущенный по рукам листок, вспорхнул, как гигантская бабочка, и загулял по площади, хотя комиссар надрывался от крика и требовал, чтобы ему вернули его бумагу.

— Это произвол! — кричал, весь трясясь от бессильной злобы, офицер, но его уже оттеснили

от телеги и теперь виднелась только его стриженная под ежик седая голова.

— Судите теперь сами: можно ли после всего этого верить человеку, который способен идти на подлог, на прямой обман, чтобы одурачить доверчивых людей? — отчетливо и громко разносился над площадью голос Михаила. — Давайте подумаем, для чего это делается? От имени народа выступает тут купец второй гильдии или от имени таких же богачей, как он сам, которые только наживаются на войне!..

Площадь бурлила, отвечала гулом на каждое меткое слово оратора, давно слез с телеги уездный комиссар и пропал в толпе, но люди не расходились, где-то над головами взметывалась белая рука, кто-то о чем-то спрашивал, и снова наступала тишина, и в ней напряженно и сильно звучал голос Михаила.

Хисматулла все время стоял на телеге рядом с товарищем, ноги у него затекли, но он почти не чувствовал этого, радуясь и этой неожиданной встрече с другом, и тому, что решился выступить на таком сборище.

Митинг затянулся допоздна, до самых сумерек. Михаил попрощался с рабочими, которые разошлись последними, и только сейчас, будто впервые увидел Хисматуллу, улыбнулся ему усталой улыбкой.

— Ну что, браток, поработали на славу?

— Да, жарковато было, — согласился Хисматулла. — Вовремя ты подоспел, а то бы они меня смяли!

— А ты молодец! — Михаил похлопал товарища по плечу. — Вот что значит повариться в солдатском котле!.. Пройдем ко мне, попьем чайку, выпишься у меня, а завтра утром отправишься в свое Сакмаево!..

— Идет!

Солнце уже зашло, от реки веяло прохладой. Далеко, там, где небо соединялось с землей, темнели расплывчатые очертания гор. Улицы были тихи, во многих окнах горел свет. Изредка то в одном, то в другом дворе начинала лаять собака, и снова все стихало. Кирпичные лавки, дома, выстроенные из толстых сосновых бревен, палисадники с цветущей, одуряюще пахнущей липой, белые головки ромашек, притулившиеся у высоких заборов, перевесившаяся через ограды черемуха, неназойливое стрекотание кузнечиков в крапиве, спина Михаила с ровно двигающимися в такт шагам лопатками — все казалось Хисматулле зыбким, нереальным. Он так устал, что еле поспевал следом. Возбуждение, которое позволяло ему не замечать этой усталости, прошло, и теперь он неловко спотыкался, чувствуя, как с каждым шагом тяжелеет на плечах котомка, как мешает перекинутая через руку шинель.

Перейдя через реку, они свернули в один из узеньких окраинных проулков. Неожиданно от забора отделилось несколько темных фигур, и Михаил, словно ожидавший этого, резко остановился и, взглянув на Хисматуллу, сжал ему руку.

Сна как не бывало. Хисматулла скинул котомку и принялся ожесточенно рыться в карманах.

«Хоть бы железку какую! — растерянно подумал он. — Эх, дурак я, надо было револьвер в кармане оставить, а теперь уже не успею даже развязать мешок!»

— Спокойнее, — шепнул ему Михаил.

Людей было пятеро. Хисматулла сразу узнал одного из них — это был тот самый офицер, который старался стащить его с телеги за ногу.

— Что вам надо? — ровным голосом спросил Михаил.

— Сейчас узнаешь, большевистская сволочь! — весело ответил офицер и замахнулся.

Хисматулла схватил его за руку, в ту же секунду кто-то подставил ему ножку, и клубок рычащих, лупящих друг друга тел покатился по земле.

Кто-то, сидя верхом на Хисматулле и взяв его за волосы, стал равномерно бить его головой о землю; Хисматулла зажмурился, сжал зубы и изо всех сил старался выкрутиться, но на ногах у него тоже лежал кто-то тяжелый, а правая рука была заломлена за спину.

— Г-гады!.. — дергаясь, хрипел он сквозь зубы.

— Стой! Стрелять буду! — вдруг раздался высокий, звонкий голос.

Тяжесть на спине и ногах тут же исчезла куда-то, и Хисматулла сел, отплевываясь и протирая глаза.

Михаил уже стоял, кашляя и потирая левую руку.

— Ты как там? — спросил он.

— В порядке! — вставая и отряхиваясь, ответил Хисматулла.

— В порядке! — хохотнул, подходя к нему, высокий плечистый человек в низко надвинутой на лоб кепке. — Не подоспей мы вовремя, несдобровать вам. Уж точно бы кишки повыпустили! Ну, чего молчишь? Не признал, что ли?

Хисматулла внимательно посмотрел на высокого и помотал головой:

— Вроде нет... Хотя лицо и знакомое, не могу вспомнить, где я тебя видел?..

— Эх ты, беспамятный! Камеру сорок шесть помнишь? Здесь же, в тюрьме Кэжэнской, и по-

знакомились! Вспомни, вспомни, Сафуаном меня зовут, еще после допроса тебя водой отпаивал...

— Ой, вот теперь вспомнил! — обрадовался Хисматулла.

— А ты молодец! — похвалил его Сафуан. — Не сдался перед этими кафырами, показал им, какое мужество у джигита!

— Перед какими кафырами? — не понял Хисматулла.

— Да перед теми, кто чуть тебя на тот свет не отправил!

— Не важно, какой нации человек, важно, чтоб он человеком был, — возразил Хисматулла. — Тут не нация главное, а класс...

— Вот тут ты как раз ошибаешься, — покачал головой Сафуан. — Мы — башкиры, и никакого другого класса нам не нужно!

— Нужно или не нужно, а все равно уже есть — баи и бедняки. У каждой нации эти два класса есть. Зачем нам с русскими бедняками бороться? Нам лучше со своими богачами бороться, а русские нам помогут, и мы им поможем против их богачей идти...

— Слышал уже я такие слова! — оборвал его Сафуан.

— Эй, Сафуан! Чего ты там задержался, дружка, что ли, встретил? Так тащи сюда, нечего там по-своему тараторить, давай-ка на одном языке поговорим!

— Пойдешь со мной? — по-русски спросил Сафуан, кивая на своих товарищей.

— Я бы пошел, да устал совсем, и договорился уже к Михаилу... Да ничего, еще встретимся!

— Ну, как знаешь. Айда, ребята! — Сафуан мотнул головой в сторону реки и повернулся спиной к Хисматулле.

— Спасибо, товарищи, — сказал Михаил.

— Не за что! В другой раз поосторожней будьте! — крикнул кто-то из рабочих.

— Не советую тебе жить по его указке! — кивнув в сторону Михаила, крикнул по-башкирски Сафуан.

Хисматулла промолчал.

— Ну и денек выдался! — внимательно глядя на него, сказал Михаил. — Это что, приятель твой?

— В одной камере сидели когда-то, только за что он сидел — не знаю.

XXI

Проснулся Хисматулла рано, от звона колоколов. Звонили, видимо, к заутрене, и эти печальные и чуть щемящие звуки мгновенно вернули его к дням детства, и ему захотелось поскорее очутиться дома, в родном Сакмаеве...

Стараясь не разбудить Михаила, он на цыпочках пробрался в сени, вышел во двор, сполоснул лицо из ковша холодной колодезной водой, огляделся.

Солнце уже стояло высоко над горами, в палисаднике щебетали птицы, земля приятно холодила ступни босых ног. Хисматулла вдруг вспомнил, как, сидя в сыром окопе или лежа на снегу под обстрелом, он не раз думал, как, вернувшись в родные края, тут же побежит в первый попавшийся лес, и надышится вволю, и наглядится на лесную красоту...

Впереди, за пряслами огородов, туманно зеленел, полого взбираясь в гору, молодой пере-

лесок, и Хисматулла не выдержал. Он открыл калитку в огород, прошел между грядок, чувствуя податливо раздающуюся под босыми ногами землю, перемахнул одним прыжком через прясло и быстро зашагал к лесу.

Тропинка, петлявшая по склону, вывела его к крутому яру. Внизу плескалась и пела прозрачная Кэжэн, переливая с камня на камень чистые струи, с золотыми пляшущими и бегущими по воде бликами. Хисматулла счастливо засмеялся, вскинул руки и вдруг загорланил во всю мочь:

Почему, ах, почему, дайте мне ответ,
До сих пор не упал в речку минарет?
Почему в берегах не вино течет,
Не летят пироги с неба прямо в рот?

Он сел на землю, снова засмеялся, обхватил голову руками и закрыл глаза. Переговаривались о чем-то между собой красношейки и дрозды в кустах, журчала Кэжэн, солнце светило прямо ему в лицо, и даже с закрытыми глазами он чувствовал ласковый его свет и тепло. Где-то неподалеку дятел равномерно долбил полый ствол дерева. Хисматулла отнял руки и снова огляделся.

Те же березки с хрупкими молочными стволами, так же пламенеют на солнце сосны с разлапистыми ветвями, сочная густая трава сгибается под легкими порывами ветерка, все то же небо — высокое, голубое, и те же облака по нему...

«Словно вчера только меня в солдаты проводили», — с горестной нежностью подумал Хисматулла.

Он вскочил, срезал перочинным ножом трубочку для курая, обстругал оба конца, провертел

по бокам несколько дырочек и приложил ее к губам.

Пронзительные, светлые звуки разлетелись по всему лесу и вплелись в голоса птиц и плеск реки.

Поднесу я к губам твой камыш, Таштугай.
Запоет он, заплачет, как медный курай.
Нет кукушки такой у тебя, Таштугай!
Я вернусь на Урал. Ах, прощай, Таштугай! —

запел он, оторвав трубочку от губ, и гора эхом вторила этой старой песне, словно знала каждый звук ее, и даже трава, казалось, шелестела в такт ей, и чистая Кэжэн журчала прозрачно, отражая в воде каждый перелив мелодии.

Нет кураев таких у тебя, Таштугай,
Чтоб джигиту тоску перелить через край.
Как бы звонко не пел твой камыш, Таштугай,
Сердце рвется домой... Ах, прощай, Таштугай!..

Не переставая петь, Хисматулла встал и пошел без тропинки, прямо по бурелому. В лесу было прохладней, и земля здесь не была уже такой теплой, как на берегу. Пахло смолой, мхом и прелыми листьями. Неожиданно почти от самых ног его взвилась вверх по стволу маленькая белка с черными бисерными глазками.

— Ты чего, глупышка? — ласково сказал ей Хисматулла, чувствуя, что пьянеет то ли от запаха хвои, то ли от горькой своей радости. — Ты меня не бойся, я свой! Был бы орешек, дал бы, только вот нету...

Белка беспокойно посмотрела на стоявшего внизу человека и вскарабкалась повыше.

— Дурочка! — махнул рукой Хисматулла. — Ничего ты не понимаешь... Знаешь, что такое канонада? Не знаешь? То-то!

Он погрозил ей пальцем и снова пошел в гору, дурачась, то обнимая молодой дубок, выросший между соснами, то кланяясь пышной черемухе, бормоча нежные и глупые слова. Дойдя до вершины, он вышел на маленькую, покрытую светлыми голубыми колокольчиками поляну, ровно посередине которой росла прямая, как стрела, стройная березка. Солнце просвечивало ее насквозь, и казалось, что каждый листик на ее хрупких ветвях отражает всю голубизну неба, весь блеск этого ясного утра. Она стояла одна, ровно посередине, как будто сама гора нарочно посадила ее тут, и не было в ней никакой одинокости, она вся светилась, играла каждым своим листочком, и кожа ее ствола была белее и прозрачней, чем женские руки. Словно младшая дочь всего леса, стояла она и улыбалась каждой травинке, каждому солнечному блику и небу, и всем большим деревьям, окружившим ее тесным и почтительным кольцом, как невесту на выданье, и во все стороны протягивала свои тоненькие, еще детские ладони, от которых по всему лесу, как нити, тянулись золотые ослепительные лучи.

Ноги у Хисматуллы подкосились, и он упал на траву и блаженно, с горящим от стыда и счастья лицом, поцеловал землю.

«Радость, радость! — бессвязно вертелось у него в голове. — Как же я раньше не замечал всего этого? Значит, нужно было три года ползти по снегу, бежать в атаку, слышать, как свистят рядом с башкой пули, видеть, как людей разносит на куски снарядами, чтобы понять, что такое жизнь и как она дорога человеку! Да ведь нет на свете ничего выше этой радости! И откуда она, откуда? Неужели только от этой тишины, солнца и облаков?»

Хисматулла снова уткнулся лицом в траву, на глаза его набежали слезы. Он потерялся о землю небритой щекой, словно ласкаясь, и притих.

Он не знал, сколько пролежал так — может быть, час, а может — больше. Но когда он поднялся и побежал вниз, как мальчишка, и гимнастерка вздулась у него за спиной, ему показалось, что он намного стал сильнее, чем был.

Михаил уже встал и сидел на крыльце, посасывая свою неизменную трубку.

— Я уж думал, что ты в Сакмаево сбежал, не дождался! Потом смотрю — котомка на месте, сапоги тоже, ремень в сенях висит... Что, думаю, за черт? Утащили его, что ли, чтоб калым не платить? Где тебя черти носили?

— По лесу ходил, — улыбаясь, ответил Хисматулла. — А ты все такой же, совсем не изменился, как был задира, так и есть!

— Такой, да не совсем! — погладив поседевшие виски, нахмурился Михаил. — Давай-ка, расскажи лучше, как ты воевал. Слухов тут о тебе всяких много ходило. Говорят, даже в штрафном побывал?

— Было дело, — подтвердил Хисматулла.

— А сейчас что, из госпиталя?

— Да, сначала в Могилеве был, потом в Самару перевели. Как выпустили, так я прямо сюда, до Белорецка, на узкоколейке, а там — чем попадетсЯ, все больше пехотурой...

— Самара... — покачал головой Михаил. — Я ж там родился, там и мать у меня, и сестренка...

— Ну да? — удивился Хисматулла. — Эх, жалко! Знал бы — зашел бы, хоть привет тебе привез...

— Туда, браток, заходить нельзя ни тебе, ни мне, — вздохнул Михаил.

— Как же так, к матери — и нельзя?.. — с изумлением посмотрел на него Хисматулла.

— Да так уж получилось. Поссорились мы с отцом. Давно уже, в девяносто седьмом году...

Хисматулла присвистнул:

— Вот это срок! Неужели так долго сердится?

— Да разве в этом дело? Никто ни на кого не сердится, просто разные мы с ним люди, из разных классов, понял? Я вот из нашего, рабоче-крестьянского, а он из дворянского сословия, только и думает, как карман да голову сберечь, а на остальных ему наплевать... Мне ведь еще пятнадцати лет не было, как мы разошлись, так и не видел с тех пор. Матери пишу только иногда...

Михаил опустил голову и задумался. Горы, уродливый корпус Кэжэнского завода с дымящими трубами, землянки, обветренные загорелые лица старателей, сосны — как непохоже это все на Самару — тихую, ленивую, с дощатыми тротуарами и пыльной акацией в палисадниках, зданием гимназии с портиком и колоннадой, куда он ходил в форменной курточке и фуражке, каждое воскресенье тщательно начищая мелом блестящие металлические пуговицы и ременную пряжку. И зубрежка, зубрежка, зубрежка без конца, латинский, немецкий, физика, математика. география, военное дело, профессор греческого языка Аполлоныч с круглыми железными очками, то и дело сползавшими ему на нос, рисование, уроки танцев... А закон божий? Батюшка, с благостным лицом, таскающий гимназистов за уши? И, наконец, Клоп, директор гимназии, которого боялись и ненавидели все, начиная со сторожа и кончая приготовишками, — багроволицый, лысенький, толстенный, с пухлыми и ко-

роткими, как сосиски, пальцами. «Можете считать, что двери гимназии отныне закрыты перед вами...» Да, так он тогда и сказал, повернулся жирной, почти круглой спиной и скатился вниз по лестнице. А потом — мать с бледным, перепуганным лицом, с белым кружевным платочком у рта, тяжелая дверь отцовского кабинета, и свистящий шепот осенних листьев за окном, и встающий из-за стола отец с неподвижными бакенбардами на неподвижном лице, с остроносым профилем. Наклонился вперед, через стол, посмотрел и снова сел.

— Ну-с, сударь, я жду разъяснений.— Слова холодные, стеклянные и пустые внутри, полые.— Разъясните мне, как вы смели опорочить честное имя нашей семьи, каким образом в моем доме, а именно — в вашей комнате, нашли три номера тайного альманаха, и, наконец, почему вы поддерживали знакомство с людьми, обличенными в злых умыслах против императорской фамилии? — Все тот же холодный, ровный голос. Словно заранее рассчитывает, где ему точку поставить, где запятую. Как машина.

И — свистящий шепот осенних листьев за окном. И — мать за дверью, с кружевным платочком у рта.

— Или вы тоже имеете что-либо против императорской фамилии? — неподвижные брови вскинулись вверх и застыли.

— Имею! — крикнул он тогда. — Ваш царь подлец! Он в хоробах куропаток ест и слышать не хочет, как Россия захлебывается от крови! — Слова вылетали из горла горячие, огненные, раскаленные, так что горло жгло. И ударялись — о стеклянную стену, за которой сидел отец.

— Значит, по-вашему, если государь ест куропаток, то это является основанием для того,

чтобы его убить? А вы сами разве не любите куропаток? — Это по ту сторону стены. Руки лежат на столе, красивые отцовские руки с длинными, изящными пальцами и массивным обручальным кольцом. Белые руки на стекле стола, по ту сторону стеклянной стены.

— Я говорю об идеях, я не говорю о средствах! — Кажется, пар изо рта пойдет, такой холод в комнате. И — мать, за дверью, с платочком.

— Да, несомненно, весьма ценные идеи — грабеж, убийство. — Ровные слова, плотные, ни трещинки. Только полые внутри.

— Какое значение имеет смерть одного человека, даже если он царь, когда в результате целому народу дышать станет легче? Разве в этом значение? Самое главное — это права человека, его свобода, равенство всех граждан!

— Свобода, равенство — как громко! Кто же не любит свободы и равенства? Еще спаситель наш Иисус Христос проповедовал свободу и равенство. Или вы, может быть, не дали себе труда заглянуть в Евангелие?

— Ну и что, спас он вас?! Спас?!

— Я вижу, вы сегодня не в состоянии говорить как нормальный, воспитанный человек. Ну что ж, у нас еще будет время поговорить об этом. Пока что я прошу только об одном — вы должны немедленно извиниться перед директором гимназии за то, что наговорили ему, и честно рассказать мне, откуда у вас взялись три номера этого несчастного журнала.

Иней на стеклянной стене. Белые руки. Неподвижные бакенбарды. Неподвижные глаза.

— Я не хочу, не буду извиняться, вы не имеете права! Мне за вас... стыдно! Вы печетесь только о собственном спокойствии, вы боитесь

правды, потому что она может лишить вас этого дома и вашего имения! Из-за таких, как вы, Россия идет ко дну! — Вдох. Еще вдох. Сердце колотится, а слова летят огненные, красные. Летят и — в стену. И — свистящий шепот осенних листьев за окном. И еще — звуки, за дверью. Похоже на глотки. Плачет...

— Тогда подумайте о том, имеете ли вы право находиться в моем доме. Ведь это и ваш дом. В имение вы каждое лето тоже отдыхать ездите, и каждый раз, как я заметил, с удовольствием. Как же вам вдруг за меня стыдно, а за себя нет?

Вдох. Сейчас сердце из горла вылетит.

— Можете больше не считать меня вашим сыном!..

И — в комнату, к себе. Чемодан на кровати. В чемодане пара белья, книжки. Бах! — копилку об пол. Не много, но на первое время хватит. А в дверях — мать. С платочком.

— Куда ты? Нет, скажи, что ты собираешься делать? Ну, я прошу тебя, умоляю — не сходи с ума! Ты хочешь, чтобы я умерла? Что ты хочешь сделать?..

— Я хочу сделать жизнь нужною для блага отечества!

И, закашлявшись, к дверям.

— Пусты, мама...

Плачет. В платочек. Глаза жалкие, за слезами глаз не видно. Одной рукой платочек держит, а другой крестит.

— Ну, пусть же, мама!..

И, проскользнув где-то между дверным косяком и черной шелковой юбкой, — вниз. Крыльцо. Улица.

Прямо, прямо! Дальше! Чем дальше, тем лучше. Вдруг — толчок в спину. Обернулся. Мать

в окне. С платочком. Стоит, крестит. И, рукой помахав, дальше. Вокзал. Купе. Поехали. И свистящий шепот листьев за окном...

Потом Златоуст, общежитие, работа на железной дороге. Арест. Потом вперемежку — то ссылка, то каторга, то снова арест. Чужие имена, фамилии. Теперь уже четвертая. Как ссылка, так новая. Год за границей. Уфа. Кэжэн. Направлен решением Уфимского комитета РСДРП для проведения агитационной разъяснительной работы среди крестьян и рабочих уральских приисков и деревень. Горы. Уродливый корпус Кэжэнского завода с дымящими трубами. Землянки. Черные от грязи и копоти лица рабочих и шахтеров, обветренные лица старателей...

Михаил поднял голову, посмотрел на Хисматуллу и вздохнул.

— Вот как оно бывает... Ну, да ничего, обо мне в другой раз поговорим. Вот кто изменился на самом деле, так это ты! Это я тебе от души говорю!

— Возмужал, что ли? — спросил Хисматулла.

— Да я не о том, как ты выглядишь, об этом с тобой нечего говорить, молод еще, чтоб на глазах меняться, каждый день по морщине на лбу набавлять! Другая в тебе перемена, гораздо важнее, чем внешняя, произошла. Видно, многому тебя фронт научил, не терял времени даром, молодец! Очень мне твое вчерашнее выступление понравилось. Вот это и есть то, что называется настоящим зрением. Помнишь, как мы совсем давно об этом говорили?

— Помню,— кивнул Хисматулла.

— Вот так и собираются наши силы, золотые крупницы революционного сознания! И знаешь, чему я еще рад? Что теперь таких, как ты, про-

зревших людей по всей стране тысячи и миллионы! Открывает глаза народ, не хочет больше слепым быть! И не будет! Знаешь, сколько рук из года в год, из века в век его глаза закрывало? А теперь все, ослабели. Не совладать им с нами! Вот ради чего стоит жить! — Глаза Михаила радостно сверкали, голос дрожал от волнения.

— Красивый ты человек, Михаил, — сказал Хисматулла. — Красивее тебя, по-моему, я и не видел никого... Подумаешь, морщины! У кого их не бывает! А вот такое лицо, как у тебя, никогда не встречал.

— Ну вот, совсем ты, видать, от родного воздуха ошалел! То с утра по горам, как влюбленный, шляешься, то мне в чувствах объясняться стал... Не пора ли молодца женить? Давай-ка лучше чайку попьем, одними словами сыт не будешь. И вот что еще — сегодня на заводе собрание будет. Я думаю, что стоит тебе подождать немного, успеешь еще в свое Сакмаево! Надо всем рабочим рассказать то, что ты вчера на площади рассказывал. И поподробнее, как там у вас, на фронте, как с продовольствием, обмундированием — все, что знаешь, расскажи. Согласен?

— Договорились, — кивнул Хисматулла. — А этот комиссар уездный тоже там будет?

— Там не только он, там, я думаю, сегодня все будут, вся шваль, какая тут собралась. Каждый день то здесь, то там агитируют, сволочи, чтобы люди большевикам не верили и на войну работали! Ничего, разберутся, кто друг, кто враг. Ты еще им жару поддашь!

— Поддам! — весело пообещал Хисматулла.

Михаил вынес во двор самовар, чайник и чашки, положил на бумагу хлеб и небольшой

кусочек сала. Они устроились в тени, у черемухового куста.

— А что это я, кроме тебя, ни одного знакомого лица не видел? Весь базар вчера исходил, и хоть бы один! — прихлебывая чай, спросил Хисматулла.

— В том-то все и дело, что не осталось на заводе старых кадровых рабочих. Кто на фронте, кто в тюрьме. Нынешние рабочие — это вчерашние крестьяне, в политике совсем не разбираются, полуграмотные, вот этим всякая гниль и пользуется. Недавно, когда с митинга возвращался, даже стреляли в меня. В спину, подлецы!

— Слушай, а может, тебе лучше в другое место перебраться?

— Э, волков бояться — в лес не ходить! А если я каждый день менять квартиру буду, где меня рабочие найдут? Если б революционеры, как тараканы, в щели попрятались, рабочий класс никогда бы свободы не завоевал! Наша жизнь принадлежит партии, вся — от начала до конца.

— Но все-таки можно быть хоть немного осторожнее! — покачал головой Хисматулла. — Ведь это же глупо, все равно что голову в огонь совать! Партии дорог каждый, поэтому надо себя беречь. Особенно тебе... Отдохнул бы хоть немножко. Слушай, а поехали ко мне в Сакмаево? На недельку, а? Знаешь, как мать будет рада!

— Не время сейчас отдыхать, браток, — Михаил налил себе еще одну чашку. — Думаю, что и тебе отдыхать не придется...

— Я готов! — бодро откликнулся Хисматулла. — Ты мне только скажи, что делать.

— Да все то же самое, что ты на фронте среди солдат делал, — подмигнул Михаил, — только здесь!

— В Кэжэне?

— Да нет, в Кэжэне я уж как-нибудь сам справлюсь, а ты возьмишь-ка за прииск и свое Сакмаево. В деревне ты всех знаешь, на прииске тоже. Держись там Кулсубая, старайся всю работу через него вести, там сейчас у него знаешь какой авторитет? Старатели его прямо как отца родного слушают. Только вот характер у него подкачал, доверчивый больно и горячий, тому же Сафуану взвинтить его ничего не стоит, так что будь осторожен.

— А что Сафуан? По-моему, если с людьми поговорить, они поймут, что он неправ...

— Если б Сафуан один был, и разговора о нем не было бы! В том-то и беда, что здесь целая группа таких людей образовалась и Кулсубай одним ухом их слушает, а другим — нас, понял? Вон дома у меня последние газеты лежат, можешь просмотреть, — Михаил кивнул в сторону крыльца. — Мы — башкирский народ, мы — татарский народ, а такого слова, как рабочий класс, и в помине нету! Так что, браток, обстановочка посложнее, чем ты думаешь... Да и время сейчас трудное, лето. Как стало солнышко пригревать, так и разбежались все кто куда, старатели на фарт подались, а ваши сакмаевцы — на джайляу. Сам понимаешь, в таких условиях еще труднее. Зато зимой, знаешь, какую они тут встряску на прииске устроили? О-го-го! Чуть не пришибли самого хозяина прииска!

— А в Сакмаеве за это время ничего не случилось? — нерешительно спросил Хисматулла.

— На Сакмаево у меня уже сил не хватило, браток, — словно оправдываясь, ответил Миха-

ил. — Там дела такие — Совета нет, представителем Временного правительства все того же старосту поставили, чужих и близко не подпускают. Запуган народ, одним словом. Акназара Ягудина знаешь?

— Как не знать! — встряхнулся Хисматулла. — А что с ним?

— Теперь у вас живет, тоже с фронта вернулся. Люди, конечно, его слушают, но, с другой стороны, боятся. А Хажисултан и Нигматулла против него прямо целую кампанию там организовали, раза два так избивали, что еле, говорит, кости собрал. Но пока держится крепко, вот тебе тоже опора. Да, я ему еще на днях тут помощника послал, ты его знаешь! — Михаил улыбнулся и с хитрецей посмотрел на Хисматуллу.

— Кого же это? Не Мутагара случайно?

— Загита!

— Загита? Сына Хакима? — удивился Хисматулла. — А он-то здесь как оказался?

— Ну, он там таких дел натворил — лавку Нигматуллы поджег!

— Это мне мать писала, — кивнул Хисматулла.

— Ну вот, а потом сюда бежал, на заводе работал. Смышленный парнишка, и опыт у него уже не маленький, можешь на него положиться, как на самого себя! То есть, может, и не понимает он пока многого, но линия у него наша, правильная. Знаешь, как он мне тут помогал? Ты сам, я думаю, столько листовок не разбросал, сколько через его руки прошло! И ловко так, целый год на него и тени подозрения не было!

— Ай да Загит! — рассмеялся Хисматулла. — А был такой робкий мальчишка, все краснел, двух слов связать не мог...

«А сам-то ты не такой был? — улыбаясь, подумал Михаил. — Эх, как все быстро меняется».

— Уж как он тут домой рвался, прямо смотреть жалко было! — сказал он. — Да я и сейчас беспокоюсь, что отпустил его. Говорят, этот Нигматулла до сих пор на него зуб имеет. Хоть времени уже много прошло, а вдруг? Но уж больше не мог я его удерживать! Да и Акназар там, вдвоем держаться будут, я ему велел от Акназара не отходить... Поучиться ему, конечно, многому еще надо, но в родном гнезде, как говорят, и воробьи орлами становятся! Да и Акназару одному трудновато. Еще, говорят, мулла там какой-то должен приехать на днях, опять, стало быть, народ пугать собираются... Вот он у меня и взвился. Чего, говорит, мне тут делать? А его с работы полтора месяца как уволили, взяли все-таки на заметку, так он за мной все эти полтора месяца, как хвост, таскался, — отпусти, говорит, а то сам уйду!.. — Михаил передохнул и тут же сильно закашлялся.

Хисматулла быстро налил чаю и подал ему. Михаил отхлебнул, держась рукой за грудь, со слезами на глазах.

— Все-таки надо бы тебе отдохнуть, — озабоченно сказал Хисматулла.

— Брось! Отдыхать потом будем, когда все на место поставим! — отмахнулся Михаил. — Вставай-ка, гудок уже скоро, на собрание пора. Ты подумай, что говорить, а я пойду газетки кой-какие захвачу, понадобится могут.

«Да, здесь тоже жарко, как на фронте, только снаряды не рвутся», — подумал Хисматулла.

XXII

Боясь проспать, Загит просыпался в это утро раз десять: сначала — когда перед восходом защебетали птицы, закричали редкие деревенские петухи, потом — когда прошло мимо дома стадо Хажисултана, позвякивая бубенчиками под резкий свист кнута, потом — просто так, неизвестно отчего, и когда, наконец, от площади доносился монотонный, зычный голос муэдзина, призывающий мусульман к утренней молитве, Загит вскочил так быстро, что разбудил всех.

— Ты куда это? — протирая глаза и зевая во весь рот, спросил Гайзулла.

— В мечеть! — прыгая на одной ноге и засовывая другую в штанину, ответил Загит.

— В мече-еть? — удивился Гайзулла. — Зачем?

— Хочу помолиться аллаху, чтоб жизнь у нас стала лучше! — дернув Гайзулла за волосы, рассмеялся Загит.

— Ты что, с ума сошел? — Глаза Гайзуллы округлились. — Ты ж никогда в мечеть не ходил! Или в Қэжэне научился?

— Ага, — подвязывая лапти, кивнул Загит.

— Чего ты мне голову морочишь? — рассердился Гайзулла. — Давай говори, зачем идешь?

— Нехорошо, сынок, мешать человеку, когда он задумал доброе дело! — вмешалась лежавшая на нарах за занавеской Фатхия. — Чего ты пристал к нему с глупыми вопросами? Будто сам не знаешь, для чего люди в мечеть ходят! И сам гресишь, и Загита грешить заставляешь...

— Да ведь Загит с Гилманом-муллой дружат хуже, чем кошка с собакой! Их и близко друг к другу подпускать нельзя, оба без глаз

останутся! — обернувшись к занавеске, возразил Гайзулла.

— Мулла сам по себе, а намаз — сам по себе, — отозвалась старушка. — Что бы они там друг о друге не думали, а взрослый мужчина должен совершать намаз и утром и вечером, а если он не делает этого, то берет на себя большой грех... Ты, Загит, не слушай моего сына, пусть лучше он тебя слушает. Может, тогда и мне меньше огорчаться придется, что он растет, как сын кафыра...

Фатхия вышла из-за занавески, взяла с шестка кумган и направилась во двор, чтобы совершить омовение перед молитвой.

— Ну?! — сердито глядя на Загита, спросил Гайзулла.

— Мулла вчера из Оренбурга приехал, хочет после намаза всех деревенских собрать.

— Ну и что? — пожал плечами Гайзулла. — Ты-то тут при чем?

— Как это при чем? — нахмурился Загит. — Сорвать надо все это дело, понятно? А то совсем людей запугает, и так уже к Акназару почти никто не ходит, а ходят — так с оглядкой.

— А как же ты все это сорвешь? — с недоверием спросил Гайзулла.

— Я еще не знаю как, подумать надо, — помотал головой Загит.

— Пойду-ка и я с тобой, раз такие события, — Гайзулла поднялся с нар и стал быстро одеваться.

В дом вошла Фатхия. Она поставила кумган на место и, прислушиваясь, обернулась.

— И ты куда-то собираешься? — спросила она Гайзуллу.

— Схожу вместе с Загитом, раз уж тебе так хочется, — хмуро сказал Гайзулла.

— Молодец, сынок! — обрадовалась Фатхия. — И тебе, Загит, спасибо, пусть аллах нишпошлет вам обоим свою благодать. Идите, я сейчас тоже намаз прочитаю...

— Не за что! — погрозив Гайзулле кулаком, покачал головой Загит. — Я тут ни при чем, он сам захотел пойти...

Они вышли на улицу и зашагали в сторону площади, где возвышалась мечеть и куда со всех сторон стекался народ. Протяжный голос муэдзина, ходившего по минарету, медлительно и ясно растекался в чистом воздухе над сгорбленными, покосившимися деревенскими домами.

Загит поднял голову и посмотрел вверх, туда, где на верхушке минарета красовался полумесяц. Он вспомнил, как в детстве ходил сюда с отцом, вспомнил, как боялся тогда муллу Гилмана, как не мог даже поднять глаз при его приближении, и поежился. Темные деревянные стены мечети, высокое, обращенное на север, крыльцо, торжественный и зычный голос муэдзина, молчаливые люди, собиравшиеся к площади, и небольшая, пристроенная с восточной стороны ниша, где стоял обычно мулла, показались ему вдруг таинственными, исполненными глубокого смысла. Он вспомнил, как когда-то на джайляу молился аллаху о том, чтобы навсегда остаться в лесу, покраснел и оглянулся на Гайзуллу.

— Ты чего? Боишься? — тихо спросил Гайзулла.

— Еще чего! — ответил Загит и шагнул вперед.

Он сполоснул руки и лицо из деревянной кадки, стоявшей у входа, снял лапти и, пройдя дальше, встал на колени, прикасаясь то к лицу, то к груди сложенными вместе ладонями и де-

лая вид, что усердно молится. Вокруг него так же стояли на коленях и молились. Справа от Загита расположился Усмангали, которого не взяли в армию из-за того, что у него не было двух пальцев на руке, справа — старик Файзрахман.

«Может, попробовать, как на заводе, от одного к другому, по цепочке?» — подумал Загит, внимательно наблюдая краешком глаза за передней частью мечети.

Наконец мулла Гилман поднялся в нишу по ступенькам и начал читать намаз. Загит, не переставая дотрагиваться ладонями то до головы, то до груди, слегка наклонился вправо и зашептал:

— Сиди тихо, не оглядывайся! Передай дальше, чтоб на собрание после намаза не оставались, понял?

— Какое собрание? — удивился Усмангали.

— Да не поворачивай голову, сиди спокойно! После намаза баи хотят собрание устроить, опять запугивать будут... А если люди уйдут, они ничего не сделают, понял?

— А что они хотят-то?

— Делай, что тебе говорят! — разозлился Загит. — Вон уже мулла в нашу сторону смотрит... Потом скажу, после намаза.

Усмангали переждал немного и осторожно, наклоняясь то вправо, то вперед, передал соседям сообщение Загита. Словно легкий ветерок пробежал по мечети. Мулла сердито глядел на шептавшихся, но прервать молитвы не мог.

Однако, когда после намаза люди вышли из мечети, никто и не подумал идти домой. На душе у Загита стало тоскливо и горько. Он отошел в сторону и прислонился к плетню.

— Ты уже здесь? — похлопал его по плечу подошедший Акназар.

— С самого утра, — ответил Загит. — Что делать будем?

— Как что? То же, что и все, — усмехнулся Акназар, поправляя бескозырку, на которой спереди, через лоб, бежали золотые буквы: «Стремительный».

— То есть как? — удивился Загит. — Ты разве не собираешься выступать?

— Посмотрим, какая обстановка будет, — уклонился от ответа Акназар.

— Удивляюсь я тебе, агай! — вскипел Загит. — Разве не ты здесь такого страху на баев нагнал, когда с фронта вернулся? А теперь какого-то муллы боишься... Михаил на нашем месте не сидел бы сложа руки! Знаешь, как он с кэжэнскими баями схватывается? Одни клочья летят! Главное — верное слово найти, чтоб народ понял, что к чему! Не ты, так я скажу!

— Опять фонарей наставят, — покачал головой Акназар. — Говорю тебе, не та обстановка! И себя, и меня под удар поставишь...

— Эх ты, а еще солдат!.. — махнул рукой Загит. — Не то сейчас время, чтоб тебя за правдивое слово убили! Ты же лучше меня скажешь, я слышал, как ты с людьми говоришь — у меня так не получится...

— Убить не убьют, а избить до полусмерти могут, — серьезно сказал Акназар. — Когда против баев — это одно дело, а когда против муллы — совсем другое, скажут: раз аллаха не почитаешь, значит, и сам шайтан, — тут тебе и крышка! Всему свое время, знаешь такую поговорку?

— Если трусить с утра до вечера и ждать, пока у тебя поджатый хвост сам собой распря-

мится, то такого времени, чтоб правду сказать, вообще не наступит! — продолжал убеждать Загит.

— Погоди, чего ты горячишься? Давай послушаем, что они скажут, а потом уже посмотрим, — нахмурился Акназар.

Люди сгрудились вокруг высокого крыльца мечети, где стоял Гилман-мулла, староста Мухаррам и поджарый старик в чалме со строгим и отрешенным лицом.

Староста Мухаррам сделал шаг вперед.

— Мы сегодня созвали вас, так как к нам приехал ишан-хэзрет, мулла из Оренбурга. Он услышал о том, что делается у нас в Сакмаеве, и решил наставить вас на путь истинный, потому что многие из вас отошли от веры, слушая кафыров! — Староста прокашлялся и взглянул на старика, но старик словно не заметил его взгляда и продолжал стоять так же прямо и неподвижно. — Прошу вас, ишан-хэзрет, — вытянув шею, любезнейшим голосом проговорил Мухаррам, изобразив на лице такую улыбку, которой он обычно приветствовал самое высокое начальство.

Старик, не повернув головы, обвел толпу взглядом. Люди притихли.

— Не знаю, верно ли слышали мои уши, но то, что я услышал о вас, повергло в смущение и негодование, и я стал молить аллаха о том, чтобы он не оставил вас и не позволил беззаконию завладеть вашими сердцами, — неторопливо начал он.

Голос у него был ровный, спокойный и такой тихий, как будто он говорил не на площади, а в комнате. На площади стало совсем тихо, слышно было даже, как в доме у Хажисултана

звякает посуда. Мулла помолчал и начал говорить снова, и оттого, что он стоял так прямо и неподвижно, казалось, что губы у него почти не шевелятся и голос идет откуда-то из желудка.

— Правоверные! Я привез вам привет от мусульман из Оренбурга, они верят, что вы сохраните ислам в чистоте, благочестии и праведности, как и подобает людям нашей веры. Ученики Магомета жизнью своих не жалели за веру аллаха, каждым словом своим боролись против неверных. Тяжелые это были времена, но я думаю, что сейчас не лучше... Судя по всему, конец света близко, может быть, мы увидим его своими глазами. Горе тому, кто в эти последние дни отречется от веры и пойдет за кафырами, поддавшись на их лживые уговоры и обещания! Адский пламень ждет их и вечные муки, тысяча кровожадных зверей будут терзать их клыками и когтями, в огромных котлах с кипятком будут варить и поджаривать их слуги шайтана, в крови будут плавать они с воплями и слезами, дымом и серой дышать, огонь есть, и не будет им уже никогда ни иной пищи, ни иного воздуха...— Старик закрыл рот и помолчал немного, точно стараясь заглянуть в глаза каждому из стоящих на площади.— Ужели такой жизни вы хотите? Если кто из вас решил так, я не могу противостоять ему, сам аллах великий и всемогущий подарил нам свободу в этой жизни, и каждый знает, чем он расплатится за это там... Мне жаль таких людей, но потом я уже ничем не смогу им помочь, и никто не сможет. Мы будем жить на небе, полные радости и веселья, как ангелы, а они будут томиться под землей без всякой надежды на лучшее. Правоверному, который сумел соблюсти себя в чистой вере, мно-

гое простится, а тому, кто пошел против аллаха, не простится ничего. Покайтесь, пока не поздно, пока еще есть время искупить великий грех, который вы можете взять на душу!.. Аллах милостивен, он простит того, кто придет к нему с искренним раскаянием, желая искупить свою вину. А больше всего бойтесь большевиков — это неверные из неверных, нет сейчас врагов у мусульман хуже, чем они! Мало того, что они хотят обманом и хитростью обратить вас в свою веру, — теперь они хотят свергнуть Временное правительство и продать всех нас в рабство германскому царю. Они обещают вам землю и еду, одежду и помощь, а на самом деле хотят сделать вас рабами навеки, и тот, кто пойдет за ними, не найдет ничего, кроме цепей. Не поддавайтесь их лживым обещаниям, не подпускайте их к себе! А того, кто пытается совратить вас с истинного пути, истребляйте без всякой жалости и сомнения, изгоняйте их из домов, ибо даже тот, кто перемолвится с ним словом, уже положил пятно на чистоту ислама! И тому, кто слушает кафыра хотя бы одним ухом, зачтется этот грех! В последний раз призываю вас — покайтесь, пока не поздно!..

Старик замолчал. Угрюмая тишина повисла над толпой. Люди смотрели вниз, кто-то тяжело вздохнул.

— Ну, разве я не говорил вам того же? — строго спросил мулла Гилман. — Видите, до чего вы дошли в своем грехе, если сам ишан-хэзрет услышал об этом и пришел к вам, чтобы вернуть вас на путь истины! Может быть, вы и после этого будете слушать кого попало?..

— Они могут спросить меня, я отвечу, — сказал ишан-хэзрет.

— Эй, вы! — крикнул мулла Гилман, угодливо кивнув ему. — Вы можете обратиться со своим словом к ишан-хэзрету!..

Никто не ответил ему.

— Я вас спрашиваю: может, кто-нибудь хочет что-то сказать?

Загит оглянулся на Акназара. Акназар покачал головой и отвел глаза в сторону.

— Я хочу сказать! — крикнул Загит и, пройдя между расступившимися перед ним односельчанами, поднялся на крыльцо.

— Кто это? — удивленно спросил Хажисултан-бай.

— Старший сын Хакима, — тихонько шепнул ему староста.

— Ну и паршивец! Мало того, что с кафырами связался, в нем к тому же не осталось никакого почтения к аллаху, раз он так ведет себя! — возмутился кто-то.

— А вдруг что-нибудь дельное скажет? — возразили ему.

Загит посмотрел вниз. Люди, стоявшие у крыльца, угрюмо и напряженно молчали, ожидая его слов. Каждый из них был знаком Загиту, с каждым он не раз говорил, а некоторых знал совсем хорошо, но сейчас все они показались ему совершенно чужими, как будто он видел их в первый раз в жизни. Чаще всего это были люди пожилого возраста, которых уже не могли взять на фронт. Седобородые, в старых, потертых тюбетейках, в залатанных кафтанах и халатах, с темными кругами под глазами, они стояли перед Загитом с выражением неодобрения на лицах, с каким-то враждебным любопытством, старики, уставшие ждать с войны своих сыновей.

Загит растерялся, колени его вдруг мелко и противно затряслись, дрожь эта отдалась во всем теле, и, чтобы скрыть ее, Загит сжал кулаки, больно впившись ногтями в ладони, напрягся всей спиной, но это не помогло.

— А-агайдар! — сказал он осевшим голосом. — Товарищи!

Внезапно голова у него закружилась, перед глазами с бешеной быстротой завертелись огненно-зеленые круги, и, втягиваясь в них, смазались, и поплыли куда-то стоявшие у крыльца люди, заборы, дом Хажисултан-бая, тубетейки на головах, черные полосы на тельняшке Акназара.

«Как же Михаил говорил? Надо вспомнить, вспомнить!» — в отчаянии подумал Загит, еще сильнее впиваясь ногтями в ладони и чувствуя, что вот-вот упадет, но ни одно слово не приходило ему в голову.

Фигуры людей внизу мерно качались из стороны в сторону, как деревья под ветром, лица их сливались друг с другом и снова разъединялись, как капли воды на стекле.

— Агайдар... — бледнея, выдавил Загит и снова замолчал.

Лицо его пылало, рубашка под камзолом прилипла к спине, как вторая кожа, он еле стоял на ногах, а нужных слов все не было, и он почувствовал, что если промолчит еще хотя бы минуту, расплачется, как маленький, на глазах у всех.

Загит набрал в грудь побольше воздуха, зажмурился, но тут же открыл глаза, повернулся в сторону муллы из Оренбурга и, ткнув пальцем чуть ли не в лицо Мухарраму, крикнул:

---

¹ А г а й д а р — обращение к старшим.

— Врут они! Обманывают вас!..

В ту же секунду сердце его заколотилось так сильно, и зеленые круги завертелись с такой быстротой, что он покачнулся. Фигура муллы была неподвижна по-прежнему, только ветер шевелил складки белой чалмы. Староста Мухаррам, вытаращив глаза и надувшись от изумления так, что стал чуть ли не вдвое толще, смотрел на Загита, полуоткрыв рот.

Внезапно в толпе возникло какое-то движение, и в середине ее показался Нигматулла, который не глядя расталкивал людей в стороны, торопясь к крыльцу. Желтые, рысьи глаза его вцепились в Загита.

— Что ты стоишь? Беги! — крикнул Гайзулла.

«Если люди увидят, что мы прячемся и боимся, они не поверят нам! Нет, браток, теперь такое время, что бежать от опасности нельзя, надо смотреть ей прямо в глаза, надо спорить с ней, надо сопротивляться!» — вспомнил Загит слова Михаила.

— Товарищи!.. — снова крикнул он. — Баи и муллы — это наши враги, если мы сами не защитим себя, некому будет защитить нас перед ними!..

— Слезай, щенок! — потребовал пробравшийся к крыльцу Нигматулла. — Сопля паршивая, шайтан, я тебе покажу врагов!.. Мало того, что мою лавку поджег, ты еще и нанялся прислуживать кафырам! Отрастил себе волосы, как кафыр, и пришел сюда свои порядки устанавливать! Слезай, говорю, хуже будет!..

— Я и дом твой еще подожгу! — не помня себя, крикнул Загит. — И не только твой! Ни одного бая в покое не оставлю, всем красного петуха пушу, если вы будете людей запугивать

и последний кусок хлеба у них изо рта вырывать!

— Ах, вот как! — рассвирепел Нигматулла и, подпрыгнув, схватил Загита за ногу.

Загит нелепо взмахнул руками и упал, стукнувшись головой о деревянный настил. Нигматулла стащил его с крыльца, скрутил ему руки за спину, придавил коленом и поднял голову. Люди смотрели то на него, то на муллу из Оренбурга.

— Такой маленький человек с таким большим черным сердцем, где нет ничего, кроме лжи...— глядя вниз, на Загита, сказал ишан-хэзрет. — Как вы допустили такое? Куда смотрел его отец? А если у него нет отца, куда смотрели соседи? Поглядите на него! Он продал нашу веру кафырам так рано, что не успел даже отрастить усы! Воистину, кто осудит его, попадет в рай одним из первых... Берегитесь черных сердец, в которых нет ничего, кроме лжи, от них солнце становится черным, и аллах посылает на нас бедствия, голод и мор, когда мы позволяем своим ушам прислушаться к их словам! Зачем вы слушали его? Почему только один из вас сумел ответить ему, как истинный мусульманин? Покайтесь, пока не поздно, если не хотите гореть в адском пламени вечно, пока стоит мир!..

Он замолчал, и люди, словно сорвавшись с цепи, бросились к Загиту. У крыльца образовалась свалка. Нигматулла, встав на спину Загита, бил его по плечам каблуками сапог, кто-то рвал его за волосы, Хажисултан, пыхтя, присел на корточки и выворачивал ему руку, Мухаррам, приподняв голову парня, плевал ему в лицо.

— Все равно! — собравшись с силами, сипел Загит. — Не верьте им!.. Не верьте!..

Хажисултан ударил его по зубам, Загит почувствовал привкус крови во рту и смолк. Ему показалось, сквозь шум и ожесточенные крики, что он слышит рыдающий голос Гайзуллы, но стиснул зубы и закрыл глаза.

— Остановите их! Они убьют его! — отчаянно вопил Гайзулла.

— Так ему и надо! — остервенело приговаривал староста Мухаррам.

«Значит, не доживу я до тех дней, про которые Михаил говорил, — мелькнуло в голове у Загита. — Ничего, может, хоть Аптрахим доживет или Гайзулла...»

— Пре-кра-титы! — вдруг крикнул кто-то высоким резким голосом прямо у него над ухом. — Немедленно прекратить!

Руки, державшие Загита, ослабели, он попытался приподнять голову, но увидел только носки стоптанных, запыленных сапог.

— За что вы его бьете? — строго спросил высокий голос, и Загиту показалось, что он уже где-то слышал его.

— Да это Хисматулла! — вдруг с облегчением сказал староста, и тон его сразу стал вызывающим и наглым. — Какое тебе дело до того, чем мы занимаемся? Тебя никто не звал сюда, убирайся лучше подобра-поздорову, а то и сам получишь!

— Ошибаешься, староста, — холодно ответил Хисматулла и вдруг резко прикрикнул: — Встань, когда с тобой говорит депутат Временного правительства!

Мухаррам вскочил, растерянное лицо его тут же стало жалким, глаза забежали.

— Я спрашиваю: за что вы его бьете? — повторил Хисматулла.

— А у тебя есть документы, что ты в самом

деле от Временного правительства? — нахмурился мулла Гилман.

Хисматулла спокойно расстегнул карман гимнастерки, вытащил оттуда сложенную вчетверо бумагу.

Мулла развернул бумагу и, с трудом разбирая русский текст, прочел:

— «Предъявитель сего, солдат товарищ Хисматулла Хуснутдинов, есть действительный революционный депутат Временного правительства от 23 полка Н-ской дивизии Юго-Западного фронта, отпущенный на поправку после тяжелых ранений, полученных во время боев за родину, где он проявил себя как патриот и герой, что и удостоверяется...» А кто это подписывал? — спросил мулла Гилман, пытаясь разобрать расплывшиеся буквы на круглой фиолетовой печати, наполовину скрывавшей подпись.

— Ты что, читать не умеешь? Полковник наш подписывал, все как полагается! Давай сюда, а то изомнешь! — сердито ответил Хисматулла.

Мулла нехотя протянул бумагу. Хисматулла аккуратно сложил ее, засунул в карман гимнастерки, застегнул пуговицу и, поставив на землю котомку, склонился над Загитом, около которого уже хлопотал Гайзулла.

— Что, худо?

— Ничего, дядя Хисматулла, — сморщив опухшее лицо в ссадинах и кровоподтеках, улыбнулся Загит.

— Иди-ка домой, пусть Гайзулла тебя проводит!

— Не-ет, я останусь, — помотал головой Загит. — Я сейчас встану...

— Ну, хорошо! — Хисматулла поднялся, оглядел застывших в ожидании людей и не торопясь взобрался на крыльцо.

— Ассалям агалейкум, дорогие односельчане! — громко сказал он. — Извините, что встреча наша происходит в такой шумный час.

— Вагалейкум ассалям!.. — слышались ответные приветствия. Кто-то рассмеялся.

Загорелое лицо Хисматуллы, на котором весело и ярко, как омытые дождем ягоды черемухи, блестели глаза, было приветливо и спокойно, над левым карманом гимнастерки сверкал, отражая солнечные лучи, георгиевский крест.

— Привет вам от ваших сыновей и родственников, вместе со мной проливавших кровь на фронте! Твоего сына видел я, Ягуда-агай, герой твой сын, две медали получил! А тебе, Усман, привет от брата, вместе в Самаре в госпитале лежали. Ты не волнуйся, ранение у него легкое, в руку, раньше меня вышел... И про ваших сыновей слышал я, Сагитулла-агай и сосед мой Киньябулат, хорошо о них люди говорят! Дают немцу жару наши сакмаевцы, скоро до самого германского царя доберутся!

Лица людей помягчели, заулыбались.

— Вижу, заждались вы своих сыновей, — продолжал Хисматулла. — Как-никак четвертый год война, в хозяйстве рук не хватает, да и без хозяйства, как отцу не скучать по сыновьям, по родной своей крови?.. Как матери не волноваться, зная, что сын ее каждый день может быть убит вражеской пулей? Как не плакать женам и невестам, которые одни сейчас тянут на себе все хозяйство?.. А ведь Временное правительство еще весной пообещало, что прекратит войну. Сколько же мы будем ждать?

— Правильно говоришь! — крикнул Ягуда-агай. — Надоело! Одними обещаниями кормят, а мы тут знай сидим, животы подтягиваем!

— Животы, говоришь, подтягиваете? — покачал головой Хисматулла. — Плохо ваше дело. Вот ехал я сюда из госпиталя, много деревень видел, там совсем по-другому дела обстоят.

— Как это по-другому? — осторожно спросил Файзрахман.

— А вот как — бедняки все дела в свои руки взяли, не слушают ни баев, ни кулаков, создали сельские Советы и следят за тем, чтобы все было справедливо. А у вас, я гляжу, трусы здесь одни собрались, что бай ни скажет, все в рот ему смотрят. Вот они сегодня при вас Загита избивали, а вы смотрели. В другом месте никто бы так с человеком обращаться не позволил!

— Врет он все, врёт! — побелев от бешенства, крикнул Нигматулла. — Не слушайте его, его подослали кафыры, большевики!

— Большевики жизни своей для простых людей не жалеют, не то что бай и муллы! — ответил Хисматулла. — Вот ты, Нигматулла, почему не на фронте? Почему у Хажисултана-бая ни один сын военной комиссии не прошел? Видел я, как Шаяхмста осматривали, спросили только, чей сын, и отпустили сразу, — мол, гуляй себе на здоровье! А ваши сыновья, дети бедняков, под пули идут, чтоб только байские сыночки как-нибудь не поцарапались! Скажи лучше, Хажисултан, сколько ты за каждого сына тому фельдшеру, что нас осматривал, денег отвалил?

— У Шаяхмета здоровье плохое, — буркнул Хажисултан.

— Видели вы Шаяхмета? — повернулся к односельчанам Хисматулла. — Разве похож он на человека, слабого здоровьем? Да у него же щеки, как арбузы, такой румяный — прямо хоть на площади в пасмурный день выставляй! Небось на сына Ягуды-агая не посмотрели, что он

кашляет! А брат Сагитуллы, у которого глаза плохие были? Нет, самого краснощекого отпустили, а все потому, что Хажисултан задницы им золотым медом подмазал! Нет, баи за своих детей боятся, что угодно готовы сделать — лишь бы те как сыр в масле катались! Это они про бедняков говорят — мол, надо родину защищать, героем быть, а про себя думают: пусть там, на фронте, лучше сын Сагитуллы, или Киньябулата, или Файзрахмана голову сложит, чем мой дорогой сынок! А Шаяхмета этого видел я тоже по дороге сюда, в Верхнеуральске, весь день в кабаке сидит да деньги девкам швыряет — вот у него какая жизнь тяжелая! А ваши сыновья, агаи, в это время умирают за богачей...

— Он все придумал! — покраснев, заорал Хажисултан. — Мой сын в Оренбурге, всем известно, что он на муллу учится! — Мясистые, ленивые, как у кота, складки на его щеках тряслись и подпрыгивали.

— Не знаю, что он делает в Верхнеуральске, если учится в Оренбурге, — усмехнулся Хисматулла. — Я думаю, когда он в Оренбурге гуляет, то и там у него девок хватает!

— Если вы будете слушать этого шайтана, не приходите ко мне за мукой! — пригрозил Нигматулла, обнажая длинные прокуренные зубы.

— И ко мне! — поддержал его Хажисултан.

— К Хисматулле тогда за мукой ходите! — вне себя от ярости крикнул мулла Гилман. — Посмотрим, как он вас прокормит!

— Вот-вот! — непонятно к чему добавил староста.

— Говори, Хисмат! — засмеялся Ягудагай. — Мы тебя в обиду не дадим!

— Расскажи, какой такой сельский Совет, — попросил Файзрахман.

Ишан-хэзрет и мулла Гилман спустились по ступенькам, и Хисматулла остался на крыльце один. Хажисултан, Нигматулла и староста Мухаррам демонстративно удалились вслед за муллой из Оренбурга, Люди раздвинулись, уступая им дорогу, и снова сомкнулись, еще теснее приблизившись к крыльцу.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Хисматулла, — мешать больше некому... А сельский Совет — это самая большая власть в селе. Есть там председатель, его сам народ выбирает, у председателя есть секретарь, который ему помогает. Все вопросы решают сходкой, вот как мы сейчас с вами говорили, а председатель следит, чтоб все по справедливости было, — ясно?

— Может, и нам так сделать? — спросил Ягуда-агай.

— Пусть Акназар будет председателем, — предложил Файзрахман.

— Правильно! А Загит — секретарем! — поддержал его Киньябулат.

— А сможет ли он на таком посту стоять? — с сомнением сказал Сагитулла. — Он же двух слов связать не может. Боюсь, не получится у него....

— Дергач, говорят, от своего языка страдает, вот и Загиту досталось сегодня! — засмеялся кто-то.

— А ты как считаешь, Хисматулла? — спросил Файзрахман.

— Решайте сами, — посмотрев на стоявшего в сторонке Загита, ответил Хисматулла. — Работа очень ответственная, тут такой человек нужен, чтоб за бедняков все силы, всю жизнь го-

тов был отдать! — Он помолчал, оглядывая собравшихся, и прибавил: — По мне, лучше Загита никого вам для такой работы не найти, он и сегодня за вас костей своих не пожалел...

Люди молчали.

— Эх вы! Когда избивали человека, стояли молча, будто у всех вода во рту, а теперь разговорились! — не выдержал Гайзулла. — Он из вас самый смелый, один против баев и муллы из Оренбурга пошел, чтобы опять они вас не одурачили, а теперь вы делаете вид, что его не из-за вашей трусости избили!..

Загит смущенно дернул друга за рукав.

— Ну, так кто же будет секретарем? — спросил Хисматулла.

— Ладно, пусть будет Загит! — махнул рукой Ягуда-агай. — Он и вправду смелый парень...

— И я так думаю, — поддержал его Файзрахман.

— Ну что ж, тогда проголосуем, — сказал Хисматулла.

— Как это? — не понял Файзрахман.

— Кто за то, чтобы Акназар стал председателем сакмаевского сельского Совета, поднимите руку! Кто против, поднимите руку! Единогласно! Кто за то, чтобы Загит стал секретарем? Кто против? Единогласно! Ну что ж, вот теперь и есть у нас свой сельский Совет. Надо только решить, где собираться будем...

— Как где? У меня! — откликнулся Акназар. — Айда ко мне, Хисмат! Чайку попьем, с людьми поговорим, а?..

— Я еще мать не видел, — покачал головой Хисматулла. — Хочешь, собирай у себя людей, а я попозже зайду?..

— Договорились! — улыбнулся Акназар. — Загит, Гайзулла, мотайте вперед, открывайте пошире дверь!..

— Есть, товарищ председатель! — бодро отозвался Загит и припустил вперед по улице.

XXIII

Вот уже целый час глядела Сайдеямал на сына, и все никак не могла поверить собственным глазам, то и дело вытирая тыльной стороной руки бегущие по морщинистым щекам слезы.

— Ну что ты плачешь, мама? — чувствуя тяжелый комок в горле, говорил Хисматулла и подходил к ней, становился на колени, целовал руки — старые, морщинистые руки с красной, обветренной кожей и разбухшими в суставах пальцами. — Я же вернулся, я живой...

— Не могу остановиться, — прерывисто вздыхая и обнимая сына, отвечала Сайдеямал. — Сами собой бегут, за все время, пока ждала тебя накопились...

— Посмотри лучше, какой я тебе платок привез, нравится?

— Нравится, сынок, конечно, нравится! Спасибо, что не забыл, и за платок для Гульямал спасибо... Так она ждала тебя, так ждала! Я бы тут без нее давно на том свете была...

— А знаешь, о чем я все это время думал? Вспоминал, как ты улыбаешься, вон ту твою родинку... Помнишь, я, когда маленький был, все тебя просил: «Мама, спрячь родинку!»

Сайдеямал улыбнулась, и черная маленькая, как точка, родинка скрылась в ямочке у нее на щеке.

— Погоди, вот Гульямал прибежит, знаешь, сколько радости будет? Давай я самовар поставлю, хоть чаем тебя напою. Да и соседей пригласить надо сегодня, раз у нас такой праздник...

— Мы вроде как договорились у Акназара собраться, — нерешительно сказал Хисматулла.

— Вот и приведешь всех от Акназара сюда, слава аллаху, не зима, и пройтись не грех... — Сайдеямал взъерошила волосы на голове сына и встала с нар. — Сейчас быстро вскипит, раз хозяин домой вернулся, и самовар должен этому радоваться!..

— Да что ты, мама, какой я хозяин...

— А кто же? Конечно, хозяин! Погоди, еще женишься, будут у тебя сыновья, один другого краше, станут меня бабушкой называть...

— Не надо, мама, — попросил Хисматулла.

— Алла, неужели не забыл до сих пор свою Нафису? — покачала головой Сайдеямал.

Хисматулла потупил взгляд, лицо у него стало упрямым и суровым.

«Вылитый отец!» — ахнула про себя Сайдеямал.

— Не сердись в такой радостный день, сынок, — сказала она.

— Я не сержусь, я просто не хочу об этом говорить.

В дверь нетерпеливо стукнули раз, другой, и не успел Хисматулла ответить, как на пороге вырос высокий человек в серой войлочной шляпе.

— Хисматулла-агай! — здороваясь, неуверенно позвал он.

— Не признаю я что-то тебя, — вглядываясь в стоявшего перед ним незнакомца, протянул

Хисматулла и вдруг вскочил с нар, бросился навстречу: — Неужели это ты, Мутагар?

— Без подделки! — весело отозвался Мутагар, не сводя влюбленного взгляда с товарища. — Сколько мы с тобой не виделись!

— Да, да, — кивал Хисматулла и все никак не мог поверить, что этот рослый и возмужавший человек, раздавшийся в плечах, статный и красивый, и есть тот самый Мутагар, с которым он когда-то пилил дрова в лесу, потому что мальчика никто не брал себе в пару, потому что он был слишком мал, тот самый Мутагар, которого он тащил пьяного из кабака, тот самый, кто клеил первые листовки на воротах и заборах. — Да ты садись, чего как на часах встал?

— Да некогда стоять-то, — таинственно подмигивая товарищу, проговорил Мутагар. — Дело у меня к тебе...

— Дело в лес не убежит, — не замечая его нетерпения и подмигиваний, упрашивал Хисматулла. — Мать, ставь ему чашу побольше!.. Ну, удивил ты меня! И когда ты успел стать богатырем, а?

— Часто под дождем стоял, вот и вытянулся! — смеялся Мутагар, но вдруг снова нахмурился, кивнул на дверь: — Надо бы тебе сказать несколько слов не для женских ушей...

И только тут Хисматулла понял, что старатель явился к нему неспроста, и затревожился. Накинув на плечи шинель, он вышел на крыльцо, прикрыл за собой дверь. Он увидел у изгороди запряженную в арбу лошадь, торчавшие из арбы клочья соломы.

— Откуда ты прискакал? И что у тебя за секреты, что ты не мог сказать при матери?

— Не хотел ее зря пугать, агай! — Мутагар наклонился и зашептал горячим шепотом: — Со-

бирайся, Хисмат! На приiske началась заваруха!

— Что за заваруха?

— Никто толком понять не может, поэтому меня и послали за тобой! До Кэжэна далеко, а ты поближе!

— Да объясни хоть, что там творится!

— Одни кричат — надо выходить на работу, другие — не пойдем! Давайте, мол, лучше будем лавки грабить!

— Какие лавки?

— Известно какие, хозяйские!.. Сам Накышев куда-то скрылся, Нигматуллу тоже не видеть, но чувствует мое сердце, что он главный заводила во всем... Даже вроде Кулсубай за то, чтоб лавки грабить!..

— Брось ты! Не такой он темный человек, чтоб не понимать, что это провокация!.. Не напрасну ли ты шум поднял? Может быть, рабочие решили выступить и потряхнуть как следует хозяев, а ты не разобрался и ударил в колокола!

— Говорю, как знаю, — обидчиво вскинулся Мутагар. — Меня же люди послали к тебе. Они тоже считают, что может быть большая беда, несчастье, одним словом, если не остановить все вовремя!

— Ну ладно, — помолчав, согласился Хисматулла. — Раз нужно, значит, нужно, ничего не поделаешь... Обожди меня немного...

Он вошел в дом, надел фуражку, стянул с деревянного крючка ремень.

— Ты куда? — встревоженно спросила Сайдеямал.

— Я должен быстро съездить на прииск...

— Неужели ты оставишь меня в такой день, сынок? — Мать смотрела на него с укором и мольбой.

— Меня просят приехать товарищи, эсей, — он старался не встречаться с ее глазами — мне самому горько уходить, но я не могу отказать людям...

— Не ходи, сынок! — цепляясь за рукав шинели, чуть не запричитала Сайдеямал. — Неужели люди не могут обойтись без тебя одну ночь?

— Эсей, я же не маленький! — он полуобнял мать за плечи. — Я постараюсь скоро вернуться...

— Три года ждала тебя, ночей не спала, просила аллаха, чтоб ты живым пришел, — уже всхлипывая, выговаривала мать. — А ты в первый же вечер покидаешь меня.

— Я же не на войну иду, эсей, а на дело! — Лицо его становилось суровым и непреклонным, каким оно бывало в такие минуты у отца, и Сайдеямал поняла, что упрашивать его бесполезно. — Проводи меня до ворот...

Долго, до рези в глазах, провожала Сайдеямал взглядом взбирающуюся в гору арбу. Уже и сама арба скрылась из глаз, а она все еще стояла и смотрела на дорогу. Только когда с вечернего выпаса стали возвращаться коровы и протяжное блеянье овец и коз заполнило улицу, она завязала потуже новый, подаренный сыном кашемировый цветастый платок и, медленно переступая ногами в глубоких резиновых калошах, пошла к дому.

На душе у нее было беспокойно, и хотя котомка Хисматуллы стояла на нарах и лежала рядом его солдатская шинель, дом снова показался ей пустым и осиротевшим. На подносе рядом

с котомкой стояли чашки, сипло насвистывал самовар. Сайдеямал присела на нары и закрыла глаза. Хлопнула калитка, и в дом стремительно ворвалась Гульямал.

— Где он?.. — с порога выпалила она. — Или меня обманули? — Но, увидев на нарах котомку и шинель, подпрыгнула и закружилась, как маленькая. — Нет, нет, нет, не обманули! Приехал!.. Ой, что с тобой? — внезапно остановилась она, заметив красные, заплаканные глаза Сайдеямал. — Случилось что-нибудь?

— Что ты, что ты, ничего не случилось! — не желая огорчать невестку, сказала Сайдеямал. — Сейчас он придет, давай пока чаю попьем...

— А почему ты плакала? — все еще тревожно спрашивала Гульямал.

— От радости! погоди, увидишь — сама заплачешь!..

— Ой, а может, я успею сбегать домой переодеться? — успокоившись, зашебетала Гульямал. — Как услышала, что он приехал, бросила лопату — и напрямки! Гляди, всю юбку порвала! Думала, сердце разорвется, пока добежу... Может, правда, сходить? А то придет и не узнает меня, скажет, что это за грязнуля такая?

— Нет, уж ты попей со мной чаю, а то опять упустишь, он еще к Акназару хотел зайти, — отговорила ее Сайдеямал.

— Ну ладно, я тогда хоть косы переплету. — Гульямал вынула из кармана камзола маленькое круглое зеркальце и, пристроив его на шестке, стала расчесывать длинные тяжелые волосы. — Прямо беда мне с ними, — пожаловалась она. — Как ни поглядишь, опять голова растрепанная... Ой, кажется, идет!

Сайдеямал замерла.

— Нет, показалось...— разочарованно сказала Гульямал, быстро заплетая косу. — Сейчас доплету и уберусь!

— Совсем мне голову задурила, егоза! — улыбнулась Сайдеямал и, развязав котомку, вынула оттуда точно такой же платок, как у себя. — На, это тебе...

— Неужели мне? Правда? — похоже, Гульямал не верила, но она тут же накинула платок на голову и посмотрела в зеркальце. — Идет мне?

— Тебе все идет, даже если ты себе кастрюлю на голову наденешь!

— Значит, думал обо мне, вспоминал, раз подарок привез,— взволнованно расхаживая по комнате и прижимая платок к груди, вышептывала Гульямал. — Теперь это будет у меня самый любимый платок, стану надевать его по самым большим праздникам!

Она снова приткнулась к зеркальцу, доплела вторую косу и повернулась к Сайдеямал.

— А он не сказал, куда пошел?

Старуха словно не слышала ее — молча вылила из самовара воду, вытряхнула из него золу, залила свежей водой и стала щепать ножом тонкие лучинки и бросать их в трубу.

— Ты же сказала, что он скоро придет, а он, похоже, забыл о нас... гуляет где-то со своими дружками!

— Не надо его осуждать, — завздыхала Сайдеямал. — Разве ты не знаешь, какой у него характер? Весь в отца! Если что надумал, то не остановишь!..

— А что он надумал? — Гульямал встревоженно посмотрела на сгорбившуюся у самовара старушку. — Только бы не на прииск он собрался!

Сайдеямал вскочила, глядя расширенными от испуга глазами, нож выпал у нее из рук, лущинки посыпались с колен.

— А что там, на прииске? Что ж ты мне сразу не сказала, что у тебя дурные вести?

— Я толком не поняла, что там, — торопливо рассказывала Гульямал. — Мне как сказали, что Хисмат вернулся, я бросила все и побежала домой... А по дороге гляжу — мужики с кайлами бегут, бабы за ними, ревмя ревут... У конторы целая толпа, все кричат, а о чем — не разобрать... Да мне и не до того было, мне лишь бы поскорее Хисмата увидеть!

— Аллах, сохрани моего сына! — простонала Сайдеямал. — И зачем я только отпустила его, неразумная! Зачем не легла, как собака, в дверях и не цеплялась за его ноги!.. О горе мне!..

— Так он туда уехал? — крикнула Гульямал.

— Туда, доченька! Будь они прокляты, эти люди, что позвали его на беду!.. Какой-то Мутагар за ним прискакал, я даже не успела поглядеть на моего сыночка!

Старуха охала, прижимала к глазам фартук, раскачивалась, сидя около чувала. Гульямал повязала новый платок, набросила на плечи камзол.

— Не оставляй меня, доченька! Килен!¹ — жалобно запросила Сайдеямал. — Куда же ты? Пожалей хоть ты меня!

— Я не могу бросить Хисмата в беде! — Гульямал пошла к порогу, но тут же вернулась. — Если будут меня искать, скажи, что я побежала к Акназару, в Совет!

---

¹ К и л е н — невестка.

Лошадь шла крупной рысью, с боков ее летели хлопья пены, арбу мотало из стороны в сторону, но Мутагар, став на колени, щелкал кнутом в воздухе, свистел и покрикивал.

— Загонишь коня, погубишь! — говорил ему трясшийся в арбе Хисматулла.

Но Мутагар не слушал его и знай погонял себе, и скоро мигнули навстречу огни приискового поселка, прошумел мимо лес. На дороге, ведущей к шахте, торчали у отвалов брошенные старателями кайлы и лопаты.

Не успели они домчаться до площади, как их обогнали верховые, с гиканьем и бесшабашными криками, будто все были пьяные, около конторы послышалась пальба, звон выбитого стекла. Из ближнего переулкa, сгибаясь под тяжестью темных ящиков, бежали какие-то люди.

— Стой! — крикнул, не вылезая из арбы, Хисматулла. — Что у вас тут делается?

— Проспал, солдат! — видимо узнав его, ответил из темноты какой-то старатель. — Явился к шапошному разбору. А то поторопись, — может, и тебе что достанется!..

— Да где достанется-то?

— А в накышевской лавке! Ее, почитай, вчистую растащили! Все полки голые!

— Да ты подойди ближе, расскажи все толком, — попросил Хисматулла. — Не отберу я у тебя твое награбленное добро!

— А ты, солдат, не задирайся! Меня всю жизнь грабили, а я молчал... И не я это первый начал, — не то сердясь, не то оправдываясь, отвечал голос из темноты. — Поначалу, говорят, прибежали какие-то с ружьями, взломали зам-

ки, похватали самое добро, а мы уж рожки да ножки...

— Хороши, видать, рожки, если сам под ящиком к земле гнешься! — вспыхнув, зло проговорил Хисматулла. — Потерял рабочую совесть?

— Езжай мимо, солдат! — К старателю подошли на подмогу еще трое и закричали: — Не трогай нас! Мы свое взяли! Мы и сами не знаем, что тащим... Может, битые черепки домой донесем! Мутагар хлестнул лошадь, и арба затрещала, выкатилась на площадь, к накышевской лавке, около которой толпились какие-то полупьяные люди.

— Где же справедливость, братцы? — кричал какой-то старатель и рвал на себе рубаху. — За что страдали? Ежели революция, так надо делить поровну, а не так, кто смел, тот и съел!..

— Не плачь, кореш! — хлопнул его по плечу длинноносый верзила. — Одна, что ль, лавка у нас на прииске? Грабь все подряд! Чтоб ничего не осталось буржуйам!.. Айда вон через дорогу! Чем хуже этот магазин накышевской лавки?

— Вер-на-а! — подхватили в загустевшей толпе.

— Круши-и!

— Смерть всем буржуйам!

Верзила взмахнул рукой, и толпа двинулась за ним, задыхаясь, и топоча, и матерясь.

— Остановитесь! — встав во весь рост на арбе, закричал Хисматулла. — Вы же не бандиты! Что вы делаете? Опомнитесь! Вас подбивают на грабеж мародеры!.. Вы поплатитесь за этот обман! Вы же рабочие люди! А рабочий класс должен быть сознательным классом... Не поддавайтесь на эту провокацию!..

— Ты, солдат, нас не пугай! — подскочил к арбе бородатый старатель в заляпанной грязью

робе, почти не державшийся на ногах. — Таперя нам свобода, а буржуйам разным конец! Хватит, натерпелись!..

Раздался звон стекла, лязг выворачиваемых замков, летели на землю вышибленные рамы, двери, толпа, давясь в проемах, хлынула в магазин. Слышался стук топоров, треск отдираемых досок, в темноте нельзя было разобрать, сколько мечется тут людей, кто тащит кули с мукой и крупой, кто целые тюки товаров.

Внезапно площадь озарилась ярким пламенем, и стало светло, как днем.

— Накышевская лавка горит! — сказал Мутагар.

Люди в магазине и на площади на минуту ошеломленно застыли, но, увидев, что им не угрожает опасность, снова бросились растаскивать магазин.

Не выдержав, Хисматулла соскочил с арбы, бегал от горящей лавки к магазину, упрашивал, уговаривал, но голос его тонул в гомоне и гвалте. Плакали брошенные среди улицы чьи-то дети, в дальнем конце площади слышался отчаянный женский вопль: «Убива-ают!.. Помогите!», но вот среди звона, криков и плача возник гулкий топот копыт, и на площадь неожиданно вырвалось около десятка верховых.

— Акназар! — кинулся навстречу верховым Хисматулла. — Как же ты догадался, браток?

— Это Гульямал нас всполошила! — поигрывая плеткой, ответил Ягудин. — А мы уж с Загитом постарались вон какую дружину собрать! Думали, тебя уж в живых не застанем!.. Что тут у вас?

— Не видишь разве? Разбой и грабеж!.. Надо разогнать эту банду!

— Что прикажешь делать?

— Ну, для начала пальните в воздух! Может, кто-нибудь в себя придет! А там посмотрим!..

Акназар тихо скомандовал, и верховые, сняв ружья, дали залп из восьми винтовок. На площади сразу началась паника.

— Солдаты! — сумасшедше заорал кто-то из старателей.

Побросав награбленные вещи, люди бросились врассыпную, сшибая друг друга с ног, крича от страха.

— А ну, грохните еще разок! — попросил Хисматулла.

После второго оглушительного залпа площадь опустела, на ней валялись брошенные вещи, блестел лежавший на боку самовар, белела дорожка рассыпанной муки. Зарево над накышевской лавкой не утихало, и на лицах верховых метались блики пожара.

— Повернем домой? — спросил Акназар.

— Скоро крыша обвалится, — привстав в стременах, сообщил Загит. — И, может быть, я ошибаюсь, но от конторы идут новые грабители...

— Давайте отъедем за сарай, — скомандовал Акназар. — Мутагар, заворачивай тоже свою арбу!

Они успели скрыться в тени сараев, когда на площади показалось несколько старателей, и шедший во главе их высокий человек закричал:

— Куда попрятались смелые джигиты, которые стреляют по своим братьям! Мы тоже стрелять умеем! Выходите!

Он дошел почти до середины площади, когда лицо его озарилось пламенем пожара, и Хисматулла узнал Кулсубая.

— Здравствуй, агай! — радостно отозвался Хисматулла и, дав команду верховым, выехал навстречу. — Никто тут по своим не стрелял, мы только поугнали грабителей. И сейчас тут полный порядок! Если бы не дружина из Сакмаева...

— Кто вам дал право вмешиваться в наши дела? — не дослушав, грубо оборвал его Кулсубай: — Зачем вы прогнали отсюда людей?

— Мы прогнали тех, кто устроил тут этот разбой!

— Я не хочу слушать того, кто против нашей революции! — не отступал от своего Кулсубай и голос его дышал угрозой. — Убирайтесь в свое Сакмаево и лижите пятки баям, а мы сами знаем, что нам делать со своими богачами и угнетателями!

— Да разве это революция, агай? — Хисматулла отступил на шаг, не узнавая стоявшего перед ним человека. — От тебя ли я это слышу?.. Ты старше меня, больше повидал на своем веку, но я был на войне, я записался в большевики, и я тебе прямо скажу, что если бы мы грабили одних и отдавали другим, да еще с помощью вот такого ночного разбоя, то за нами никогда бы никто не пошел, не поверил бы нам, и это была бы не революция, а один позор!..

— Это мы потом разберемся, а пока идите своей дорогой и не мешайте нам!

Они бы спорили и препирались так еще долго, но тут на площадь выбежал конюх Зинатулла и, весь дрожа и заикаясь от испуга, прохрипел:

— Кулсубай-агай!.. Там нашего кассира убивают!..

— Где убивают? — опешил Кулсубай.

— В конторе... Наверно, хотят унести сейф с золотом...

Кулсубай растерянно оглянулся на Хисматуллу.

— Пока мы тут кричим о своих правах, наши враги не дремлют! — Хисматулла обвел взглядом окружавших его людей. — Сделаем так: Мутагар и Загит останутся с тремя верховыми здесь, Акназар и остальные — быстро к конторе!.. Садись рядом, Кулсубай!

Кулсубай молча повиновался, прыгнул в арбу, и, сопровождаемые верховыми, они понеслись к конторе. Видимо, топот и шум спугнули грабителей, потому что едва они вырвались к конторе, как ночь прорезал залихватский свист, кто-то вскочил на коня и помчался во весь опор к лесу.

— Жалко, упустили гада, — процедил сквозь зубы Кулсубай. — Не так бы нам нужно... Тогда бы живьем взяли!

— Окружить дом! — скомандовал Хисматулла. — Акназар, заходи с тыла, а ты, агай, охраняй выходы. Я пойду один!

— Может, не стоит так рисковать? — сказал Кулсубай.

— Я при оружии и буду осторожен...

Он толкнул ногой дверь конторы, постоял в тишине, прислушиваясь к шагам дружины, оцеплявшей контору, сделал несколько шагов по коридору, прижался спиной к стене, передохнул и двинулся дальше. Глубокий, протяжный стон заставил его замереть, потом он пошел на этот стон и распахнул одну из дверей.

— Здесь есть кто живой?

Стон раздался снова, почти рядом, в двух или трех шагах, и, подождав, Хисматулла чиркнул

спичкой. На полу в луже крови лежал, подогнув ноги, лысый человек в черных нарукавниках.

Засветив лампу, Хисматулла осторожно перевернул раненого на спину. Пол под ним был весь мокрый и липкий от крови, на груди темнело расплывшееся пятно.

— Кто тебя? — тихо спросил он.

— Ниг-ма-тулла, — сухими, запекшимися губами выдохнул кассир. — Ключи требовал... Я не дал, и он меня ножом...

— Сейчас мы отвезем тебя в больницу, — зашептал Хисматулла. — Мы спасем тебя... Слышишь?

Кассир приоткрыл глаза и долго смотрел на Хисматулла, точно стараясь что-то вспомнить.

— Да, вам я могу сказать... Они нарочно все устроили... — Он задыхался, в груди его что-то хрипело и булькало... — И поджог, и разбой... Чтобы все растащили, а они взяли бы один сейф...

— Кто они?

— Ну этот, как его... — Кассир глухо застонал. — Я сейчас... я сейчас...

Хисматулла выбежал из комнаты, крикнул:

— Товарищи!.. Сюда!.. Кулсубай!..

Но было уже поздно. Когда люди, вбежавшие в кабинет Накышева, окружили кассира и подняли его на руки, он уже никого не слышал.

— Отнесите его в арбу, — сказал Хисматулла. — Это был настоящий рабочий человек. Его нельзя было купить ни за какие деньги, ни за какое золото... Мы похороним его со всеми почестями, как героя...

Когда комната опустела, и они с Кулсубаем остались вдвоем, Хисматулла кивнул товарищу и позвал его за собой в другую комнату, выходящую окнами на задний двор. Держа над го-

ловой лампу, Хисматулла прошел вперед и показал на сейф. Он лежал у окна, бока его были поцарапаны и помяты,— видно было, кто-то пытался открыть его с помощью кайлы и лома. Они валялись тут же, брошенные впопыхах.

— Ну, теперь, надеюсь, тебе ясно, кто устроил этот погром?

— Какой еще погром? — недовольно буркнул Кулсубай. — Подумаешь, сгорела одна лавка, да какой-то магазинчик разнесли... Есть о чем говорить!

— Да не в лавке дело!

— А в чем же тогда?

— А в том, что вас всех охмурили, толкнули на грабеж, чтобы самим воспользоваться и прикарманить этот сейф! А тут, как сам понимаешь, не одной лавкой пахнет... Тут и богатство народа, и слезы наши, и пот...

— Да что ты меня до печенок пронимаешь? — разозлился не на шутку Кулсубай. — Как ты можешь обвинять меня или других, когда знаешь, сколько мы вынесли за эти годы... Тут и скотина бы не вытерпела, не то что живые люди... Люди просто устали ждать, а тут одна искорка — и все загорелось...

— Что за искорка?

— Хозяин со страху кое-что наобещал старателям, а сам смылся — то ли удрал, то ли в больницу слег, откуда нам знать! А Накышев знай жмет и жмет... Пришли вчера в контору, а его нету! Туда-сюда, будто корова языком слизнула — ни дома, ни в конторе!.. А тут кто-то возьми и скажи: раз, мол, не хотят с нами похорошему, не слышат нашу нужду, не дают, что положено, мы сами возьмем... Разнесем первым делом в пух и прах накышевскую лавку... Ну и

пошло, закрутилось, тут уж никому не остановить!..

— А кто хоть подбивал-то на это дело?

— Да тут все кричали, я и не помню, кто первый начал. Да и какая разница, кто первый?

— Большая, агай... Этот человек и был наверняка подослан самим Накышевым!

— Да зачем же ему это было нужно, чтоб его собственную лавку подожгли? — Кулсубай недоверчиво покачал головой. — Не пойму я что-то тебя... В какую сторону в твоя башке колеса крутятся?

— Сейчас поймешь! — Хисматулла не сдержал улыбки. — Ты хоть видишь, что сейф с золотом хотел кто-то утащить или взломать и взять все оттуда?

— Да вроде получается так... — неуверенно согласился Кулсубай. — Но на кой он им без ключа?

— За этот ключ они кассира убили, а ради того, что есть в этом сейфе, они могли не только лавками пожертвовать! А главное — устроив погром, они могут теперь все свалить на старателей! И попомни меня, завтра уже начнут людей таскать на допросы...

— Ну, при такой свалке они виноватых не найдут, — задумчиво проговорил Кулсубай и вдруг хлопнул себя по лбу. — Какой же я все-таки серый человек! Злоба меня ослепила, а что к чему, я даже думать не захотел... Но Накышеву этот номер не пройдет, он все равно наших рук не минует!

— Не горячись, агай, — Хисматулла положил товарищу руку на плечо. — Накышев не так прост, чтобы его взять голыми руками!.. Так что повремени, выжди, чтоб если ударить, то наповал!

— Чего ждать-то? Разве теперь не видно всем, кто всю эту бучу затеял? — движением плеча Кулсубай сбросил руку. — И что ты за человек? Так сделаю — неладно, этак поверну — опять нехорошо! Ты хочешь, чтоб я у тебя на поводке ходил, а ты то отпустишь его подлиннее, то укоротишь... Нет, Накышева я должен на чистую воду вывести!

— Да разве я тебя удерживаю? Выводи, пожалуйста, мне не жалко! — снова улыбнулся Хисматулла. — Куда он денется-то? Только сначала о другом подумать надо — о том, чтоб такие вещи, как вчера, больше не повторялись. Если каждый будет делать, что в голову взбредет, один вред принесет революции. Ты же сам знаешь, что главное — это дисциплина и организация. И объяснять надо народу, зачем она нам нужна, чтобы не поддавались люди на такие провокации...

— Это ты верно говоришь, — задумался Кулсубай. — Надо бы нам тоже дружину завести, как у вас...

— И Совет, — подсказал Хисматулла.

— А что? Можно и Совет, — согласился Кулсубай.

— Надо оставить несколько человек сторожить сейф и то, что осталось в магазине. Поставь там своих людей, — сказал Хисматулла. — И вообще, не надо нам порознь друг от друга действовать... Нужна тебе будет наша помощь — присылай в Сакмаево, а нужна будет нам ваша, так мы пришьлем, идет?

— По рукам! — рассмеялся Кулсубай. — Это ты здорово придумал! Вот что, и Совет, и дружину, пожалуй, сегодня организовать надо, а то, говорят, если дело со дня на день отклады-

вать, оно снегом покрывается... Мы им еще покажем!.. — Он вышел в коридор, отдал распоряжения людям, ожидавшим его во дворе, и вернулся к Хисматулле:

— Устал, отдохнуть надо хоть немного... Может, зайдешь ко мне?

— Завтра зайду, — пообещал Хисматулла. — Сегодня мне домой надо, я мать-то как следует повидать не успел... Только и попадаю из огня да в полымя...

Они вышли на крыльцо, и в глаза им ударило солнце. Оно выкатилось из-за горы огненным шаром, зажгло окна приискового поселка, бисерно вспыхнула покрытая росой трава, подняли в роще дикий галдеж грачи.

— Вот природе нет дела до наших несчастий, — мечтательно проговорил Кулсубай. — И когда мы сами станем жить и радоваться всему, что есть на земле?

— Скоро, — ответил Хисматулла, он еле шел, веки у него горели и слипались от усталости. — Лишь бы война кончилась, и тогда мы живо наведем порядок...

Они свернули от площади на тропинку и почти выбрали к берегу Юргашты, когда их нагнал запыхавшийся Зинатулла.

— Кулсубай!.. Агай!.. — Он выхватил из кармана связку ключей и протянул ее старателю. — Велели тебе отдать!

— Постой! Что за ключи?

— Кассир мне их бросил и велел к тебе бежать, — торопливо рассказывал Зинатулла. — Я рядом, в конторе, оказался... Когда грабители въехали во двор, я выпрыгнул в окно и побежал тебя искать! А когда нашел, из башки моей просто вышибло, что ключи у меня...

— А тех, что во двор въехали, ты не разглядел? — спросил Хисматулла. — Что это были за люди?

— Я только увидел, что они на лошадях, и чуть раму головой не разбил. Без оглядки гнал!.. Такого страху натерпелся, не приведи аллах!

— Ну ладно, давай сюда ключи. — Кулсубай положил их во внутренний карман пиджака. — Но смотри, о ключах никому ни слова, даже если на огне будут пытаться, понял? Это теперь наше добро, народное, и мы должны его беречь пуще глаза.

XXV

Несмотря на безмерную усталость, Хисматулла не спеша доковылял до деревни. На щеке его кровоточила неизвестно откуда взявшаяся ссадина, руки были перепачканы сажеей, ноги ныли, и порою казалось — откажут ему и он упадет и не сделает больше ни шага. Чтобы не напугать мать, он спустился к берегу Юргашты, опустился на колени у воды и плеснул пригоршнями на щеки. Лицо точно обожгло огнем, а он продолжал все плескаться, пока не притерпелся. Потом, стянув гимнастерку, вымылся до пояса, посидел на сером и гладком камне, подставив спину теплему солнышку. Журчала мимо вода, перемывая разноцветные камушки, высвистывала в кустах какая-то пичуга, качались над головой зеленые ветки, а Хисматулла сидел, и ему было лень шевельнуть рукой и ногой. Но, превозмогая боль в ногах, он поднялся и тропкой выбрел к огородам. На усадьбах рос глухой бурьян, стеной поднималась крапива.

Внезапно перед Хисматуллой, будто выбежав навстречу, возникла развесистая рябина, и он

остановился, узнав ее, и долго смотрел на ее побуревшие гроздья.

«Да это огород Нигматуллы, — вспомнил он. — И эта рябина растет тут давно... И где-то рядом, вон за теми клетями, Нафиса, и она не знает, что я тоже стою рядом и думаю о ней! И я не прощу себе никогда, если сейчас же не увижу ее, чего бы это мне ни стоило!»

Он вышел узким переулком на главную улицу и решительно направился к воротам, толкнул калитку. Дремавшая у будки собака рванулась вперед, но цепь отбросила ее назад, и собака яростно залаяла, задыхаясь в крепком ошейнике, разрывая сильными лапами землю.

Дверь в дом бесшумно отворилась, точно ее распахнул ветер, из темного зияющего провала ее неожиданно выступила худенькая, черная, словно сотканная из этой тьмы фигурка Нафисы, — она была в черном платье, в том единственном черном платье, которое носила с тех пор, как умер ее ребенок; лицо и руки белыми пятнами выделялись из мрака, бескровные, почти прозрачные; глаза смотрели глубоко, без блеска.

— Нафиса... — прошептал Хисматулла, но звука не было, только шевельнулись его губы.

Женщина вздрогнула, в глазах ее появилось выражение испуга, руки сами собой поднялись к лицу, и слезы блестящими светлыми градинами покатались по щекам. Негнущимися, непослушными ногами, не отрывая глаз от ее лица, Хисматулла подошел к крыльцу. Внутри его все тяжело и болезненно набухало, и не было сил, чтобы глотнуть воздуха и сказать хотя бы слово.

Нафиса бессильно кинулась к нему и, наверно, упала бы, не подхвати он ее на руки, легкую,

почти невесомую. Спрятав лицо у него на груди, она заплакала тихо и безнадежно, как ребенок наедине с собой. Хисматулла бережно гладил ее по голове, по вздрагивающим плечам.

— Ну, не надо, видишь, все уже кончилось... Не плачь, ведь я пришел... Теперь мы будем вместе... Идем скорее, пока не приехал Нигматулла!.. — шептал он, держа ее в руках, словно хрупкий, могущий каждую минуту разбиться драгоценный сосуд.

Нафиса нежданно отпрянула и, закрыв лицо руками, прислонилась к перилам.

— Поздно ты пришел, Хисмат...

— Почему поздно? О чем ты?

— Поздно, поздно! — мотала головой Нафиса. — Я уже согрешила однажды, и в наказание аллах лишил меня отца!.. Я не хочу больше позорить ни мать, ни брата. Они и так оба несчастные! Да и Нигматулла нам будет мстить...

— Нигматулле нам нечего бояться! — остановил ее торопливый и сбивчивый шепот Хисматуллы. — Теперь другое время, и мы найдем на него управу!

— Он никого не боится — ни закона, ни аллаха! — пятась к дверям, твердила Нафиса. — Ты не знаешь его... Он хуже всякого дикого зверя!.. Лучше уходи, Хисмат, уходи...

— И на зверя мы сделаем облаву, — сказал Хисматулла. — Почему ты гонишь меня? Разве ты уже не любишь меня?

— Ты был отцом моей девочки, как я могу не любить тебя? — простонала Нафиса. — И аллах за мои грехи отнял и ее у меня, мою единственную радость!.. Не будет нам счастья, Хисмат, уходи...

Хисматулле будто кто толкнул в грудь, он отшатнулся, не понимая, ослышался ли он или

Нафиса нарочно говорит ему неправду, чтобы он оставил ее.

— Боже мой! Да как же ты можешь говорить такое, если у нас была девочка и мы не уберегли ее? — Он шагнул к мертвенно-бледной женщине и, взяв ее за плечи, старался заглянуть ей в глаза. — Ну, посмотри на меня... Мы должны быть вместе, я не смогу без тебя жить!..

— У меня больше не будет детей, Хисмат... Мертвая я, мертвая... Я ждала тебя, сколько могла, но теперь у меня нет никаких сил... Нельзя идти против воли аллаха! Нас опять привяжут к конскому хвосту и прогонят по улице позора... Я не хочу! Уходи, а то сейчас вернется Нигматулла, и он убьет тебя!..

Схватившись за дверную ручку, она постояла с минуту, как бы не решаясь расстаться с Хисматуллой навсегда, потом бросилась, как в омут, в сумеречную глубину сеней и исчезла. Хисматулла посмотрел ей вслед, будто еще не веря до конца тому, что случилось, будто и не стояла Нафиса только что рядом и не говорила с ним, а привиделась во сне...

Он не помнил, как спустился по ступенькам крыльца, как прошагал залитым солнцем двором, провожаемый гулким лаем собаки, как выбрался за ворота и снова вдруг очутился у реки.

Юргашты бесстрастно и беспечно катила свои волны, играла на перекатах солнечной рябью, ворковала у самых ног, но сейчас он словно не видел и не слышал ничего — ни завораживающего шепота ее струй, ни золотистых бликов, ни пестрых теней на воде, ни зеленых склонившихся ветвей, заслонивших другой берег.

Сердце его ныло глухой и непроходящей болью, грудь будто сдавила какая-то тяжесть и не отпускала, и не было сил вздохнуть.

«Что же делать? — сжав кулаками виски и глядя в тинистую глубину воды, думал он. — Может быть, нужно просто взять ее за руку и увести силой из этого страшного дома? Но разве я могу поступить так, не считаясь с ее волей и желанием? Я и так немало принес ей горя, она и так настрадалась и намучилась из-за меня, и я не имею права решать за нее.. Пока она не поймет, что счастье в ее руках, мы будем оба несчастны!.. Она боится всего на свете — и аллаха, и Нигматуллу, и нового позора, и я не смогу принести ей никакой радости!.. Как все бессмысленно и дико, даже на войне я не чувствовал себя таким бессильным!» Мысли путались, перед глазами в беспорядке мелькали то освещенный жаркими красными всполохами прииск, то лица людей, тащивших тюки из лавки, то худые, разбухшие в суставах руки матери, то темные, без блеска, глаза Нафисы.

«Поздно ты пришел, Хисмат», — звенело в ушах.

Поднялся ветер. Желтые столбики пыли закрутились на тропинке, с зеленой березы упал к ногам Хисматуллы побуревший листок. Не понимая, что он делает, Хисматулла машинально поднял его и сунул в карман гимнастерки.

Ветер подул сильнее, и пыль полетела в глаза. Хисматулла прикрыл их ладонью и тяжело зашагал по крутому берегу. Не успел он свернуть к дому, как сзади послышалось гроыханье колес по сухим, выжженным колеям. Его нагонял тарантас, запряженный резвой гнедой кобылкой. На соломе, небрежно пошевеливая вожжами, лежал Нигматулла. Хисматулла было от-

вернулся, но вдруг внутри у него все снова закипело, и он бешено крикнул:

— Стой!..

Нигматулла резко дернул поводья.

— Чего тебе?

— Поговорить надо, — хрипло ответил Хисматулла.

— О чем нам с тобой разговаривать? — вскинул брови Нигматулла.

— Ты зачем Нафису бьешь, шкура?! — сжимая кулаки и чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди, крикнул Хисматулла.

— А тебе какое дело? — Нигматулла лениво пожал плечами. — Она мне жена, захочу — убью, а захочу — приласкаю, — все в моей власти!

— А ну, слезай, контра! — взревел Хисматулла.

— Легче на поворотах! — Нигматулла замахнулся, потом презрительно сплюнул и неожиданно с силой хлестнул лошадь. — Не жалея, еще найдем место, где поговорить!

Кобылка резко рванула, тарантас гроыхнул, обдав Хисматуллу желтой горячей пылью, и он остался стоять на дороге, бессильно сжимая кулаки. «Ну ничего, ты все равно не уйдешь от меня! — думал он, глядя, как летит над дорогой пыльное облако. — Ты прав, мы еще встретимся, и тогда одному из нас уже не жить!» Перед глазами его снова возникли красные круги, и в этих кругах с невероятной отчетливостью проступило безусое, мальчишеское лицо немецкого солдата с растерянными глазами, — секунду он смотрел на Хисматуллу, потом неловко вскинул руки и упал ничком в блеклую и жесткую осеннюю траву... Хисматулла зажмурился. Этот мальчик был первым, кого он убил в атаке, и вот

уже три года Хисматулла не мог забыть ни лица его, ни глаз, недоуменно вопрошавших: «А меня-то зачем?»

«Убиваем таких же рабочих, как мы сами, а те, кто пьет из нас кровь, живут рядом и делают с нами, что хотят! Вот в кого нужно стрелять без всякой жалости! Стрелять и стрелять!»

Он шел по дороге, не замечая, что шепчет эти слова, как клятву...

XXVI

Глаза Накышева были полузакрыты, и казалось, что он вообще не слышал того, о чем говорил конюх. Пухлая рука твердо подпирала отвисшие складки подбородка, тень от спинки глубокого кожаного кресла, в котором он сидел, падала на правую щеку, и от этого вся правая сторона его лица казалась худее левой.

— Путано говоришь, — внезапно оборвал он Зинатуллу. — Целый час уже говоришь, а я так и не понял, взяли золото из сейфа или нет.

— Я же говорю, сейф у окна лежит! — Зинатулла довольно рассмеялся. — Если б не я, точно украли бы!..

— Ничего не понимаю, — вздохнув, укоризненно покачал головой управляющий. — При чем тут ты?

— Ключ-то у меня был! — горячо проговорил Зинатулла. — Как такой толстый железный сундук без ключа откроешь? А кассир как послал меня за подмогой, так и ключ отдал! Я еще не хотел брать, а он говорит: бери, а то, мол, у меня найдут... Хороший был человек, верный. Жалко, не успел я...

— Ну хорошо, я все понял, — управляющий не сдержал презрительной усмешки. — Давай сюда ключ!

— Да у меня его уже нету! — Зинатулла растерянно улыбнулся. — Я его сразу же Кулсубаю отдал, чтобы не потерялся. Хотите, я сбегаяю, чтобы он пришел?

— Кулсуу-у-убаю?.. — вскинулся Накышев. — Да кто тебе велел? Или я уже здесь не хозяин?!

— Да он отдаст к-ключ-чи, — заикаясь, сказал конюх. — А ч-чугунный сундук никто не трогал, там возле него д-дежурят! Я сам д-дежурил...

— Ах, вот как? Ну, тогда ладно, тогда все в порядке. — Управляющий встал с кресла, обогнул стол и вплотную подошел к конюху.

Зинатулла поднял глаза, с ужасом увидел слепой, затуманенный яростью взгляд Накышева и тотчас опустил их.

— Молодец! — ласково сказал управляющий. — Медаль тебе за это полагается, ба-альшой молодец!..

Он медленно отвел руку назад, сжал пальцы в кулак и ударил конюха в подбородок.

Зинатулла охнул и отлетел к стене.

— За что? — приподнимая голову от пола, спросил он. — Что я плохого сделал?!

— Ты еще разговариваешь! — рассвирепел Накышев и, подойдя, пнул его сапогом в шею. — Выметайся отсюда! Живо! Чтоб глаза мои тебя не видели, олух царя небесного!.. Во-о-он!..

Он сразу успокоился и походил немного по комнате, от окна к двери и обратно, время от времени сплевывая и передергиваясь, потом быстро сел за стол, обмакнул ручку в чернила и принялся составлять телеграмму о событиях на приiske.

Дверь скрипнула, управляющий поднял голову и, быстро отодвинув локтем бумаги, откинулся в кресле.

— Ну и спектакль ты мне устроил! — покачал он головой. — Заставь дурака богу молиться...

— Ты не такой уж бог, — недовольно буркнул Нигматулла. — А я не такой уж дурак, чтоб голову под пулю подставлять!

— Видно, правду говорят, что береза черемухи не рождает, — махнул рукой управляющий.

— Легко тебе теперь рассуждать! Сам-то небось смылся, — фыркнул Нигматулла. — А я тут один ворочал!.. Да эти идиоты еще убили зачем-то кассира, когда его просто попугать нужно было...

— Ладно, не будем сводить счеты! — Накышев хлопнул ладонью по столу. — Давай лучше подумаем, что нам теперь предпринять.

— А что тут думать? Ключ нужен, вот и все дела! Куда его этот кассир задевал, ума не приложу!

— Конюху отдал, — Накышев ухмыльнулся.

— Так он у тебя? — обрадовался Нигматулла.

— А конюх — Кулсубаю! — досказал управляющий. — Боюсь, проворонили мы золото...

— Как это проворонили? Не захочет добром отдать — силой вырвем! Ты, как хотел, возьмешь свою долю и в Оренбург укадишь, а я здесь завод открою, новые шахты выстрою...

— Раньше и я так рассчитывал, — вздохнул управляющий. — Но сейчас обстановка совсем другая. Сгоряча можно столько глупостей наворотить, что потом не расхлебашь... Старатели сейчас злые, они могут весь прииск по ветру

пустить! Пусть малость успокоятся. А пока я хочу сообщить обо всем в Петроград...

— Разве Касьянов опять в Петрограде?

— Да нет, это я его компаньонов хочу поставить в известность, — Накышев грузно заворочался в кресле. — Слать телеграммы нашему хозяину пока нет никакого смысла. Во-первых, он еще болеет, лежит в больнице... Во-вторых, нам от него помощи все равно не дожидаться, если бы даже он был здоров. Он человек с большими странностями... Сегодня он идет на все уступки рабочим, а завтра он может подарить им весь прииск! Он может выкинуть что угодно, этот блаженный!.. На Кэжэн нам тоже теперь надеяться нельзя, там такая же чехарда, гляди, и похуже, чем у нас... Вот я и сижу, ломаю голову, как нам выйти из положения, потому что без постоянной охраны нам больше не обойтись...

— Мудрые слова, Гарей Шайбекович, — с готовностью согласился Нигматулла.

В коридоре послышались чьи-то громкие голоса, грохот сапог, дверь без стука распахнулась, и в кабинет вошли несколько вооруженных винтовками старателей во главе с Кулсубаем и Хисматуллой.

— Это что еще за новости? — крикнул Накышев и сунул руку в карман, нащупывая револьвер. — Прошу сейчас же покинуть мой кабинет... Почему не на работе? Кто вам дал право разгуливать в такое время?

— Не горячись, господин управляющий, — снимая кепку и подходя вплотную к столу, сказал Кулсубай, — к вам пришли не бандиты, а представители Совета прииска...

— Какого еще Совета? Какого прииска?

— Нашего прииска, Юргаштинского, — спокойно пояснил Хисматулла. — По решению Совета вы будете теперь работать под его контролем и наблюдением.

— Что за неумные выходки? — то багровея, то покрываясь холодной испариной, проговорил Нақышев. — Не знаю никакого Совета и не нуждаюсь ни в чьей помощи! Пока здесь распоряжаюсь всеми делами я, и никто не имеет права вмешиваться в мои обязанности!

— Так было до сегодняшнего дня, а с нынешнего все будет по-другому, — нисколько не смутившись, все так же спокойно и уверенно продолжал Хисматулла. — Советы созданы с разрешения Временного правительства, и мы сейчас здесь его представляем...

— Да при чем тут Временное правительство? — все более выходя из себя, срывался на крик Нақышев. — Прииск принадлежит не правительству, и я не буду никому подчиняться, кроме его законных владельцев или его компаньонов...

— Как вам угодно, — сухо остановил его Хисматулла. — Тогда мы отстраним вас от должности и поставим на это место другого человека... У вас еще есть время подумать. Если вы придете к разумному решению, обратитесь к Кулсубаю-агаю, он выбран председателем рабочего контроля...

— Но пока вы не смещены со своего поста, вы будете присутствовать при сдаче золота, — сказал Кулсубай. — Пожалуй, лучше всего мы проведем эту операцию здесь, в вашем кабинете...

Нақышев подавленно молчал, лихорадочно соображая, как ему поступить, чтобы не потерять своего достоинства и вместе с тем сохра-

нить за собой какую-то свободу, если все же он вынужден будет смириться с этим неизбежным самоуправством и насилием.

— Я тоже хочу быть при проверке, — подал сиплый от волнения голос Нигматулла. — Я старший десятник...

— Обойдемся как-нибудь без тебя! — не оборачиваясь, бросил Хисматулла. — Твой черед отвечать перед людьми настанет, не торопись! — И жестко приказал вооруженным старателям: — Выведите из конторы!

Мельком выглянув в окно, Накышев понял, что контора и вся усадьба охраняются целым отрядом, в дверях тоже застыли вооруженные рабочие, а несколько человек, подложив под сейф гладкие кругляки, вкатывают его в кабинет. Кто-то из них принес и поставил на стол весы, молча появился в кабинете молодой паренек в черных нарукавниках, недавно принятый в помощники кассиру, и Кулсубай, достав из нагрудного кармана ключ, открыл сейф...

Сердце Накышева сжалось, ему чуть не стало дурно, но он кое-как овладел собой и опустился в кресло. Он работал почти машинально, повторяя за пареньком цифры и сверяя их с записями кассира.

«Нашел кому довериться! — не переставал он ругать себя. — Разве может самая изворотливая хитрость заменить настоящий ум? Никогда!.. Он ловкий, когда нужно залезать в чужой карман, но становится дурак дураком, когда нужно действовать в сложных условиях».

Когда все золото было взвешено и заактировано, Кулсубай положил перед управляющим ручку.

— Подпишите этот документ!

— Какое значение имеет моя подпись, если вы насилуете мою волю?

— Этот акт вы были бы обязаны подписать при любых обстоятельствах, как человек, отвечающий за весь прииск, — заметил Хисматулла, все время молча и, казалось, безучастно сидевший у окна.

— Ну, извольте, — как бы уступая нажиму, покорно согласился Накышев.

Рука его мелко и противно дрожала, пока он, как малограмотный, корябая бумагу, выводил свою фамилию. Вот его подпись придавили промокая, мраморным пресс-папье, и Накышев не сдержал глубокого вздоха.

— Ну вот, теперь полный порядок! — Хисматулла выпрямился у окна. — А сейчас вы должны сказать — будете ли исполнять обязанности управляющего?

«Интересно — отдадут они мне ключи? — подумал Накышев и тут же снова обругал себя: — Ты тоже выжил из ума, старый осел! Тебе чуть ли не надели наручники и не закрыли, как мышь в мышеловке, а ты еще надеешься быть хозяином положения! Какой абсурд!»

— Что же вы молчите? — повторил свой вопрос Хисматулла. — Будете работать или увольняетесь?

— Хорошо, пока поработаю. — Накышев не смотрел на старателей. — У меня сейчас нет других предложений... А без дела мне сидеть непривычно и тяжело... Но я хотел бы знать условия!

— Условия те же, что и были, никто не собирается вам снижать плату за труд, и никто не собирается командовать вами, когда дело касается ваших хозяйственных распоряжений. — Хисматулла оглянулся на старателей, лица ко-

торых сейчас были суровы и вместе с тем значительны, словно само присутствие при этой операции и этом разговоре возлагало на них особую, никогда еще не переживаемую прежде, ответственность. — И не вздумайте играть с нами в прятки! Наступили иные времена, и вы обязаны с ними считаться...

— Я хорошо это усвоил сегодня. — Накышев даже позволил себе разжать в улыбке бледные губы.

— Рабочий контроль не будет вас обижать, господин управляющий, — сказал Кулсубай. — Мы хотим только, чтобы вы в первую очередь отстаивали интересы рабочих... Наше дело — следить за тем, чтобы все было справедливо, все было по-честному!

Сейф снова перетащили в другую комнату, где окна уже были заделаны железными решетками, поставили в коридоре старателя с винтовкой, и кабинет вдруг опустел, точно тут и не толпились целый день люди, точно все это привиделось Накышеву в кошмарном сне...

«Нст, видимо, я что-то не до конца понимаю, — расхаживая из угла в угол по комнате, размышлял он. — Еще год — какое там! — месяц назад эти зимогоры не решились бы без особого разрешения переступить порог моего кабинета, тем более дерзить. А сейчас они даже не дерзят, они просто требуют, командуют, будто наперед знают, как будут развиваться события и на приiske и во всей стране... Может, я старею, и что-то прошло мимо меня, и я не заметил этого, что, вероятно, почувствовал тот же Касьянов. Какой бы он ни был идеалист, он видит, наверное, то, что недоступно мне... Однако поздно меняться, поздно! И пока меня на самом деле не пустили

в расход, я должен действовать, и действовать без промедления. Да, рискованно, да, опасно, но у меня нет иного выхода! Я обложен и зафлажен, как волк в лесу, и мне через эти флажки не перескочить, если я не разорву где-то всю цепь... Они считаются сегодня со мной потому, что я им нужен, а кто скажет, как они поступят со мной завтра? Кто?»

Он постоял у открытой форточки, жадно и глубоко дыша, вытащил из ящика стола спасительный штоф, отхлебнул немного, зажег лампу и грузно опустился в кресло.

«Придется звать этого шакала, — раскладывая бумаги, с грустью подумал он. — И верить ему ни в чем нельзя, может продать в любую минуту, лишь бы выгородить себя, но и звать больше некого!.. Один, совсем один!»

Нигматулла не заставил себя долго ждать — прибежал растерянный, жалкий, таким его управляющий еще не видел никогда. Нижняя губа у него отвисла, левый глаз дергало нервным тиком, голос сипел и срывался.

— Я уж думал, что и в живых вас не застану, Гарсей Шайбекович...

— Рано хоронишь, значит, долго жить буду, — сказал Накышев, стараясь держаться все с той же свободой и внушительностью, как и раньше, точно ничего не произошло за этот день. — Однако скрывать от тебя ничего не буду — положение такое, что хоть бросай все и удирай... Мы находимся в полной власти этих голодранцев!

— Да уж взяли волю, страшно подумать, — кивал Нигматулла. — Может, самому поджечь свое добро и сгореть вместе с ним?

— На тот свет мы еще успеем, нужно на этом удержаться и не выпустить вожжи из рук. — Накышев развязал тесемки кожаной папки, подал знак, чтобы десятник придвинулся ближе, и понизил голос до шепота: — Необходимо срочно отправить три депеши, одну Касьянову...

— А этому зачем? Чтоб керосину в огонь подлил?

— Он пока наш хозяин и от должности нас не отстранял, мы не имеем права с ним не считаться, — охладил пыл десятника Накышев. — Мы еще не знаем, какой оборот примет дело, и обязаны учитывать любой поворот в событиях...

— Но вы же утром сами сказали, что от него пользы, как от козла молока...

— После утра был день, а сейчас вечер, — Накышев многозначительно помолчал. — Касьянов человек неожиданный, и что вы будете делать, если он завтра вдруг появится на прииске и начнет всем распоряжаться? Вы что, забыли, как мы один раз его уже похоронили, а он свалился нам, как снег на голову...

— Все может быть, Гарей Шайбекович...

— Вторую — компаньонам в Петроград, чтоб они испугались, что могут потерять весь прииск. Ведь если они не окажут нам военной поддержки, я тогда на самом деле умою руки и сниму с себя ответственность...

— А третью? — напомнил Нигматулла.

— Казачьему атаману Дутову, чтобы он прислал свою часть и навел тут порядок, покончил со всякого рода Советами и рабочими контролями... Иначе все рухнет! Пропадет и золото, и мы вместе с ним, не говоря уже о том, в чьи руки перейдет власть! Нужен небольшой толчок, чтобы все провалилось в преисподнюю!

— Все так, все так, — понурившись, согласился Нигматулла. — Но где ж взять надежных людей, чтобы отправить эти депеши? Тут нужно до самого Оренбурга гнать...

— Вся надежда на тебя. — Накышев даже коснулся своей рукой до руки десятника. — Нашел же ты каких-то охотников, чтоб увести сейф?

— Мелкие ворюги, карманники базарные! — Нигматулла сплюнул. — Один клялся, что по сейфам большой специалист, а как увидел сейф, давай его ломом бить... Не-ет, тут если не подыщу никого, придется самому ехать... Страшно только дом оставлять, поджечь каждую ночь могут...

— А что тебе дороже — дом или жизнь?

— Да тут выбирать нечего, все ясно, — Нигматулла аккуратно сложил депеши, спрятал за пазуху. — Теперь так — или мы их скрутим, или они нас...

— Будь только тысячу раз осторожен, — шептал, провожая его до дверей, Накышев. — Они следят за каждым нашим шагом... Ну, удачи тебе!

...Неизвестно кем пущенные, но через два дня по прииску поползли слухи, что скоро в поселок приедут для усмирения казаки атамана Дутова и все, кто грабил и поджигал лавки, кто вступил в дружину и взял в руки оружие, будут жестоко наказаны.

Хисматулла и Кулсубай ходили по баракам и землянкам, как могли, успокаивали старателей, но их мало кто слушал, и лишь немногие соглашались с ними отстаивать прииск всеми силами, готовиться к сражению. А если сил не хватит, сниматься и всем поселком уходить в

лес, чтобы переждать лихое время и в случае чего — вступить в бой в горах, где гораздо легче отразить любой натиск карателей. Большинство же рабочих, напуганное предстоящей расплатой, отмалчивалось — они чаще слушали своих жен, которые уговаривали их выйти из дружины, но винтовки пока не сдавали, хотя и не являлись на сборы дружины.

Прииск замер, притих, жил затаенной, тревожной жизнью, как перед надвигавшейся страшной грозой...

Часть вторая

I

Шли частые, холодные дожди. Дорога превратилась в тяжелое месиво, лес высветился, и далеко сквозь темные мокрые ветки видны были кисти рябин и красные ягоды шиповника. Уже выпал один раз снег, но тут же растаял. Раскачиваясь, висели на сережках ольхи маленькие чечетки, мягко свистели синегрудые северные снегири, небольшими стайками взлетали над кустами белогрудые пуночки. В осинниках обгрызали кору величавые лоси, на лугах, у копен сметанного сена, в вечеряющих сумерках рыскали лисицы.

У подножья пологих гор рядом с Юргаштами всю ночь горели костры, слышалось звяканье лопат — здесь недавно нашли новую жилу. Даже ночью, не обращая внимания на то, что часть золота в темноте уносило вместе с песком, промывали породу в ледяной воде вашгердов и деревянных желобов промерзшими, красными руками, лишь время от времени подбегая к кострам,

чтобы обогреться. Спать тоже ложились поближе к огню. Красные блики горели на усталых лицах старателей, наскоро построенные шалаши не спасали от резкого ветра.

Кулсубай, не спавший уже около двух суток, неподвижно сидел у костра, полузакрыв глаза, подставив лицо наплывающему теплу.

— Зря ты не веришь мне,— говорил присевший рядом на корточки Сафуан. — Зря от своих откалываешься... Посмотри, как красиво горит, а?

— Да, красиво,— как эхо, отозвался Кулсубай.

— Вот так скоро и наши деревни гореть будут. — Не отрывая глаз от огня, Сафуан вздохнул и поплотнее закутался в тулуп. — Заберут они у нас все, как наши праздники забрали, как наши земли, если все башкиры и дальше будут у них на поводу идти...

— Опять ты за свое,— поморщился Кулсубай. — Земли, праздники — это все прошлое и сказки, к настоящему это никакого отношения не имеет. А Михаила я проверил — верный он человек, правдивый. Первому, кто мне про него худое слово скажет, язык вырву и в глаза плюну!

— Да разве я про Михаила тебе говорю? — покачал головой Сафуан. — Михаил, может, и сам не понимает, в какое дело ввязался. У него слова с делом не расходятся. Он вправду, наверно, неплохой человек. Ты лучше на других посмотри. Вон те же старатели на прииске, как они к нам относятся? Искоса смотрят, исподлобья, как на чужих!

— А мы на них? — возразил Кулсубай.

— Вот и я говорю! — Сафуан вытянул руки

к огню. — Мы тоже должны подальше от них держаться. Чтобы грело, да не жгло!

— Да пойми ты, мы без них ничего не сделаем! — горячо воскликнул Кулсубай.

— А ты пробовал? — Сафуан усмехнулся. — А не пробовал, так сиди и молчи! Сами они для себя еще хорошей жизни не сделали... Думаешь, отдадут они ее нам, если для себя свободы добьются? Как бы не так! Держи карман шире! Не зря они сейчас подговаривают нас в лес идти, если уйдем, по-моему, самая большая наша ошибка будет. Казаков пока не видно что-то, а русских — полно, стоит нам уйти — займут наши дома, и дело с концом!

— Хватит об этом, — попросил Кулсубай.

— Я знаю, почему ты так к русским тянешься. — Сафуан потянулся и зевнул. — Все из-за Маши, которая тебе жизнь отравила. Который год ждешь се, ищешь и надеешься, что русские тебе помогут...

— Не надо, — снова попросил Кулсубай.

— Ладно, пойду в шалаш, сосну малость, — зевнул Сафуан. — О-ох, только во сне хорошую жизнь и вижу...

Он поднялся и вразвалку зашагал к шалашу.

Кулсубай мрачно посмотрел ему вслед.

«Совсем я запутался, — тяжело вздохнув, подумал он. — С одной стороны, вроде Михаил все правильно говорит, а с другой — и в словах Сафуана своя правда есть... Давно Михаил на приiske не появлялся, наверно, с месяц мы уже не разговаривали... Конечно, это чепуха, что они наши дома займут, но что будет в лесу с детьми и женщинами! Что мы будем есть? Нет, нельзя уходить, нельзя отступить...»

По небу плыли серые тяжелые облака, изредка открывая черно-синие полыньи с яркими блес-

тящими точками звезд. Ветер то утихал, то с новой силой набрасывался, пробираясь в рукава и за воротник тулупа. Кулсубай подбросил хвороста в костер и зябко поежился.

— Что, замерз? — кто-то хлопнул его по плечу.

Кулсубай обернулся.

— Так и напугать можно, — сердито сказал он. — Ты что это, как кошка, подкрадываешься?

— Это не я подкрадываюсь, а ты так размечтался, что хоть вяжи тебя — не заметишь! — рассмеялся Хисматулла. Но лицо его тут же стало серьезным, и он присел на корточки рядом с Кулсубаем. — Есть слухи, казаки близко, мои ребята в лес уходят, все согласны. Я думаю, и тебе надо с людьми поговорить, другого выхода у нас нету — оружия мало, да и сил столько не наберется, чтобы сопротивляться.

— Да я уж говорил, — махнул рукой Кулсубай. — Пустое дело! Ты же знаешь старателей, как найдут жилу — за уши не оттянешь! Никуда они не пойдут...

— Все-таки попробуй еще разок! Они, по моему, только тебя и слушают, ведь если солдаты придут, разве смогут они спокойно мыть это золото? Только зря кровь прольют!

— Все-таки заячье у тебя сердце, даром что солдат! — вспылil Кулсубай. — И за что ты свою медаль получил? Раньше ты не такой был, по лесам не прятался, сам голову в петлю совал! Я так думаю, что не надо нам никуда уходить, а придется и с казаками столкнуться — найдем оружие!

Хисматулла покраснел и опустил голову. Ему всегда было трудно разговаривать с Кулсубаем, упрямство которого и неожиданные вспышки гнева злили до такой степени, что он еле сдер-

живался. Однако он каждый раз крепился, вспоминая, что говорил о Кулсубае Михаил, боялся оттолкнуть его от себя ненужной резкостью.

— Хороший ты человек, Кулсубай, только вспыльчивый... Я ведь помню, как ты вел себя после обвала на фишеровской шахте; сколько ты тогда с управляющим ругался!.. Конечно, по тем временам это большой смелостью было, только ведь и смелость должна быть разумной. Рано нам сейчас идти в наступление. Ну, посуди сам: что мы можем сделать с казаками? Против винтовки с топором не пойдешь, люди на прииске еще по-настоящему пороку не пюхали, с оружием обращаться не умеют. Рассеем все силы, и они нас перебьют поодиночке...

— Легко тебе рассуждать! — хмыкнул Кулсубай. — У тебя, кроме матери, никого нет, а у людей — семьи, голодные дети. Так что же, бросить их, по-твоему? Был бы я один, ушел бы, а детей бросать не хочу, и другие не захотят!

— Если казаки здесь бойню устроят, еще хуже будет, можешь быть уверен! О дутовцах земля слухом полнится — всех расстреливают, никого не щадят, ни жен, ни стариков, ни детей! А под этот шум и золото из сейфа уплывет... Думаешь, почему его до сих пор не отправили? Если б не кассир, его бы уже и в помине не было!

— Ну ладно, уйдем мы в лес, а что мы там жрать будем? — упрямо допытывался Кулсубай бай.

— А мы сейф с собой прихватим. Пока золото есть, с голоду не умрем...

Кулсубай задумался, рассеянно помешивая угольки деревянной лопаточкой. Хисматулла подкинул в костер несколько веток. Юркие огоньки

побежали по ним, с жадностью облизывая каждый сучок.

— Ладно, иди домой, — наконец сказал Кулсубай. — Посоветуюсь еще с людьми, поговорю, послушаю, что скажут. В случае чего я здесь буду...

К утру подморозило, и шагать обратно в деревню было уже не так трудно. Ветер бил в лицо, и на открытых местах Хисматулла горбился, пытаясь спрятать голову в воротник шинели.

«Все-таки трудно с ним, какой-то он неустойчивый, то и дело за локоть держать надо, — думал он. — Объясняешь-объясняешь — вроде понял человек, а потом — бац! — опять в сторону пошел, и мотает его, как листок на ветру... Эх, не хватает здесь Михаила! У него такие разговоры лучше получаются, как-то умеет он человеку в самую душу заглянуть, самое нутро задеть... И вправду на фронте проще было. Главное — сразу ясно, кто друг, кто враг, и думать не надо!..»

Мать не спала. Хисматулла молча выпил чаю и растянулся на нарах. Днем мысли о Нафисе почти не приходили к нему, некогда было, но к вечеру, стоило ему остаться одному, как снова с живостью вставали перед глазами беспомощные, тихо вздрагивающие плечи, безнадежный плач отчаявшейся женщины, и казалось, что никому и никогда не будет хорошо на этом свете, если он не сделает ее счастливой. Он представлял себе, как приходит за пей, берет на руки и несет через березняк все дальше, дальше, и она, успокоенная, засыпает у него на руках, как ребенок, а он идет и идет, не зная усталости, не чувствуя тяжести, на вершину горы, где звенят все лето голубые колокольчики, где бьются грудь в грудь молодые жеребцы весной, где ды-

шится так вольно и легко, и воздух всегда прозрачен...

— Эй, Хуснутдинов Хисматулла здесь живет? — слышалось за дверью.

Сайдеямал, кряхтя, поднялась с постели.

— Погоди, мама, я сам, — сказал Хисматулла.

— Да я уж встала, — возразила Сайдеямал.

— Говорят тебе, не подходи к двери!..

— А что случилось? — Глаза матери испуганно расширились.

— Тихо! — Хисматулла накинул шинель и подошел к дверям. Сайдеямал осторожно присела, прижав руки к груди.

— Кто здесь? — спросил Хисматулла. — Что нужно?

— Хуснутдинов здесь живет? — повторил человек за дверью.

— А на что он вам?

— Письмо у меня к нему с Кэжэнского завода, от Михаила...

Хисматулла облегченно вздохнул и щелкнул задвижкой.

В раннем утреннем свете фигура незнакомца казалась слегка размытой. Хисматулла взгляделся.

— Никак это ты, Зинат?

— Я, — смущенно отозвался конюх.

— А ты разве больше у Накышева не работаешь?

— Давно уже...

Зинатулла снял папаху, вынул из нее помятый конверт и протянул Хисматулле.

— Спасибо, — кивнул Хисматулла. — Садись, выпей чаю.

— Не могу, спешу...

— Ответа не надо?

— Да вроде про ответ разговора не было, — Зинатулла махнул рукой и шагнул к двери.

— Спасибо! — крикнул ему вслед Хисматулла.

Он снова запер дверь, зажег лучинку и в неверном трепетном свете ее распечатал конверт. Сайдеямал сидела тихо, как мышь, глаза ее, не отрываясь, следили за лицом сына.

— Что-нибудь плохое? — наконец не выдержала она.

— Нет, мать! Ничего плохого теперь не будет, запомни мои слова!..

— Ты не обманываешь меня? — все еще тревожилась старушка.

— Да что ты! — Хисматулла подошел к матери, обнял ее и вдруг, хохотнув, поднял и закружил, напевая: — «Ух ты, моя мамочка, ух ты, моя родная!..»

— Ты с ума сошел! — слабо отбивалась Сайдеямал. — У меня голова закружится...

Хисматулла осторожно посадил мать на нары:

— Поспи еще! Я скоро приду.

— Дурной ты у меня, — покачала головой Сайдеямал. — У всех дети как дети, а ты прямо не знаю, в кого вырос.

— В отца да в тебя, в кого же еще? Или, может, я ошибаюсь? — отшутился Хисматулла.

— Дурачок! — смутилась Сайдеямал. — Вечно какую-нибудь чушь придумываешь или скажешь что-нибудь такое, что не знаешь, как тебе и ответить... Куда хоть идешь-то?

— Сказал тебе: спи! — весело ответил Хисматулла, продевая руки в рукава шинели.

На улице уже было совсем светло. Хисматулла почти бегом добежал до дома старосты

и, потирая рукой озябшее ухо, забарабанил в дверь.

В окне на мгновение появилось заспанное испуганное лицо старосты. В сенях закрипели половицы.

— Ты что это раньше намаза поднялся? — недовольно проворчал Мухаррам. — Горит, что ли, где?

— Давай собирай людей на сход! — весело сказал Хисматулла.

— В такую рань? — удивился Мухаррам. — Зачем?..

— Делай, что говорят!

Хисматулла неожиданно сделал сердитое лицо и толкнул Мухаррама в грудь.

— Да что с тобой? — опешил Мухаррам. — Или тебя начальником сделали? С какой это стати ты мне приказываешь? — Бородка его тряслась, маленькие глазки напряженно бегали по сторонам.

— Быстро, ноги в руки! — Хисматулла становился все строже. — Точно тебе обещаю: если после намаза сход не соберешь, плохо будет!

— Да что ты меня пугаешь? Что случилось? — совсем растерялся Мухаррам. — Я и не успею так быстро людей собрать.

— Успеешь, попроси Загита и Акназара, они помогут, скажи, что я просил! А что случилось, узнаешь, как и все, на сходе! Понял?

Староста пожал плечами, но Хисматулла уже повернулся и быстро зашагал прочь.

— Эй!.. Хоть что-нибудь скажи! — умоляюще крикнул Мухаррам, но Хисматулла только прибавил шаг.

«Не человек, а шайтан, — подумал староста, тревога все больше охватывала его. — Надо, по-

жалуй, прежде всего с Хажисултаном посоветоваться...»

Хажисултан выслушал старосту внимательно и как бы равнодушно, пальцы его машинально закручивали кольцами круглую бородку. Камзол его был расстегнут, в прорезь рубахи видна была волосатая грудь.

— Я так и не понял, что же он все-таки сказал? Может, солдаты прибывают?

— Кажется, он сказал, что какой-то большой начальник едет, — староста покраснел и отвел глаза.

— Откуда? Из Оренбурга?

— Кто его знает... — развел руками староста.

— А зачем он приезжает, тоже неизвестно?

— Да он у меня и минуты не пробыл, прибежал запыхавшись, — и тотчас на прииск, чтобы встречать, — соврал староста.

— Мог бы и спросить, — недовольно проворчал Хажисултан. — Глупая у тебя голова, Мухаррам. И за что тебя старостой выбрали?

— Что же мне теперь делать? — опустил голову Мухаррам. — Может, не стоит людей собирать?

— Собрать — собери, только в первую очередь пусть все наши туда сойдутся. И скажи, чтоб наготове были, а то будут стоять, рты разинув, как в тот раз. Ежели что не так, то это хороший случай, чтобы проучить и Хисмата, и всех этих голопузых!

— Да как же я успею? — чуть не плача, сказал Мухаррам. — Он сказал, чтоб после намаза, у меня же не десять ног, чтоб за это время всю деревню обежать!

— Должен успеть! — усмехнулся Хажисултан, поглаживая бородку. — Впрочем, я могу дать тебе хороший совет. Знаешь, где живет Сул-

тангали, сын Хакима? Я думаю, он тебе поможет. Правда, даром он никогда ничего не делает, но и хорошая служба, говорят, дружбой не оплачивается!..

К концу утреннего намаза деревенская площадь было полна народа. Люди стояли кучками, топали ногами, стараясь согреться, тихо переговаривались. Из конца в конец площади метался Загит, спрашивая:

— Не знаете, что стряслось? Может, война кончилась?

— Ну, из-за этого не стали бы собирать, — уныло ответил старик Файзрахман. — Небось опять какой-нибудь налог придумали.

— А может, уже и последних стариков решили на войну забрать! — съязвил Киньябулат.

А Хисматуллы все не было.

— Пора костер развести, — сказал Гайзулла. — Или, может, сбегает домой, чайку попьет?

— Какой там чаек? Хочешь все пропустить? — оборвал его Загит. — Он передал, чтоб мы были все наготове!

— Уж ты-то ничего не пропустишь, это ясно! — расхохотался Киньябулат. — И вообще не понимаю, зачем мы здесь стоим, кого ждем, когда у нас Загит есть? Давай, джигит, начинай, ты ведь у нас лучше соловья поешь, таких речей, как у тебя, никому из нас и во сне не услышать!

— Айда, Загит, не заставляй людей ждать, — поддержал его Усмангали.

Загит покраснел и уставился в землю. Люди вокруг него смеялись, шутка перелетала, будто несомая ветром.

— Эй, Загит, иди сюда! Хоть словечко вымолви, согрей душу!.. — крикнул кто-то сзади.

— Да кто вы такие, чтоб он к вам подходил?.. — кривлялся Киньябулат.

— Оставьте его в покос! — Акназар обнял Загита за плечи. — Вы что, для этого сюда собрались?

— Едет! — крикнул Ягуда-агай.

Впереди, на дороге, показался быстро приближавшийся всадник.

— Кажется, это Хисматулла, — неуверенно сказал старик Файзрахман.

— Точно, он! А почему у него на рукаве какая-то красная тряпка? — удивился Усмангали.

Подъехав, Хисматулла резко осадил лошадь и спешился.

— А где же начальник? — насупившись спросил Хажисултан-бай.

— Какой начальник? — удивился Хисматулла.

— Разве мы здесь не начальника ждем? — прищурился Мухаррам, стараясь не глядеть на Хажисултана.

— Ах, вы начальника ждете? — усмехнулся Хисматулла. — Ну, тогда я и есть начальник! Что, не нравится?

— Он издевается над нами! — пожал плечами Хажисултан, с недоумением оглядывая стоявших кругом людей. — Собрал всех и держит на морозе! Разве так поступают люди, уважающие обычаи дедов?

— Еще не известно, что это у него за тряпка! Может, он ею шайтана зовет! — поддержал его мулла.

— У Шарифуллы-дурачка научился! — фыркнул Султангали. — Тот тоже все цепляет на себя!

Не слушая их, Хисматулла пробрался к крыльцу и поднял руку. Люди притихли.

— Товарищи! В Петрограде революция! — крикнул Хисматулла.

— Как? Опять революция? — изумился Киньябулат. — Сколько же их теперь будет?

— Я думаю, эта — последняя! — твердо сказал Хисматулла. — И война теперь скоро закончится, нет больше Временного правительства, которое ее поддерживало!

— А какое же теперь правительство? — осторожно спросил Ягуда-агай.

— Наше теперь правительство! Вся власть перешла в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов! А во главе нашего правительства стоит человек, который понимает все наши заботы и тревоги, всей душой болеет за бедняков, и зовут его — товарищ Ленин!

— Тот самый, о котором Михаил говорил! — радостно вскрикнул Загит.

— Врет он все! Не слушайте его! — побледнел Хажисултан.

— Я сейчас вам прочитаю телеграмму, специально за ней на прииск ездил, — Хисматулла расстегнул шинель, вытащил небольшой лист бумаги и откашлялся. — «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян! Военно-Революционный Комитет при Петроградском Совете рабо-

чих и солдатских депутатов, 25 октября 1917 года в десять часов утра».

— Значит, и вправду кончится теперь война, вернется мой сынок, — вздохнул Файзрахман.

— И не только твой! Все вернутся! — улыбнулся Хисматулла. — И земля теперь наша! И на прииске нам теперь не гроши платить будут, а столько, сколько мы в самом деле зарабатываем! Новое время наступило, наше! Все — наше!..

— Может, и табуны мои — ваши?! — усмехнулся Хажисултан.

— И табуны, — спокойно ответил Хисматулла. — Ты что, не слышал того, что я читал? Или разучился человеческий язык понимать? Все будет общее, все разделим пополам!

— Пусть аллах пошлет тебе тысячу лет жизни за этот праздник, даже если это только слова, — прошептал старик Файзрахман.

— Человеческий язык я понимаю, а ваш, голодранский, мне ни к чему! — взорвался Хажисултан. — Попробуйте только пальцем тронуть мое добро! Вот придут казаки, узнаете тогда, кто здесь хозяин!

Он резко повернулся и зашагал к дому.

— Фью-ю! — засвистел ему вслед Киньябулат. — Видно, скоро нам придется рылом землю копать! Или, может, ты меня вместо пыжа в ружье забьешь?..

Сакмаевцы засмеялись. Староста Мухаррам растерянно глядел то на уходящего Хажисултана, то на Хисматулла, не зная, в какую сторону податься.

— Да, много слов было сказано с этого крыльца, а такого я еще не слышал, — покачал головой мулла Гилман. — Конец свету, конец свету!..

— Заткнись, жирная ворона! — крикнул Гайзулла. — Не свету конец, а твоему толстому пузу!

Всеселье, как опьянение, охватило людей. Они обнимали друг друга, многие побежали домой, чтобы переодеться в праздничные камзолы.

— Выйдем все на улицу! Как не праздновать радости в такой день? — сорвав с рукава Хисматуллы кусок красного полотна и размахивая им над головой, словно гонял голубей, кричал Загит.

— Что ж ты замолчал, Гайзулла! Такому празднику нужна песня, новая песня! — сказал Акназар.

Откуда-то появился курай, его передали появившемуся на ступеньках Зинатулле.

Как вдали Кэжэи прозрачная блестит,
Вокачь несется, плещет светом на заре,
Так сегодня наша улица гудит.
Знамя пляшет, словно вестер на заре.

Льется радость через край.
Ярче солнца, наше знамя, полыхай!
Смейся, ивушка, над вольною рекой!
Пой, соловушка, и, жаворонок, пой!

— Хорошая песня, замечательная песня! — восторженно сказал Хисматулла. — Совсем наша песня! А можно еще раз?

Красное знамя полыхало в руках у Акназара, хлопая на ветру. Зинатулла, Гайзулла и Загит тоже повязали рукава красными полосками, разорвав кусок ткани на ленточки. К площади стали подходить женщины в узорчатых платках и шальях, в камзолах с монистами. Некоторые сакмаевцы подъехали верхом на лошадях.

Мы у баев отобрали нынче власть,
Как же нам теперь не радоваться всласть?
Смейся, ивушка, над вольною рекой!
Пой, соловушка, и, жаворонок, пой!

Казалось, стало теплее и ветер уже не так пронизывает. Даже воды блестевшей невдалеке Кэжэн, отливавшие сталью на осине и прибрежных тальниках, выглядели по-другому. И горы, со всех сторон подступившие к Сакмаеву, казалось, вытянулись вверх и встали неподвижно с торжественными лицами, как солдаты в строю.

Площадь была полна народу. Пели дети, пели старики и женщины. Акназар и Хисматулла, стоя под знаменем, переглянувшись, запели:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

На дороге, ведущей от прииска, показались. Не переставая петь, сакмаевцы медленно повязками на руках.

— А это кто? — удивился Загит.

— Это прииск к нам в гости идет, — с гордостью ответил Хисматулла, — братья наши идут, чтобы радоваться вместе с нами. Выйдем к ним навстречу, товарищи!..

Не переставая петь, сакмаевцы медленно пошли навстречу старателям, впереди которых выступал со знаменем Мутагар. На полдороге людские потоки слились — кто-то плакал, лица светились радостью и надеждой.

Кулсубай и Хисматулла обнялись.

— Прости, браток, что я тебя обижал, — растроганно сказал Кулсубай. — И вправду у меня горячая голова!

— Брось ты! — хлопнул его по плечу Хисматулла. — Одно у нас дело, одна общая забота,

и не время сейчас ссориться! Знаешь, как сейчас наши враги затаились? Они еще поднимут голову, и нам нужно быть готовым ко всему...

II

Хуппиниса разложила вымытую посуду для просушки и укоризненно смотрела на Гульмадину и Шахарбану, которые метались от окна к окну.

— Ай-хай, как вы себя ведете? Зачем вы радуете людей, которые вас ненавидят?

— Да нас и не видит никто! — возразила Гульмадина. — Подумаешь, в окно посмотреть нельзя без разрешения!

— А чего вы там не видели? Взбесились голодранцы, совсем их, несчастных, шайтан попутал! Дед Шаяхмета, мой покойный свекор, знаете что говорил? Он говорил, что, когда наступит конец света, род человеческий смешается с нечистыми духами, и в этот день они будут ходить по улицам и кричать. Кто будет их слушать — тот оглохнет, а кто будет на них смотреть, у того на лбу рога вырастут!..

Бибисара не вмешивалась в разговор старших жен. С тех пор, как умер ее ребенок, она ходила как во сне, лицо ее стало белым и вытянулось; хрупкая, маленького росточка, она казалась теперь совсем девочкой.

— Нельзя все время думать о горе, доченька, пожалей себя, — уговаривала ее Хуппиниса. — Дети родятся и умирают, а мир не меняется. Все в воле аллаха...

Но Бибисара молчала, лишь изредка говорила «да», «нет» и снова замыкалась, уходила в свои мысли.

— Опять ты не ела сегодня! — повернулась к ней Хуппиниса. — Посмотри на себя — тебя уже переломить пополам можно... Может быть, хочешь кислого молока?

Бибисара покачала головой.

— Я просила у аллаха, чтобы он вернул тебе покой, — продолжала Хуппиниса, — и чтобы хозяин наш был жив и здоров. Если он будет здоров, аллах пошлет тебе еще тридцать сыновей!..

Гульмадина прыснула в кулак.

— Думаешь, Бибисара из-за ребенка горюет? Как бы не так! Ей сейчас не до ребенка и не до отца Шаяхмета...

— Только похитрей нас будет! Ежели смотрит в окно, то украдкой, — фыркнула Шахарбану.

— Ну и языки у вас! — осуждающе посмотрела на них Хуппиниса. — Наверно, во всей деревне таких злых языков не найдется!

— Языки?! — вскочила Гульмадина. — Думаешь, мы слепые? Ты думаешь, что твоя Бибисара такая уж чистенькая, будто ее белая корова с утра до вечера вылизывает? А нас не проведешь! И нечего так смотреть! Уже все знают, как придет к нам во двор этот недоносок, ворона хромая Гайзулла, так она не то что в окно смотрит, а бежать за ним готова!

— Отчего же не посмотреть на хорошего человека? — сказала Хуппиниса. — Почему у тебя только худые мысли в голове?

— Ты ее всегда защищаешь? — Шахарбану капризно скривила губы.

— И не только на Гайзуллу, на Загита тоже смотрит! — засмеялась Гульмадина. — Заметила, как он часто стал ходить к нам? То какого-то работника ищет, то ему еще что-нибудь нужно,

а сам все на Бибисару зыркает, словно у него не два глаза, а целых двадцать!

— Ну, хватит! — рассердилась Хуппиниса. — Что вы на нее напали?

Бибисара, как бы не слушая их, молча сидела на краешке нар. Лицо у нее было чужим и отрешенным. Руки были сложены на коленях, в ушах прозрачными льдинками поблескивали сережки.

— Ишь ты скромница! — взглянув на нес, передернула плечами Гульмадина. — Поглядите на нее! Молчит, словно воды в рот набрала, как будто все это ее не касается! — Гульмадина подбоченилась и грудью пошла на Хуппинису. — И нечего мне рот затыкать! Только на нас баю наушничает, а про нее все скрываешь!

— Хорошо, теперь скажу, — спокойно ответила Хуппиниса. — Про всех скажу и про тебя тоже.

— А что ты можешь про меня сказать? — насторожилась Гульмадина.

— Тебе лучше знать, — усмехнулась Хуппиниса. — Думаешь, у меня глаза за тобой не смотрят? Я уже давно заметила, что с тобой бывает, когда ты мимо Совета идешь!..

— Заткнись, надоело! — грубо оборвала ее Гульмадина. — Только и знаешь, что ссориться! А еще старшая жена! Нет чтобы поговорить с нами по-хорошему...

— И вправду, можно и по-хорошему, — согласилась Хуппиниса. — Поумнеть только тебе для этого надо...

Гульмадина подсела к Шахарбану и больше не возражала. Хуппиниса расстелила коврик на нарах и стала готовиться к полуденному намазу.

Мысли о Бибисаре не оставляли ее.

«Бедная, бедная, погубили ее молодость, как

и мою, — думала она. — Нет, аллах несправедлив к женщинам... Маленькая еще, совсем не-смышлелыш... Умру я — совсем загрызут ее эти ленивые бабы, весь дом тащить на себе придется». Она вздохнула и принялась читать намаз.

На улице между тем не смолкали песни и смех. Кто-то с силой застучал в тяжелые ворота.

— Эй! Выходите! Или вы не люди, что у вас сегодня праздника нет? Выходи, старый козел! — послышался веселый голос Киньябулата.

— Аллах, покарай его за такие слова, — прошептала Хуппиниса.

Шахарбану и Гульмадина снова приникли к окну.

— Ой, сколько народу! — удивилась Гульмадина.

— Это приисковые пришли, — отозвалась Шахарбану. — Видишь вон того, что красную тряпку держит? Помнишь, он у нас когда-то в знахарях ходил?

— И вправду... Ой, посмотри-ка, в нашу сторону кулаком грозятся!

— А ну, отойдите от окна! Все скажу отцу Шаяхмета! — пригрозила Хуппиниса, но в голосе ее было больше страха, чем строгости.

Гульмадина покачала головой:

— Кому он теперь нужен, отец Шаяхмета, если его даже голодранцы не боятся...

Неожиданно Бибисара, тихо сидевшая в углу, поднялась и стала торопливо одеваться. Отрешенное лицо ее было спокойно, тень улыбки впервые после смерти сына показалась на нем.

— Ты куда это? — опешила Хуппиниса.

— Праздник на улице, — просто ответила Бибисара. — Пойду хоть посмотрю, как люди радуются...

— И не думай! — вздрогнула Хуппиниса. — Если узнает об этом отец Шаяхмета, живого места не оставит!..

— Ну и пусть, — равнодушно сказала Бибисара. — Мне теперь все равно...

— Ты что, с ума сошла? — Глаза Гульмадины стали темными от злости. — Не понимаешь, что он заодно и нас прибьет?

— Мало он нас из-за тебя лупил да из-за твоего выродка! Попробуй только сделай шаг, все глаза выцарапаю! — пообещала Шахарбану.

Бибисара накинула на голову платок.

— Не ходи, доченька, — умоляюще взглянула на нее Хуппиниса. — Пожалей меня...

— Да что с ней церемониться! — крикнула Гульмадина и сорвала платок с Бибисары. — Не пушу, и все тут!

По щекам Бибисары покатались слезы.

— Вы что, белены объелись, что так орете? — внезапно раздался из-за занавески голос Хажисултана-бая. — Что тут у вас случилось? — Он вошел и грозно посмотрел на притихших жен.

— Ничего, отец, ничего, — забормотала Хуппиниса. — Это все наши бабские дела.

— Какие там бабские! — зло прищурилась Шахарбану. — Эта дура собралась на улицу идти, с голодранцами гулять! Осрамить тебя хочет!..

— Ах ты сука неблагодарная! Я тебя с одной козой взял, обул, одел, каждую минуту аллаха за такую жизнь благодарить должна, а ты вон как хочешь отплатить за мою доброту?! А ну, мать, где моя плетка? Сейчас я покажу этой пигалице, что бывает с непослушными женами!

— Ничего я тебе не должна! — с ненавистью крикнула Бибисара. — Мерзкий, не будет тебе

прощения от аллаха за твою злость! Люди с собаками лучше обращаются, чем ты с нами!

В первую минуту Хажисултан онемел от удивления, глаза его сузились, жирные щеки задрожали.

— Ах ты подлюга! Позор на мою голову! — наконец выговорил он и пошел на Бибисару с кулаками.

Глаза Бибисары сверкнули, лицо покраснело. Она отступила назад, растерянно оглянулась и, неожиданно схватив палку, которой Хуппиниса сбивала масло, подняла ее над головой.

— Не подходи! Убью! — закричала она страшным, чужим голосом.

Хажисултан побледнел и, схватившись за сердце, стал оседать на пол.

— Мать... — прохрипел он.

— Что же вы стоите? — подбежала к нему Хуппиниса. — Отец, отец!.. Вот видишь, что ты наделала...

Бибисара, прижавшись к стене, сухими глазами смотрела на происходящее, не двигаясь с места.

— Закрой дверь на замок и никого не выпускай, — прошептал Хажисултан.

Шахарбану и Гульмадина помогли уложить его в кровать и оставили одного. Сердце у Хажисултана колотилось и подпрыгивало, затылок прокалывало маленькими горячими иголочками.

«Какой позор, — подумал он, — что за время наступило! Можно подумать, что деньги уже не имеют силы на этом свете! Где это видано, чтобы жена поднимала руку на мужа? Но ничего, ничего! Вот придут казаки, сразу все на свое место встанет! Уснуть надо, уснуть, а то совсем разболеюсь...»

Но песни и крики, звучавшие под самым окном, не дали ему даже задремать.

«И кто выдумал эти слова? — бессильно сжал кулаки Хажисултан. — Не иначе такой же голозадый, как Хисматулла! С тех пор как он появился, все словно с ума сошли... Люди, которые снимали передо мной шапки даже в самый лютый мороз, нос задирают, а у женщин и вовсе разум помутился. Эх, жаль, не нашлось для него пули на этой войне! А разве мало я ему добра сделал? Разве мало я помогал его матери? Нет, правильно говорили в старину: вырастишь теленка — рот будет в масле, а вырастишь сироту — в крови...»

Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
А паразиты — никогда!..

Песня, казалось, гремела в самой голове у Хажисултана. Он зажал уши пальцами и стал раскачиваться из стороны в сторону, потом попытался молиться, но не смог. Гнев с каждой минутой охватывал его все больше и больше. Не выдержав, он вскочил и, повернувшись к западному окну, в сторону Мекки, подняв над головой руки, закричал:

— Чтоб он сдох, выродок, да падет на него гнев аллаха! Да не увидит он больше ни одного счастливого дня! Помоги, всемогущий, помоги мне!..

— Что с тобой, отец? — испуганно прошептала прибежавшая на крик Хуппиниса.

— Не твоего бабьего ума дело! Иди занимайся чем положено! — сердито ответил Хажисултан. — А что, Шаяхмет не появлялся?

— Пришел, — кивнула Хуппиниса.

— А почему не заходит?

— Я не велела, — растерянно сказала Хуппиниса. — Думала, тебе плохо...

— Еще бы не плохо! — раздраженно выдохнул Хажисултан. — Отчего мне должно быть хорошо? Разве ты не видишь, что творится?

— Вижу, вижу, — торопливо согласилась Хуппиниса. — Так прислать тебе Шаяхмета?

— Пришли, — отвернулся к стене Хажисултан.

Шаяхмет вошел к отцу с грустным лицом.

— Дела плохие, — сказал он с порога. — В Кэжэне еще хуже, чем у нас. Народ на улицах кишмя кишит... Всех урядников и жандармов кончают, купцы в погребах попрятались, хозяина завода ищут...

— Да-а, — протянул Хажисултан, — первый раз в жизни не знаю, что делать. Все удирают, хозяин прииска удрал, царя убрали... Только нам с тобой, сынок, удирать некуда. Здесь наша земля, и придется нам все эти испытания на своих плечах нести... Я уже стар, по-настоящему хозяин этого дома ты, ты и должен бороться против черных сердец, о которых говорил мулла из Оренбурга! Вся надежда моя на тебя, будь достойным имени, доставшимся тебе от меня, а мне — от отцов и дедов нашего рода. Если ты не сохранишь нашего корня, кто же тогда сохранит его? Сам знаешь, я был тебе хорошим отцом и сделал все, что мог, чтобы ты стал ученым человеком. Не многие баи могут похвастаться тем, что их сыновья учатся в Оренбурге. В свое время я заплатил достаточно, чтобы тебя не взяли на фронт, но сегодня ты должен взять в руки оружие. Потому что, если не ты, кто защитит этот дом и наше богатство?

Шаяхмет взглянул на отца. Никогда раньше не приходилось ему видеть его таким жалким и бессильным.

— Скажи, что нужно делать, отец! — горячо сказал он. — Если нужно, головы не пожалею.

— Я верю в тебя, сынок, — попытался ободряюще улыбнуться Хажисултан. — погоди, все еще будет хорошо! Пройдет тяжелое время, и ты будешь здесь самым уважаемым человеком! Тогда найдем тебе невесту из самой лучшей семьи. Уж я в этом толк знаю, можешь на меня положиться, щиколотки у твоей невесты будут тонки, как у жеребенка азазиловской породы, и волосы до пят! Такой дом тебе выстрою, не дом, а дворец! Все будут говорить: смотрите, как счастлив, богат и умен Шаяхмет, сын Хажисултана!.. — Хажисултан причмокнул и задумался.

— Я не понял, отец, что надо делать, — робко сказал Шаяхмет.

— Завтра же скачи в Оренбург, посмотри, что там делается. Поговори, посоветуйся со знающими людьми. Как следует слушай, что говорить будут, загляни к знакомым офицерам, в кадетский корпус зайди... Я тебе письма дам. Пусть помогут нам, скажи, я любые деньги заплачу, пусть пришлют побольше солдат, чтобы уничтожить всю эту падаль!..

В дверь, робко постучавшись, вошла Гульмадина с медным кумганом и тазиком для умывания.

— Ужинать будешь, отец? — не поднимая глаз, спросила она.

Хажисултан молча протянул руки. Гульмадина поставила тазик и, наклонив кумган, тонкой, прозрачной струйкой стала лить подогретую воду на руки мужа.

III

Замерзла быстрая Кэжэн, дни стали короткими и тусклыми. Ветер крутил над дорогой снежные вихри, с лиственниц и сосен падала старая хвоя, тряслись, как в ознобе, березки. В лесу на пороше отчетливо были видны путанные следы зайцев и горностаев.

Загит то, подпрыгивая, мчался по дороге, то шел по еще неглубокому лесному снегу, где ветер был тише. Кое-где под деревьями валялись обгрызенные стержни и сухие чешуйки шишек, сыпал небольшой снежок.

Не доходя до деревни, Загит свернул в лес и сквозь голый кустарник пробрался на знакомую поляну, где возвышался березовый пенек с широким, потемневшим от дождей срезом.

Загит приходил сюда почти каждый день. С тех пор как он вернулся в Сакмаево, односельчане не переставали шутить над его первым, неудачным выступлением. Стоило ему показаться на улице, как люди начинали смеяться.

— Ну-ка, Загит, покажи язык! Говорят, ты проглотил его от страха, когда оренбургского муллу увидел!

— Ничего, Загит, языком капусту шинкуют! Ты в следующий раз, как говорить соберешься, капусту заранее принеси!

Шутки эти выводили Загита из себя. Больше всего его обидело то, что даже полоумный Шарифулла не обошел его своим вниманием. На одном из людных собраний он подошел к нему и схватил за полу рубахи:

— Ну-ка, скажи мне: почему тебя все теперь дураком зовут? Разве мы с тобой родня? Разве я виноват, что ты со своим языком справиться

не можешь? Нет, ты скажи им, что ты тут ни при чем! Я не хочу, чтобы из-за тебя люди над моим добрым именем смеялись...

Загит молча повернулся и ушел, подгоняемый смехом и свистом.

«Как же так? — с горечью думал он. — Все умеют говорить, а я нет? В Кэжэне люди ко мне по-другому относились, там я был нужен, даже Михаил меня хвалил! А тут дразнят, как маленького...»

— Не огорчайся ты, не обращай на них внимания, — говорил ему Акназар. — Научишься! Да это же совсем легко! Посмотри, как я говорю! Слова как из пулемета летят! Ты, главное, не думай, чтобы какое особое слово сказать, говори все, что душа просит, а слова сами найдутся...

Поляну окружали тонкие березки с хрупкими, надломленными ветвями. Загит постоял немного, вслушиваясь в тишину, и, встав на пень, огляделся по сторонам.

Тихо в безветрии сыпал снег, слышно было, как на одном из деревьев шелушит шишки белка. Загит откашлялся и, подражая Михаилу, рубанул воздух рукой.

— Товарищи!

Чистый и звонкий голос его далеко разнесся по лесу и заглох за кустарником, в овраге. Деревья внимательно слушали.

«Вот, опять, — смущенно улыбнулся Загит, — сказал одно слово, а что дальше — не знаю... А может, сказать про себя?..»

— Товарищи! — снова начал он. — Я раньше думал, что звери добрее людей, и просил аллаха, чтобы он позволил мне жить в лесу одному. Это было давно, на джайляу. Я уже слышал тогда, что есть такие люди — революционеры,

но не знал, хорошие они или плохие. Все говорили разное — мулла таких людей проклинал, баи — ненавидели, а Хисматулла — хвалил... И больше всего боялись богачи листовок, этих небольших белых бумажек, которых я тогда даже не умел прочесть. Мулла говорил, что их написала рука шайтана, баи говорили, что их выдумали каторжники и убийцы, а староста возил в Кэжэн на допрос каждого, у кого находили такую листовку... Теперь я понимаю, почему они так боялись их, почему они ненавидели это слово — революция. Потому что революционеры несли нам правду, которой мы не понимали, они звали нас к свободе, к борьбе за эту свободу, они хотели счастья для каждого человека, а не только для таких, как Нигматулла и Хажисултан-бай!..

Голос Загита дрожал, ему казалось, что он стоит не на поляне, перед сброшенными листьями деревьями, а перед огромной толпой людей. Речь его лилась свободно, слова приходили сами, он покраснел и кричал все громче и громче:

— Будем бороться, не дадим им пить нашу кровь! Око за око, зуб за зуб! Бедняки всех стран, соединяйтесь! Будем биться до последней капли крови за то, чтобы все узнали нашу правду!..

Он замолчал, и, словно в ответ, зашумели вершинами деревья, гуще повалил снег. Только теперь он заметил, как замерзли у него ноги, улыбнулся, сошел с пня и медленно двинулся к дороге. В горле першило и саднило.

Выбравшись из кустарника, он увидел Хисматуллу, который стоял, прислонившись спиной к толстому сосновому стволу. Загит вспыхнул,

как девушка, и готов был провалиться сквозь землю.

— Что ты здесь делаешь? — как можно небрежнее спросил он.

— А ты что здесь делаешь? — весело ответил Хисматулла.

— Я... я с работы иду! — с вызовом посмотрел Загит.

— С каких это пор прииск в лес перебрался? — Хисматулла, посмеиваясь, подошел к нему. — Молодец! Хорошо сегодня говорил!

— Не стыдно было подслушивать?

— Да разве я нарочно? — удивился Хисматулла. — Шел по дороге, вдруг слышу — кто-то кричит, вот и свернул к поляне. Да ты не сердись! У тебя правда хорошо получается, недаром говорят, что старательный человек и в камень гвоздь вобьет! Только торопиться очень, горячишься, а когда человек горячится, он не успевает сказать все, что хочет...

— Так я же не на собрании, — опуская голову, сказал Загит.

— Вот и плохо, что не на собрании! Я думаю, люди с удовольствием тебя послушают, хватит делать доклады для деревьев. — Он задумался и неожиданно предложил: — Вот что, сегодня вечером у нас как раз собрание будет. Может, выступишь?

— Да я, наверно, не смогу... Одно дело — тут, а другое — там, — растерялся Загит.

— Ничего, сможешь! — Хисматулла дружески похлопал его по плечу. — Не надо бояться, все мы когда-то с этого начинали! Ну что, согласен?

Загит неопределенно пожал плечами.

До деревни дошли молча, снегопад усиливался, в лицо дул резкий встречный ветер.

— Не забудь, вечером жду тебя,— напомнил, прощаясь, Хисматулла.

Когда Загит подошел к дому Акназара, где теперь располагался Совет, было уже совсем темно. Дом был до отказа набит людьми, красные блики от очага тревожно скользили по их лицам. На чурбаке возле чувала сидели Хисматулла, Акназар и Ягуда-агай.

— Пришел? — первым заметил его Хисматулла. — Ну давай сюда! Товарищи, Загит на днях был в Кэжэне, сейчас он нам расскажет о последних новостях...

— Ну, держись, братва! — хохотнул Киньябулат. — Лучше сразу уши зажать, ведь у этого джигита язык длиннее дороги, когда заговорит, то и собаке слово вставить некуда!

— Помолчи! Дай человеку сказать! — одернул его Акназар.

— У тебя у самого-то язык, что жернов — что ни попадет, все перемелет!.. — вступился за товарища Гайзулла.

Загит на негнущихся ногах прошел вперед и прислонился к чувалу. Сердце колотилось, уши пылали. На мгновение ему показалось, что сейчас он снова не сможет сказать ничего путного; он закрыл глаза и попытался представить, что стоит не у чувала, а в лесу, на пне.

— Товарищи! Новостей много. Вы знаете, что красные освободили Оренбург? Теперь там снова восстановлен губернский Совет. Теперь Советы организуются везде, но везде есть люди, которые мешают этому, всякие кадеты и эсеры. В Уфе, например, чиновники устроили саботаж, в Златоусте и Белорецке Советами командуют эсеры, так что там все на руку богачам, — голос Загита постепенно окреп, и насмешливые улыбки стали исчезать с лиц. — В аулах баи делают

все для того, чтобы помешать нам строить новую жизнь. Особенно уверенно они чувствуют себя там, где получают поддержку со стороны атамана Дутова. В Кэжэне говорят, что скоро казаки будут и у нас, поэтому нам надо быть настороже... Вот, пожалуй, и все. — Загит открыл глаза. Страх куда-то ушел, на душе у него стало радостно и спокойно.

— Да, наступает тяжелое время, — сказал Хисматулла. — Чем ближе к весне, тем хуже. Знаете почему? — Хисматулла обвел глазами сакмаевцев. — Потому что мы живем среди гор и лесов, наши места слишком отдаленны, а вот те, кто в степи живет, на них сейчас такой ветер дует!..

— Какой ветер? — спросил старик Файзрахман.

— Весенний сев у них как раз, а сеять будут на тех землях, что у помещиков отобрали, поэтому баи сейчас против них все свои силы собирают.

— А нам-то до них какое дело? — сказал Усмангали. — Пусть себе дерутся у себя в степи.

— Как это — какое дело? — вскочил Гайзулла. — А Фидулка, Нугуш, Карьян, а другие хутора? Забыл, сколько там полей? Ведь это все земли наших дедов!

— Не в этом дело, — покачал головой Хисматулла. — Если мы так рассуждать будем, ничего у нас не получится! Нам должно быть дело до всех бедняков на свете!..

— Все эти хутора — жалкие клочки, это не земля! — не успокаивался Усмангали.

— Ну и что же? Хоть и клочки, а все равно земля, — подал голос Султангали. — Надо ее на покос пустить!

— Мало у нас покосов? Пасти только некого — ни коров, ни лошадей... Мы же не баи! — засмеялся Киньябулат.

— Все теперь будем баи! — весело возразил ему Акназар. — Отберем скот у Хажисултана, поделим его, вот и покосы понадобятся!..

— Вот хорошо будет! — мечтательно сказал Гайзулла. — Давайте прямо завтра отберем и поделим!

— Ишь ты какой скорый! — Хисматулла рассмеялся.

— А чего нам ждать? — глаза Гайзуллы блестели. — Раз мы теперь хозяева?

— А что? Он правду говорит!.. — загудели сакмаевцы. — И не только у Хажисултана отобрать надо, у его сынков тоже, и у муллы Гилмана! И у Нигматуллы!..

— Какое там богатство у Нигматуллы? — лениво сказал из угла Файзрахман. — Три лошади да две коровы...

— А деньги? — сощурился Гайзулла.

— Подождите, товарищи, сейчас еще рано говорить об этом! Богатство у баев мы и так отберем, а сейчас нам нужно прежде всего подготовиться к приходу дутовцев. Если мы этого не сделаем, то и с баями никогда не справимся! Вы думаете, зря Хажисултан-бай в Оренбург ездил? Зря к нему по ночам гонцы приезжают? Зря он дружит теперь с Нигматуллой, которого раньше терпеть не мог? Дутовцы близко, они могут нагрянуть в любой момент и совершенно неожиданно. Поэтому прежде всего нам нужно организовать военную дружину для защиты деревни, как на приiske.

— А как же быть с оружием? — спросил Ягуда-агай.

— Я достану, — ответил Хисматулла.

— Вот здорово! — крикнул Загит, давно мечтавший о винтовке.

— Вот ты и поедешь за винтовками! — сказал ему Хисматулла. — В Белорецк, а если там нет — в Стерлитамак... Дружина будет добровольная, товарищи. Кто хочет, может записать-ся...

Один за другим, все стали подходить к столу, стоявшему у чувала, и Загит начал аккуратно записывать имена.

— Хисматулла-агай, вас там спрашивают! — крикнул Султангали.

— Где?

— В сенях!..

Хисматулла пробрался к дверям. На крыльце в морозном лунном свете стоял Нигматулла.

— Давай отойдем, — быстро сказал он. — Дело у меня есть.

Хисматулла вернулся, накинул шинель и вышел на улицу. Снег давно перестал, свежо поскрипывал под ногами.

— Я знаю, ты на меня из-за Нафисы зло держишь, — нерешительно начал Нигматулла.

— Ты меня за этим и звал? — насупился Хисматулла.

— Не горячись, не посыпай язык перцем. — Видно было, что Нигматулла запасся большим терпением и выдержкой для этого разговора, говорил и уважительно, и спокойно, хотя это, судя по всему, давалось ему не легко. — Так мы с тобой ни до чего не договоримся, а только расплюемся и пойдем по домам...

— Ну, хорошо, не тяни, ближе к делу, меня люди ждут...

Но Нигматулла не спешил, он словно нарочно испытывал терпение Хисматуллы, свернул не

торопясь сигарку, чиркнул спичкой, пустил дым из ноздрей.

— Накышев сбежал с прииска, — небрежно, как бы между прочим, сказал он.

— Ну и скатертью дорожка!..

— Тебе первому хотел сообщить, — сделав глубокую затяжку, проговорил Нигматулла. — Ты же теперь у нас главная власть!

— Не я, а Совет...

— Ты меня не обманешь, я вижу, кто тут всеми делами заправляет! — Нигматулла усмехнулся, бросил недокуренную сигарку в снег, растоптал сапогом. — И напрасно ты на меня нож точишь, людей против меня натравляешь... Я такой же башкир, как и ты, может, только жил всегда лучше тебя, но так всегда было и так будет, люди никогда не сравняются и не станут жить одинаково...

— Давай не разводи эту старую байку, — по-прежнему не понимая, зачем с такой таинственностью его вызвал этот хитрый и ненавистный ему человек. — Я это слышал, и это не для моих ушей, найди, кто поглупее. Скоро ты увидишь, как мы тебя уравнием вместе со всеми...

— Я хотел с тобой по-хорошему, — наклоняясь к нему, горячо, скороговоркой зачастил Нигматулла. — Во всем Сакмаеве и в Юргаштах осталось два сильных человека, у которых хватит ума для себя и для других... Это Хисматулла-агай и я!.. Мы все можем повернуть, как захотим, верно?.. Мы можем разделить пополам все, что лежит в сейфе... Ты достанешь мне ключ, а я забираю свою часть, а тебе приношу твою... И все шито-крыто, всем собакам нюх отшибем...

— Ты или больной, или с ума сошел! — отшатнулся от него Хисматулла. — Тебя нужно сейчас же арестовать и посадить!

— Не отталкивай меня, агай, пожалеешь! — как в горячечном бреду, вышептывал Нигматулла. — Хочешь, я Нафису тебе отдам, я же вижу, что она по тебе сохнет, а ты не можешь тоже жить без нее... Я себе и другую бабу найду, но такого случая, как сейчас, у меня никогда больше не будет... Ударим по рукам, а там кто куда! Я тебе мозолить глаза не буду!..

— Ах ты скотина!.. Ах ты подлая душа! — задыхаясь от ярости и гнева, выкрикивал Хисматулла. — Да как ты можешь? Уходи, пока я тебя не пристрелил!.. Чтоб я тебя больше не видел!

— А Нафиса на самом деле думала, что ты ее любишь и ради нее ничего не пожалеешь!.. Приду домой и скажу, что ты велел ее отстегать плеткой! Кто-то должен за все это платить или не должен?

Хисматулла развернулся и наотмашь ударил Нигматуллу так, что тот не устоял на ногах и упал навзничь в снег. Боясь захлестнувшей всю душу ненависти, боясь, что он может избить этого человека до полусмерти, он повернулся и торопливо побежал к крыльцу.

IV

Кто-то, случайно махнув рукой, разбил колпак от лампы, и теперь она сильно чадила. Акназар почистил фитиль, огонек загорелся ровно и весело, отбрасывая лохматые тени на стены. Акназар вздохнул и разложил на столе бумаги и книги, придвинул скамейку.

Сбоку, на небольшом листке бумаги, где был отпечатан алфавит, расплылось пятнышко от кerosина, да и сам листок был уже сильно измят, бумага на сгибах вытерлась, и некоторые буквы потеряли свои очертания. Акназар аккуратно разгладил листок, раскрыл тетрадь, взял карандаш и стал аккуратно выписывать букву за буквой, всей грудью навалиясь на стол и закусив губу от старания.

Однако в тетради буквы выглядели совсем не так, как на листке, — они кренились набок, сползали то вверх, то вниз, округлые бока их выходили ломкими и некрасивыми.

«Как курица лапой, — подумал Акназар и снова вздохнул. — Дурак я, дурак... Почему не учился тогда, когда был жив отец? И отец ругал, и мулла коленками на горох ставил, а потом встанешь с гороха и бежишь купаться, и плевать тебе на грамоту! Легко Хисматулле говорить: учись, учись, учись!.. Все могу: плетень поставить, дерево срубить, а эти буквы проклятые нарисовать не умею...»

Он вспомнил, как после смерти отца никто из родственников не хотел брать его к себе, как наконец сжалилась над ним старая Балхизаинэй, вспомнил ночи в горах под открытым небом, когда он пас стадо бая, — мерцающую звездную россыпь над головой, блеянье овец, песни, которые он придумывал сам и сам же пел, и эхо, повторявшее каждое слово.

Я стою высоко-высоко на горе,
Бело стадо мое, словно снег в январе.
Я пастух, я под небом скитаться привык,

Слушать беличий, волчий и птичий язык,
Спорить с эхом, костры по почам зажигать,
Первый солнечный луч на рассвете встречать!..

Долгими зимними вечерами, когда собирались у Балхизы молодые девушки, старушка, устав рассказывать сказки и байки, просила мальчика:

— Спой, Акназарка, у тебя в песнях душа поет!.. погоди, соберусь я когда-нибудь и куплю тебе настоящий курай...

И он пел, старательно вытягивая каждый звук, выдумывал на ходу все новые и новые слова, — пел про коней, что щиплют траву мягкими губами, про колодцы и родники, где джигиты высматривают любимых девушек, про то, как несут воды Кэжэн желтые осенние листья вдаль, по прозрачной журчащей дороге, в неизвестные края...

И покачивала головой, улыбаясь, старая Балхиза, и лица девушек становились задумчивыми, и даже огонь в очаге, казалось, старался гореть тихо и смиренно, чтобы не нарушить волшебства песни.

Пел он и потом, в Кэжэнском приюте, но редко, только когда оставался один, и песни выходили у него тогда грустными и тоскливыми. Пел он и на корабле, и в землянках, и в госпитале, но это были уже другие песни — они звали в бой, будоражили кровь.

А в памяти остались только те вечера — морщинистое, задумчивое лицо Балхизы, грустные лица девушек, притихший огонь в очаге.

Акназар послунил кончик карандаша и принялся снова выводить буквы в тетради.

«Алеп, бей, тей, сей...¹ — повторял он про себя. — Может, и научусь... Даже медвежонка можно выучить танцевать, а человеку дано боль-

---

¹ Буква алфавита.

ше. Стыдно, вот и в Совет меня выбрали, стал я сейчас большим человеком, а грамоты не знаю. Ну, если не читать, надо научиться хотя бы подпись ставить...»

В дверь тихо постучали. Акназар быстро спрятал тетрадки и пошел открывать.

На пороге, прикрыв лицо платком, стояла Гульмадина. Глаза ее лихорадочно блестели в темноте.

— Ты совсем свихнулась! — обнимая ее, прошептал Акназар. — Что ж подумают люди, если увидят тебя? Разве ты никого не боишься?

— Никого! — Гульмадина закрыла глаза и прижалась к нему. — Весь день хожу и думаю про тебя. И как пойду к тебе ночью...

— Да, с тобой как в трюме корабля — не знаешь, на что наткнешься, — Акназар засмеялся. — Раздевайся, раз пришла!

Гульмадина сняла полушубок, скинула цветастую шаль и повесила на гвоздь у двери. Иссиня-черные косы ее рассыпались по плечам.

Акназар отвел глаза от ее высокой груди, вздохнул.

— Я же сказал тебе — не надо нам больше встречаться! И себя погубишь, и меня перед людьми на позор выставишь...

— Ну и что? — Гульмадина прижала руки к пылающим щекам, глаза ее заблестели еще ярче. — Лишь бы ты любил меня, а что люди скажут — ветер унесет... Ну что я могу сделать, если я без тебя не могу?..

— Жила же ты раньше без меня и теперь проживешь! — глухо обронил Акназар. — Я тебе не бухта, где можно шторм переждать... Так что лучше давай поднимай якоря и отчаливай, и меня не подводи, и на себя собак не натравливай!..

Некогда мне с тобой обниматься, я ответственный человек... Я революцию делаю, а когда ты приходишь, я как чумной делаюсь!.. Чтобы ты забыла дорогу ко мне — слышишь?

— В одно ухо слышу, а в другое выгоняю!— Гульмадина подошла к столу, дохнула на лампу, и в темноте зашелестел, задрожал ее колдовской шепот и смех. — Иди ко мне, Акназар-ка! Неужели ты за три дня не соскучился обо мне?

— Чертова баба! — опрокинув по дороге скамью, пробормотал Акназар.

— Как же я могу без тебя? Я без тебя не могу... — горячо шептала Гульмадина. — Я с тобой все на свете забываю — ни мужа нет у меня, ни дома, ни всего белого света нету, один ты, вот обнимешь меня, и я вся твоя, каждая жилочка во мне дрожит... Послушай, как сердце бьется, слышишь, что говорит? «Ак-на-зар-ка, Ак-на-зар-ка...»

— А если Хажисултан узнает? Ты хоть понимаешь, что с тобой тогда будет?.. — покачал головой Акназар.

— Не бойся, мой миленький, никто не узнает... Хажисултана дома нет, он с Шаяхметом в Оренбург укатил, а я на своих нарах тряпья навалила, никто не узнает.

— Вот как — в Оренбург? Не знаешь, зачем?

— Да разве он когда-нибудь говорит?! Не думай об этом, поцелуй меня.

— Ты вот что: придет — узнай, зачем ездил. Баба ты хитрая, у тебя получится!

— Хорошо, хорошо, узнаю. Поцелуй меня, — нетерпеливо просила Гульмадина. — Чуть прикоснешься — голова кругом идет...

Неожиданно в дверь забарабанили кулаками. Гульмадина вздрогнула и прижалась к Акназа-

ру. Акназар прижал палец к ее губам и подошел к дверям.

— Кто там? — спросил он, деланно позевывая.

— Открой, Акназар, дело есть!

— Ой, Хажисултан, — испуганно прошептала Гульмадина. — Не открывай, он меня убьет...

— Это я, Хажисултан! — слышалось из-за двери. — Открой, чего ты боишься?

— Сейчас, оденусь только!

Он дернул за кольцо в полу и открыл тяжелую западную подполья.

— Полезай!.. Не оступись, здесь ступеньки скользкие.

Акназар засветил лампу, кинул в погреб полушубок и платок Гульмадины, закрыл западную, придвинул на нее сосновый чурбак.

— Ну, что такое? — потирая кулаком глаза, как будто только что встал, спросил он. — Нельзя было подождать до утра?

Хажисултан и узколицый худощавый человек, вошедший вслед за ним, шурясь, оглядывались по сторонам.

— Значит, дело не терпит. — Хажисултан был мрачен и суров. — Может, пригласишь сесть?

Акназар подтолкнул ближе чурбак:

— Садись!

— Буду говорить прямо, — сняв шапку и растегнув тулуп, сказал Хажисултан. — Вот видишь, со мной человек — это большой начальник из Оренбурга, если что, он подтвердит мои слова... Сюда тоже скоро придут казаки, сам атаман Дутов обещал. Может, они даже не так дально, как я думаю... В Оренбурге твоя власть кончилась, с большевиками и кафырами разде-

лались. Скоро у нас будет свос, башкирское, правительство — пусть приезжий начальник скажет, что я не вру!.. Если бы ты был глупый человек, я бы к тебе не пришел, но я тебя уважаю и не хочу, чтобы тебя повесили вместе с другими... Если ты хочешь жить, собери народ и скажи им все, что я сказал тебе, они тебе поверят!..

— А на себя, выходит, ты уже не надеешься?

— Вы им головы замутили, вы и должны эти головы прочищать! А за то, что ты слушаешь меня и сделаешь как надо, я для тебя ничего не пожалею... Можешь сам назначить любую цену!

— Какой дорогой гость! — удивленно вскрикнул Акназар. — Жалко, заранее угощение не приготовил, ах, как жалко! Досада берет. Я бы уж постарался — поставил бы бочку, развел в ней навоз пожиже и накормил бы тебя досыта!

— Ах ты пес шелудивый! — Хажисултан вскочил и затрясся от злости. — Я с тобой как с человеком, а ты смеяться надо мной вздумал? Тогда не проси пощады!.. Прежде чем вздернуть тебя на виселицу, сдерут с тебя семь шкур!

— А если она у меня всего одна, тогда как? — насмешливо спросил Акназар. — Катись отсюда, бурдюк вонючий, а то я сейчас людей позову, и они разделают тебя, как бог черепаху!

Хажисултан нахлобучил шапку и чуть не вышиб головой дверь. Начальник из Оренбурга, сгорбившись, рванулся за ним.

Акназар отодвинул чурбак, открыл западную и склонился над черной дырой.

— Ушел? — испуганно спросила Гульмадина. — Ну, натерпелась я страху! Думала, что он за мной...

Акназар подал ей руку, помог выбраться из подполья. Юбка Гульмадины была вся в сырых пятнах, на волосах висели клочья паутины.

— Топай, и чтоб духу твоего больше тут не было! — напуская на себя строгость, сказал Акназар. — Я не имею права из-за тебя рисковать своим авторитетом! Он мне дороже твоей юбки!

— Ты же меня не за одну юбку любишь! — даже не обидевшись на него, смеясь, ответила Гульмадина. — Если бы это было так, я и сама к тебе сроду не пришла!.. Не обманывай, Акназарка, ни себя, ни меня! И жди завтра или послезавтра, как только бай отлучится куда-нибудь! Потеряла я голову из-за тебя, морячок ты мой!

— Полундра! — процедил сквозь зубы Акназар. — Что делает со мной эта баба!..

Гульмадина торопливо набросила на плечи полушубок, обожгла горячим дыханием, задохнулась в поцелуе и, толкнув дверь, выбежала в ночную темень.

Акназар покачал головой, присел на скамью, зажег лампу и снова вытащил тетрадь и карандаш.

Не успел он написать и двух букв, как в дверь снова постучали.

— Кто там? — раздраженно крикнул он.

Тихий стук повторился.

— Язык, что ли, отнялся? — Акназар сердито толкнул дверь.

Гульямал быстро шагнула вперед, лицо ее было бледно, из-под платка выбилась черная прядь.

«Что за черт! Бабы, как снаряды, посыпались!..» — подумал Акназар.

— Разве ты один? Здесь нет Хисматуллы? — оглядевшись, спросила Гульямал.

— Не-ет, все вы, бабы, сумасшедшие! Знаешь, когда он отсюда ушел? На улице еще светло было!

— А я думала, Гульмадина к нему приходила, — слегка порозовев, сказала Гульямал.

— Какая еще Гульмадина? — смутился Акназар.

— Известно, какая, — жена Хажисултана!

— Я же говорю — полоумные! — сплюнул Акназар. — То ей чудится, что Хисматулла сюда заходил, то Гульмадина выходила... И разве это женское дело — по ночам за мужиком бегать?

— А если я его люблю, если я без него жить не могу? — чуть не плача, выкрикнула Гульямал.

— Даже слова одни и те же! — Акназар расхохотался. — Гульмадина говорит, что тоже любит меня. А там — шайтан вас разберет. Только ты уж молчи, не выдавай меня...

— За кого ты меня принимаешь? — обиделась Гульямал. — Мне чужие тайны не нужны, я не из тех, кто язык распускает! — Гульямал поправила платок. — Успокоилась моя душа. Я ведь думала, она к Хисматулле бегаёт...

— Я же говорю — свихнулась! — повторил Акназар.

Он закрыл дверь, присел к столу и снова вынул тетрадку. Но глаза уже слипались и карандаш ходил вкривь и вкось.

«Довели, проклятые бабы! Ладно, с утра, на свежую голову, займусь!..»

На нарах было жестко, из-под двери тянуло холодом. Акназар закрыл глаза. «Потеряла я голову из-за тебя, морячок ты мой!» — вспомнилось ему. Он улыбнулся, перевернулся на другой бок и накрыл бушлатом голову.

У

— Ну что? — встревоженно спросила Сайдеямал, едва Гульямал переступила порог дома.

— Нет его там. Наверно, на прииск ушел.

Она устало стянула платок с головы и присела на табуретку у чувала.

— Вот видишь! Я же сказала тебе, зря ты на моего сына напраслину возводишь, не станет он по чужим домам с байскими женами путаться!

— Устала я, мама, устала ждать. — Гульямал закрыла лицо руками и уткнулась в колени. — Для чего я его ждала? Четыре месяца, как вернулся, а мы ни разу и не поговорили толком... То в свой Совет бежит, то на прииск, то людей на сход собирает, а я все жду, пол подметаю, самовар грею, косы переплетаю, — наверно, так и состарюсь... Пока он на фронте был, думала: стоит ему вернуться — и все по-другому пойдет, а он и не смотрит на меня, словно я чужая ему...

Сайдеямал подошла к невестке, обняла ее и, как малюго ребенка, погладила по голове.

— Неправильно ты себя ведешь, доченька, — сказала она. — И думаешь неправильно. Женщина только тогда и нужна мужчине, когда он на нее опереться может, когда она ему лучше самого близкого друга станет! А ты и знать не хочешь про его дела, у тебя на уме совсем другое...

— Как другое?! — подняла Гульямал залитое слезами лицо. — Только о нем и думаю с утра до вечера, еду таскаю, от каждого шороха дрожу!.. А он мне только «спасибо» да «до свиданья»! Если б он попросил ему в его делах помочь, разве я отказалась бы?

— А ты не жди, когда попросит, — мягко улыбнулась Сайдеямал. — Отец его, Хуснутдин, такой же был, никогда ни о чем не просил, только мне его просьб не надо было, я и без просьб все понимала...

— Если бы знать, как! — вздохнула Гульямал.

— Если любишь, сердце подскажет, как, — тихо ответила Сайдеямал.

Гульямал молча разделась и снова села у чучала.

«И вправду совсем замучилась, одни глаза остались, — глядя на нее, подумала Сайдеямал. — И сказать ничего путного не скажешь, и посоветовать не посоветуешь... Разве у моего мужа такие дела были, как у моего сына? Правду люди говорят, совсем другое время наступило...»

— Может, поешь, доченька? — спросила она.

— Не хочется, мама. Я, пожалуй, лучше схожу на прииск, еду Хисмату снесу... С утра ведь не сл небось...

— Ну, сходи, сходи, — согласно кивнула Сайдеямал.

Гульямал быстро собрала узелок с едой, оделась и выбежала на улицу. В доме стало тихо и пусто.

«Ох, летают мои птенцы весь день, и не вижу я их совсем, — с тоской думала Сайдеямал. — Лишь бы дал им всемогущий счастья!.. Как я хочу, чтобы свили они гнездо у меня под крыльями, уж я бы за внучатами с утра до вечера ходила, сказки бы им рассказывала... Скучно в доме, совсем скучно, весь день сижу одна-одишешенька, словно нет у меня никого на всем белом свете. Раньше хоть эта егюза каждый час забегала, а теперь и ее не видно, все за Хисматом поспеть старается... Да разве поспеешь за

ним? Уйдет и неделями пропадает!.. А то сидели бы внучата черноглазенькие, бегали бы, и было бы весело. Неужели я не доживу до таких дней?»

Затих тоненько посвистывающий самовар, только равномерно и одиноко капала вода из дырочки возле ручки самовара да подвывал за окном темный ветер.

Сайдеямал стряхнула и сложила скатерть, убрала чашки и в слабом свете догорающих в очаге поленьев легла на нары.

«Может, сходить к старой Карибе, чтоб наворожила? — пришло ей в голову. — Когда Хуснутдин не в духе был, я ему всегда заговорные лепешки давала. Иногда помогало. Может, и тут дело быстрее пойдет? Ладно, завтра схожу... И чего ему, в самом деле, не хватает? Уж краше и милей, чем Гульямал, никого у нас в деревне нет. Чего ему еще надо? Или все не может Нафису забыть? Люди говорят — виделись они у проруби, будто два слова она ему сказала и отошла... Не приведи аллах, снова о чем-нибудь сговорятся, не пережить мне такого позора второй раз!.. Завтра же схожу, заговорю хлеб...»

Она не заметила, как задремала, и проснулась поздно. Солнце стояло уже высоко, окно, затянутое брюшиной, просвечивало сквозь намерзший иней желтоватым светом.

Не успела Сайдеямал поставить самовар, как дверь распахнулась.

— Это мы! — радостно сказала Гульямал, переступая порог. — Уже встали, мама? А я сахару на прииске купила, вот... — Она положила на нары несколько белых кирпичиков. — Давайте я чашки поставлю!..

— Вы попейте без меня, а я должна в одно место зайти...

Она посмотрела на сына, лицо его было, как всегда, спокойно и непроницаемо.

«Пусть поговорят, пусть побудут одни, — решила она. — Да и Қарибы, пожалуй, не застанешь, если позже пойти...»

— Что-то ты больно спешишь. Не случилось ли чего? — спросил Хисматулла.

— Что могло случиться? Все в порядке — кони в стойле, тарантас не украли! — рассмеялась Сайдеямал. — Спешу потому, что обещала зайти пораньше и все на свете проспала!..

Она застегнула тулуп, потуже укутала голову платком.

— Что, холодно сегодня?

— Да вроде нет, — рассеянно ответил Хисматулла.

— Мне было не холодно. — Гульямал бросила пристальный взгляд на Сайдеямал. — Не знаю, как Хисмату...

«Неужели она не может оставить нас хотя бы на час вдвоем? — подумала она. — Ну что за бестолковая старуха!»

Она снова посмотрела на нее, уже досадуя и злясь, и Сайдеямал, лукаво усмехнувшись, кажется, наконец догадалась, о чем умоляет ее взгляд невестки.

— Нет, я все-таки должна сходить проведать соседку. — Она заторопилась, накидывая на плечи теплую вязаную шаль. — Раз обещала, нужно держать свое слово. Вы уж тут хозяйничайте без меня — картошка в чугушке, самовар скоро вскипит...

Гульямал помогла ей одеться, проводила до порога, она так радовалась уходу старухи, что в душе ее все пело. Но она сдержала в себе это

тайное ликование и, чтобы не выдать себя, начала хлопотать около чувала — подогрела картошку, заварила малиновый лист и лишь тогда присела на нары, рядом с Хисматуллой.

— Ну, что же ты не ешь? — упрекнула она. — Для кого я старалась?

— Сейчас, сейчас, — думая о чем-то своем, отозвался Хисматулла и отломил корочку от краюхи хлеба. — А ты сама почему ни к чему не притрагиваешься?

— А мне довольно, что ты рядом, — сама поражаясь своей смелости, сказала Гульямал. — Я бы могла прожить одним этим... Не веришь?

— Ты скажешь...

На язык ее просились другие слова, и больше всего ей хотелось узнать, любит ли он Нафису, хранит ли ей верность, но что-то удержало ее от этого порыва, который мог все испортить. Да и как она будет жить, если он скажет ей горькую правду? Нет, лучше пока помолчать... И она спросила о том, о чем меньше всего думала:

— Скажи, вот этот ваш Совет... он может всем заменить и Хажисултана, и старосту, и муллу?

— При чем тут Хажисултан и мулла? — удивился Хисматулла. — Ну, староста — туда-сюда, какая ни на есть, но власть... Но у нас все совсем по-другому! Мы — народная власть, люди нас поставили, они могут нас и убрать, и в этом наша сила — понимаешь? — Он поймал, видимо, слишком откровенный взгляд Гульямал, смотревшей на него с такой нескрываемой нежностью и обожанием, что смутился. — Тебе на самом деле это интересно?

— Мне все интересно, что касается тебя... — придвигаясь ближе, сказала Гульямал. — Что ты

думаешь, о чем думаешь... Я хотела бы жить в твоей голове и все знать про тебя...

— В го-ло-ве? — Хисматулла усмехнулся.

— И в сердце, — досказала Гульямал и порывисто, одним рывком, прижалась к груди Хисматуллы и, закрыв глаза, зашептала, как в бреду: — Я только о тебе и думаю день и ночь... Ходила бы следом за тобой, смотрела на тебя и ловила бы твои слова... Но ты только и знаешь, что твой Совет...

Почувствовав ее жаркое дыхание, ласковую волну волос у самого лица, отдававшую ароматом сухой травы, он вдруг странно заволновался, испытал необъяснимый прилив нежности и жалости и только хотел протянуть руку и обнять, как дверь распахнулась и на пороге показался Акназар.

— Ассалям агалейкум! — выпалил он и тут же попятился назад. — Эге, я, кажется, не вовремя?

— Заходи, заходи! — вспыхнув, крикнул Хисматулла. — Мы тут с енге¹ чай пьем!

— Я могу и позже зайти, — смущенно забормотал Акназар.

— Раз порог переступил, нечего обратно бежать! — словно довольная тем, что ее увидели в объятиях Хисматуллы, сказала Гульямал. — Садись, гостем будешь...

Акназар топтался у дверей, точно по-прежнему не был уверен, что ему делать — остаться или тут же исчезнуть, чтобы не мешать людям в их сердечных делах.

— Да не строй ты из себя девку на выданье! — справившись с неловкостью, проговорил Хисматулла. — Лучше доложи: зачем к тебе Ха-

---

¹ Енге — жена старшего брата.

жисултан-бай являлся ночью? Уж не в заговор ли ты с ним вступал?

— Еще немного — и вступил бы, в цене не сошлись! — Посмеиваясь, Акназар присел на нары, принял из рук Гульямал чашку и тут же помрачнел, веселости на его лице как не бывало. — Смешного тут мало... Привел с собой какого-то человека из Оренбурга, уговаривал, чтобы я людей собрал и объявил, что большевикам пришел конец, что русских с нашей земли теперь выгонят, а у нас будет свое, башкирское, правительство... Немалые деньги за то, что я скажу об этом, сулил!

— Вот видишь, как вырос авторитет твоей власти, нашего Совета! — уже без улыбки заметил Хисматулла. — На себя, выходит, не надеется, на старосту тоже и даже на муллу не может опереться... Ну и что же ты ответил на его условия?

— Может, и не так поступил, как надо, но я его вытолкал в шею! — запальчиво и горячо продолжал Акназар. — Мне бы, дураку, надо бы выведать у него все, поводить его за нос, взять на буксир и травить, сколько можно, а я сгоряча пришибить его мог!.. А когда он ушел, я стал думать: а может, это не так уж и плохо, если у нас будет свое правительство, а?

— Не верю я что-то в это правительство, — помолчав, ответил Хисматулла. — Когда праздник затеяли в Оренбурге, кого на него пригласили? Одного нашего бая да этого заросшего салом муллу! Почему же они сразу о всех бедняках забыли? Или, может быть, у нас их в Сакмаеве нету?.. Недолго, как говорится, птичка пела, один раз каркнула, и все увидели, что это поганая ворона... Так и это правительство...

— Ну, праздник — это одно дело, да мы и не знаем, кто его устраивал! — несмело возразил Акназар. — В правительство-то люди всех будут выбирать, и наши бедняки туда попадут!.. Чем мы хуже русских? Почему мы не можем иметь свое правительство?

— Чудак ты человек! — с укоризной поглядел на него Хисматулла. — Столько по всему белу свету ездил и до сих пор не можешь понять, что между русскими богачами и башкирскими никакой разницы нет и не будет!.. Дай нашим баям в руки власть — и они все обзаведутся плетками и живо всех заставят плясать под их дудку! Так что разговоры про башкирское правительство — для отвода глаз, чтобы оторвать нас от русских бедняков и скрутить нас всех по отдельности, понял?

— Значит, ты против башкирского правительства?

— Нет, я за такое правительство, но сейчас власть в нем могут только захватить баи и мульты и те, кто охраняет их богатства!.. Вот когда придет к власти наш класс, мы сможем выбрать такой Совет, какой захотим... Может быть, от нашего Сакмаева ты будешь там заседать или тот же Загит!

— Обо мне и собаки во дворах не брешут! — Акназар сокрушенно вздохнул. — Не дается мне проклятая грамота, будто не мозги у меня там, а камни лежат...

— А может, тебе еще что-то мешает? — пылливо поглядел на друга Хисматулла. — Ты когда занимаешься-то? Ночью? И никто тебе не мешает?

— Ну и вредная ты баба, Гульямал! — покраснев, в сердцах проговорил Акназар. — При-

носла все-таки на хвосте? Не вытерпсла? А еще клялась!

— Скажи спасибо ей, что мне одному рассказала, а не выдала тебя Хажисултану! — посмеиваясь, сказал Хисматулла. — Когда-нибудь ты можешь вот так крепко подвести Советскую власть!.. Да не смотри ты на нее так, будто хочешь ее на куски разорвать! Лучше в ножки ей поклонись... Ты представляешь, что было бы, если бы сегодня все Сакмаево узнало, что ночью к тебе приходит Хажисултан, ты ведешь с ним опасные переговоры, а в это время одна из его жен сидит у тебя в подполье ни жива, ни мертва? Больше стали бы люди тебе после этого верить или вовсе перестали бы слушать тебя?

Акназар подавленно молчал, оставив в сторону чашку и ни на кого не глядя.

— Шайтан попутал, баба в юбке, — пробормотал он наконец, но когда поднял голову, лицо его было не таким растерянным, как ожидала Гульямал. — Я живой человек, как все, Хисмат... И Гульмадина не виновата, что ее отдали в жены баю... А она неплохой человек, может, она любит меня так же, как тебя Гульямал.

Настала очередь снова смутиться Хисматулле, и он не сразу нашел, что ответить, и облегченно вздохнул, когда услышал голос Гульямал:

— Ты не стал бы прятать в подполье старую Хуппинису, если бы она к тебе пришла? Не стал? И не потому, что Гульмадина молодая. А потому, что сердце у тебя к ней лежит... Вот и слушайся своего сердца, оно тебя не обманет... Хватит смелости и сил, уведи Гульмадину от бая, она побежит за тобой на край света, раз любит тебя... И люди тебя поймут и осуждать не будут, и Совет твой дегтем не вымажут, а скорее в но-

вую краску покрасят. Не за авторитет свой бойся, а за свою любовь!..

Похоже, они оба, и Хисматулла, и Акназар, слушали ее, боясь проронить хотя бы одно слово, лишь изредка удивленно поглядывая друг на друга.

VI

Ревком находился в центре поселка, на главной улице. Это был дом бывшего управляющего Кэжэнским заводом — каменный, двухэтажный, с широким подъездом, каменной лестницей, высокими готическими окнами.

В свое время управляющий не жалел средств для его отделки — каждую весну вокруг дома появлялись строительные леса, дом перекрашивали, расширяли, простые стекла на верандах заменялись цветными, сад за ажурной чугунной оградой разрастался все гуще.

Летом сюда наезжало немало гостей, иногда бывал даже губернатор, из Оренбурга выписывали духовой оркестр, и тогда тут собиралась вся местная знать. Вдыхали трубы оркестра, хлопали пробки из-под шампанского, в специально выстроенной беседке, увешанной китайскими фонариками, кружились пары — белые платья и голубые офицерские мундиры. Слуги, не чуя под собою ног, носились по дому и в саду, несли корзины с фруктами и ящики с вином. Изредка в углу сада раздавались сухие щелчки выстрелов — господа упражнялись в тире.

Когда управляющий скрылся, по слухам — даже бежал за границу, дом долгое время пустовал, пока его не заняли под ревком. На крыше его водрузили красный флаг, с утра до позднего вечера не закрывались двери, люди ехали

сюда из всех отдаленных сел, деревень и поселков.

Дом сразу потерял свой праздничный вид, стал рабочим и деловым, дорогую мебель вынесли и заменили простыми столами, шкафами и стульями, на стенах развесили карикатуры на буржуев, толстопуzych, с цепями на жилетках и в черных цилиндрах, и яркие плакаты, на которых этих буржуев красноармейцы и крестьяне прокалывали насквозь штыками.

Хисматулла здесь был впервые и, поднимаясь по мраморной лестнице, с живым интересом разглядывал эти картинки. Для него все было новое. Мимо него вверх и вниз торопились люди — старики в рваных зипунах, солдаты в расстегнутых шинелях и красными лентами на рукавах, мальчишки с визгом катались по мраморным перилам, и никто почему-то не останавливал их. И хотя все двери были распахнуты, в коридорах толпились люди, стоял ровный гул голосов, стрекотала где-то пишущая машинка.

— Не знаете, где мне найти тут Трофимова? — спросил Хисматулла у пробежавшего мимо озабоченного служащего с парусиновой сумкой под мышкой.

— Председателя ревкома? — не останавливаясь, на бегу, ответил служащий. — Прямо по коридору, вторая дверь направо...

Хисматулла придержал шаг перед двустворчатymi дверьми с бронзовыми ручками, внимательно взгляделся в желтый квадрат из картона с четко выведенными на нем черными буквами: «Председатель ревкома Н. К. Трофимов».

Постояв с минуту, он нерешительно стукнул, а потом потянул на себя дверь. Большая комната с высоким лепным потолком выглядела пустой, но светлой. На окнах были поднятые белые

шелковые шторы, на одном окне шнурок запутался и штора висела косо. Дорогая люстра с хрустальными подвесками щедро разбрызгивала по белым стенам солнечные зайчики.

У канцелярского стола, напротив Михаила, сидел высоколобый человек в сюртуке с русой бородкой.

— Вот не ожидал! — Михаил вскочил из-за стола и обнял Хисматуллу за плечи: — Молодец, что пришел! — Он кивнул головой на человека в сюртуке: — Знаком?

— Первый раз вижу, — отрицательно покачал головой Хисматулла.

— Так познакомься! Это господин Касьянов, Петр Тимофеевич, бывший хозяин Юргаштинского прииска.

— Хозяин прииска? — недоуменно переспросил Хисматулла.

— Он самый! — весело ответил Михаил. — Давай-ка садись, послушаем, зачем он к нам пожаловал... Продолжайте, господин Касьянов.

— Не надо, Николай Константинович, зачем вы меня так зовете?

— А как же? — прищурившись, спросил Михаил. — Не могу же я называть вас товарищем.

— Зовите Петром Тимофеевичем, — сказал Касьянов.

Лицо его было растеряннo и бледно, веснушки ярко выступали на лбу.

— Вы закончили на том, что Касьянов взял вас из приюта и усыновил, — Михаил снова сел к столу и внимательно, с еле заметной хитринкой взглянул на Касьянова. — Вы хотите сказать, что, родившись в крестьянской семье, а потом воспитываясь так, как только может воспитываться ребенок в семье богатого золотопромышленника, вы остались вместе с народом?

Должен вам сказать, что я лично этого не заметил! Уже хотя бы по тому, как вы вели себя на Юргаштинском прииске, — наобещали старателям улучшить им жизнь, повысить заработки, построить бани, новые бараки, а сами скрылись, и все осталось по-прежнему... Пожалели, как говорят, на час! Правда, потом Накышев, боясь расплаты за все свои издевательства над рабочими, сделал небольшую прибавку, но и это было, как ложка меда в бочке дегтя!.. Теперь мы уже сами хозяева вашего прииска, и старатели, наконец, вздохнут свободно и станут получать за свой тяжкий труд то, что положено...

— Но я же тогда заболел, — пунцовая в скулах, торопливо заговорил Касьянов. — Я просто не в состоянии был следить за событиями... Я не знал, останусь ли вообще жив... И, кроме того, я вынужден был считаться с компаньонами, которые давили на меня и требовали и ставили жесткие условия!..

— В общем — пошла баба в огород, а навстречу ей медведь с зубами...

— Что? — не понял Касьянов, но догадываясь, что в словах председателя ревкома звучит какая-то явная издевка, и от этого еще больше краснея.

— Так, присловье такое бытует, — согнав с лица тенью набежавшую улыбку, сказал Михаил. — Я просто хочу понять вас, ваши мотивы... Может быть, вы сами по себе и способны совершить доброе дело, но доброта человека, который должен капитулировать перед обстоятельствами, ничего общего не имеет с тем, когда человек действительно хочет облегчить участь народа и исторически видит, что неизбежен крах той системы, которой он служит... Нашей партии иногда оказывали помощь люди весьма состоятель-

ные, и вы, надеюсь, понимаете, что они иначе оценивали свою доброту...

— Я совсем не хочу сказать, что я ни в чем не виноват, — Касьянов выбил из пачки папиросу, нервно помял ее в пальцах. — Иногда я жалею, что воскрес из мертвых... Неужели меня ждет только одно унижение?.. Впрочем, поступайте, как вам будет угодно — хотите — отправляйте в Сибирь, хотите — расстреливайте!

— Здесь не суд и не трибунал, Петр Тимофеевич, — успокоил Касьянова Михаил и даже зажег спичку, чтобы тот мог закурить, потому что он бесцельно продолжал катать в пальцах папиросу, и крошки табака сыпались ему на колени. — Вы пришли в ревком — не так ли? Пришли, чтобы вас выслушали и что-то посоветовали?

— Да, я явился потому, что не представляю, как мне жить дальше... Если вы мне скажете, что я никому не нужен и должен уйти из этой жизни, у меня хватит мужества покончить с этим жалким прозябанием, на которое я обречен теперь...

Он наконец прикурил, затянулся, и бледное лицо его окрасилось неровным румянцем.

— Скажите, Петр Тимофеевич, а вы не раскаиваетесь, что не уехали за границу вместе с компаньонами? — качнувшись вместе со стулом, стараясь поймать взгляд Касьянова, спросил Хисматулла.

— Нет, об этом я не жалею. — Касьянов повернулся к нему, будто только затем, чтобы лучше разглядеть его и запомнить. — Я русский человек, зачем же мне бежать из России? Растительного существования ради? Нет, это не по мне... Если у человека нет родины, его жизнь теряет всякий смысл...

— Что бы вы хотели услышать от нас? — поинтересовался Михаил.

— Я подумал, что, может быть, могу быть полезен чем-то,— неопределенно протянул Касьянов. — Я в свое время недолго учился в Берлине, в горном институте. Диплома я не имею, но горное дело знаю не плохо... Если доверите, я постараюсь сделать все, что в моих силах...

— Ну что ж, попытаемся вам помочь. — Михаил переглянулся с Хисматуллой, точно ища у него одобрения своему решению. — Подыщим вам такую работу, чтобы вы смогли с пользой применить свои знания... Специалистов горного дела у нас не так много, и вы можете оказаться весьма к месту!

— Я этого никогда не забуду... Признателен до глубины души, — потерянно и счастливо бормотал Касьянов. — Вы не можете поверить, но вы будто окропили меня живой водой... Может быть, я на самом деле воскресну для дела, для людей?.. А что может быть выше?.. Меня направил сюда к вам бог! Когда я вышел на улицу, мне точно кто сказал — иди туда, где горит вот этот красный флаг!

— Бог тут ни при чем, конечно! — заулыбался Михаил и вышел из-за стола. — А уж соединять его с красным флагом совсем не стоит!

— Простите, но я немного мистик, я верю в некое предзнаменование, в судьбу... Сегодня меня услышали и поняли, и в этой неразберихе это не так мало! Я скажу вам больше — это счастье! Спасибо вам за все, а то раньше, куда бы я ни приходил, на меня смотрели только как на капиталиста и врага!.. Значит, завтра я могу прийти к вам за назначением?

— Да, но не с самого утра, а чуть позже. Я должен узнать, на каком участке нужен такой специалист...

Касьянов сделал глубокий поклон, на какое-то мгновение он даже заколебался, словно собирался протянуть руку председателю ревкома, но почему-то не решился на этот поступок и, еще раз кивнув, твердой походкой направился к двери, опираясь правой рукой на гнутую трость.

С минуту Михаил и Хисматулла сидели молча, прислушиваясь к стуку трости в коридоре, потом разом повернулись друг к другу.

— Ну? — спросил Михаил.

— Что ну?

— Что ты обо всем этом думаешь?

— Я в его шкуре никогда не был, он в моей тоже, — помолчав немного, сказал Хисматулла. — Придет ли он к людям, а они к нему — не знаю... Веры ему будет мало... Как ни говори, но все-таки буржуй...

— Но разве к нам не приходят военные спецы и другие люди? Мы должны их гнать от себя или давать им жить и работать на пользу общества?.. Мы не для того берем власть, чтобы мстить тем, кто жил до этого по-другому! Одно дело — когда человек поднимает на нас оружие, а другое — когда он хочет встать в один ряд с нами и помогать нам...

— Я с тобой и не спорю! Что ты меня убеждаешь? — Хисматулла рассмеялся. — По-моему, ты правильно сделал, что протянул этому человеку руку...

Они оба встали и расхаживали по комнате от окна к двери и обратно. За светлыми окнами

кружились хлопья снега, и ветви деревьев в саду будто одевались в пушистый белый мех.

— Портится погода, как бы акман-токман не начался, — сказал Михаил.

— Меня этот акман-токман меньше пугает, чем тот, который могут люди сотворить, — кладя руку на плечо товарища и останавливаясь у окна, хмуро бросил Хисматулла. — Все Сакмаево говорит о башкироком правительстве, как будто оно принесет людям райскую жизнь... И никто не хочет понять, что это пострашнее акман-токмана будет... Даже самые надежные люди и то поддаются всяким слухам, ничего им нельзя доказать...

— А на приiske как? Ты Кулсубая давно видел?

— Там, может, немного получше, но что касается Кулсубая, то на него тоже положиться целиком нельзя! Сегодня одну песню поет, вроде с тобой заодно, а завтра другую... Беда с ним!

— Да, пока мы радовались нашей революции, националисты не дремали. — Михаил сунул трубку в кисет, набил ее табаком, поднес горящую спичку и всосал жиденькое пламя. — У них на каждом углу свой человек сидит, а мы собираем верных людей в Совете и агитируем друг друга, вместо того чтобы ходить по домам и разъяснять людям нашу политику, разбивать в пух и прах их слухи... Большую промашку мы сделали!

— Но разве ее нельзя исправить?

— Можно, конечно, но не так легко, как нам кажется! — Михаил глубоко затянулся, поковырял спичкой в трубке. — Раньше, когда мы боролись против Временного правительства, у нас были в руках козыри сильные — и то, что оно

войну не кончает и не решает ни один вопрос, — а теперь, если что не так, это уже против нас оборачивается, и объяснить людям наши трудности не так просто...

Снег за окном усиливался, летел косо, подгоняемый сильными порывами ветра, на сугробах, как предвестники бурана, крутились легкие смерчи.

— Я хочу, чтобы ты кое-что почитал по национальному вопросу, это тебе многое прояснит и поможет, когда ты будешь спорить! — Михаил открыл стеклянный шкаф у стены, достал несколько книг и брошюр, стал перелистывать. — Первым делом познакомься с работами Владимира Ильича, в них ты найдешь ответы почти на все твои вопросы...

— А как быть с золотом? — спросил Хисматулла. — Сейф держать на прииске уже опасно, могут в любую ночь произвести налет и увезти и передать тому же башкирскому правительству, если оно вдруг возникнет...

— Боюсь, если мы сами решим его увезти, тоже разнюхают, и могут по дороге ограбить. — Михаил завернул в газету отобранные книги и брошюры. — Я уже говорил с товарищами в губкоме. Они тоже считают, что хранить золото в Юргаштах сейчас рискованно, но пока другого выхода нет. Нужно только увеличить охрану, пока они смогут прислать из Уфы специальный отряд.

— А если не успеют?

— Постарайтесь временно как-то замаскировать место, перебросить сейф из конторы в более надежный тайник, лучше вооружить дружину!

— Да у нас обыкновенных винтовок не хватает, хоть палками отбивайся, если кто нападет!

— Виштовок мы вам выделим и патронов тоже, но этого мало, чтобы отразить серьезное нападение, — Михаил закашлялся надсадно, до слез. — Вот проклятье! Никак не могу бросить... Так о чем я? Вам еще нужно связаться с коммунистами из всех окрестных сел и деревень, держать постоянную связь с нами, поручи это дело Загиту, он толковый парень, не подведет...

— У меня еще один вопрос, Николай Константинович...

— И ты меня стал так величать? — Михаил усмехнулся. — Отвык я от этого имени, не отзываюсь даже, а стоит кому на улице крикнуть: «Михаил!» — как я оборачиваюсь...

— Как ты считаешь, не арестовать ли нам для страховки тех, кто сейчас путает все наши карты, кто может пойти в открытую против нас?

— Ты имешь в виду Хажисултана, муллу и Нигматуллу — эту святую троицу?

— Подпевал их можно пока не трогать, а этих взять, по-моему, самое время.

— Ну что ж.. — Михаил сделал несколько медлительных шагов, задержался у окна, глядя на усиливающийся буран, потом, словно вспомнив, что он не один в комнате, обернулся к Хисматулле: — Береженого, говорят, бог бережет. Берите и отправляйте их в Кэжэн, мы их тут немного подержим, а там, если будет все спокойно, и выпустим... Мы не можем их арестовывать за одни слова, которые они говорят против нас, и держать их в заключении без суда тоже не имеем права. Вот если они возьмутся за оружие, тогда мы с ними считаться не будем!

Старинные часы на стене зашипели, точно внутри их что-то испортилось, потом раздался мелодичный и чистый звон.

— Надеюсь, ты у меня остановишься и переночуешь? — спросил Михаил.

— Я хотел бы не задерживаться и ехать домой, мало ли что там может случиться...

— Все равно винтовки ты сможешь получить только завтра, да и посмотри, что на улице делается!

Они снова задержались у окна и с тревогой смотрели, как раскручиваются на сугробах белые спирали вихрей, как летит по дороге поток поземки, а ветер сбрасывает с ветвей сада пушистый мех и закрывает сплошной белизной всю округу.

VII

Хисматулла сумел выехать из Кэжэна только через три дня, дожидаясь, когда стихнет акмантокман, но так и не дождался, и в буранную ночь, стоило чуть ослабеть ветру, двинулся в Сакмаево. Завалив соломой винтовки, он залез в косматый тулуп и, выехав за город, отдался на волю лошади.

Она тащила сани медленно, изредка останавливалась и передыхала, потом без всяких понуканий трогалась дальше. На рассвете она остановилась у ворот, и Хисматулла, расклеив смерзшиеся веки, с трудом узнал занесенный чуть не под самую крышу свой дом.

Деревня еще вся спала, не было видно ни одного дымка над крышами, поэтому они с Гульямал смогли незаметно перетаскать все винтовки и сложить их пока под нарами. Хисматулла бил озноб, и, выпив горячего чаю, он завалился спать и проснулся уже в сумерках. Он начал было одеваться, но Гульямал вцепилась в полу его пиджака:

— Не пущу, Хисмат!.. Ты так заболеешь!.. У тебя лоб горячий. Не пущу!

— Был кто у нас?

— Прибегал Акназар, но, увидев, как ты спишь, сам не велел тебя будить. Ничего там за эту ночь в твоём Совете не случится!..

Хисматулла подчинился ей во всем, как маленький, позволил снять камзол, выпить круто заваренного малинового чаю, вымыть в горячей воде ноги.

Он снова провалился в сон, спал глубоко, пока кто-то грубо не встряхнул его за плечо:

— А ну, поднимайся, георгиевский кавалер!..

Около нар, нацелив в него револьвер, стоял незнакомый человек в полушубке. У дверей щелкая затворами, подпирали косяки еще двое, тоже не сакмаевские, не здешние.

— В чем дело? — спросил Хисматулла.

— Вопросы будешь задавать потом, а пока собирайся! — командовал человек в полушубке. — Не обуешься быстро, босиком побежишь..

«Как глупая мышь, сам залез в мышеловку! — подумал Хисматулла. — И зачем я только послушал Гульямал?»

Она сидела на корточках около чувала, одеревенев, зажав ладонью рот, точно боялась закричать, большие раскосые глаза ее были расширены, как у безумной.

— Куда вы уводите моего сына? — не вытерпев, закричала Сайдеямал, и Хисматулла только сейчас увидел мать, которую не пускал к нему дюжий дядька, державший наперевес винтовку. — Что он сделал вам дурного? Он никого не убил и не ограбил! Он воевал за вас...

— Помолчи, старая! — крикнул человек в полушубке. — У нас есть свой счет к твоему сыну...

— Не надо, мать,— тихо попросил Хисматулла. — Эти люди не поймут тебя. Они говорят на другом языке, на языке беззакония и ненависти!..

— Может, ты тоже заткнешься, большевистская сволочь? — заорал человек в полушубке. — Я ведь могу тебя и без всякого суда и следствия пришить, как собаку. И никто с меня за тебя не спросит!.. Моли бога, что ты пока не в моей власти, что ты еще кому-то нужен, как главарь и заводила!..

Хисматулла молча натянул сапоги, снял с гвоздя шинель, тянул зачем-то время, словно надеялся на какое-то чудо — вот сейчас распахнется дверь и ворвутся пришедшие на помощь товарищи. Но, видимо, ждать было некого, раз его захватили врасплох, вряд ли кому удалось уйти... Странно, но он не испытывал страха, а только ноющую боль в груди и легкий озноб, охватывающий спину.

«Жалко, что приходится расплачиваться за собственную глупость! — стучало в виски. — Вот что значит — «промедление — смерти подобно»! Дом полон оружия, а я стою с пустыми руками под чужим дулом!..»

— Руки назад, и выходи! И не вздумай бежать — сразу получишь пулю в затылок!

Захлебнувшись в истошном крике мать, крикнула, как подстреленная птица, Гульямал, но дверь хлопнулась, и Хисматулла шагнул в ночную темень и теперь только слышал скрип снега под сапогами тех, кто шел у него за спиной, их угрожающее молчание.

Буран стих, лишь слабо курились поземкой сугробы, и столбы заборов надели косматые папахи.

«Куда они меня ведут? — лихорадочно соображал Хисматулла. — Если сразу не поставят к стенке, задешево я им свою жизнь не отдам!»

Когда сквозь слабо мельтешивший снег проступил остов сгоревшей лавки Нигматуллы, он понял, что сейчас его толкнут в один из сохранившихся погребов, откуда ему уже не выбраться.

У полуразвалившегося, обугленного сарая, откуда вел ход в погреб, их поджидали еще несколько вооруженных человек, во дворе были привязаны лошади под седлом.

— Взяли голубчика? — спросил кто-то из темноты. — Прервали золотой сон?

— Да, теперь полный Совет в сборе! — Человек в полушубке засмеялся. — Они могут перед смертью поговорить по душам и устроить свой последний большевистский митинг!

— Юшевеливайся! — Дуло винтовки уперлось Хисматулле в спину. — Полежай к своим друзьям-приятелям... Помолитесь своему богу! Если есть верующие, можем муллу прислать...

Хисматулла нащупал в открывшейся черной дыре ступеньку, но другая его нога повисла в воздухе, потому что его ударили в спину, и он упал в яму, грохоча сапогами по лестнице.

Когда он открыл глаза и пришел в себя, кто-то провел рукою по его щеке и спросил:

— Жив, Хисмат?

— Это ты, Акназар?

— Я... Мы все в этом капкане... И Ягудагай, и Файзрахман, и Зинатулла, и даже Гайзулла...

— А он-то как попал вместе с вами?

— А они нас в Совете взяли, мы как раз говорили, как землю делить будем... Ну, а там,

где спор, без Гайзуллы не обойтись — ему до всего дело, все интересно...

— Гайзулла! — тихо позвал Хисматулла. — Иди сюда, дружок!

Ему почему-то казалось, что в эти минуты, может быть, последние в их жизни, больше всего нуждалась в утешении и поддержке молодая, еще неокрепшая душа.

— Я рядом, Хисматулла-агай...

Хисматулла нашел в темноте его руку, протянул Гайзуллу к себе.

— Ну как ты?

— Я не боюсь их, агай! — вдруг исступленно и страстно зашептал Гайзулла. — Я умру, если надо, за революцию!..

В погребу наступила напряженная тишина, и в ней слышался лишь срывающийся от волнения, почти слезный голос Гайзуллы:

— Я умру, если надо...

В погребу было холодно и сыро, пахло плесенью, прелью, с верхних балок свисали лохмотья паутины, изредка срывались ледяные капли, было трудно дышать гнилым, застоявшимся воздухом.

— О всемогущий аллах! Почему я не послушался своей разумной жены? — запричитал Файзрахман. — Зачем я полез в дело молодых?

— Стыдись, старый! — остановил его Ягуда-агай. — Нам стыдно за тебя. Неужели ты не слышал слов молодого джигита?

— Хорошо вам, — ныл, не утихая, старик. — У всех у вас ни кола, ни двора, ни семьи... А у меня полные нары ребятишек. Что с ними будет, если я уйду на тот свет?

С грохотом отвалилась крышка погреба, и вниз рухнуло еще чье-то тело. Все кинулись к

лестнице, чтобы принять удар на себя, чтобы человек не разбился, и все получили ссадины и кровоподтеки.

— Сволочи... Негодяи... — простонал упавший.

— Кулсубай, ты? — спросил Хисматулла. — Значит, и на прииске хватать начали?

— Сафуан как-то ускользнул, а я не успел...

— А Загит где?

— Он сегодня в карауле, золото охраняет... Когда меня сюда вели, там такая пальба шла, что нельзя было ничего разобрать, кто в кого стреляет... Но он парень такой, он живым им не попадется!..

— Не башкирское ли правительство пришло к власти? — раздумчиво, как бы ни к кому не обращаясь, спросил Хисматулла. — Тогда нас пустят в расход по закону. Не какая-то там банда или казаки Дутова, а родное правительство... Как-то легче на душе будет...

— Перестань! — властно оборвал Кулсубай. — Нашел время бросать камень в мой огород!

— Да, если бы мы послушали Хисматуллу-агая, когда он уговаривал нас арестовать всю эту байскую шайку, мы бы тут не сидели и не гадали — будем ли мы живы или нет! — сказал Акназар. — Кто же позвал сюда этих карателей?.. Больно мы жалеем всех, кто нами помыкает всю жизнь... Все-таки свой бай, родной, есть, к кому на поклон бегать и спину гнуть...

Неожиданно наверху, где беспрестанно топали сапоги и раздавались голоса, кто-то отчаянно вскрикнул, тишину ночи раскололи выстрелы.

— Тихо! — сказал Хисматулла и поднялся, чувствуя резкую боль в ноге. — Мне кажется, что на улице идет бой...

Он поднялся по лестнице, уперся спиной в крышку, пытаясь отвалить ее, но она была завалена чем-то тяжелым.

— Пахнет дымом, — приюхиваясь, сказал Гайзулла. — Может, там пожар?

— Давайте крикнем все вместе, а то люди могут и не знать, где мы, — предложил Хисматулла. — Помо-о-ги-те-е!

Они кричали и разом, и по отдельности, до хрипоты и головокружения, но, казалось, их крики глохнут в погребе, как в глухой норе.

Но вот сквозь нарастающие залпы, которые все приближались, они различили топот ног, человеческие голоса, наверху снова загрохотали, отодвигая что-то тяжелое с крышки погреба, и вдруг в его глубину хлынул утренний свет.

— Есть здесь кто? — наклоняясь над черным провалом, закричала Гульямал. — Выходите!

Щурясь от света и отряхивая с себя паутину и землю, все начали по очереди подниматься наверх и тут попадали в объятия Гульямал, которая, плача, обнимала каждого. Тут же стояли и улыбались дружинники, подоспевшие на помощь из Кэжэна.

— Кто из вас Хисматулла? — спросил вышедший вперед светловолосый парень. — Меня послал к вам Михаил, а на полпути мы вот ее встретили, говорите ей спасибо!.. Мы и сами бы могли попасть в засаду, а она нас провела задом, и мы ударили им в тыл...

— А как на прииске? — спросил Хисматулла.

— А мы на два отряда разбились, — тряхнул чубом светловолосый. — Жалко, что самая контра от нас ушла... На лыжи встали — и в горы, а лошади там сейчас не пройдут, по грудки тонут. Но ничего, мы по следу за ними пойдем... Лыжи бы вот где раздобыть...

— Найдем! — успокоил его Хисматулла.

В конце улицы показалась окруженная верховыми подвода. По обе стороны ее, держась за разводя розвальней, молча вышагивали ребяташки.

Хисматулла вздрогнул, чуть подался вперед — что-то тревожное было в этой медленно движущейся подводе, в неторопливости верховых, в угрюмом шествии мальчишек.

— Кого-то убили, — сказал он, страхась додумать до конца и назвать имя человека, о котором в это мгновение, наверное, вспомнил не только он один. — Неужели к нему не успели?

Первым кинулся к подводе Гайзулла, загребая покалеченной ногой снег, за ним маленький и худой Аптрахим, уже кричавший отчаянно и дико:

— Уби-и-или!.. Братку убили!

Подскочив к розвальням, Хисматулла откинул тулуп и увидел лежавшего навзничь на соломе Загита — лицо его было серым и бескровным, на плече алело кровавое пятно. Неожиданно он открыл глаза, пошевелил губами.

— Живой! — бросился на колени Акназар. — Браточек мой, живой!..

— Гульямал, тащи чистые тряпки, его надо перевязать! — быстро приказывал Хисматулла. — Сейчас же повезем его в Кэжэн, в больницу!

— Мировой парень! — сказал светловолосый. — Всю ночь один против целой банды бился! И откуда в нем такая сила? Он сейфом дверь прикрыл. Они все изрешетили, а войти не смогли! Он там несколько человек уложил... Когда мы ворвались, он уже без сознания лежал, а они все врассыпную!..

— Так никого и не взяли? — спросил Хисматулла.

— А этого не узнаете бандита? — кивнул светловолосый на человека в полушубке, стоявшего за верховыми с закрученными за спину руками.

— Отдайте его нам, мы над ним свой суд устроим, — сжав кулаки, прохрипел старый Файзрахман.

— Нет, агай, Советская власть никому мстить не будет! — удержав старика за полу камзола, сказал Хисматулла. — Он получит все, что заслужил, без всякого самосуда!..

VIII

Султангали с трудом расклеил веки и огляделся. Девушки, которая вчера легла с ним рядом в постель, не было, в голове шумело, в горле пересохло.

Морщась, он глотнул кислого кваса из стоявшей на столике кружки, откинулся на подушки и закрыл глаза. Голова кружилась, и он с отвращением вспомнил о вчерашней попойке, о девке, которая не слезала с его колен, пьяные песни, дым, облаком висевший под потолком кабака.

«Крепко, видать, перебрал», — позевывая, подумал он и привычным движением засунул руку под рубашку. Он тут же вскочил, точно его подбросило пружиной, сел в кровати, выпучив глаза и шаря вокруг себя. Но мешочка с золотом, всегда висевшего на груди, на витом шнурке, не было. Чуть не плача, жалобно мыча, он обшаривал постель, заглянул под кровать, перерыл все в комнате, но ничего не нашел.

Голова по-прежнему кружилась, толчками подступала тошнота, и, натянув штаны и камзол,

он снова хлебнул из кружки, чтобы сдержать дурноту и немного прийти в себя.

Вот уже полгода, как кожаный мешочек, с каждым днем прибавляя в весе, кочевал с ним из дома в дом как в деревне, так и на прииске. Крепкий шнурок, на котором он держался, Султангали сам свил из конского волоса и каждый вечер проверял, не протирается ли кожа, не перетерся ли шнурок. На всякий случай он вддел кожаный мешочек в полотняный, но и это не уменьшило его беспокойства, — чем тяжелее становился мешочек, тем больше боялся Султангали. Пару раз он закапывал его в навозной куче за отцовским домом, но где бы он ни оказывался в конце дня, тревога, что мешочек найдут, начинала так грызть Султангали, что он возвращался в деревню, откапывал свое сокровище и снова прятал на груди.

Когда в мешочке собралось около трех с половиной фунтов, Султангали стали сниться сны: то неведомо откуда появлялись бандиты на лошадях и увозили его мешочек в горы, то Нигматулла, оскалив желтые зубы, одним движением руки срывал мешочек с его шеи и засовывал к себе в карман, то вдруг пропадала огромная навозная куча за домом отца — пропадала бесследно, вместе с мешочком, и Султангали просыпался в жаркой испарине, с дико колотящимся сердцем, весь дрожа, и сразу хватался за шнурок...

Султангали стиснул зубы, поднялся и, пошатываясь, держаась руками за стены, вышел из комнаты.

Половой Тимоха с остроносом, птичьим личиком и всклокоченными волосами протираал столы мокрой тряпкой.

— Проснулся? — не оборачиваясь, сказал он.

— Где девка? — с трудом выговорил Султангали и облизнул пересохшие губы.

— Какая девка? — деланно удивился половой.

— Как какая? Ты что, не знаешь, что меня вчера хозяин с девкой свел? — разозлился Султангали.

— Откуда мне знать? — Половой распрямился и, поглаживая усики, затянул потуже широкий пояс. — Наше дело на столы кушанья подавать, а не девок!

— А где хозяин? — дрожа то ли от злости, то ли от дурноты и стуча зубами, наступал на него Султангали.

— Спит еще, — сухо сказал половой и плеснул из кружки на стол. — Вишь, не оттирается...

— Разбуди! — потребовал Султангали.

— Не велели-с, — еще строже ответил половой.

— Разбуди, говорят! — сорвавшись на крик, замахнулся Султангали.

— Видать, лишку хватил парень... — Половой попятился. — Максим Андреич! Максим Андреич, выды! Тут вас клиент добивается!..

Не в силах стоять, Султангали опустил на лавку и молча уставился на дверь. Голова гудела, разламывалась от боли, в глазахплыли зеленые круги.

— Чего тебе? — потягиваясь и сердито буравя «клиента» острыми глазками, отозвался хозяин кабака. Он был одет и чисто выбрит и, по всей видимости, не спал уже давно, несмотря на уверения Тимохи.

— Где мешочек? Где девка? — подымаясь навстречу ему, сжал кулаки Султангали.

— Какой мешочек? О чем ты болтаешь? — пожал плечами Максим Андреич, проходя за

стойку и вынимая счета. — Или не проснулся еще?

— Так вы заодно? Вот как! Ну что ж, тогда я иду прямо к дружинникам или в участок! Отдай сейчас же, не то хуже будет! — захлебываясь от гнева, крикнул Султангали.

— Рехнулся! — спокойно поглядел на него Максим Андреич. — Ничего, бывает... Особо, если накануне от стола к столу походить, еще и не то получится! Иди-ка ты, парень, отсюда по-добро-поздорову, пока не выставили!

— Ну, смотри, я отсюда прямо в участок! Так и скажу, что ты нарочно мне девку подсунул, чтоб золото украсть! — задохнулся Султангали.

— Да откуда у тебя, у голодранца, золото? И когда ты здесь каких девок видел? — нахмурился Максим Андреич. — Обсмеют тебя, вот и все дела...

— Отдай!.. — Султангали рванулся и, схватив с конторки счета, кинул их в кабатчика. — Отдай, шайтан!..

Счета грохнулись об стену, треснули, и круглые костяшки покатались по полу.

— Тимоха! Зови!.. — сдавленно крикнул Максим Андреич.

Из дверей, ведущих на хозяйскую половину, тотчас выбежали еще один половой и сын Максима Андреича, худосочный подросток с бледным, угрыстым лицом.

— Уматывайся, пока цел! — прошипел он, поднося кулак к самому носу Султангали, пока половые закручивали ему руки за спину. — Чтоб духу твоего за три версты не было, а то костей не соберешь, голь перекатная!..

Султангали не успел опомниться, как его выкинули из кабака, и он зарылся головой в хлипкую весеннюю грязь.

Плача и отплевываясь, размазывая по лицу желтую глину, Султангали погрозил кулаком в сторону кабака и, подняв из лужицы брошенный ему вслед казакин, медленно побрел к площади.

Улицы уже развезло, но по сторонам, у заборов, еще не растаяли рыжие, словно заржавленные, сугробы. Юргашты вскрылась, и треск сталкивающихся, ломающихся, налезających друг на друга льдин слышен был в любом уголке поселка. На березе неподалеку от конторы суетился возле скворечни юркий скворец — он то влезал внутрь своего домика, то прыгал вокруг него, склоняя голову и внимательно рассматривая, годится ли прежнее жилье для новой жизни.

Султангали поднял с дороги черный, измазанный глиной камень и запустил в птицу. Скворец метнулся от скворечни и закачался на высокой ветке другой березы. Султангали погрозил кулаком, пнул в бок пробежавшую мимо собаку, и та рванулась от него наутек. Султангали зашвырнул, вложив два пальца в рот, но тут же сплюнул от досады и обиды.

— Ну погодите! Погодите! — неизвестно кому грозя, цедил он сквзь зубы. — Вы еще меня узнаете!

Залитая утренним солнцем площадь была пустынна, лишь во дворе конторы виднелась распахнутая настежь дверь и понуро стоявшая у крыльца худая сивая лошадь. Крадучись пройдя вдоль забора, Султангали прошмыгнул к конторе и, полусогнувшись, замер под окнами.

— Дела, как видишь, плохи, — донесся до него из открытой форточки голос Хисматуллы. — Все сбежали, ни инженеров, ни десятников, ни

штейгеров — ни одного специалиста! Хотели найти расчетные книги о залежах, все шкафы перерыли — так черта с два! Лучшие шахты водой затопило, в третьей и восьмой шахтах на той неделе вредители оборудование взорвали, — словом, ничего не налаживается! О продуктах я уж не говорю — два раза за мукой подводы посылали, и каждый раз осечка, бандиты раньше нас поспевают... Люди изголодались, ничего не могут понять, никого не хотят слушать. Уже несколько раз приходили и требовали разделить золото...

— Да, нелегко вам тут приходилось, пока я отлеживался, — отозвался высокий молодой голос, и голос этот показался Султангали знакомым. Он привстал на цыпочки и осторожно заглянул в окно.

За столом, боком к нему, в кожаном накушешевском кресле сидел Хисматулла; напротив него примостился на стуле Загит.

Султангали присел под окном и, внимательно поглядывая на площадь — не идет ли кто, продолжал слушать.

— Рука болит еще? — спросил Хисматулла.

— Так, пустяки! — небрежно ответил Загит.

— Я потому тебя спрашиваю, что хочу тебе одно дело поручить. Серьезное дело, ответственное. И не от своего имени, а от имени Кэжэнского ревкома. Хотел было дать тебе отдохнуть, да вот не выходит — Михаил говорит, что надежнее тебя человека нет...

Султангали насторожился, стараясь не пропустить ни слова.

— Опасное? — спросил Загит.

— Да, очень опасное.

— Что надо делать?

— Увезти отсюда золото из сейфа и сдать в

Уфимский государственный банк. Там пока наши стоят. Пробирайтесь горами и лесом, на большую дорогу не выходить, в деревнях не останавливаться, ну, и, конечно, никому ни слова. До Кэжэна отсюда дам тебе трех проводников, а там ревком даст отряд дружинников.

— Когда ехать? — голос Загита был ровным и спокойным.

— Чем быстрее, тем лучше, — вздохнул Хисматулла. — Сам понимаешь, положение сейчас у Советской власти тяжелое, англичане и американцы все еще в Мурманске, на Дальнем Востоке японцы наступают, на местах свои банды, а каждая крупинка золота — это винтовка или хлеб... Эх, прииск стал! Я бы сейчас эту землю проклятую своими руками бы рыл!..

— Одними руками не много нароешь, — рассмеялся Загит. — Да подожди, может, еще наладится... Вот сойдет лед, и все в порядке будет, увидишь!

— Зря ты так думаешь, — покачал головой Хисматулла. — Наоборот, прибавится заботы...

— Почему? — удивился Загит.

— Разбредутся все, на золотые места пойдут...

— Вот и хорошо! Добудут золото — нам сдавать станут, — уверенно сказал Загит.

— Нам сдавать? — в голосе Хисматуллы слышалась горькая усмешка. — Нет, они свое золотишко каждый по отдельности на хлеб и одежду менять будут! Нам-то сейчас им продавать нечего, вот какая штука! Да и сил меньше станет, когда старатели разойдутся, боюсь, что даже дружинники на заработки пойдут, — жрать-то нечего! Вот тут и заявятся гости — и Нигматулла, и Хажисултан, прилетят стервятники, свистеть не надо!

— А сейчас они где?

— Да я слышал, возле Верхнеуральска стоят, а может, и ближе... Так ты когда двинешься, завтра, послезавтра?

— Чего там завтра, лучше сейчас! — ответил Загит.

— Ай, молодец! — обрадовался Хисматулла. — Так я побегу, скажу Зинатулле, чтоб арбу запрягал!..

Султангали тихо, на цыпочках, отошел от окна и, выйдя за ворота, опрометью бросился обратно к кабаку, возле которого уже кучками толпились старатели.

— Грабят-я! — что есть мочи орал он, хватаясь то за одного, то за другого старателя. — Золото из железного ящика увезти хотят! Скорее, а то уже грузят!..

— Кто грузит? — схватил его за плечи коренастый рыжебородый мужик.

— Кто-кто! — шмыгнул носом Султангали. — Хисматулла, вот кто!..

— Хисматулла? Хуснутдинов? Да ты не врешь ли?

— Не веришь — поди погляди, говорю, грузят уже!.. — обиженно скривился Султангали.

Ворота конторы неожиданно оказались заперты изнутри. Подбежавшие старатели стали изо всех сил колотить кулаками по доскам.

— Вот видите! Что я сказал? Зачем им иначе запирается? — торжествующе кричал Султангали.

Народу прибавлялось. Заслышав шум, от шахт и вашгердов сбегались люди — кто с кайлой, кто с лопатой.

— Да чего там цацкаться! Ломай ворота! — крикнул рыжебородый.

Затрещали под ударами толстые доски. Старатели били по воротам с размаху, сильно и зло, с мрачными, решительными лицами.

— Слева вдарь! Слева, там уже поддается! — подзадоривал Султангали.

— Совсем с ума посходили! — закричал подоспевший Кулсубай. — Нельзя разве перелезть через забор и открыть?

— Окружить надо, чтоб не сбежали, — подал голос Сафуан.

Султангали перемахнул через забор, ворота распахнулись, и старатели толпой ворвались во двор. У крыльца стояла пустая арба, запряженная сивой лошадкой, возле нее, устилая дно соломой, топтался Зинатулла. На крыльце, прислонившись к перилам, стоял Хисматулла.

Старатели молча окружили высокое крыльцо.

— Что же вы? Хватайте его! — указывая на Хисматуллу пальцем, истошно вопил Султангали. — Там еще с ним этот выродок Загит, они вместе хотели золото украсть!..

— Вот почему ты нам разделить его не давал, хотел все себе прикарманить! — шагнул вперед рыжебородый.

Толпа загудела.

— Постой, — Кулсубай положил руку на плечо рыжебородому. — Тут надо разобраться...

— Чего тут разбираться? — пожал плечами Сафуан. — Дело ясное! Мы сидим голодные, а он только болтает — все для бедняков, все для бедняков, а сам решил золото русским отдать!

Рыжебородый рванулся вперед, но из-за спины Хисматуллы тотчас выступили дружинники и, загородив его собой, выставили вперед винтовки.

Люди притихли, попятились. Маленькие темные дула винтовок выглядели внушительно.

— Вот как, в своих стрелять хочешь? — насмешливо глядя на Хисматуллу, протянул Сафуан. — Где же твое хваленое равенство? Как захотелось самому золотом попользоваться, так, значит, враз и о бедняцких нуждах забыл?

— Я не знаю, кто вас опять сбил с толку, но вряд ли это друг Советской власти, — тихо сказал Хисматулла. — Я никому из вас ничего, кроме добра, не хочу...

— Хватит говорить, вот где у меня уже твоя болтовня сидит! — показал на горло рыжебородый. — Дели золото!..

— Эх, была бы у меня винтовка, он бы у меня сейчас навсегда заткнулся! — злобно прошипел Султангали.

— Дели золото! Дели на всех! Одни обещания!.. — зашумели старатели.

— Поделить всегда успеем, дайте сказать человеку! — выступил вперед Кулсубай. — То, что он золото для себя украсть хотел, — вранье и ничего больше! Я его знаю, ему хоть силой давай — не возьмет, не такой человек! Небось, в Совет хотел сдать. Если хочет, пусть говорит! Все равно он у нас в руках, не отвертится!

— Ты прав, Кулсубай, мне золото ни к чему, — кивнул Хисматулла. — Золото Советской власти нужно, поэтому раздать его вам я тоже не имею никакого права. Если мы его сейчас разбазарим, значит, Красная Армия, которая сейчас воюет за счастье всех бедняков — и русских, и башкирских, — останется без оружия и продовольствия, значит, баям и буржуям будет легче справиться с нашими силами! Нельзя думать только о себе... Вы думаете, мне не хочется хлеба или хорошей одежды? Вы думаете, большевики и коммунисты не такие люди, как вы? А ведь они не жалуются, только животы подтя-

гивают. Надо думать не только о прииске, но обо всей стране, потому что, если мы по всей стране врага не победим, то и на прииске установятся старые порядки, а может, даже и хуже, чем раньше... Неужели вы этого не понимаете? Давно уже пора знать, кто враг, кто друг, а вы то одних, то других слушаете, из стороны в сторону кидаетесь! — В голосе Хисматуллы звучала горечь, усталые глаза медленно скользили по лицам старателей.

— Да кто вас всех разберет, — смущаясь, неопределенно махнул рукой рыжебородый. — Прискакал этот парнишка, кричит: «Грабят...»

— Вот видите, вас может сбить с толку любой мелкий ворышка и жулик!

— Я не жулик! — взвизгнул Султангали. — Я к тебе в карман не лазил... Сам вор, если наше золото хотел увезти!..

— Золото башкирскому правительству сдать надо! — крикнул Сафуан. — У нас должно быть свое правительство, и золото принадлежит ему!..

— Решайте сами, — вздохнул Хисматулла. — Хотите, чтоб баи снова вам поперек глотки стояли — айда, хоть делите, хоть отправляйте... Кому только? Правительство это буржуйское разбежалось, по лесам с бандами кочует. Хотите бандам золото передать, чтоб они потом за счет этого же золота в нас стреляли, — передавайте. Я хотел, как лучше, не только для вас, а для всех...

— Чего ж тогда тайком убежать хотел? — насмешливо прищурился Сафуан.

— Не хотел я никуда бежать, — мотнул головой Хисматулла. — Что бы ни случилось, я буду тут, вместе с вами, как поставил меня ревком...

— Что ж делать будем, братцы? — растерянно сказал рыжебородый. — Ты как думаешь, Кулсубай-агай?

— Я думаю, подождем, — ответил Кулсубай. — Золото пока пусть на приiske остается, нечего его сдавать. Подождем, посмотрим, время само покажет, что с ним делать!..

— Правильно! — поддержал его худой оборванный старатель. — Пока никому доверять нельзя, пусть здесь лежит. И охрану назначим свою, а то он, — старатель показал на Хисматуллу, — пожалуй, все украдет для этой своей Советской власти...

Охрану назначили в тот же день. Человек двадцать старателей собрались во дворе конторы с вилами, топорами и дубинами. Дружинники охраняли сейф с золотом, старатели — дружинников.

IX

Хисматулла вышел во двор и прищурился — солнце слепило глаза и парило вовсю. Ветер клубил пыль по дороге. Перевешиваясь через плетень, тяжело махал цветущими ветками куст жимолости.

— Слышь, как пахнет? — обернулся Хисматулла.

— Что? — не расслышала Сайдеямал.

— Жимолостью, говорю, пахнет!

— К дождю, — покачала головой Сайдеямал. — И то хорошо — огород польет... Ты что сегодня, опять на прииск?

— Наверно, — неопределенно ответил Хисматулла.

Он свернул сигарку и присел на крыльце. Солнце припекало голову и плечи. Хисматулла

расстегнул выгоревшую гимнастерку и затянулся. День обещал быть хорошим.

Далеко впереди, на дороге, ведущей от прииска, показалось желтое облачко пыли.

«Кто же это так скачет?» — повернувшись и подставив солнцу спину, подумал Хисматулла.

Все последние дни он жил беспокойно, хотя мог бы быть доволен, что сумел наконец выполнить указание ревкома и переправить приискское золото в Кэжэн. Он ждал почти три месяца, ждал, когда старателям надоест держать охрану, и они снимут ее, чтобы можно было погрузить все золото в кожаные мешки, а около пустого сейфа по-прежнему с утра до ночи держать часового. Вернувшийся вчера из Кэжэна Гайзулла рассказал, что Загит довез мешки благополучно и что ревком выделил ему восемь дружинников для охраны, и Хисматулла вздохнул с облегчением. Конечно, ему предстояло, если вдруг обнаружится пропажа, объясняться с Кулсубаем и старателями, но это уже не страшило его. Хранить золото на прииске с каждым днем и часом становилось опаснее...

Облачко стремительно приближалось, уже виден был пригнувшийся в седле всадник, слышен дробный перестук копыт по закаменевшей от жары дороге. Что-то знакомое почудилось Хисматулле в этой клонившейся к луке седла фигуре, и, привстав на крылечке, он уже знал, что этот верховой мчится к нему. Так мог гнать коня только тот, кто спешил с тревожной вестью...

Это был Зинатулла, и Хисматулла рванулся навстречу, едва тот свернул к воротам.

— Из Кэжэна пришлось срочно бежать! — хрипло выдохнул Зинатулла, лишь осадив коня и не вылезая из седла. — Там казаки!..

— А где же Загит со своим грузом?

— Ревком велел ему скрываться, и мы отошли пока в лес. Вот он и прислал меня, чтобы вы знали, что он думает податься на Бишитэк... Меня он будет ждать у хутора Федулки!

— Никто за вами не следил? Хвост за собой не водите?

— Да там, по всему видать, не до нас, и пока не хватятся, что золота в сейфе нет, никакой погони не будет... Лишь бы мы верное место нашли... Сюда тоже казаки идут, вам уходить надо! Я лесной тропой пробирался, а они прямо по дороге прут... Песни орут, пьяные, на-верно...

— Так. — Хисматулла задержал взгляд на потном и красном лице Зинатуллы, чувствуя, как все начинает дрожать в нем от волнения. — Значит, так... Передай Загиту, чтобы на хутор не заходили, а шли через Бишитэк... Я соберу всех наших, и мы выйдем навстречу, держаться будем речки...

— В случае чего — выдели связного, пусть он ищет нас...

— Хорошо, трогай! Будь осторожен... Смотри, сам не попадись казакам!

Зинатулла чуть привстал на стремянах, покрутил ременной плеткой, и конь пошел наметом вдоль улицы, скрылся в облаке пыли.

Солнце припекало все сильнее, все так же одуряюще пахло жимолостью, словно за эти несколько минут ничего не произошло — не приезжал Зинатулла, и не нужно было торопиться и уходить из родной деревни.

Хисматулла прошел в дом, снял с деревянного крюка винтовку, подумал, решительно вытащил из-под нар котомку, нацепил на пояс кобур с пистолетом, достал две круглые, в шести-

гранных дольках гранаты, подержал, словно взвешивая, в руках, сунул в широкие карманы.

Сайдеямал усердно хлопотала над самоваром и даже не обратила внимания на его сборы.

— Я пойду, мать, — сказал Хисматулла.

— Куда это ты собрался? — Сайдеямал подняла глаза, и лицо ее тотчас застыло в тревоге.

— Дутовцы идут, мама! Только не говори пока никому!

— Хорошо, сынок, — сжав руки на груди, прошептала Сайдеямал. — В лес?

Хисматулла кивнул и вышел. Во дворе на встречу ему метнулся Аптрахим:

— Солдаты идут!.. Уже на приiske! — Лицо мальчика было бледно, он задыхался от бега, на лбу выступили крупные капли пота.

— Много?

— Много... — Аптрахим задумался. — Если три Сакмаева вместе сложить, то, наверно, столько будет... И Нигматулла-агай с ними!..

— Слушай-ка, парень! — Хисматулла взял его за плечи. — Дуй отсюда к Акназару, пусть все дружинники бегут на площадь, прямо с винтовками... И харч с собой прихватят!

— Ладно. — Парнишка мотнул головой, но продолжал стоять. — Хисматулла-агай, возьмите меня с собой...

— Куда?

— В лес... Я вас не подведу, я буду делать все... Вы не пожалеете, или пусть меня накажет аллах!

— Нет, это будет тебе не под силу, — Хисматулла покачал головой. — Мы еще сами не знаем, куда и как мы будем пробираться... Давай в другой раз...

— Вот и Загит тоже всегда говорит — потом... А я тут жить не буду! Не буду! — крикнул

Аптрахим и, чуть не сбив с ног входившую во двор Гульямал, во всю прыть припустил по улице.

Гульямал подходила к крыльцу, и по ее глазам Хисматулла понял, что она уже все знает.

— Скорее! Скорее!.. — задыхаясь, проговорила она. — Шаяхмет привел на прииск человек двести... Куда вы сейчас?

— Пока мы отступаем в лес. — Хисматулла обнял мать и, взяв Гульямал за руку, вышел за ворота. — Ты останешься пока здесь...

— Зачем? Я лучше пойду с тобой... Мне с вами будет легче!

— Ты должна остаться хотя бы до ночи тут. — Он почти бежал к площади, и она торопливо ловила на ходу его слова. — Ты женщина, и они тебя не тронут... Если не явится связной, тогда ты уйдешь к Загиту и передашь, куда пошли мы... Он до утра простоит на хуторе Федулки...

Не успела Гульямал опомниться, как Хисматулла порывисто притянул ее к себе, прямо чуть ли не на глазах собравшейся на площади дружины, и поцеловал.

— Береги себя... И помни — я буду тревожиться за тебя!.. Я ведь такой женщины, как ты, еще не встречал...

Она смотрела ему вслед, и в глазах ее стыли слезы.

...А через час легким аллюром в Сакмаево въезжали казаки. Покачивались черные папахи, звякали стремяна и уздечки, маячили дула винтовок, эхом отзывался в горах глухой топот копыт, точно гнали через деревню тысячный табун диких лошадей.

Площадь быстро опустела, люди попрятались по домам, и если бы не мулла, встречавший у

мечети казаков низким поклоном, могло показаться, что деревня навсегда брошена ее жителями...

Казаки спешили у дома Хажисултана, живо рассыпались по дворам, и сразу послышались сухие щелчки выстрелов, заревела выведенная из сараев и клетей скотина, в голос завывали бабы, тоненько и обиженно заплакали дети. Плач, грохот, звон разбиваемого стекла, мычание скотины, испуганное блеяние коз и овец, крики — все слилось в один истошный стон насилия и беды...

Из каждого дома одного за другим выволакивали мужчин, не щадили даже древних стариков, которые не могли идти уже сами, их хлестали нагайками, разбивали в кровь им лица, а потом ставили связанных у плетней. За мужчинами, надрывно рыдая, бежали женщины, хватали карателей за руки, молили о пощаде, но их грубо отпихивали и пинали сапогами, и они падали в пыль дороги, молодые и старые, с расстрепанными косами.

Вдоль улицы на вороном жеребце, вглядываясь в лица односельчан, медленно ехал Нигматулла в офицерском кителе, с нагайкой в руке. Время от времени он указывал на кого-нибудь, и обреченного, подталкивая прикладами, тотчас вели к его дому.

— Файзрахмана взяли, — охнула Бибисара, прижавшись к Гульямал. — Не могу я, не могу на это смотреть...

Гульямал приподняла голову и осторожно взглянула поверх обмазанного глиной плетня.

На площади сбились в кучу коровы и овцы, тревожно ржали лошади. В пыли у крыльца мечети узлами лежало награбленное добро. Не обращая внимания ни на что, молоденький казак

с густыми черными, сросшимися у переносья бровями, улыбаясь, тащил за собой упиравшуюся девушку.

Гульямал снова пригнулась и обняла плачущую Бибисару.

Ближе к вечеру стрельба и крики затихли, только безутешно плакали и причитали по дворах женщины. Гульямал задами вышла к реке и осторожно, вдоль плетней, стала пробираться к лесу.

— Стой! — резко окликнул ее чей-то голос.

Гульямал, не оглядываясь, побежала.

— Стой, стрелять буду! — крикнули снова.

Щелкнул затвор винтовки. Гульямал упала в траву и попыталась было пролезть в дыру под плетнем, но казак потянул ее за ногу и, встряхнув, поставил перед собой.

— Куда бежишь? — строго спросил он. — Почему бежишь? Ну-ка, идем к начальнику, там разберутся, что ты за птица!

Гульямал покорно пошла впереди.

«Дура, зачем я ночи не дождалась!..» — ругала она себя.

Свернув на улицу, она увидела кучку солдат, в центре которой, держась рукой за разбитую голову, стоял Киньябулат. Невдалеке скорчился над травой бледный, как полотно, Аптрахим — его тошнило.

— А ну, расступись! — крикнул Шаяхмет, раздвигая казаков. — Сейчас я покажу, как я метко стреляю!

Он отошел на несколько шагов и вскинул винтовку.

— Не надо! — хрипло вскрикнул Аптрахим.

Шаяхмет, не опуская винтовки, попятился и, прислонившись спиной к забору, выстрелил.

Киньябулат пошатнулся и беззвучно, как мешок, ткнулся в пыль.

— Зве-ерь! Зверю-юга!.. — зарыдал Аптрахим.

— Замолчи, шавка! — лениво опустил винтовку Шаяхмет. — Кто там следующий?

Гульямал шла прямо на него, но он не замечал этого, напряженно следя, как выволакивают из сарая очередную жертву.

— Лучше бы тебе не родиться! — остановившись, громко сказала Гульямал и плюнула прямо в глаза Шаяхмету.

— А ну, ставь ее! — завопил Шаяхмет, отирая лицо. — Хотя стой, просто убить — это для нее, пожалуй, мало, да и Нигматулла-агай, небось, не против с ней поговорить! — вдруг расхохотался он. — Ты куда ее ведешь? Веди прямо к Нигматулле, он тебе за эту суку мешок золота отвалит, не меньше!.. Или нам сначала с ней в сарае побаловаться?

— Не смей! — кинулся на него Аптрахим. — Слышишь? Если ты это сделаешь, я тебя убью!..

— Щенок! Молчи, когда говорят старшие! — оттолкнул его Шаяхмет. — На тебя, щенка, и патрона истратить жалко, а то бы ты у меня уже не пищал!.. — Он задумался на мгновение и махнул рукой: — Ладно, веди сначала к Нигматулле!

Во дворе у Нигматуллы сидели рядом на бревне Хажисултан и Хажигали.

— Поймали? — увидев Гульямал, Нигматулла поднялся и подошел к ней. — Где Хисматулла?

— Не знаю...

— погоди, я тебя заставлю говорить! — Он ударил ее наотмашь по лицу. — Ведите ее пока в погреб, я попозже допрошу ее...

Едва Гульямал вышла за ворота, как к ней бросился заплаканный, дрожащий Аптрахим.

— Отпустили? — спросил он.

— Нет, в погреб ведут, — вытирая кровь с разбитой губы, тихо ответила Гульямал.

— Я тоже с тобой! — схватив ее за руку, сказал Аптрахим.

— Ты с ума сошел! Иди сейчас же домой!

— Да пусть идет, если хочется! — хохоча, подтолкнул ее казак.

Погреб, куда собрали жен всех дружинников, был тот самый, где когда-то дожидался своей участи Хисматулла и его товарищи. Он был так набит, что едва можно было найти место, чтобы присесть. Аптрахим опустился рядом с Гульямал, положил голову ей на колени и тут же уснул. Справа от Гульямал, монотонно раскачиваясь и вглядываясь в темноту сухими, блестящими, неподвижными глазами, сидела дочь Файзрахмана Сабира. Камзол на ней был разорван, на лице и руках виднелись ссадины и кровоподтеки.

— Поплачь, — тихо тронула ее за плечо Гульямал. — Поплачь, легче будет...

Девушка, не слыша ее, продолжала так же монотонно раскачиваться.

Во дворе то и дело слышались выстрелы. Время от времени крышка погреба открывалась, и вниз сталкивали новых арестованных.

Поздно ночью крышка снова открылась, и вниз спустили ведро воды и буханку хлеба. На мгновение при слабом свете лампы женщины увидели мальчишеское, безусое лицо под папашой.

— Только никому ни слова! — прошептал казак. — Если узнают — хана мне!

— А ты откуда сам будешь, сынок? — ласково спросила Сайдеямал.

— Меня на соседнем хуторе взяли, — помедлив, ответил казак.

— Дай аллах здоровья твоей матери и всем твоим близким! — поблагодарила его Сайдеямал. — Много грехов тебе простится за это...

— Ладно! — махнул рукой казак. — Утром, если смогу, еще достану!..

Крышка снова захлопнулась. Всю ночь Гульямал просидела почти неподвижно, на одном месте, дрожа от холода и сырости, несколько раз принималась плакать, прощаясь то с Хисматуллой, то со всем белым светом. Кашляла во сне Сайдеямал, все так же раскачивалась Сабира, вздрагивал Аптрахим, как тяжелобольные, стонали и вскрикивали женщины, плакали дети.

Утром, едва в щелях между досками пола забрезжил свет, крышка открылась.

— Где там Гульямал? — наклонившись, крикнул Султангали. — Казаки девок просят!

— Это ты брось — ответил ему резкий ломающийся голос казака, стоявшего на посту у погребя. — Нечего над бабами измываться!

— Да ты знаешь, кто меня за ней послал? Сам Нигматулла-агай!

— Он еще вчера на прииск уехал, что ты врешь? — возразил казак.

— На прииск ее и поведут! — сердито сказал Султангали. — Эй, шлюха, долго я тебя ждать буду?

Гульямал побледнела.

— Храни тебя аллах, доченька! — прошептала Сайдеямал, обняв ее.

Аптрахим молча вылез вслед за Гульямал.

— А ты здесь откуда? — удивился Султангали. — Или, может, ты уже такой взрослый, что стал за бабьи юбки хвататься?

— Я с ней пойду, — угрюмо отозвался Аптрахим.

— Видали теленка? — усмехнулся Султангали. — Иди, иди, сосунок, увидишь, что с твоей Гульямал сделают!

— Много ума не надо, чтобы с бабами воевать! — сплюнул казак. — Ты сам еще сосунок, а туда же...

— Да разве это баба? Даже мулла говорит, что она оборотень, шайтан в юбке! — Султангали рассмеялся. — Таких баб раньше каленым железом жгли да в реках топили. А ну, пошла! — Он вскинул винтовку и ткнул дулом в спину Гульямал. — От меня не сбежишь, гадюка, даже не думай!

По всей деревне видны были следы погрома. Прямо на улице валялись деревянные миски, тряпье, самовар с отломанным краном. У дома Файзрахмана лежала на спине седая женщина с остекленевшими, мертвыми глазами, крепко сжимая в руке пучок выдернутой с корнем травы.

— Тетя Халима, ее вчера днем убили, — отвернувшись, сказал Аптрахим.

— Иди, не разговаривай! — прикрикнул Султангали.

— Ага, бессовестная! — выскочив за ворота и потрясая кулаками, заорала жена муллы. — Допрыгалась? Будешь знать, как неверным ляжки показывать и порочить Хажисултана и моего Гилмана!.. Будешь теперь на том свете в смоле гореть за свой длинный язык!

Гульямал даже не повернула головы, чтобы бросить взгляд на Рамзию, словно не ее, а кого-

то другого позорила жена муллы, и та опешила от такого бесстыдства и попятилась за калитку.

Султангали не успел вывести Гульямал и Аптрахима на дорогу, ведущую на прииск, они добрались только до кладбища, когда в деревне вдруг застрочил пулемет, и отсюда, со взгорья, было видно, как прыгали в седла казаки и покидали Сакмаево.

— А ну поворачивай назад! — испуганно командовал Султангали. — Живо! Кому говорят?

Всю дорогу до деревни он торопил Гульямал и Аптрахима, чуть ли не бежал, только у окраинных домиков шаг его стал осторожней и медленней.

И улица, и площадь у мечети были пустынные.

— Странно, — сам себе сказал Султангали.

Он сделал еще несколько шагов в сторону дома Нигматуллы.

— Стой, не ходи! — отчаянно махая руками, закричал высунувший голову из-за плетня казак.

В ту же минуту из-под крыши дома Нигматуллы снова застрочил пулемет. Пули взрыли пыль у самых ног Султангали.

Гульямал метнулась в сторону и прижалась к забору, таща за собой Аптрахима. Султангали, бросив винтовку, побежал к мечети. Пулемет умолк.

Солнце безмятежно плыло в вышине, терпко пахло жимолостью. С минуту в деревне стояла тишина, потом послышался вдали бешеный конский топот, и казаки с винтовками наперевес ворвались на площадь. Впереди, размахивая нагайкой, мчался Нигматулла.

Пулемет застучал опять. Пулеметчик явно метил в Нигматуллу, но пули только взрывали вокруг желтую пыль.

— Окружить дом! — приказал Нигматулла.

Солдаты в обход пробрались во двор, но приблизиться к крыше, где засел пулеметчик, никто не решался. В доме от окна к окну металось белое лицо Нафисы.

— Сдавайтесь! — крикнул Нигматулла. — Все равно долго вы там не продержитесь! Я же знаю, там у меня патронов — раз-два, и обчелся!..

В ответ на это из-под крыши раздался одинокий винтовочный выстрел, и казак, неосторожно выглянувший из-за плетня, застонав, повалился на землю.

— Что ж, придется ждать, пока не кончатся патроны, — с досадой сказал Нигматулла.

Неожиданно на крыше дома появился человек. Бросив винтовку вниз, он стал быстро спускаться по лесенке во двор.

— Да это Шарифулла! — ахнул Нигматулла.

Волосы Шарифуллы были всклокочены, сквозь лохмотья просвечивали голые руки; на груди, позвякивая, по-прежнему висели жестяные побрякушки.

Старик не добрался до земли, когда во двор на всем скаку влетел Нигматулла и схватил Шарифуллу за волосы. Но тот каким-то чудом удержался на лестнице, сделал рывок вверх и прыгнул, как рысь, на Нигматуллу, и они покатились вниз, на землю. Никто не вмешивался в эту драку, словно люди давали возможность Нигматулле самому отомстить старику за все. Неожиданно Шарифулла вывернулся из-под грузного десятника, и в руке его сверкнул нож. Он всадил его в ногу Нигматуллы и прохрипел:

— Вор!.. Ты обокрал меня! Вор!..

Не целясь, Нигматулла выстрелил из нагана, и старик упал на колени, покачался мгновение,

как на молитве, и упал навзничь, разбросав руки, словно хотел обнять землю.

— Не та собака, которая лает, — морщась от боли, сказал Нигматулла, — а та, которая дожидается своего часа, чтобы укусить тебя... Нафиса!

Жена выскочила на крыльцо, рвала на ленту белую простыню, чтобы перевязать рану.

— Где Султангали? — спросил Нигматулла. — Пусть приведет ко мне Гульямал, как я велел!..

Однако ни Гульямал, ни Султангали не нашли, хотя обегали и обшарили всю деревню.

Бледнея от бешенства и бессилия, Нигматулла гонял всех от хутора к хутору, от прииска до деревни, выставил на больших дорогах дозоры и посты, но все было безуспешно. Поиски ни к чему не привели — не удалось напасть на след Загита, скрывшегося с мешками золота, ни отыскать отряд Кулсубая, покинувшего прииск перед приходом дутовцев, ни дружину Хисматуллы. Они словно провалились сквозь землю.

Х

Небо затянуло серыми тучами, стало быстро темнеть. Судорожно вспыхивали белые молнии, гулким эхом отдавались в горах раскаты грома.

На лоб Хисматулле упала капля, другая, он поежился и зашагал быстрее.

— Может, малость передохнем? — догнав его, спросил Акназар.

— Чуть подальше, вон у той скалы, — не оборачиваясь, ответил Хисматулла. — А то здесь очень открыто...

Капли забрызгали чаще, застучали по листьям, и вдруг зашумел в ветвях дождь, по уста-

лым грязным лицам потекли струйки воды, сапоги и лапти начали хлюпать.

Уже пять дней продвигался в лесу маленький отряд. Время от времени останавливались на короткую передышку, высылали вперед разведчиков, чтобы не натолкнуться на засаду, и шли дальше. Хисматулла вел отряд, минуя большую дорогу, обходя стороной хутора и деревни, держась около болот, топей и густых зарослей. Наспех захваченной еды хватило дня на три, на четвертый Акназару удалось подстрелить двух уток, а ночью Гайзулла принес полмешка свежей картошки, пробравшись в огород одного хутора. Ели ягоду, жевали щавель, выкапывали луковицы сараны, но с каждым днем слабели и чуть не падали от изнурения и усталости. Но никто не роптал и не жаловался, потому что все хорошо знали, что в Верхнеуральске стояли дутовцы, железная дорога была захвачена чехами. Обсуждая на привалах свое положение и споря о том, куда им идти дальше, в конце концов решили пробиваться на Белорецк. На этом пути можно было соединиться с каким-нибудь другим отрядом или случайно связаться с Кулсубаем, отряд которого тоже плугал где-то в этих же лесах.

Шли днем и ночью, под уханье филинов и монотонное рыдание сов. Измученные люди старались не поддаваться спу и усталости. Хуже всего приходилось Гайзулле — нога у него сильно болела, на привалах он растирал ее, но хотя хромота с каждым днем все больше и больше, отказывался сесть на одну из трех лошадей, прихваченных дружинниками из Сакмаева.

— Раз все идут своими ногами, чем я лучше других? Покамест обойдусь,— говорил он, упрямо мотая головой.

Дойдя до скалы, остановились. Гроза прошла, но небо не очистилось, и мелкий дождь продолжал моросить до самого вечера. Посланный в разведку Ягуда-агай все не возвращался, и Хисматулла уже начал беспокоиться. Люди, кое-как пристроившись на мокрой, скользкой траве, старались подремать хоть несколько минут.

— Опять пророк за шайтанами гоняется, — вздохнул, глядя на дальние всполохи, Усмангали.

— Как это? — заинтересовался Гайзулла.

— А так, очень просто — сядет в арбу и гоняется, пока не излупит всех до одного! Когда гром — это его арба по камням стучит, а когда молния — это он плеткой взмахивает...

— Какие же там камни, в небе? Почему они тогда вниз не падают? — удивился Гайзулла.

— Дурак ты, тебе и рассказывать ничего не стоит, — обиделся Усмангали. — На небе камни легче воздуха, понял?

— А почему же тогда молния не в шайтана попадает, а в человека или в дерево? — продолжал допытываться Гайзулла.

— Потому, что шайтан от плетки обычно в пустом дупле прячется, а иногда, не разобравшись, если какой-нибудь шалопай, вроде тебя, рот сдуру раскроет, в человека забирается, понял? Так что смотри, зря рта не разевай! — Усмангали рассмеялся.

Приближалась ночь.

Послышался треск веток, вспорхнула с куста черноголовая синичка.

— Кто идет? — вскинул винтовку Усмангали.

— Свои! — откликнулся Ягуда-агай.

— Наконец-то! — вздохнул Хисматулла. — Я уж подумал, не заблудился ли ты часом...

— Еще чего! Что я, малайка¹ какой-нибудь? — сердито отозвался Ягуда-агай. — Поднимай людей, я отряд Кулсубая нашел!

— Правда?! — обрадовался Хисматулла. — Много там людей?

— Человек двести, пожалуй, — подумав, ответил Ягуда-агай.

Обогнув покрытую лиственницами гору, спустились к небольшой речушке, перешли ее и снова углубились в лес. Дождь перестал, однако ночь не стала светлее, а в лесу стояла такая темень, что люди шли почти ощупью.

— Далеко еще? — спросил Хисматулла.

— Я вас в обход, мимо деревни, веду, — пояснил Ягуда-агай. — А то, знаешь, как говорят: вода близко, да гора склизка!

Скоро в воздухе запахло дымом.

— Неосторожно себя ведут... — затревожился Хисматулла.

— Да в такую ночь даже филин спит, ни зги не видно! — отозвался Ягуда-агай.

Впереди, на самом краю оврага, открылся костер и копошащиеся возле него черные фигурки людей. Красные отсветы падали на стволы деревьев.

— Стой! — крикнул внезапно выросший из кустов часовой.

— Да это мы, сакмаевские! — рассмеялся Ягуда-агай. — Встречайте гостей!

Старатели повскакали с мест и с радостными возгласами окружили сакмаевцев.

— А где Кулсубай? — спросил Хисматулла.

— Лошадей кормит! — ответил часовой. — Вон там...

---

¹ М а л а й к а — мальчишка.

Хисматулла оставил своих и пошел туда, где на полянке стояли стреноженные лошади. Кулсубай привязывал одной из них торбочку с овсом.

— Здравствуй, агай! — хлопнул его по плечу Хисматулла. — Как я рад, что мы вас нашли! Вместе легче будет, правда?..

Кулсубай, не глядя на него, передернул плечами и перешел к другой лошади.

— Ты что, сердишься? — удивился Хисматулла.

— Ни стыда у человека, ни совести! — как бы ни к кому не обращаясь, процедил Кулсубай. — Увел у меня из-под носа золото, а теперь спрашивает, сержусь ли я? Я сержусь, что мне людей кормить скоро будет нечем!.. И все из-за тебя!

— Мне тоже людей кормить нечем, — тихо ответил Хисматулла. — Ты же знаешь, я это золото не для себя берег...

— Знаю, знаю! — раздраженно крикнул Кулсубай. — Что мне толку, что я это знаю? Что ты ходишь вокруг меня, что ты мне зубы заговариваешь, как курэзэ¹? Обвел вокруг пальца, а теперь насмехаешься?!

— Я не для себя это сделал, агай, — повторил Хисматулла.

— Какая мне разница, для кого? — повернулся к нему Кулсубай. — Разве ты не обещал, что без нашего согласия не притронешься к золоту?!

— Медлить больше было нельзя, — объяснил Хисматулла. — Сам подумай, если б я его не отправил, оно сейчас было бы в руках у дутовцев!

---

¹ Курэзэ — знахарь.

— А я еще не знаю, что лучше — твоя Советская власть или дутовцы! — заносчиво вздернул голову Кулсубай. — Мне говорят, что дутовцы за наше башкирское правительство стоят, а твоя Советская власть — за одних русских!

— Кто тебе такого наговорил? — тоже начиная злиться, повысил голос Хисматулла. — Неужели ты не знаешь, что делают дутовцы в наших деревнях? Что они не щадят ни женщин, ни стариков, ни детей?..

— Я с тобой не про это, я с тобой про золото из сейфа говорю! — все больше распалялся Кулсубай. — Если б оно сейчас с нами было, мы, по крайней мере, не голодали бы!..

— Пока патроны есть, можно дичь стрелять, — не сдавался Хисматулла. — Я думаю, найдем как-нибудь, чем прокормить, лето все-таки...

— Он думает! — язвительно усмехнулся Кулсубай. — Кто это найдет, ты, что ли?

— И я, и ты, — спокойно ответил Хисматулла.

— Ты сперва о своих дружинниках позаботься, а потом уже о моем отряде думай!

— Ты что, не хочешь быть вместе с нами? — схватив его за руку и стараясь заглянуть ему в глаза, спросил Хисматулла.

— А на кой вы мне нужны? — вырвался Кулсубай. — Что ты меня лапаешь, как дёвку? На кой, говорю, вы мне нужны — лишние рты да еще и воры в придачу!

— Эх, Кулсубай, Кулсубай! — вздохнул Хисматулла. — Не узнаю тебя, будто подменили...

— Это тебя твои русские подменили, — буркнул Кулсубай.

— Вместе легче идти будет, подумай! — уже не надеясь, что Кулсубай смягчится, сказал Хисматулла.

— А откуда ты знаешь, что нам по пути? Мы, может, еще на прииск вернемся... — прищурился Кулсубай.

— Вас там просто перестреляют, как собак! — заволновался Хисматулла. — Послушай меня, я все-таки бывалый солдат...

— Ладно, хватит болтать! — грубо оборвал его Кулсубай. — Пока что я твоих дружинников, да и тебя тоже, к себе в отряд брать не хочу, понятно?

Хисматулла попробовал было возразить, но Кулсубай снова перебил его:

— Я одно и то же два раза повторять не люблю. Сказал — не хочу, значит, не хочу!

Он подвязал последней лошади торбу с овсом и пошел к костру. Хисматулла уныло поплелся за ним.

— От Михаила никаких вестей не было?

— Слыхали, — нехотя, не оборачиваясь, ответил Кулсубай. — Ревком ваш разгромили, от завода рожки да ножки остались...

— А с Михаилом что?

— В лес ушел, — всем своим видом показывая, что не желает больше разговаривать, сказал Кулсубай. Он поднял из-под куста свой чекмень, встряхнул его, завернулся и улегся на траву, не обращая внимания на Хисматуллу.

Хисматулла постоял немного и подсел к угасавшему костру. Утомленные тяжелым переходом, люди спали, только неподвижные фигуры часовых виднелись у обрыва и за деревьями.

Хисматулла сгреб головешки в кучу. Обгорелые берзовые полешки задымились и вдруг вспыхнули ярким белым пламенем.

«Что же делать? — в отчаянии думал Хисматулла. — Вот уперся! Это надо же быть таким бестолковым! И что на него опять нашло? Неужели это потому, что ревком разгромили?.. И с Сакмаевым связи нет... Я думаю, женщин они не тронут все-таки. А Гульямал уже должна была бы появиться...»

Кто-то осторожно тронул его за плечо.

— Чего тебе, Гайзулла? Погреться хочешь? — спросил, обернувшись, Хисматулла.

— Вот, в траве нашел, — Гайзулла протянул ему листок бумаги.

— Да это листовка башкирского правительства! — удивленно свистнул Хисматулла, пробежав листок глазами.

— Тут много таких валяется, — сказал Гайзулла.

— Сволочи! — поднеся листок поближе к огню, сжал кулаки Хисматулла. — Против большевиков пишут! Все — вранье сплошное! Теперь понятно, почему Кулсубай так упрямится...

— Принести другие? — спросил Гайзулла.

— Спасибо, мне и этого хватит! — с горечью ответил Хисматулла. — Иди спать, а то завтра опять идти весь день...

Огонь лениво облизывал почерневшую кору. Внизу, под головешками, красным жаром мерцала земля.

Хисматулла сунул листок в карман и, завернувшись в шинель, прилег.

От земли шел сырой, промозглый холод, бледно розовел восток. Зазеленела трава, изумрудно заблестели мокрые листья кустов. Внизу, под обрывом, белыми хлопьями поднимался от реки утренний туман и, поднимаясь, становился все легче, все прозрачнее и таял. Приветствуя восход, на разные голоса защебетали птицы.

Костер угас. Люди один за другим стали поднимать головы. Чувствуя, что ему не уснуть, Хисматулла сел и потер кулаками зудящие, воспаленные веки.

«Надо попробовать еще раз поговорить с Кулсубаем», — решил он.

Кулсубай спал, как ребенок, поджав ноги и подложив под голову сомкнутые ладони. Лицо его и во сне было озабоченным и сердитым, в густой черной бороде блестели капельки росы.

— Агай, — тихонько потряс его Хисматулла.

Лицо Кулсубая стало еще более озабоченным и недовольным, он тяжело заворочался и сел.

— Уже пора? — зевнув, спросил он хриплым, срывающимся голосом, потер лицо ладонями и открыл глаза.

— Поговорить надо, — сказал Хисматулла.

— Нет, с тобой каши не сваришь! — окончательно проснувшись, затряс головой Кулсубай. — Тебе что, дня мало для разговоров?

— Не сердись, агай, я с тобой хотел поговорить, пока все спят, — присел на корточки Хисматулла.

— С каких это пор ты людей боишься? — нахмурился Кулсубай. — Не буду я с тобой говорить! Вот проснутся все, тогда поговорим! — он снова завернулся в чекмень и повернулся к Хисматулле спиной.

— Ладно, агай, тогда не обижайся, если какое слово поперек горла встанет! — разозлился Хисматулла.

— Вот и лады, — буркнул Кулсубай. — Народ рассудит, кто из нас прав!..

Через час весь лагерь проснулся. Развели два костра без дыма, наскоро попили кипятку с хлебом из жестяных кружек.

— Сейчас бы чего погорячее! — заметил Мутагар, выпивая вторую кружку. — А то только в животе бурчит...

— Ну что, не расхотел говорить? — спросил Хисматулла подошедший Кулсубай.

— Почему же? Давай поговорим, — ответил Хисматулла.

Кулсубай собрал людей под березой и прыгнул на пень.

— Джигиты! Вот тут надо ответ дать Хисматулле, — с насмешкой сказал он. — За что вы хотите кровь проливать — как деды наши, за земли предков, за Урал, или за русских, что всю жизнь с нас по три шкуры снимали?

Люди притихли.

— Ну, что же вы молчите? — нахмурился Кулсубай.

— Постой, зачем ты так? — попробовал остановить его Хисматулла.

— Я не тебя, я их спрашиваю! — резко ответил Кулсубай. — Что скажете?

— Да вроде вчера еще договаривались... — нерешительно сказал Мутагар.

— Что договаривались? — повысил голос Кулсубай. — Ты говори яснее, чтоб каждый слышал?

— Что вернемся! — ободрившись, ответил чей-то голос.

— Там же дутовцы, товарищи! Если вы вернетесь, — это верная гибель! — горячо возразил Хисматулла.

— Дутовцы за нас, за башкир! — осмелев, сказал молоденький юркий паренек в сползавшем на лоб большом картузе.

— Вас обманули враги! — крикнул Хисматулла. — Вспомните, что говорил Михаил: победим, только если вместе будем!..

— Слепой ты человек! — зычно сказал Кулсубай. — Хвостом за своими русскими ходишь и не видишь, что они только и стараются, чтоб все башкиры друг друга перебили! Не слушайте его! — повернулся он к старателям. — Если мы останемся здесь, наши жены и дети погибнут с голоду, а мы сами намучаемся, бродя по лесу да по болотам, а ничего не добьемся!..

Старатели зашумели. Люди постарше, знавшие Михаила и давно работавшие на шахтах, требовали, чтобы Хисматулле дали слово, однако многие поддерживали Кулсубая.

Кулсубай и Хисматулла яростно заспорили между собой, и в общем шуме скоро ничего нельзя было понять.

— Не знаю я, кого слушать! — кричал Мутагар, вертя головой по сторонам. — Решайте сами, как все решат — так и я!..

— Ты мне правду скажи, правду! — схватив Гайзуллу за рукав, настаивал долговязый парень.

— Царя скинули, а жизнь все такая же, — качал головой седой загорелый старик.

— Нет, ты мне скажи: чем тебе, башкиру, башкирское правительство не нравится? Или тебе хочется, чтобы мы всегда у русских под пятой сидели? — орал долговязый.

— Знаю я твоих дутовцев, сукины дети — и все! Под Верхнеуральском целый хутор сожгли, никого не пожалели — сам, своими глазами видел! Нет, на прииск меня и мешком золота не заманишь! — орал рыжебородый старатель.

— Наш мулла говорил, что все большевики шайтану продались, у них поэтому сердце черное, — горячо доказывал паренек в сползавшем картузе.

— Так мы ни до чего не договоримся! — махал руками Хисматулла, но никто не слушал его. Даже часовые подошли поближе, стараясь понять, о чем идет речь.

Внезапно из кустов верхом на лошади вылетел Сафуан.

— Ассалям агайлейкум! — крикнул он и, сорвав с головы тюбетейку, подбросил ее в воздухе. — Вот вы где! А я вас ищу, ищу, совсем с ног сбился!.. Кулсубай, браток, у меня к тебе дело есть!

— Говори!

— Стойдем в сторонку, это дело только нас касается, — спешившись, ответил Сафуан.

Они отошли подальше к кустам. Старатели, переговариваясь, поглядывали в их сторону.

— Давай скорей, — поморщился Кулсубай.

— Радость у меня для тебя, — улыбнулся Сафуан. — Маша твоя, Муслима приехала, сам видел!

Кулсубай задохнулся от неожиданности, не в силах сказать ни слова.

— Сказала, только о тебе и думает! Всю жизнь, говорит, отдам, лишь бы на него хоть одним глазком поглядеть, — внимательно наблюдая за Кулсубаем, продолжал Сафуан.

— Ты сам с ней говорил? — прошептал Кулсубай.

— Сам! — кивнул головой Сафуан.

— А что в Кэжэне?

— А что там может быть? — пожал плечами Сафуан. — Все то же, что и раньше, — кто золото моет, кто водку пьет...

— А дутовцы?

— Что, дутовцы?

— Не ищут нас?

— На что вы им? У них своих забот хватает! — засмеялся Сафуан. — Ты лучше скажи, что Маше твоей передать, она там, небось, все глаза просмотрела, на дорогу глядя!..

— Спасибо тебе, друг! — На глаза Кулсубая навернулись слезы. — Если смогу, отплачу тебе когда-нибудь такой же услугой!..

— Да брось ты! Что мы, не свои люди?

— Возвращаемся — вот мое слово, джигиты! — сказал Кулсубай, снова подходя к берегу. — Я под дудку большевиков плясать не собираюсь! Кто башкир, кто сын нашей земли, за мной! На Кэжэн!..

Он вскочил в седло, выхватил из ножен саблю и помахал ею:

— Вперед, арсланы!..¹

Половина отряда бросилась к лошадям, остальные продолжали в нерешительности топтаться на поляне.

— Подожди! Что ты делаешь?! — крикнул Хисматулла, но Кулсубай уже не слышал его.

Ветер свистел у него в ушах, ветки били по лицу, стегал ноги кустарник. «Ма-ша, — выстукивала копытами лошадь. — Ма-ша, Ма-ша, Му-сли-ма...» Кулсубай видел каждую травинку, каждый камешек на тропе, ему не нужно было ни плетки, ни окрика, словно лошадь сама понимала, куда он торопится, и летела вперед, не сдерживая ни одной жилки, не утаивая ни капли молодой силы.

Какой длинной была дорога от прииска и какой короткой показалась она теперь! Кулсубай обернулся и крикнул:

— Айда, теперь можно и на большую дорогу!..

---

¹ А р с л а н ы — герои, львы.

— Подожди хоть меня! — отозвался отставший Сафуан.

Но Кулсубай только пришпорил лошадь. Вылетев на дорогу, она помчалась еще быстрее, так что земля внизу слилась в бешено несущуюся, желтую ленту. Только у реки она перешла на рысь и вошла в воду, тяжело дыша взмокшими, темными от пота боками. Кулсубай слышал, как фыркали сзади другие лошади. Он наклонился и сполоснул разгоревшееся лицо ледяной, обжигающей водой.

Лошадь, встряхиваясь и дергая кожей, вышла на берег. Кулсубай оглянулся. Уменьшившийся наполовину его отряд растянулся: одни еще были на том берегу и только подходили к воде, другие плыли посредине реки, третьи выбирались следом за ним на этот берег.

— Назад! — крикнул вдруг один из старателей и повернул коня.

Что-то тяжелое ударило Кулсубая сзади, в глазах потемнело.

«Джигиты!..» — хотел крикнуть он, но не успел и упал вниз, запутавшись в стремях ногой.

Выскочившие из кустов казаки окружили отряд. Перестрелка была недолгой. Когда Кулсубай очнулся, люди были обезоружены и связаны.

— Предатель! Ты обманул меня! — с ненавистью глядя на Сафуана, спокойно стоявшего рядом с каким-то офицером, крикнул Кулсубай.

— Отпустите его, это наш человек! — насмешливо глядя на Кулсубая, сказал Сафуан. — Вон твоя лошадь, можешь ехать в Кэжэп, только не знаю, какую ты там Машу найдешь -- ту, которая тебе нужна, или другую!..

Подбежавший казак перерезал саблей веревку, связывающую руки Кулсубая, и он встал. Старатели расступились.

— Вот ты какой оказался, — протянул паренек в картузе. — Предатель...

— Я не виноват, честное слово, не виноват! Это все он! — показал на Сафуана Кулсубай. — Он меня обманул!

— Я тебя обманул? — рассмеялся Сафуан. — Ну и здоров ты врать!.. Ладно, сам потом отчитываешься, почему только половину отряда привел!

Казачьи окружили старателей и повели их в сторону прииска.

— Вон твоя лошадь, можешь потом еще одну взять! — помахав на прощанье рукой, крикнул Сафуан.

С минуту Кулсубай стоял неподвижно, затем вскочил в седло и пустил лошадь вслед за арестованными старателями. Болел затылок, ныла вывернутая в стремени нога, на сердце с каждой минутой становилось все тяжелее. В горле у него стоял горький удушливый ком, и невозможно было ни остановиться, ни подъехать ближе.

Он ехал медленно, не обгоняя казаков, мимо бесрез, склонившихся над небольшим озером, по дороге, тянувшейся вверх по склону горы и снова вниз, мимо полей, окруженных изгородью, мимо ивовых зарослей, ехал, не поднимая головы. Казаки смеялись чему-то, подгоняли старателей, щелкали нагайками. То и дело доносился громкий голос Сафуана.

Так они и въехали в приисковый поселок — впереди казаки, следом за ними, в отдалении — Кулсубай. Потянулись дома, палисадники, одинокие деревья с пыльной листвой, каменные клетки, кабак.

Старателей вели прямо к площади, где напротив конторы высились столбы с перекладинами, на которых болтались петли из пеньковой веревки.

Скоро некоторых старателей отпустили; Кулсубай, подъехав, попробовал заговорить с ними, но люди не отвечали ему и даже не глядели на него, словно перед ними был столб, а не человек. Наконец, отчаявшись, Кулсубай повернул обратно к конторе.

Едва в воротах показалась дюжая фигура Сафуана, как он замахнулся, но не рассчитал, сабля царапнула плечо Сафуана.

— Держи его! — отскакивая во двор, заорал Сафуан.

Кулсубай, пригнувшись к седлу, как ветер, промчался по улице поселка, свернул к реке. Сзади слышались крики и выстрелы.

Перейдя реку, он пустил лошадь рысью, все дальше углубляясь в лес. Начинало смеркаться, и скоро совсем стало темно.

Всю ночь Кулсубай ехал, то подгоняя лошадь, то давая ей отдохнуть, старательно обходя все селения, и только перед рассветом оказался у того места, где покинул своих товарищей.

Чернели на поляне подпалины от костра, шелестела листьями старая береза, на траве виднелись окурки, лошадиный навоз. Тоненько зудели комары.

Все больше волнуясь, Кулсубай обыскал все окрестности, стараясь поймать в нагревающемся, уже душном воздухе запах дыма или ржание лошадей, но все было напрасно.

Выехав к озеру, блестящему у подножия горы, в березняке, Кулсубай спустился в овраг, чтобы напоить лошадь, и вдруг вскрикнул — тра-

ва на берегу была утоптана копытами, везде валялись пустые гильзы, обломки прикладов; провалившись колесом в яму, торчала брошенная арба; невдалеке от нее лежали две убитых лошади. Кулсубай поднял глаза выше — перед молодым березняком в ряд стояло семь свежих могильных холмиков. Земля на них еще не успела просохнуть; на каждом холмике лежал пучок голубых, выдернутых наспех, вместе с травой, колокольчиков.

Кулсубай слез с коня, хромая, подошел к могилам и встал на колени. Ему стало так тяжело, что казалось — сердце его сейчас разорвется, он упадет и больше не встанет.

— Это я... — хрипло сказал Кулсубай. — Это я виноват!... Братки мои... Нет мне прощения!.. Что я скажу вашим детям? Как посмотрю в глаза вашим женам и матерям?..

Он припал к земле и зарыдал, завыл в голос, почти без слез.

Все так же шелестела листва, припекало солнце.

Перестав плакать, Кулсубай поднялся с красным опухшим лицом. В голове шумело, оводы и комарье кучками висели над ветвями.

«Куда идти?.. — в отчаянии думал он. — Хисмату теперь и на глаза нельзя показаться... Никого у меня не осталось! Что изменится, если я убью Сафуана? Все равно я не понимаю, на чьей стороне правда, тогда какое я имею право сбивать людей с толку, если я сам темный человек и бреду наугад? Семь человек! Может, Мутагар, а может, Гайзулла или Акназар... Но Сафуана я убью все равно, иначе не стоит мне жить на свете!»

Дойдя до вершины, он вскочил в седло и повернул лошадь в сторону прииска. Добравшись до Кэжэна, переждал, когда наступят сумерки, и, осторожно переправившись через реку, задуми пробрался к поселку.

Слабо светились в землянках окна, где-то в стороне кабака надсадно лаяла собака. Кулсубай спешил к своей землянке, привязал лошадь к одинокой березе и уже толкнул было дверь, но внезапно острая боль будто пронзила его с головы до ног.

«Как будут смотреть на меня дети, если им скажут, что я предатель? — подумал он. — А что, если им уже сказали обо всем?»

Он отступил было от двери, но в глубине землянки послышался голос Сары, и он замер, не в силах двинуться дальше. Слов не было слышно, но в голосе была такая ласка и нежность и обещание покоя, что он не выдержал и, рванув на себя дверь, стал медленно спускаться по земляным ступенькам.

— Папка! — испуганно и вместе с тем восторженно завопил маленький Азнабай.

— Ты вернулся? — удивился старший, Файзулла. — Но тебя сейчас же схватят... В деревне одни казаки!

Сара, сидевшая на корточках у чувала, выпрямилась, и веснушчатое доброе лицо ее, испещренное морщинками, дрогнуло, на губах задрожала слабая и жалкая улыбка.

— Это ты, Кулсубай? — спросила она и шагнула к нему, и стеклянные бусы звякнули на ее шее.

— Жена! Жена! — свистящим шепотом выдал Кулсубай и, закрыв лицо руками, упал перед ней на колени.

XI

Уже седьмые сутки отряд кружил по лесам. Рождалось и умирало солнце, утро сменялось полднем, вечер — сырой ночью, бледнели и угасали звезды, а люди шли и шли, шатаясь от усталости, еле передвигая ногами. Конина давно уже кончилась, и голод на привалах был мучительнее и сильнее, чем желание сна. Собирали по дороге грибы и травы, разоряли птичьи гнезда, но голод не проходил. Люди совсем пали духом, и Хисматулла уже не знал, что им говорить, чтобы как-то подбодрить и успокоить их...

На седьмой вечер, когда одолели очередной подъем в гору, неожиданно открылась равнинная ширь — внизу лежала долина, за купами деревьев блестела река. Небо было чистым и ясным, только что народившийся месяц медленно плыл над лесом, слабо светились в траве зеленые светлячки, шелестел листвою налетающий порывами ветер, свежо и чисто белели в сумраке стволы берез.

— Какая красота! — вздохнул Гайзулла. — Будто и войны никакой нету, и до дома три шага...

— Такая же быстрая, как наша Кэжэн, — тихо ответил Ягуда-агай.

Послышалось булькающее журчание воды — в кустах из-под камня бил невидимый родничок.

— Привал! — устало объявил Хисматулла и повалился на траву.

Старатели быстро отыскивали родничок, бросались на колени, с жадностью пили, споласкивали лица, наполняли фляги.

— Расставь часовых, — подозвав Акназара, сказал Хисматулла. — Поспим часа четыре, больше нельзя...

У него болела раненная в последней перестрелке нога, но он не стал ее перевязывать — так смертельно хотелось спать. Стоило ему лечь, вытянуть поудобнее ногу, как он тут же заснул...

Пробудился он от тревожного шепота Акназара:

— Хисмат, вставай! В отряде буза!..

С трудом разгибая спину, он сел, не сразу приходя в себя после тяжелого сна:

— Что случилось?..

— Явились два человека — один с прииска, зовет всех домой и обещает всем прощение, а другой от Загита... Да вот он сюда идет, ты его знаешь!

— Зинатулла? — удивленно вскрикнул Хисматулла. — Какими судьбами?

Зинатулла подошел и тут же опустился на траву, словно его не держали уже ноги.

— Не чаял, что и найду... — Лицо его было чугунно-тяжелым и черным от усталости и пыли. — Мы попали в ловушку, Хисмат... Пока, правда, подошли только передовые силы, но вот вот нас возьмут в кольцо, и тогда хана всему — и нашему отряду, и золоту...

— Сколько до вас ходу?

— Если кружным путем, то день, а если напрямки, через перевал, то часов за шесть одолеем...

— Поднимай отряд! — кивнув Акназару, приказал Хисматулла.

— Я же тебе сказал, что в отряде заваруха! — оглядываясь по сторонам, зашептал Акназар. — Все хотят домой идти...

— А ну, пошли!

Он встал, опираясь на суковатую палку, и захромал по высокой траве, оставляя темный волнистый след. На небольшой поляне, около

берез толпились старатели, кричали, размахивали руками.

— Что за шум, а драки нет? — подходя, спросил Хисматулла.

Голоса сразу пошли на убыль, но тут же выскочил вперед низкорослый мужик, хмурия сросшиеся у переносья брови.

— Домой желаю!.. Лучше уж казакам на милость, чем тут с голоду подыхать!

— Так, — каменея в скулах, сказал Хисматулла. — Еще кто домой просится?

Он только сейчас увидел скрывавшегося за спины старателей Султангали, который быстро рассовывал по карманам белые листки.

— А я не знал, что у нас новый дружинник в отряде! — и вдруг резко и властно скомандовал: — А ну, шаг вперед, Султангали! И покажи, что ты там прячешь!

Кто-то подтолкнул парня в спину, и он, бледный и напуганный окриком, оказался почти перед строем. Хисматулла вырвал у него из рук один из листков, пробежал глазами и, скрѣвав бумажку, бросил на траву.

— Значит, так: кто в эту неделю вернется, тому полное прощение и рай земной? — спросил он. — И вы поверили этому вранью?

— Там же написано... — свел кустистые брови старатель. — Я что, лиходеѣ своим детям? Не вернусь — меня потом шлепнут, да и семью под корень изведут!

— Кто тебя подослал? — пытаюсь поймать бегущий, трусливый взгляд Султангали, спросил Хисматулла.

— Я сам пришел...

— Второй раз явишься — пустим в расход...

Он обвел грозным, насупившимся взглядом старателей, и голос его задрожал от обиды и гнева:

— Все, что написано в этой бумажке, брехня!.. Может, те, кто будет лизать пятки баям и Нигматулле, как вот этот прохвост, будут прощены, а остальных не помилуют... Да разве только в этом дело? Как вы могли забыть о тех, кто за вас головы сложил? Вы жалкие и презренные трусы... Вы не стоите этой святой крови, которую пролили за вас ваши братья!

— Ты сам ничего не стоишь! — закричал старатель. — Кто дал тебе право распоряжаться нашей кровью?

Он отскочил к березе, схватил винтовку, вскинул ее на Хисматуллу, но не успел выстрелить — выстрел Акназара опередил его, и старатель, охнув, стал оседать на траву.

— Вот вы кого слушали! — презрительно сказал Хисматулла. — Хотите идти домой — идите, силой никого держать не будем! Советской власти нужны верные солдаты и бойцы, а не предатели! У нас один выход — идти на помощь своим товарищам, выполнять приказ ревкома!

— Отпустите, агаи! — захныкал Султангали, кидаясь то к одному, то к другому старателю. — Клянусь аллахом, я больше не буду слушать этого подлого убийцу и вора Нигматуллу! Это он меня подговорил, золото обещал...

— Раздавить бы такую гниду надо! — сплюнув, сказал Зинатулла. — Но ради брата простим последний раз!.. Но чтоб духу твоего здесь не было!..

Старатели загомонили, кто-то дал пинка Султангали, и он метнулся в кусты и пропал, точно его и не было на поляне.

— Веди нас, Зинатулла! — сказал Хисматулла. — Акназар, будешь замыкающим!..

Дружинники молча собрались, побросали на плечи тощие мешки, взяли винтовки и двинулись цепочкой по узкой тропе на перевал.

Хисматулла шел вторым, изредка оглядываясь и осматривая взбирающихся в гору людей. Гимнастерка на нем взмокла, раненая нога так разболелась, что один раз он чуть не вскрикнул от боли, но переждал темноту в глазах и зашагал дальше, стиснув зубы и задыхаясь. Он продирался сквозь дикий малинник, утопал ногами во влажном мху, хватался руками за стволы, но упрямо лез через перевал. Пот заливал ему глаза, но он, смахнув рукавом крупные капли, шел и приговаривал сквозь зубы: «Только бы успеть, только бы успеть!..»

За перевалом сделали короткий передых у небольшого горного озера. Было странно увидеть здесь, на такой высоте, эту каменную чашу, полную воды, заросшую камышом и осокой, с белыми кувшинками на зеркальной глади.

— Теперь уже недалеко, — подбадривая всех, сказал Зинатулла. — Тут где-то должен быть первый пост...

Солнце стояло уже высоко, лошади, отмахиваясь хвостами от оводов, жались к воде, внизу, в уреме, тревожно стрекотала сорока.

— Не к добру, — заметил Ягуда-агай. — Значит, тут кто-то ходит поблизости.

— Может, какой зверь? — спросил Гайзулла. — Ведь сороке только дай потрещать...

Но вместо поста они вдруг увидели среди деревьев, внизу нескольких солдат. Они бежали по склону, таща за собой пулемет.

— Надо их отсечь и взять пулемет,— сказал Хисматулла.— Акназар, отвлекай их на себя, а мы ударим с тыла...

Короткий бросок был столь неожиданным, что, услышав выстрелы, солдаты бросили пулемет и ящики с лентами и кинулись врассыпную.

— Теперь нам нужно поскорее добраться вон до той опушки! — Зинатулла протянул руку, и хотя Хисматулла внимательно поглядел в ту сторону, он ничего не увидел, кроме зеленой стены леса.— Давайте поднажмем, а то нам несдобровать... Сейчас сюда придет подкрепление, и мы не выберемся...

Старатели бежали из последних сил, падая от изнеможения, поднимаясь и снова устремляясь вперед. Зинатулла и Ягуда-агай тащили, впрягшись в ремни, брошенный солдатами пулемет.

Не успели они добежать до опушки, как из-за серого валуна, раздвигая кусты, выбежал Загит. Он был небритым до черноты, точно закопченным, но больше всего поразили Хисматуллу его глаза, лихорадочно и тревожно горевшие на исхудалом лице.

— Вы напрасно открыли пальбу,— хватая Хисматуллу за руку, торопливо сказал он.— Мы и так почти в полном окружении, а теперь еще вызвали огонь на себя...

— Где золото? — отведя его в сторону, спросил Хисматулла.— Надежно ты его спрятал?

— Думаю, что надежно. Давай посмотрим вместе..

Когда через несколько минут они вернулись к отряду, все старатели, несмотря на невыносимую усталость, были уже на ногах. Они отошли за деревья и молча наблюдали, как по травянистому склону двигались вперебежку солдаты. Они

то приседали в траве, то прятались за серые валуны, то скрывались за кустарником.

— Заходят к нам в тыл,— сказал Загит.— Давайте решать: что будем делать?

Он взглянул на Хисматулла, и тот не заставил себя ждать.

— Мне кажется, что у нас нет иного выбора, как принять этот бой!..— Хисматулла обвел взглядом настороженные лица старателей.— Ты, Загит, отходи с отрядом за перевал, мимо озера, Акназар со своей группой будет прикрывать вас слева, а я с пулеметом задержу их здесь...

— Это неразумно,— сказал Ягуда-агай.— Отряд не должен оставаться без головы...

— Меня пока заменят и Загит, и Акназар,— настаивал на своем Хисматулла.— Я был на войне и хорошо знаю этот пулемет...

— Я тоже знаю!— выступил вперед Мутагар.— В Кэжэне Михаил обучал меня...

— Хорошо, тогда мы остаемся пока вдвоем,— согласился Хисматулла.— Мы догоним вас, когда увидим, что вы уже вне опасности... Выполнять приказ!

— Есть выполнять!— негромко отозвался Загит и, махнув рукой, быстро шагнул в глубину подлеска.— За мной!

— Не рискуйте только зря,— бросил на прощанье Ягуда-агай.— Ты пригляди за ним, Мутагар! Вот вам еще граната на всякий случай!..

Мутагар выбрал место поудобнее, так, чтобы просматривались и склон, и опушка, и половина горы, вставил ленту и лог. Гранату он сунул в карман штанов и затих. Зудел над ухом комар, и прерывисто и тяжело дышал за спиной Хисматулла.

Солдаты приближались. Сначала они шли осторожно, чуть ли не хоронясь за каждый кус-

тик, перебегая с места па место и падая в траву, потом, не слыша ни одного выстрела, двинулись, слегка пригибаясь, иногда в полный рост. Кто-то из молоденьких то и дело нагибался за земляникой. Но вот выскочил вперед маленький кривоногий офицер, замахал наганом, и солдаты снова задвигались цепочкой, короткими перебежками.

— Может, дать одну очередь? — тихо спросил Мутагар.

— Подпусти поближе, — выдохнул за спиной Хисматулла. — Еще успеешь...

Сначала, когда Мутагар лег у пулемета и стал смотреть на эти выпрыгивающие, как из зеленой воды, фигурки, руки его были страшно напряжены, каждая жилка в нем дрожала, но чем ближе подходили солдаты, тем он становился нетерпеливее, и если бы не свистящий шепоток Хисматуллы, он бы давно не выдержал.

— Они совсем близко, Хисматулла-агай, они сейчас окружают нас, — вдруг зашептал он.

— Собери свою душу в кулак, — уговаривал Хисматулла. — Это тебе не на площади, когда магазин грабили... Еще немножко.

«Досчитаю до двадцати... нет, до десяти, и тогда...» — решил Мутагар.

— Вот теперь, пожалуй, можешь начинать, — как сквозь глухую стену донесся до него голос Хисматуллы.

— Сейчас, сейчас...

Раз, два, три... Вон молоденький солдат снова нагнулся за земляникой. Офицер прикрикнул на него. Четыре, пять... Кто-то споткнулся, рассмеялся. Шесть, семь... «Стреляй, стреляй же, черт тебя побери!» — шепчет Хисматулла. Восемь... Ствол пулемета — холодный, серый, высунулся из кустов. Как они не видят его? Офи-

цер опять кричит. «Сумасшедший! Сказали тебе, не рискуй?!» — чуть ли не орет Хисматулла. Девять... Интересно, далеко успели наши уйти? Десять!. Нет, еще чуть-чуть. Раз, два... И что он все ест землянику, не кормят их, что ли? Три, четыре... Офицер, видно, сам с гор, иначе не был бы таким кривоногим.. Пять. Пожалуй, хватит, в самый раз.

— Огонь! — сам себе скомандовал Мутагар, и пулемет застрочил.

Сто метров до солдат. Упал офицер. Упал тот, что ел землянику. Еще пятеро. Как косой.

— Огонь!..

— Молодец, Мутагар, так их, так их, гадов!..

— Отцепись от моего плеча, мешаешь ведь...

— Огонь!..

Ух, как строчит! Ага, побежали.

— Ленту!..

Теперь подождать. Пусть соберутся.

— Надо на новое место переползти, — шепчет Хисматулла.

Локтями, локтями. Какой тяжеленный! Вся рожа, небось, в земле. Пригни, пригни голову ниже. Наши, вроде, уже спустились... Вон там самое удобное место. Ну и парит, прямо пскло. А пулемет холодный совсем. Возвращаются, гады. Ага, уже не до земляники!.. Только головы над травой. Ползите, голубчики, старайтесь.

— Ленту!.. Огонь!..

Поднимаются.

— Огонь!..

Ну, и как вам моя земляника? Сладко?.. Что там, Хисматулла, наши далеко ушли?

— Ленту!..

— Побереги патроны, мало осталось... — говорит Хисматулла.

— Ленту!..

Переползти еще раз, пожалуй, не получится. Окружают, сволочи. Левей, левей, так. Молодец, «максим»! Хороший ты товарищ, надежный.

— Ленту!..

Вся трава в землянике. Нател!

Со всех сторон бегут, гады. Сколько же их тут? Ты, Хисматулла, уходи, я тебя прикрою. Не, я тут останусь, какой смысл вдвоем? Вместе жить, а не умирать надо.

— Последний раз говорю, идем! — хрипит Хисматулла.

Чего-то у него лицо такое странное. Иди, говорю тебе, тикай, пока не поздно, я прикрою. Наши-то ушли, а?

— Ленту!..

Ну и косит! Будете знать, гады. Моя здесь земля, никому не отдам! Черт бы тебя побрал, Хисмат! Шайтан ты, только под ногами путаешься! Уходи! Ради аллаха!

— Ленту!..

Как это последняя? Не может быть! Уже расстрелял? Ладно, разберусь. Счета им, гадам, нету. Не могли больше патронов оставить, сволочи. Ладно, ладно, иди, Хисмат, ты же видишь, что я ранен, и мне уже до своих не добраться.

Ага, Хисмат пополз, наконец. Прямо над ухом свистят пули. Нажрались земляники, сволочи, напились нашей крови. Ух ты, прямо по «максимке»! Кому те лошади достались, что мы в березняке отпустили? Ну и свистят! Всю землю продырявили.

Нет, нет, еще подождать. Лента ведь последняя, больше не будет. Кажется, Хисматуллу заметили. Давай, «максимка», давай! Подсыпь им землянички! Ишь ты, гранатами шпарят... Хоть бы ты полз быстрее, может, уползешь, Хисмат!

Стоп. Пол-ленты всего осталось. Наши, кажется, ушли, а? Надо потом пулемет разобрать, чтоб не достался. Эх, не хватило на всех вас, гадов!

Неужели не уйдет Хисмат? Совсем рядом бухнуло. Погодите, у меня тоже граната есть. Эх, еще хоть одну бы ленту!

Гашетка до отказа. Ну что же ты, «максимка»? А, черт! Кончилась.

Успеть бы. Ага, ствол под корни запихну. Колесики вниз с горы, вниз с горы. Близко уже. Успеть бы.

Кажется, еще раз в ногу угодили, сволочи. Ничего, еще граната есть. Спасибо Ягуде-агаю. Ниже, ниже голову.

Так. Граната в руке. Все хорошо.

Что там кричат? Ага, гады, думают, подстрелили. Врешь, сволочуга, живым не дамся! Подорвусь, когда рядом будут...

Ишь, бегут, торопятся.

До трех. Раз, два...

А наши-то ушли, а?

Пора.

XII

В дверь постучали. Нигматулла торопливо схватил карандаш и уткнулся в бумаги.

С тех пор, как он занял кожаное кресло в кабинете управляющего, Нигматулла целыми днями пропадал в конторе.

Собственно говоря, в кресле делать ему было совершенно нечего, но сознание того, что он сидит здесь как полноправный хозяин, только что заведенные, новенькие папки с делами, грудой лежащие у него на столе, шкафчик, где он, как и Накышев, держал теперь графин с водкой,

бархатные портьеры на окнах и, наконец, весь вид кабинета — светлый, просторный и явно начальственный, — вызывали у него такое довольство собой и своим положением, что вставать из кресла не хотелось.

Он почти перестал ездить в Сакмаево и ночевал теперь в доме бывшего управляющего — надевал, приходя из конторы, шелковый тонкий халат и курил городские папиросы, каждое утро вынимая из накышевского запаса одну пачку и аккуратно размещая их в серебряном, накышевском же, портсигаре. По вечерам он приглашал к себе офицеров, обильно угощая их вином и водкой из накышевского погреба, и тогда до поздней ночи орал в открытые окна граммофон, слышались песни, выстрелы, смех. Султангали носился от дома к кабаку и обратно — то с закусками, то ведя за собой разряженных в пух и прах, размалеванных девок...

— Ассалям агалейкум! — поздоровался Сафуан. — Ты что, не слышал, как я стучал?

Нигматулла вскинул голову, но не ответил, только нахмурил узкий лоб, в упор разглядывая раннего посетителя.

— Слушай, почему ты упрямишься? — без особого почтения обратился к нему Сафуан. — Давай все-таки попробуем вызвать Кулсубая!

— Нечего время тратить на чепуху, расстрелять его, собаку, чтоб не тявкал, вот и все. — Нигматулла махнул рукой и с видом человека, занятого чем-то безумно важным, снова уткнулся в бумаги.

— Так нельзя, Нигматулла-агай, — нахмурился Сафуан. — Я, как представитель башкирского правительства...

— Ха, представитель! — рассмеялся Нигматулла. — Что ты сможешь сделать, если я не захочу?

Ни-че-го! Вот тебе и представитель... Я хозяин, понял? Моя земля! Здесь мои отцы и деды из века в век пахали, а ты кто такой? Все здесь мое!

— Так башкирское правительство как раз и воюет за то, чтоб такие хозяйничали джигиты, как ты! Но если мы сумеем договориться с Кулсубаем, то и тебе лучше будет, вот увидишь!

— От него пользы ни на копейку!— все еще раздраженно ответил Нигматулла.

— Зря ты так. Если б не Кулсубай, мы б сейчас еще по лесу мотались и ничего бы не нашли!

— Как будто мы могли что-нибудь сделать без солдат,— презрительно прищурился Нигматулла.— Все дело в силе! Есть сила,— значит, считай, все у тебя в руках!..

— А что солдаты? Они с тобой, пока ты офицерам платишь, а завтра перестанешь платить, они на другую сторону перейдут, может, и против тебя станут воевать. А было бы это наше башкирское войско, никуда бы Загит не ушел! Неужели ты не понимаешь, что нам нужна своя армия, из башкир? Иначе мы ничего не добьемся...

— С этим я согласен,— Нигматулла погладил бородку.— Только при чем тут Кулсубай?

— Разве ты не знаешь, как к нему старатели относятся? Недаром же он у них был за главного!..

— Знаю я этого Кулсубая! Все равно не будет от него никакого толку,— возразил Нигматулла.— Чистая баба — чуть пожалеет кого, и сам себя обдурить готов! Только мешать нам будет или опять подумает-подумает, да к большевикам пристроится...

— Не пойдет он к большевикам,— усмехнулся Сафуан.— Ему теперь туда дорожка заказана. Шутка ли сказать — половину отряда увел, а остальных под пули подставил!

— Что ты его защищаешь, не понимаю! — Нигматулла поковырял в зубах ногтем и отложил в сторону карандаш.— Как будто, кроме Кулсубая, башкир на свете не останется! Тюкнуть его, и никаких хлопот, а за башкирское правительство агитировать — другого найдем, поумнее!..

— Ты пойми, я ж его на нашу сторону переманил,— не отступал Сафуан.— Разве ты сам не обещал старателям, что тех, кто на нашу сторону перейдет, пальцем не тронут? Если мы Кулсубая расстреляем, люди нам сразу верить перестанут, а то еще и шум поднимут, об этом ты подумал? А если на свою сторону привлечем, нам от этого только выгода: во-первых, поможет людей уговорить, чтобы к нам в армию шли, а во-вторых, если Хисматулла у нас на допросах молчит, то, может, ему скажет, где золото спрятано...

— Ладно, давай попробуем,— нехотя согласился Нигматулла.— Только сам с ним говори, у тебя язык хитрее!..

Кулсубай явился только к вечеру. Не стучась, он пнул дверь ногой так, что та с треском отлетела и ударилась об стену.

— Ты что, пьян? — крикнул Нигматулла, засовывая руку в карман, где лежал наган.

— Нет, не пьян,— недобро усмехнулся Кулсубай.— Если и пьян, то не от вина, а от горя! — но, видно, он и в самом деле выпил, прежде чем идти в контору: лицо его было красно, мутные глаза косили.— Зачем звали?

— Да вот думаем: то ли арестовать тебя, то ли образумишься...— озабоченно посмотрел на него Сафуан.

— Нате! Арестуйте! Расстреляйте! — рванул рубаху Кулсубай, на глазах его показались слезы.— Я самый подлый человек, своих товарищей предал! Может, хоть смерть с меня этот позор смое! Вяжите, вешайте! А не то я сам вас, сволочей!..— Голос его пресекся, Кулсубай закрыл лицо руками и рухнул на стул.

Нигматулла, сжимавший рукоять нагана и готовый в любую минуту выстрелить, ослабил руку и сел поспокойнее. Сафуан подошел к Кулсубаю и положил руку ему на плечо, но Кулсубай, безгласно дернувшись, скинул ее.

— Что с тобой, агай? — спросил Сафуан. — Может, горе какое? Так ты скажи, поделись с нами. Всего горя на свете не переплачешь, глядишь, может, поможем тебе...

— Ты мне уже помог! — ответил Кулсубай.— Век твоей помощи не забуду! Лучше б пристрелили меня тогда, чем такую помощь... Как мне теперь на людей смотреть? Днем на улицу боюсь выйти! Жить не хочется...

— Эх ты! И не стыдно тебе? — перебил его Сафуан. — Сейчас, можно сказать, судьба всего нашего народа решается, а ты только о себе и думаешь! Иначе разве помчался бы ты сломя голову за какой-то бабой?

Кулсубай покраснел и опустил голову.

— Вот видишь, — уже спокойнее сказал Сафуан.— Жить надо, а не умирать. За народ жить, за правду, за то, чтоб каждый башкир хозяином этой земли был! А ты до сих пор понять не можешь, что большевики нам только мешают...

— Не верю я тебе! — Кулсубай в сердцах стукнул кулаком по столу.— Если ты так за

башкир страдаешь, почему тогда тех, кто в лес ушел, как зверей, гоните? Разве не твои солдаты старателей расстреляли?

— Кто их гонит? — рассердился Сафуан. — Кто хотел, с тобой вернулся, сам знаешь, ничего мы с ними не сделали, только поугадили, остальные в горы ушли, а те семь человек, что у озера, во-первых, наполовину русские, из Кэжэна, а во-вторых, что нам иначе с ними было делать? Мы думали, что они везут наше золото отсюда, с прииска, а нам сейчас, знаешь, сколько золота надо? А твои большевики хотят над нами верх иметь, потому они и против башкирского правительства...

— А зачем башкирское правительство с дутовцами связалось? От них плач по всей земле стоит...

— А что делать, какой еще выход? Своей армии у нас пока нету...

— Почему же мы свою армию не собираем?

— Армию-то кормить надо, вооружить, одевать, лошадей купить, седла! — быстро ответил ожидавший этого вопроса Сафуан. — А твои большевики, вместо того чтобы помочь нам, изпод носа золото увозят! Ничего, если войско создадим, ни перед кем головы клонить не будем! И перед Дутовым тоже... На башкирской земле хозяином башкир будет. Или, может, это тебе не нравится?

— Почему не нравится? Нравится, — Кулсубай нерешительно пожал плечами. — Только я хочу, чтоб все справедливо было, чтоб над нами баи не стояли!

— Так оно и будет, агай, если все башкиры поймут, что надо самим за свою землю драться и никого не слушать! — кивнул головой Сафуан и незаметно подмигнул Нигматулле. — Нам нуж-

ны верные люди. Знаешь, для чего мы тебя звали?

— Для чего? — насторожился Кулсубай.

— Хотели просить тебя помочь нам... Поговори с Хисматуллой, может, он скажет тебе, где они золото спрятали. Если узнаешь, можем тогда хоть завтра свою армию собирать!

— Раз вам не сказал, мне и подавно не скажет...

— А ты попробуй сначала! Вдруг получится?

— Нет, нет, не хочу я в это дело ввязываться! — решительно отказался Кулсубай.

— Ну что ж, придется тогда Хисматуллу расстрелять... — со вздохом сказал Сафуан. — Другого выхода нет, верно, Нигматулла?

Нигматулла важно кивнул головой. Он уже совсем успокоился и теперь с любопытством следил за разговором.

— А если скажет, не расстреляете? — задумавшись, спросил Кулсубай.

— А зачем тогда его расстреливать? Тогда он как бы на нашей стороне будет, — уверенно ответил Сафуан. — Ты бы все-таки попробовал, жалко парня. Совсем его большевики в своей паутине запутали... Если согласен, я скажу, чтоб его привели.

— Ладно, попытка не пытка, — поднялся со стула Кулсубай.

В соседней комнате стояли стол, несколько стульев и диван. На диване лежала нагайка с тяжелой свинчаткой на конце.

Кулсубай брезгливо бросил нагайку в ящик стола и присел на один из стульев.

Скоро часовой ввел Хисматуллу и, щелкнув каблуками, остался за дверью, — видимо, Сафуан приказал ему сторожить арестованного.

В первую минуту Кулсубай не узнал бывшего товарища: обросшее жесткой черной щетиной лицо Хисматуллы распухло и было покрыто синеяками и кровоподтеками, лоб разбит, слипшиеся волосы свисали вниз грязными, всклокоченными космами, одежда была изорвана; левая нога, кое-как обмотанная грязным, окровавленным тряпьем, волочилась по полу — он едва мог устоять и, войдя, сразу прислонился к стене.

— Садись, — хрипло сказал Кулсубай, но Хисматулла остался у стены.

— Мне сказали, чтобы я поговорил с тобой, — стараясь не глядеть на него, продолжал Кулсубай. — Если ты не скажешь, где золото, тебя расстреляют!..

Хисматулла смотрел на Кулсубая в упор — не гневно и не сердито, а с каким-то странным сожалением. Кулсубай отвернулся.

— Ты думаешь, что это меня взяли в плен, а не тебя, — помолчав, заговорил он снова, все больше ежась и смущаясь под этим сожалеющим взглядом. — Если б это золото было у нас в руках, у нас была бы своя армия, тогда и Дутов не был бы нужен... По-моему, лучше тебе сказать, и для тебя лучше, и для нас...

— Для кого это «для нас»? Для вас с Сафуаном? Или для вас с Нигматуллой? — без раздражения спросил Хисматулла. — Опять тебя, Кулсубай, вокруг пальца обводят. Ничему тебя жизнь не учит, прямо смотреть страшно. Даже смерть товарищей не стала для тебя уроком...

— Значит, не скажешь? — с трудом проговорил Кулсубай.

Хисматулла отрицательно помотал головой.

— Эй, кто там? Уведите его! — торопливо крикнул Кулсубай.

Долго слышны были по коридору шаркающие шаги Хисматуллы, потом все стихло. Кулсубай подошел к окну. Окна домов светились слабым, желтым светом, где-то у кабака слышались пьяные выкрики. И горько, и стыдно было ему, но хуже всего оттого, что готов был стать и на сторону Хисматуллы, и на сторону Сафуана, и никак не мог разобраться, кто же прав и кто действительно желает счастливой и справедливой жизни.

— Ну что? — заглянул в комнату Сафуан. — Не признался?

— Не поручай мне больше таких дел, — тяжело вздохнул Кулсубай. — Ничего он не скажет ни вам, ни мне...

— Та-ак, — протянул Сафуан. — Что ж, придется расстрелять!

— Я думаю, может, завтра скажет, — помедлив, сказал Кулсубай.

— Ну, попробуй, попробуй, я не тороплю, — согласился Сафуан.

Чуть свет Кулсубай снова явился в контору. Он явно был взволнован чем-то и без конца приглаживал длинную спутанную бороду.

— Надо его припугнуть! — сказал он с порога, встретив Сафуана в коридоре.

— Пугали уже, — разочарованно вздохнул Сафуан.

— Значит, не так пугали, — настаивал Кулсубай. — Что он, дурак, не понимает, что нужен вам? Надо его к шахтам повести, чтоб он уже точно знал, что на расстрел ведут!

— Смотри-ка, а ведь ты, пожалуй, и прав. Погоди, я сейчас с Нигматуллой посоветуюсь. — Сафуан скрылся в кабинете и через несколько минут появился снова. — Давай! Только смотри,

мы за тобой следить будем! Если хитрость какую задумал, сразу тебе говорю, что не выйдет.

— Какая там хитрость! Боюсь только, что старатели узнают...

— А ты, как скажет, тут же винтовку и разряди, — посоветовал Сафуан. — Мертвые не болтают...

Покрикивая и грубо толкая Хисматуллу прикладом, Кулсубай вывел его со двора конторы и торопливо повел в сторону заброшенной шахты.

Нигматулла и Сафуан, а с ними несколько солдат залегли на холме и с тревогой наблюдали за происходящим.

Кулсубай остановился у старой березы, велел Хисматулле отойти к краю шахты и зарядил винтовку. Издали было видно, как он медленно поднимал ее, потом опустил и, видимо, стал говорить что-то, опершись рукой о ствол. Неожиданно Хисматулла бросился вперед, в ту же минуту Кулсубай вскинул винтовку и выстрелил. Хисматулла упал, а Кулсубай продолжал стрелять в мертвое тело, пока не вышли все патроны, потом пнул неподвижное тело ногой, и оно, перевернувшись, упало в шахту.

— Хорошо, что он сам его убил! — шепнул Сафуан. — Теперь он в наших руках, большевики ему никогда не поверят...

Он вскочил и побежал в сторону шахты. Завидев его, Кулсубай пошел навстречу.

— Прямо в сердце, — сказал он, качая головой. — Видели, как он на меня бросился?

— Где золото? — спросил подошедший Нигматулла.

— Не сказал он...

— Как не сказал? — Верхняя губа Нигматуллы вздернулась, обнажив длинные желтые зу-

бы. — Ты что, за нос нас водил? — Он схватил Кулсубая за ворот рубахи и бешено затряс его. — Зачем же ты тогда убил его?! Ты все врешь, он тебе сказал, а теперь ты хочешь скрыть это от нас! Не выйдет! Говори! Не скажешь -- самого убью!..

— Да ты что, не видел, как он на меня кинулся? Я и опомниться не успел! — оправдывался Кулсубай.

— Оставь, не трожь его, — успокаивал Нигматуллу Сафуан. — Он не стал бы от нас скрывать, он же знает, что это золото для армии...

— Убью, если не найдется золото! — с наливыми кровью глазами прохрипел Нигматулла.

— Да успокойся, куда оно денется? Надо в лесу поискать, — нахмурился Сафуан. — Прямо как малый ребенок... Все равно ничего бы он не сказал. Сам еще вчера говорил, что расстрелять его надо...

Нигматулла отпустил Кулсубая, но все еще никак не мог прийти в себя и дышал тяжело и шумно.

— Надо бы завалить шахту, — сказал Кулсубай. — Если не завалим, запах будет, да и люди могут узнать...

— Потом, потом! — махнул рукой Сафуан. — Ночью пошлю, и завалят.

Кулсубай медленно шагал к конторе следом за Нигматуллой и Сафуаном. На душе у него впервые с того времени, как он оставил в лесу половину отряда, было легко и отрадно.

ХІІІ

Теплая летняя ночь тихо опустилась на землю. Монотонно верещали кузнечики в крапиве, блеяли заблудившиеся овцы, где-то прокричал

не ко времени петух, гасли окна, и деревня погружалась в глубокий сон.

И, может быть, во всем Сакмаеве только к одной Гульямал не шел сон. С тех пор, как она вернулась, проблуждав несколько дней по лесу, не найдя Загита, она не знала покоя ни ночью, ни днем. Больше всего мучило и терзало ее душу то, что она ничего не слышала о Хисматулле. Слухов было много, но она уже ничему и никому не верила. Одни говорили, что он был вместе с Кулсубаем, пока того не заманили хитростью на прииск, другие рассказывали, что он пробирается с каким-то отрядом на Белорецк, а третьи испуганно нашептывали, что его взяли в плен в каком-то тяжелом бою за перевалом, когда прикрывавший отход старателей пулеметчик взорвал себя гранатой. Передавали даже под особым секретом, что Хисматулла держат в подвале конторы, каждую ночь истязают на допросах, но сколько Гульямал ни крутилась на приiske, сколько ни заговаривала с казаками, она так и не смогла ничего разведать...

Нигматулла, допросив ее, отпустил и больше не трогал. Сайдеямал и другие женщины тоже вернулись домой, и жизнь в деревне потекла своим чередом. Почти половина сакмаевцев отправилась на джайляу, в летники, оставшиеся старались выходить на улицу как можно реже, чтобы не попасться на глаза казакам, которых оставил в деревне Нигматулла.

Во дворе слышались какие-то шорохи, и Гульямал насторожилась.

«Почудилось», — решила она. Но шорох повторился, похоже было, что где-то скулит собака или тихо плачет человек. Гульямал свесила ноги и потянулась за казакином. Сердце ее тревожно забилося.

Осторожно приоткрыв дверь, она заметила лежащего посредине двора человека.

— Аллах! — вскрикнула она, угадав сердцем, что это Хисматулла, прежде чем увидела его. — Да кто же тебя так, миленький? Какой зверь?

— Звери людей не обижают... — стараясь улыбнуться, растянул опухшие губы Хисматулла. — Ой, осторожнее, нога!..

Гульямал быстро согрела воду, помогла Хисматулле вымыться, натерла его топленным барсучьим салом, перевязала ногу чистыми тряпками, уложила на нарах.

Хисматулла старался не шевелиться — каждое движение причиняло ему боль.

— Где же мне тебя спрятать? — гадала она. — Ты с прииска сбежал? Ну вот, значит, не пройдет и дня, как тебя искать начнут.

— погоди, не спеши. — Хисматулла слабо шевельнул рукой и поморщился. — У тебя есть карандаш и листок бумаги?

— Карандаш есть, а вот бумаги, наверно, нету...

— Ну, тогда найди кусочек бересты или дай белую тряпку.

Гульямал открыла деревянный сундук, окованный блестящими железными лентами, и, порывшись в нем, вытащила оттуда белую тряпку и огрызок карандаша. Морщась и кривя губы от боли, Хисматулла приподнялся и, положив тряпку на доску, стал что-то чертить. От старания и напряжения на лбу у него выступили капли пота, лицо побледнело.

— Вот здесь, — показал он Гульямал и откинулся на подушки. — Спрячь в надежное место. Если что со мной случится, отдай ее Михаилу. В общем, самому надежному человеку отдай, самому преданному...

— А что это такое? — удивленно спросила Гульямал.

— Это план места, где спрятано золото. Загит знает... А если не будет Загита, пусть ищут у подножия горы, где наш отряд принял бой. В пещерке там, мы ее камнями завалили. Мне, видно, не придется там побывать...

— Не надо, не говори так! Я тебя выхожу!.. — с отчаянием сказала Гульямал, голос ее дрожал, но она не заплакала.

— Разве ты не понимаешь, что мне далеко не уйти?.. И вот еще что — скажи людям, что пытали меня Сафуан и Нигматулла... А спас меня Кулсубай.

— Кулсубай?! — ахнула Гульямал. — А говорили, что он к дутовцам перешел...

— Обманули его, он, пока меня к шахте вел, все рассказал...

— К шахте? Зачем?

— Для допроса. Привел к шахте и говорит: «Нападай на меня и скатывайся в шахту». Ну, я и кинулся... Он выстрелил, я упал — и на четвереньках к шахте, а он меня кругом обстреливал, а потом ногой подтолкнул. Потом я по срубам вниз спустился, долго лежал там, пока не стемнело...

— Аллах, как же у тебя хватило сил до дома добраться? — всплеснула руками Гульямал.

— Помог мне один старатель, его Кулсубай прислал... А потом, у человека в такие минуты десять лишних сил появляется.

— А в ногу тебя Кулсубай ранил?

— Нет, Кулсубай стрелял холостыми. Ногу мне в бою зацепило, еще до того, как меня оглушило взрывом... А то бы я им живым не дался!

Хисматулла замолчал, прикрыв глаза рукой.

— Я посплю малость, а ты сходи поищи верного человека. Пусть поможет мне уйти в лес... Искать меня с утра начнут, а то и раньше...

— Куда ж ты пойдешь такой? Если бы лошадь была!

— Не знаю. Здесь мне оставаться нельзя, сама понимаешь.

— Ладно, сейчас схожу. — Гульямал накинула платок и сняла с крючка большой амбарный замок. — Я тебя запру, ладно? Если кто придег, пусть думают, что нет никого...

— Ладно, ладно, — прошептал он, засыпая.

Гульямал вытащила из-под нар лапти, еще раз взглянула в лицо Хисматуллы — худое, обросшее, беспокойное. «Сдал, совсем сдал, — с горечью и жалостью думала она. — Раньше подковы гнуть мог! Что жизнь делает с человеком... Не дожидаться от нее ни ласки, ни пощады... Видно, не слышит аллах человека, не видит дел его».

Она кончиком платка отерла набухшие от слез глаза и осторожно, на цыпочках, вышла за дверь.

Уже пала на траву утренняя роса, и лапти сразу намокли. Из-за реки доносился звон колокольчиков. Недалеко от дороги, рассевшись на ветках березы, кричали грачи. Пахло полынью.

Гульямал шла мимо домов с забитыми окнами, мимо заросших травой и сорняком дворов, и сердце ее сжималось от боли и тревоги. Дойдя до мечети, она неожиданно остановилась и постучала в ворота Нигматуллы. Загремела цепь, злобно и хрипло залаяла собака. Послышались легкие, быстрые шаги.

— Кто там?

— Это я, Гульямал. Открой скорее.

— Муж не велел никого пускать, — растерянно ответила Нафиса. — Может, придешь, когда он вернется?

— Зачем он мне? Я с тобой поговорить хочу, а не с ним, — рассердилась Гульямал. — Открой, не съем же я тебя, в самом деле!

— Не сердись, Гульямал, не могу я, раз он не велел, — упрячилась Нафиса.

— Ну ладно, раз ты так со мной, — крикнула Гульямал, — то я сегодня же скажу твоему Нигмату, что видела, как от тебя выходил чужой мужчина!

С визгливым скрежетом отодвинулся засов, и Нафиса, приоткрыв калитку, со страхом посмотрела на Гульямал.

— За что ты мне мстишь, что я тебе сделала? — плача, спросила она. — Ради аллаха, прошу тебя, уходи... Прибьет он меня, если узнает, что я его не послушала...

— Да не вернется твой Нигмат так быстро, чего ты боишься? Раз золото есть, ему и жена теперь ни к чему...

— Говори скорее, зачем пришла? — дрожа, спросила Нафиса.

— Скажи, ты еще любишь Хисматуллу?

— Н-нет... — вздрогнув, ответила Нафиса, заикаясь от смущения. — У меня... муж есть, мне никого любить нельзя. Ничего мне больше не нужно...

— Значит, не любишь? — допытывалась Гульямал.

— Уходи, ради аллаха, не сбивай меня с толку, — жалобно попросила Нафиса.

— Его так избили, что живого места нет, — сказала Гульямал. — И нога ранена...

Нафиса зажала рот ладонью, расширившиеся глаза ее были полны страха.

«Значит, любит,— похолодев, подумала Гульямал. — Что ж я делаю? Сама себя гублю, отдаю самое дорогое, что у меня есть. А не отдам — все потеряю!..»

— Ваш дом не будут обыскивать, спрячь его у себя хоть на несколько дней! — сказала она. — Иначе ему не уйти живым...

— Да ты что? О чем ты говоришь? — отшатнулась Нафиса. — Где же я его спрячу?

— А хоть в сарае или на чердаке! Разве я пришла бы к тебе, если б могла спрятать у себя? Хоть на два дня, ради аллаха!..

— Убьют, — помотала головой Нафиса. — И его, и меня! Не могу я такого греха на душу взять!.. Мне его и кормить-то нечем, Нигматулла как уезжает, ключи с собой берет. Чашку муки на шесть дней оставляет. Боится, что я матери буду помогать...

— Еду каждый день носить буду! — замахала руками Гульямал. — Только место нужно. А если найдут, скажи, что не знала ничего, на меня все свали, я-то никого не боюсь...

— Нет, нет! — вскрикнула Нафиса.

— Ну что ж, на нет и суда нет, — угасшим голосом сказала Гульямал. — Хочешь, совет тебе дам? Как вернется Нигмат, шепни ему, что я приходила, а заодно — что Хисмата у себя прячу... Угоди своему мужу, может, он тебе за это платок купит или сережки, а не купит — хоть меньше бить будет!..

— Зачем ты глумишься надо мной? — Нафиса заплакала. — Зачем ты считаешь меня такой подлой?..

— Так и знай, — гневно выкрикнула Гульямал, — найдут его и убьют, пусть это будет на твоей совести!

— Не уходи! — схватила ее за руку Нафиса. — Будь что будет, пусть лучше убьют меня!

Задами и огородами, пугаясь каждого шороха, Гульямал провела Хисматуллу к дому Нигматуллы, помогла ему забраться на сеновал, бросила на сено дерюгу и вернулась в опустевший дом.

Давно погас огонь в чувале, остыл самовар, тяжело давила на плечи гнетущая тишина. Гульямал собрала и закопала на огороде окровавленные тряпки и одежду, застелила нары, разогрела огонь под казанком с салмой, которой еще недавно кормила Хисматуллу.

«Теперь их уже никто не разлучит, — думала она, и слезы снова набежали, закапали на доски, на расшитый цветными нитками казакин. — Может, лучше нам было умереть вместе, как ведется исстари, когда джигит и любимая погибают вместе, чтоб не разлучаться... Тогда бы моя могила была бы рядом с его могилой, как могила Зухры рядом с могилой Тагира!..»¹

Она убрала со стола, вымыла чашку и вдруг увидела на полу белый лоскуток с планом, что начертил Хисматулла.

«Ай-хай, какая же я глупая! — упрекнула она себя, пряча тряпку за пазуху.

— Где же ты была? — спросила Сайдеямал, открывая дверь. — Пришла утром с джайляу, гляжу — на двери замок!

— Ты что, эсей, не хочешь больше у Хажисултана работать?

— Отпросилась, подоила пораньше кобылиц и ушла. Думала, может, пришли какие вести от сына...

Гульямал молча покачала головой.

---

¹ Зухра и Тагир — герои эпического сказания.

— Всю неделю сердце ноет, — пожаловалась Сайдеямал. — Не сплю почти, руки болят. Все думаю: как он?.. Мало кто через эти горы проходил...

С улицы донесся конский топот, Гульямал съежилась и побледнела.

— Ты что? — испугалась Сайдеямал. — Думаешь, опять Нигматулла за тобой?

Во дворе слышались голоса, и через минуту в дом вбежал загорелый усатый офицер в фуражке с кокардой и четверо солдат. Офицер повертел головой и гаркнул:

— Обыскать!

Солдаты заглянули под нары, за чувал, открыли сундук, залезли на чердак, потом снова выбежали во двор, обшарили сарай и заросли конопли за домом.

— Что вы ищете? — спросила вышедшая вслед за ними Гульямал.

— Не твое дело! — крутанув ус, буркнул офицер. — Не вмешивайся в мужские дела!

Он вскочил на лошадь и, огрев ее плетью, поскакал по улице.

— Кого они ищут опять, ироды? — запричитала Сайдеямал. — Мало им того, что половину деревни истребили!

— Может, кто скотину украл... — вздохнув, сказала Гульямал. — Не волнуйтесь, кэйнэ¹, обошли нас стороной и хорошо...

XIV

Вернувшись с прииска, Нигматулла с удивлением отметил, что Нафиса очень похорошела, даже ходить стала иначе — плавно, легко, слов-

---

¹ К э й н э — свекровь.

но и земли не касалась, и все улыбалась чему-то: наложит еды в чашку, стоит рядом и улыбается.

— Что это ты? Чему, дура, радуешься? — спросил он ее за обедом, и лицо женщины сразу сделалось испуганным и виноватым.

— Я... так, вспомнила, как маленькая была, — растерянно сказала она.

— А-а, — лениво протянул Нигматулла. — Ты бы лучше не забывала, что по хсзйяйству делать!

— Да вроде я все делаю, как надо, — робко ответила Нафиса.

— Смотри у меня! Если что не так, живого места не оставлю, — пригрозил Нигматулла и, увидев, как побледнело лицо жены, успокоился.

«Разжирела, слишком много еды ей оставляю, — решил он. — Или, может, ключ стащила? Да нет, на такое ей никогда не решиться... Ничего, вот освобожусь немного, я ей этот жир враз сгоню!»

— Приготовь мне чистое белье и запряги лошадей, — приказал он.

— Ты опять на прииск? Надолго?

— Не твое дело! Сколько надо, столько и буду! — прикрикнул Нигматулла. — В дом никого не пускай, поняла? Мука у тебя осталась еще?

— Нет...

— Полчашки оставлю, пока хватит. Иди открывай ворота!

Не успел тарантас мужа скрыться из глаз, как Нафиса слила в чашку оставшееся молоко, положила сверху две белые лепешки и осторожно поднялась вверх по лестнице, приставленной к конюшне.

За день под крышей нагрелось, и было душно. Вместо досок потолок в конюшне был покрыт круглыми осиновыми жердями, и Нафиса чуть не поскользнулась на них, но удержалась, боль-

ше всего испугавшись, что прольет молоко. Подойдя к туго взбитой копне сена в самом углу, она присела на корточки, тихо позвала:

— Где ты там? Я тебе есть принесла...

Сено зашевелилось, и оттуда высунулась встрепанная голова Хисматуллы.

— Уф, ну и баня! — стряхивая с головы приставшие травинки, пожаловался он. — Хоть бы похолодало немного... Уехал?

Нафиса кивнула головой.

Хисматулла вытянул из-под сена раненую ногу, потом здоровую.

— Поешь, — протянула ему чашку Нафиса, но Хисматулла, отставив чашку в сторону, притянул ее к себе и обнял.

— Постой, я калитку не заперла, — шепнула Нафиса.

— Ну и пусть, все равно никто не придет. — Не слушая, Хисматулла целовал ее в щеки и шею, обнимая все крепче, и Нафиса, закрыв глаза и улыбаясь, гладила его по обросшему затылку и щекам и чувствовала, слабея, как блаженно кружится голова и шатается настил под ногами.

— Я же тебя целый день не видел, — задыхаясь, шептал Хисматулла. — Родная моя, любовь моя... Все у нас будет — и дом, и дети, все, что ты захочешь! Скажи, скажи: чего ты хочешь?

— Только одного — быть с тобой...

— И больше ничего?

— Ничего...

Потом они долго лежали рядом на сене, и Хисматулла ласково и осторожно вытаскивал травинки, застрявшие в косах Нафисы. Где-то протяжно и монотонно кричал заблудившийся теленок, кричали игравшие на площади дети.

— Вот кто не знает горя, — тихо сказала Нафиса. — И я когда-то была маленькая, счастливая была...

— А теперь? — ревниво спросил Хисматулла.

— И теперь счастливая, только не так... То счастье беззаботное было, все меня любили — и мать, и отец... Ни о чем не надо было думать, все было ясно.

— Но так же нельзя — всю жизнь и не думать. Кто же за тебя все дела решать будет? — возразил Хисматулла.

— Я знаю... — Нафиса вздохнула. — Потому и говорю, что то время было самое счастливое. Сейчас мне каждый час, каждая минута всей жизни дороже, желаннее всего на свете... Земля как будто совсем другая стала, даже сено не так пахнет, как раньше. А вон видишь, как солнце сквозь дранку пробивается, вон щелочки в крыше... Я как будто родилась заново, потому что никогда не замечала, как это красиво...

Во дворе заскрипели ворота, и Нафиса, не договорив, вскочила и бросилась к лестнице.

— Отец моего мужа! — побледнев, тихо вскрикнула она. — Сюда идет!

Хисматулла схватил железные вилы и припал к щели в полу.

— Эй, сноха! Нафиса! — встав посреди двора, крикнул Хажигали.

Не получив ответа, он прошел в дом, но почти тут же вышел и направился прямо к конюшне

«Кто-то выдал», — мелькнуло в голове у Хисматуллы. Он спрятался за сено и держал вилы наготове.

— Сноха-а! — еще раз крикнул Хажигали, щурясь и прикрывая глаза ладонью, потом стал взбираться вверх по лестнице.

«Надо успеть до того, как выстрелит, — дрожа, думал Хисматулла. — Все равно живым не сдамся!»

Сердце его колотилось так, что стук, как ему казалось, слышен был на всю конюшню. Нафиса, прижав руки к груди, стояла не шелохнувшись, даже дыхания ее не было слышно, только шевелились губы: «Спаси нас, всевышний, о аллах, спаси нас от беды...»

Достигнув середины лестницы, Хажигали повернулся к крыше спиной и, закрывшись от солнца ладонью, поглядел на огороды и клетки, спускающиеся от дома к реке.

— На-фи-и-са! — еще раз крикнул он и, по-медлив, стал спускаться.

Все еще не веря тому, что опасность миновала, Хисматулла продолжал до боли в руке сжимать железные вилы.

Тем временем Хажигали подошел к собаке, вылезшей из конуры и глядевшей на него, высунав язык и свесив голову набок.

— Что жарко? — наклонился Хажигали.

Пес лизнул ему руку и повалился на спину, задрав вверх толстые рыжие лапы.

— Ладно, ладно, нечего! — недовольно проворчал Хажигали и, оглядев двор, вышел за ворота.

— Пойду коров подою, — дрожащим голосом сказала Нафиса.

Хисматулла молча полез в копну.

Солнце уже клонилось к западу, когда, плотно закрыв ворота и калитку, Нафиса снова поднялась на крышу конюшни. Хисматулла сидел на сене, оглядывая двор сквозь щели в дранке. Нафиса села рядом с ним и обняла его.

— О чем ты думал? — ласково спросила она.

— Уходить мне надо, нога уже почти зажала, — стараясь не глядеть на Нафису, сказал он.

— Как уходить? — Глаза Нафисы расширились, на секунду ей показалось, что настил проваливается вниз, и она вцепилась обеими руками в плечо Хисматуллы. — Куда?..

— К своим, на Белорецк...

— А как же я? Нет, нет, я тебя не пущу! — Нафиса, как безумная, судорожно обнимала его, губы ее дрожали. — Я не могу, не могу без тебя! Если ты любишь меня, не уходи, не оставляй меня одну!.. Я умру без тебя, умру!.. Пожалей меня, ведь и я человек!

— Хорошо, идем со мной, — сказал Хисматулла.

— Как же я пойду? — Нафиса расплакалась. — Я и дороги до Кэжэна не осилю... Я боюсь! Аллах опять накажет нас...

— На руках тебя понесу, если устанешь!

Когда Хисматулла осторожно спустился по лестнице, уже начинало смеркаться. Оглядываясь и держась поближе к клетям, он стал пробираться вниз, к реке, но вдруг увидел Хажигали, стоящего посреди огорода, и прижался к стене.

Хажигали наклонился над грядкой, потом присел на корточки и стал что-то осматривать.

Хисматулла осторожно лег и пополз обратно в сторону дома. Нафису, стоявшую во дворе, трясло от страха. Она заперла Хисматуллу в сарае и вышла на огород.

— А, Нафиса! Где ты была? Я заходил час назад, кричал... Доила, что ли?

— Да, — как можно спокойнее ответила Нафиса.

— Не знаешь, мой сын не собирается на покос приехать?

— Не знаю... Он ничего не говорил.

— Ну ладно, — Хажигали встал и пошел к калитке, — передай ему, если будет время, пусть приезжает, дело есть.

— Хорошо, передам, — ответила Нафиса, закрывая калитку на засов.

— По-моему, он ничего не заметил, выходи, — шепнула она в темноту сарая, открыв скрипучую дверь. — Иначе не вел бы себя так... Может, останешься еще на день? Боюсь, что пути не будет, раз ты вернулся...

— И что он все бродит, старый шайтан? — вылезая из-за поленницы, раздраженно сказал Хисматулла. — Калитка-то была на запоре?

— Через заднюю прошел, — вздохнула Нафиса. — Если хоть два раза в день клетки, амбары и огород не осмотрит, у него прямо душа не на месте... Может, еще денечек поживешь, чтоб нога окрепла?

— Нет, я и так чувствую себя как на горячей сковородке, больше терпеть нельзя, могут схватить в любой час. — Хисматулла помолчал, глядя через полуоткрытую дверь на пустой двор. — Значит, условимся так... Я буду ждать тебя на том берегу, у заводи, там можно хорошо спрятаться... Не сумеешь выбраться рано утром, приходи в обед...

— Давай я тебя хоть до реки провожу, — робко попросила Нафиса.

— Не надо, могут заметить. — Хисматулла рывком прижал ее к себе и, не оглядываясь, пошел к огороду.

Быстро темнело, плескала в прибрежных тальниках река, ветер шелестел травой, за заводью кричала выпь тоскливо и тревожно. Спустившись задами к реке, Хисматулла дождался полной темноты и лишь тогда переправился через Кэжэн.

Раненую ногу заломило от холодной воды, и он долго не мог согреться, то растирая ее, то принимаясь ходить, то пытаясь прилечь в кустах и уснуть. Лес шумел мрачно и отчужденно, рвались на ветру тонкие ветки березы, словно хотели улететь.

«Все должно быть хорошо, — уговаривал сам себя Хисматулла. — Нигмат вряд ли сегодня придет, раз вчера был... А что, если Нафиса раздумает?»

К утру он совсем продрог, съел одну из лепешек, что дала ему с собой Нафиса, и стал ходить, чтобы согреться. Скоро посыпал мелкий, как из частого сита, дождик.

Низко над землей плыли серые, грязные облака, ровный мертвенный свет сочился с неба и блестел на реке, скупно высвечивая острые обломки скал и темные кроны деревьев. У переправы никто не показывался.

Тяжело махая крыльями, пролетел прямо над головой Хисматуллы и сел на ветку взъерошенный косач, но, заметив человека, тут же снялся и улетел. Невдалеке каркнула ворона, стайка воробьев высыпала на прибрежные кусты. Хисматулла снова сел и, вздохнув, прислонился к березовому стволу.

Долго сидел он так, то прислушиваясь, то вскакивая, то снова начиная ходить, молясь неизвестно кому, чтобы Нафиса поторопилась. А серый день тянулся и тянулся, — лениво накрапывал дождик, налетал ветер, доносилось из деревни ржание лошадей.

К вечеру стало ясно, что Нафиса не придет.

Внутри у Хисматуллы стало вдруг тихо и пусто, и он понял, что эту пустоту уже нечем будет заполнить.

«Что ж, раз она так решила... — думал Хисматулла. — Значит, страх у нее сильнее любви, значит, не так меня любит, как я ее...»

В лесу становилось все темнее и холоднее, но потерявший надежду Хисматулла все не мог почему-то уйти и сидел неподвижно, уже почти не чувствуя холода.

Только поздней ночью он двинулся в путь, еле передвигая занемевшие ноги, прямо сквозь кусты, не раздвигая бьющих по лицу веток. На рассвете он съел вторую лепешку, поспал немного и, обойдя большое болото, покрытое высокой травой, снова взял направление на восток, заставляя себя не думать ни о Нафисе, ни о раненой ноге, ступать на которую было уже почти невозможно. В сумерках он добрал до скошенной луговины и, оглядевшись, вышел к низеньким, стоявшим в ряд шалашам. Это были русские, из Кэжэна, одного из них, Алексея, Хисматулла встречал в Кэжэне. Тот сразу узнал его, накормил и уложил спать в шалаше.

— Партизаны недавно прошли на Стерлитамак, — рассказал наутро Алексей. — Так что зря ты в Белорецк спешишь. Блюхер ими вроде командует...

— Ну что ж, тогда и мне на Стерлитамак, — не раздумывая, решил Хисматулла.

— А если я тебе двух товарищей дам, поведешь? — хитро прищурился Алексей.

— А кто такие?

— Один — сын мой, другой — его товарищ, с фронта бежали, — объяснил Алексей. — Коня вам дам, еды. У них есть оружие, а ты, так уж и быть, возьми мою берданку!..

— Спасибо, агай, — поблагодарил Хисматулла.

— Эй, Тимка, зови Андриюху! — обернувшись к русоволосому мальчику, который сидел на арбе, болтая ногами, и смотрел, как отбивают косу, крикнул Алексей. — Да гнедого, скажи, пусть ведет!..

Тимка нырнул в густой тальник у шалаша и скоро вернулся. За ним шли двое парней в рубахах и солдатских штанах.

Привели гнедого. Алексей подал Хисматулле берданку.

— Спасибо, агай! — снова поблагодарил Хисматулла.

— Не за что, — ответил старик, приторачивая к седлу гнедого сумку с едой. — Ты здесь небось все тропки знаешь, а они и леса-то как следует не нюхали...

Хисматулла медленно ехал впереди, за ним шагали два его новых товарища. Выглянуло из-за туч солнце, осветив землю ярким блеском, ожил лес, многоцветно светились на листьях капли дождя, косые лучи, преломляясь в листве, падали на порозовевшие стволы берез, светлыми пятнами растекались по земле.

«Может быть, так и надо, — думал Хисматулла. — Настоящему революционеру нельзя иметь семью, и она для него обуза...»

Но сколько он ни убеждал себя, сердце ему говорило другое.

XV

С утра Нигматуллу преследовали одни неприятности.

Началось с того, что он, против обыкновения, вылез из конторы, чтобы посмотреть, как работают на Юргашты приисковые артели. Людей было мало, золота тоже, н, объездив почти все

тепляки, ругая десятников и кроя на чем свет стоит бегавшего за ним старшего штейгера, он отправился к центральной шахте, откуда выкачивали воду. Однако не успели они проехать и половины пути, как сзади раздался топот босых ребячьих ног.

— Агай! Агай! Хозяин приехал, в контору зовет! — запыхавшись, сообщил мальчишка.

— Какой еще хозяин? — побелел Нигматулла.

— Как какой? Нақышев!

— Вот оно что... — протянул Нигматулла. Желтые рысьи глаза его сузились, он огрел жеребца нагайкой, и тот рванулся вперед, не разбирая дороги.

«Явился не запыхался! — со злостью сплюнул Нигматулла и снова взмахнул нагайкой. — Лишь бы чужими руками жар загребать! Как беспорядки были, небось носу не показывал, а как тихо стало, тут как тут! Ну, мы еще посмотрим, кто здесь хозяин!..»

— Нигматулла Хажигалиевич, обождите! — кричал отставший штейгер, но Нигматулла не слышал его. Лишь въехав на узкую, петляющую между балаганами и землянками улочку, он придержал коня и, стараясь успокоиться, пустил его шагом.

«Тише, тише! — уговаривал он себя. — Чего я петушусь? С Нақышевым надо не сгоряча говорить, не орать, а просто показать ему, что он тут не ко двору, как говорится! Тоже мне, холостого патрона испугался! — усмехнулся он. — Пока у меня в руках сила, и прииск мой!»

— Найди того самого офицера, что у меня в гостях вчера был, скажи — пусть придет, — приказал он догнавшему его штейгеру. — И Султангали, если увидишь, тоже чтоб сюда бежал!..

В кабинете было полно народу. Накышев, сложив руки на животе, чинно восседал за столом в кожаном кресле. На стульях вдоль стены сидели десятники.

— А, Нигмат! Садись, — пригласил он.

Но Нигматулла будто и не заметил его присутствия. Он вышел на середину комнаты, недовольно оглядел собравшихся.

— Придется всех оштрафовать, — сказал он.

— За что? — нахмурился один из десятников.

— Как за что? Что вы делаете здесь в рабочее время? Или вы думаете, я вас даром кормить буду, за здорово живешь?!

Брови управляющего поползли вверх, редкая борода затряслась.

— Ты что это? Что это ты себе позволяешь? — ошарашенно спросил он.

— А ну-ка, быстро расходитесь! — приказал Нигматулла, по-прежнему не замечая Накышева. — С ума сошли! Работа горит, а они языками чешут!..

— Забыл, перед кем стоишь! — грохнул кулаком по столу Накышев. — Или нализался? Вон отсюда!

— А перед кем я стою? — нагло подбоченясь, повернулся к Накышеву Нигматулла. — Кто ты есть? Бывший управляющий! Бывший, ясно? Был да сплыл, жил бы — не помер!..

Десятники мялись, не зная, кого слушать. Некоторые встали, но, не решаясь уйти, топтались у дверей.

— По местам, по местам! — торопил Нигматулла.

— Ни с места! — опал Накышев. — Я здесь хозяин, а он десятник! Десятник!..

— Какой ты хозяин? Удрал, все большевикам оставил, только пятки сверкали! А я борол-

ся, кровь проливал, я не из тех, кто веру свою продает! — Нигматулла ударил себя в грудь кулаком и распрямился. — Да у тебя даже прав сюда приходить нету, заячья твоя душонка! Поворачивай оглобли, пока не поздно!

— Да ты соображаешь, что говоришь? — побагровев, встал из-за стола Накышев.

— Я-то все соображаю, а вот ты, видать, совсем ум потерял, раз сюда явился! — не отступал Нигматулла.

Десятники посторонились. Казалось, что Накышев и Нигматулла сейчас, не выдержав, бросятся друг на друга, и начнется драка, но не успели противники сойтись, как в комнату ворвались штейгер и офицер с четырьмя солдатами.

— Что здесь такое? А ну, разойдись! — гаркнул офицер.

— По местам, по местам! — добавил Нигматулла, весело взглянув на Накышева, упавшего обратно в кресло.

Десятники вышли. Офицер подошел к Нигматулле и коснулся двумя пальцами козырька казацкой фуражки с синим околышем:

— Слушаю, господин Хажигалиев!

— Да вот бывший управляющий заявился, — процедил сквозь зубы Нигматулла. — Все золото большевикам раздарил и сбежал, а теперь делает вид, что он все время в этом кресле сидел! Все беспорядки с него начались, мы больше месяца их расхлебывали, не удивлюсь, если узнаю, что он тайно большевикам помогал... Очень опасный человек!

— Чтоб у тебя язык отсох! — Накышев вскочил. — Не слушайте его, господин офицер, он все врет! Ты забыл, кто тебя человеком сделал?..

— По его вине здесь обвалились десять шахт, много рабочих погибло,— не глядя на Накышева, так же осуждающе продолжал Нигматулла. — Все на других сваливал, а сам сухим из воды вылезал. Двух человек безвинно в тюрьму посадил, на каторгу отправил! Очень опасный человек! Боюсь, раз он появился, опять у нас беспорядки начнутся...

— Все вранье, все ложь! — Накышев подбежал к офицеру. — Я на прииске управляющий, вот посмотрите мои документы!..

— Ты свою долю с лихвой получил! — ничуть не смущаясь, сказал Нигматулла. — Иди туда, откуда пришел, не путайся под ногами, по-хорошему говорю!

— Согласен на половину прииска, — тяжело дыша, ответил Накышев.

— Даже одной шахты тебе не дам! — вскинул голову Нигматулла. — Я здесь хозяин!

— Ты же в делах не смыслишь ничего, — просяще глядел на него Накышев. — Вместе будет легче работать...

— Как-нибудь обойдусь! — фыркнул Нигматулла.

— Да что вы с ним говорите, Нигматулла Хажигалиевич? — удивился офицер. — Не хочет по-хорошему — посмотрим, как по-другому зайдет!.. Разрешите убрать его?

— Берите, — махнул рукой Нигматулла.

— Осрамить меня хочешь? — выкатывая глаза, прохрипел Накышев. — Вы... не имеете права! Я пожалуюсь в Оренбург! У меня дед был членом думы! Знаете, что вам за это будет?

— А может, не стоит возиться с ним? — лениво спросил офицер. — Пустить в расход, и делу конец!

— Не стоит руки марать! — брезгливо дернулся Нигматулла. — Штейгер, вытолкни отсюда это толстое брюхо, а то оно само, без чужой помощи, не пролезет!

— Погоди, Нигмат! Когда-нибудь ты поймешь, что жизнь, как колесо, в разные стороны вертится! — уходя, пригрозил Накишев.

— Пропустите! — приказал офицер солдатам.

— Сколько? — спросил Нигматулла, когда они остались вдвоем.

— Пятьсот, — небрежно ответил офицер.

— Это же золото, а не какие-нибудь керенки! — мучительно, как от зубной боли, скривился Нигматулла. — Да и услуга-то маленькая, подумаешь — безоружного человека из двери вытолкали!..

— А документы? — хитро прищурился офицер. — Фактически-то прииском он должен управлять, или я не так понял, Нигматулла Хажигалиевич.

— Много, — покачал головой Нигматулла. — Сто.

— Нет, так не пойдет, цену я назначаю, а твоё дело отсчитать правильно.

Нигматулла вынул из нагрудного кармана толстый кожаный бумажник, тщательно отсчитал триста рублей и протянул офицеру.

— Двух сотен не хватает, — сказал офицер. — Доставай, доставай, не торгуйся! Или считать разучился? Так я помогу!

— Еще сотню и магарыч с меня, — предложил Нигматулла.

— Черт с тобой, сквалыга! Только чтоб копыак был, а не эта ваша буза, я ею уже по горло сыт. И девок достань, а то какая же выпивка без дезок?

— Все будет! — успокоил его Нигматулла.

Прибежавший из кабака половой быстро накрыл стол в соседней комнате. Проголодавшийся Нигматулла опрокинул стакан коньяку и с жадностью набросился на еду. Офицер насмешливо следил за ним.

— Вилка же рядом лежит, Нигматулла Хажигалиевич, зачем же руками? — заметил он наконец.

— Руками вкуснее! — засмеялся Нигматулла. — Да и привычка, с детства... У нас здесь все руками едят. — Он потянулся за бутылкой, налил себе еще полстакана, выпил и снова схватил кусок мяса.

— Интересно, что вы будете делать с такими деньгами? — попивая маленькими глоточками коньяк, спросил офицер.

— Э, были бы деньги, а куда девать, найдется! — Нигматулла взялся за куриную ножку.

— Ну, все-таки?

— Есть хозяйева, у которых по десять — пятнадцать приисков, и то не горюют! — Нигматулла отбросил кость и снова плеснул себе коньяку. — Чем я хуже их? Выстрою себе дом в Оренбурге, да не такой, как раньше строили, а всем домам дом, такой высокий, чтоб отовсюду видно было, выше самой главной мечети! На все свои прииски людей подберу, таких штейгеров, десятников, инженеров, чтоб из камней золото делали. Комбинат построю медный на Карматау, а между Бишитэк и Харыл — чугунолитейный завод. Еще года три — и мое имя весь Урал знать будет, вот увидишь!

Сначала офицер слушал Нигматуллу равнодушно, считая, что тот просто болтает попусту, но скоро забыл даже о папироске, и та потухла в его руках.

«Вот это хватка! — с восхищением думал он. — А с виду вроде совсем простоват мужик, никогда не скажешь, что у него каждый шаг продуман и рассчитан! А впрочем, вряд ли у него что выйдет, уж больно темен и дик».

— Учиться начну, — словно угадав его мысли, сказал Нигматулла. — Вот только придет все в порядок помаленьку, и обязательно начну!

Дверь приоткрылась, и показалось круглое улыбающееся лицо штейгера.

— Заходи, заходи! — пригласил его Нигматулла и широко взмахнул рукой. — Садись!

Штейгер присел на краешке стула. Нигматулла придвинул к нему стакан, вылил туда остатки из бутылки и раскупорил новую.

— Ну как там Накышев?

— Шахту заставил его чистить, — угодливо улыбнулся штейгер. — Ну, злится, ну, пыхтит!

— Небось пузо мешает? — расхохотался Нигматулла. — Ничего, пусть дня три поработает, я его отважу сюда нос совать! А Султангали не нашел? А то некому за бабами сходить...

— Давайте я сбегая, Нигматулла Хажигалиевич, — вскочил штейгер.

— Русских только, для меня и для офицера, — уставившись на штейгера мутными осоловевшими глазами, проговорил Нигматулла.

— Да выбери получше, помоложе! — заулыбавшись, добавил офицер. — А то в прошлый раз Султангали такую привел, что смотреть тошно!..

— Конечно, конечно! — кланяясь и жмуря глазки, заверил штейгер. — Что он там понимает в бабах, этот Султангали? Мальчишка еще, сопляк! Для него — что одна, что другая — лишь бы платок на голове был...

— Давай торопись! — еле ворочая языком, приказал Нигматулла.

Штейгер ринулся к дверям, чуть не столкнулся с входящим в комнату Хажигали.

— Что тебе? — строго свел брови Нигматулла. — Опять насчет покоса? Сказал — не дам лошадей, — значит, не дам! Дня не хватает, по ночам уже ходишь!

— Дело есть, сынок, потому и пришел, — обиженно сказал Хажигали.

— Какие дела в такое время?

— Хисматулла у тебя на огороде прячется, вот какие дела! — скосив глаза на офицера, ответил Хажигали. — Бери скорее лошадь, солдат, а то уйдет!

— Хис-ма-тул-ла-а? — икая и давясь, захохотал Нигматулла. — Ой, уморил! Видно, у тебя к старости ум помутился! Твоего Хисматуллы и на свете-то нет! Может, ты шайтана у меня на огороде видел — тогда другое дело! Только я шайтанов не боюсь, они мне беспорядков на приiske не устраивают!..

— Может, ты тогда тоже шайтан, а не мой сын? — разозлился Хажигали. — Да я Хисматулла с закрытыми глазами узнаю!

— Я слышал, что его расстреляли, — махнул рукой Нигматулла. — Что ты мне голову морочишь?

— А ты проверь, проверь лучше! — посоветовал Хажигали.

— Проверить? Это можно! — посерьезнел Нигматулла. — Поди скажи, чтоб Сафуана позвали!

Не прошло и получаса, как Нигматулла мчался к деревне, ведя за собой отряд казаков.

Добравшись до окраины, он приказал солдатам оцепить деревню и, оставив при себе несколько казаков, поскакал к дому. Хажигали настежь раскрыл перед ним ворота, Нигматулла с раз-

лету влетел в них, стегнул нагайкой выбежавшую на крыльцо Нафису и, сделав круг по двору, спешился.

Обшарили дом, осмотрели заросли у амбаров, потом оцепили конюшню и сарай.

— Эй, Хисматулла, выходи! — отступив на безопасное расстояние, крикнул Нигматулла. — Сдашься добровольно — в живых оставлю! Уйти тебе все равно некуда, кругом солдаты!

Нежно и тихо плескала река за огородом, ветер шелестел листьями. Кто-то из казаков кашлянул.

— Выходи, тебе говорят! Все равно достанем! — снова крикнул Нигматулла и, видя, что никто не отвечает, приказал солдатам лезть наверх.

Потыкали вилами сено под крышей конюшни, еще раз обыскали клетки и лавку. Хажигали готов был заплакать от досады. Не переставая, лаяла до хрипа сидевшая на короткой цепи собака. Нигматулла пнул ее ногой, и она, замолчав, уползла в будку.

Вслед за клетями обыскали дом Гульямал, потом поочередно все дома в деревне. Часть солдат отправили на джайляу, где Сайдеямал доила кобыл Хажисултана-бая.

Нигматулла долго ходил по двору, стегая нагайкой по изгороди, потом присел на крыльце, подумал немного, решительно встал и вошел в дом.

Нафиса сидела на чурбаке у чувала, у ног ее лежал маленький узелок, свернутый из старой, привезенной еще из дому шали. Увидев Нигматулла, она поднялась.

— Ты куда это? — хмуро спросил Нигматулла.

— Домой, — тихо ответила Нафиса. — Не могу я больше тут жить, отпусти меня, ради аллаха...

— Вот оно что, — протянул Нигматулла. — Значит, недаром тут Хисматулла побывал, хорошо без меня поработал! Говори, куда он пошел?

— Ничего я не знаю, никого не видела... Отпусти меня, ради аллаха, не держи, — повторила Нафиса.

— Люди с голодудохнут, а ты с жиру бешишься! Что есть будешь, не подумала? — Нигматулла щелкнул нагайкой, присел на нары и пристально уставился на жену.

— Проживу как-нибудь, все стерплю, что аллах на мою долю пошлет, — склонила голову Нафиса. — Живут же люди еще беднее меня и не умирают... Не могу я больше, дай мне уйти домой...

— Ладно, так и быть, я тебя отпущу, но только с одним условием, — узкие глаза Нигматуллы сверкнули, верхняя губа вздернулась. — Скажи мне, куда пошел Хисматулла, и я тебя тут же отпущу!

Нафиса молча помотала головой.

— Хочешь, поедem со мной завтра на прииск, шаль тебе новую куплю? Или сережки? Только скажи, куда он пошел, и я куплю тебе все, что захочешь! — предложил Нигматулла. — В бархате ходить будешь, лучше, чем жена муллы!

— Мне ничего не надо, я не знаю, где Хисматулла, не пытай меня... — умоляюще посмотрела на него Нафиса. — Отпусти, мать меня ждет... Я же не нужна тебе... Смилуйся надо мной, ради аллаха, скажи мне: «Талак, талак...»¹

---

¹ Слова, которые говорит муж при разводе.

— Клянусь тебе аллахом, я его пальцем не трону! — продолжал уговаривать Нигматулла. — Живой останется, пусть только скажет, где золото спрятано. Башкирскому правительству золото нужно, понимаешь? Иначе меня с прииска прогонят! Так оно в земле лежит, а так — всем пользу принесет! И тебя отпущу, и дом ему выстрою, товаров накуплю... Будет жить, как захочет! Все будет, только скажи мне, где он?

— Не знаю я, куда он пошел, зря ты меня спрашиваешь...

— А, значит, ты все-таки видела его? — оживился Нигматулла. — Ну, теперь-то уж я выбью из тебя ответ! — Он толкнул Нафису, она упала на нары, стукнувшись о доски головой. — Говори, а то живого места не останется!..

Нафиса молчала, закрыв лицо руками, всем телом прижавшись к нарам.

— Скажешь? Скажешь или нет? — цедил сквозь зубы Нигматулла, поднимая нагайку при каждом вопросе. — Где Хисматулла?

Неожиданно Нафиса перестала плакать и подняла голову, глаза ее горели ненавистью, лицо исказилось.

— Бей! Убивай! — крикнула она. — Ничего тебе не скажу, ничего! Не человек ты, а мразь! Не боюсь тебя!..

— Вон ты как заговорила! — рассвирепел Нигматулла. — Ну ладно, придется мне научить тебя, как должна жена вести себя при муже! Вставай, сука!

Он схватил Нафису за косы, вытащил во двор и силой посадил в тарантас.

— Отпусти, отпусти, ради аллаха! Что ты задумал? — молила Нафиса, но Нигматулла даже не смотрел на нее. Он сам запряг в тарантас лошадь и, гикнув, хлестнул поводьями по крупу.

Подскакивая на рытвинах, тарантас с грохотом промчался по улице, комья грязи и мелкие камешки летели из-под колес, с испуганным кудахтаньем разбегались куры. Нафиса закрыла глаза.

«Убьет, — решила она и от этой мысли сразу перестала плакать. — Что ж, было у меня в жизни несколько счастливых дней... Не зря говорят, что человек за все расплачивается. А за эти дни можно отдать и жизнь».

Заплескала под копытами вода, Нигматулла крикнул. Выйдя на берег, лошадь встряхнулась и бодрой рысью потрусила дальше, по лесной дороге.

«В глушь везет, — почти равнодушно отметила Нафиса, когда они миновали старое русло и тарантас заскрипел, поднимаясь в гору.

Дорога кончилась. Мрачно шумели над головой верхушки сосен. Нигматулла уже больше не погонял лошадь, и она шла шагом, лениво взмахивая хвостом. Было уже почти светло, когда впереди показалась небольшая полянка, и Нигматулла, дернув поводья, остановил лошадь.

— Слезай, — угрожающе сказал Нигматулла.

Нафиса встала рядом с тарантасом, с ужасом глядя на мужа. Нигматулла отошел на несколько шагов, зарядил винтовку и поднял ее:

— Последний раз спрашиваю, где Хисматулла? Не скажешь — застрелю, как собаку!

Колены у Нафисы задрожали, она схватилась рукой за тарантас, чтобы не упасть, но сжала губы еще крепче, не проронила ни звука. Нигматулла молча целился. Нафиса подняла глаза и обвела взглядом лес. Светлое облачко неподвижно висело над соснами, казалось, все смолкло и птицы, и ветер, и даже шорох травы под ногами. «Дождь пойдет, а я его уже не увижу, —

подумала Нафиса. — Тихо как... Даже птицы ничего не хотят сказать мне на прощанье...»

— Что же ты не стреляешь? — устало сказала она. — А то рука устанет все время так ружье держать...

— Не-ет, — еле удержавшись, чтобы не нажать на курок, скрипнул зубами Нигматулла. — Просто убить тебя — это мало! Раздевайся!..

— А, тебе одежду жалко? — понимающе качнула головой Нафиса. — Хорошо...

Она скинула шаль, покорно сняла старенький камзол с потертым позументом и бросила все это под ноги Нигматулле.

— Мне ничего твоего не нужно, — пробормотала она. — Подаришь той, на которой женишься...

— Все снимай! И платье, и сапожки! — крикнул Нигматулла.

Нафиса покорно стянула платье, оставшись в одной рубашке. Движенья ее были вялы и медленны, какое-то время ей казалось, что все это происходит во сне, но она видела так ясно и четко, что ощущение это скоро пропало. Холодила босые ступени утренняя роса, травинки мягко лежали под ногами, было свежо.

— И рубашку! — потребовал Нигматулла.

Нафиса выполнила и это приказание и стояла совершенно нагая на траве, прикрывая грудь руками.

— Становись вот сюда! — хрипло — указал Нигматулла.

— Ах, вот что, — усмехнулась одними губами Нафиса, — вот что ты задумал, зверь... Душегуб!..

Нигматулла схватил ее и привязал косами к дереву, поставив ногами в рыхлый, темный от

росы муравейник, вернулся к тарантасу и, достав из-под сена веревку, привязал еще крепче.

Муравьи сразу пришли в движение. Не прошло и десяти минут, как они покрыли все тело Нафисы, которая не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

— И теперь не скажешь?

— Нет! — крикнула Нафиса. — Нет, никогда!

Нигматулла в ярости сломал несколько веток черемухи и стал с силой хлестать ее по плечам и лицу.

— А-а! — дико закричала Нафиса. — Спасите!..

— Никто тебя не услышит, сука! — замахиваясь снова и снова, ответил Нигматулла. — Говори, где Хисмат?

— Нет, — бессильно мотала головой Нафиса.

— Ничего, еще покаешься! — уверенно отвечал Нигматулла. — Это тебе за то, что мужа не почитала! Это за то, что на чужих смотрела! А это за то, что не говоришь, где золото спрятано!..

Охрипнув от крика, Нафиса только сглатывала набежавшую слюну и тяжело дышала. Тело ее превратилось в сплошную кровоточащую рану, ветки черемухи взлохматились, а она все смотрела и смотрела прямо на Нигматулла, и глаза ее были полны ненависти.

Обессилев, Нигматулла повалился на траву, полежал немного, потом встал и разрезал веревки.

Нафиса с глухим стоном упала на землю.

— Вставай! — пнул ее ногой Нигматулла.

Нафиса не отвечала.

Нигматулла взвалил ее на тарантас, прикрыл сеном и погнал лошадь обратно в деревню.

— Идите, занесите се! — приказал он матери и отцу, пившим чай у чувала. — Да смотрите, чтоб не сбежала. И никого к ней не пускайте!

— Ай-хай, бедная, что с тобой сделали! — запричитала мать Нигматуллы, подойдя к тартантасу.

Она помогла уложить невестку на нары, смазала ее раны топленным салом и села рядом, поглаживая Нафису по косам и плача.

— К вечеру буду, — заглянув за занавеску, сказал Нигматулла. — А ты не торчи около нее, нечего баловать! Вела бы себя как надо — учить не пришлось бы!..

— Баньку... баньку истопить бы... — прошептала Нафиса.

— Хорошо, хорошо, истоплю сейчас, — затопилась свекровь.

— Баньку ей... Ладно уж, истопи, а я вечером приеду — еще одну истоплю! — проворчал Нигматулла и вышел, хлопнув дверью.

До самого прииска он с бешенством гнал жеребца и, войдя в контору, зверем поглядел на Сафуана, уже сидевшего у дверей кабинета.

— Все ты! — заорал он с порога. — Сколько я тебе говорил, что нельзя Кулсубаю доверять! Немедля расстрелять его, собаку!

— Опоздали, — виновато развел руками Сафуан. — Как говорится, ум к дураку после обеда приходит...

— Как опоздали? — вскинулся Нигматулла.

— Повестка ему пришла из Оренбурга... Вчера и уехал, — вздохнул Сафуан.

— Какая еще повестка?! Что ты мелешь? — затрясся от ярости Нигматулла.

— Из военного отдела. Велено явиться в Оренбург в штаб башкирского корпуса. Так что теперь он не в нашей власти... Да не расстраи-

вайся ты из-за пустяков, никуда не денется ни золото, ни Хисматулла этот! Уже три наших башкирских полка против красных выступили, четвертый — в Оренбурге собирают, так что большевикам скоро конец, считанные дни остались! — старался успокоить его Сафуан.

— Для тебя все пустяки! — не унимался Нигматулла. — И свалить большевиков — пустяки! И золото — пустяки! Только что-то пока никто с этими пустяками справиться не может!

— Не горячись, не горячись попусту!

Но не успел Сафуан договорить, как в комнату вбежал запыхавшийся Султангали с выпученными глазами. Он схватил со стола графин, поднял его и стал пить из горлышка, не отрываясь.

— Да что это сегодня? Словно с ума все посходили! — закричал Нигматулла и, выхватив графин из рук Султангали, с грохотом поставил его обратно на стол. — Ты что, из горящего дома примчался?

— Выследил я их, как ты велел! Выследил! — с трудом переводя дыхание, выпалил Султангали. — Но нету больше золота, нету!.. Место я нашел, а золота нету! Гульямал раньше меня туда поспела!

— Идиот! Что ты болтаешь? — побелел Нигматулла.

— Прямо к той скале, где бой был, привела она партизан, — торопливо и горячо досказал Султангали. — Они все погрузили на арбу и увезли! Я за ними по пятам до самого озера крался, а потом след потерял... Разве один угонишься?

— Без ножа ты зарезал меня, бандит! — Нигматулла оттолкнул Султангали, распахнул

дверь, намереваясь вызвать солдат и организовать погоню.

На пороге стоял Хажигали. Седая борода его торчала в разные стороны, губы дрожали. Он беспомощно огляделся по сторонам, как-то боком вошел в комнату, махнул рукой и сел на стул.

— Жена твоя... — сказал он и замолчал.

— Что еще? — раздраженно спросил Нигматулла.

— В бане сгорела... Облила себя керосином и сгорела, — покачал головой старик. Он, видимо, все еще никак не мог прийти в себя от того, что произошло почти на его глазах.

Сафуан отвернулся к окну, Султангали испуганно смотрел на старика.

— И баня сгорела, и сарай... — монотонно бубнил старик. — Сказала, баню ей истопить, твоя мать истопила, а там керосин был... Вот она и подожгла...

— Да замолчишь ли ты! — вне себя крикнул Нигматулла. — Сгорела и сгорела! Другую найду! Завтра же женюсь, чтоб вас шайтан побрал с вашими плохими известиями! Мне сейчас о золоте думать надо, ясно?!

Он захлопнул за собой дверь, но не смог пройти и двух шагов — голова его закружилась, ноги ослабели, пол ходуном заходил под ногами, и он прислонился к стене, чтобы не упасть.

«Что со мной? — хватаясь за сердце, подумал он. — А, второй день не сплю... Ничего, пройдет! Надо устроить погоню!.. Может, еще успеем перехватить в горах...»

Он оторвался от стены и вышел во двор. В воздухе чувствовалось приближение грозы, тревожно блеяли овцы. Ветер тряс старую березу под окном конторы, взметал на дороге пыль, грохотал, ударяясь в крышу.

Нигматулла послал за офицером и присел на крыльце.

Неожиданно он вспомнил, как когда-то давно, в лесу, на него напали волки и он швырял горящие головни, чувствуя, что звери вот-вот нападут и ему не спастись.

«Ничего! Уцелел тогда, уцелею и теперь! — со злостью подумал он, вдавливая в землю окурок. Но горящие ненавистью, черные глаза Нафисы неотступно следовали за ним, выглядывали из кустов, прятались за низкими заборами, то приближаясь, то отступая. — Да что это я?.. Не с ума ли я схожу?»

«Сгинь, сгинь, албасты¹», — сказал про себя Нигматулла и, сплюнув, три раза повернулся вокруг себя.

Сверкнула совсем близко молния, осветив поселок ярким голубоватым светом; листья кустов и березы стали синими; пророкотал гром, и крупные, как горошины, капли со звоном забарабанили по земле. Дребезжали стекла конторы, по двору с шумом побежала вода, и стало еще темнее. Дождь все усиливался.

Нигматулла вскочил, закружился по двору и вдруг засмеялся, протягивая руки под секущие струи дождя, смеялся все громче, не в силах остановиться...

XVI

Кусты на опушке леса неожиданно зашевелились. В первую минуту Загиту показалось, что глаза обманывают его, он помотал головой и взгляделся пристальнее.

---

¹ А л б а с т ы — злой дух.

Кусты явственно ошетинились штыками.

— Ложись! — крикнул Загит и упал на траву.

— Может, свои? — шепнул, подобравшись к нему, Акназар.

— Откуда я знаю, — досадливо ответил Загит.

Противник молчал. Старатели тоже затаились.

— Что ж, так и будем лежать? — спросил Акназар.

— А что делать?

— Хоть разведку послать, — хмыкнул он. — Давай я схожу... До Белорецка рукой подать, а мы застряли!..

— Нет, давай попробуем по-другому, — Загит подполз к дереву и крикнул: — Эй, вы кто?

— А ты сам кто? — немедленно отозвались в кустах.

— Я из Сакмаева!

— Партизан?

— Партизан, — помедлив, ответил Загит.

— Так иди сюда! Чего прячешься? — навстречу вышел рослый бородач. — Братцы, тревога отменяется!

Бородач опустил винтовку. На груди у него, с левой стороны, алел рядом с георгиевским крестом красный кумачовый бант.

— Вставай, ребята! Свои! — радостно крикнул Загит.

Казавшаяся такой мирной, поляна была изрыта окопами и траншеями, в нескольких местах из траншей торчали навстречу лесу стволы пушек.

— Ого, здорово окопались! — уважительно сказал Загит.

— А ты думал! — усмехнулся бородач. — Это тебе не отряд, а партизанская республика!..

Впереди, за деревьями, виднелись в сумерках дома Белорецка, дымящие трубы завода, церковь на холме, спокойная гладь пруда. Поселок был окружен со всех сторон высокими лесистыми горами, то здесь, то там вспыхивали на окнах красные блики, поднимались вверх клубы дыма.

— Горит, что ли? — не понимая, спросил Загит.

— Еду готовят, — объяснил бородач. — Ты, хлопец, ступай в штаб, доложишь, что отряд привел.

— Мне одного человека найти надо, Михаилом зовут...

— Там найдешь, — кивнул бородач.

Улицы Белорецка напомнили Загиту Кэжэн и базарные дни. Во дворах одноэтажных деревянных домов, у заборов и палисадов горело множество костров, в воздухе стоял запах пригорелого супа. Стояли поперек дороги груженные скарбом арбы, вповалку спали на земле люди, накрывшись шинелями и тряпьем. Торчали кверху оглобли телег. На одной из них сидела молодая простоволосая женщина с босыми ногами, на руках ее захлебывался плачем ребенок.

— А-а-а... Баю-бай... — тянула она, прижимая ребенка к себе и качаясь из стороны в сторону. — Горе мое, когда ж ты заснешь, окаянный! Вот придет из лесу волк, унесет тебя, если спать не будешь! А-а-а, баю-бай...

— Эй, поосторожней! Не видишь, спит человек? — огрызнулся на Загита старик, лежащий у арбы. — Бродят-бродят по ночам... Ночью спать надо!

— Я не хотел... — растерялся Загит.

— Проходи, проходи! — досадливо махнул рукой старик и, натянув на голову лоскутное одеяло, снова привалился к колесу.

— А-а-а... Ба-а-ай... — устало причитала женщина.

Старатели с трудом пробирались вслед за Загитом по запруженной улице.

— Откуда прибыли? — спрашивали их почти у каждого костра. — Мы из Миасса.... Из Киги! Из Тукана!.. Оставляйтесь у нас, места хватит!

— Нам к штабу надо, — отказывался Загит.

— Тю! К штабу — так вы не так идете! Вон тем переулочком, там дальше налево, через пруд, дом бывшего управляющего знаете? Хотя откуда вам знать... Может, проводить?

— Ничего, сами найдем, — улыбался Загит.

Где-то во тьме призывно ржала кобыла, время от времени ей отвечал жеребенок, между арбами бегали козы и овцы, жались к забору. На улицах становилось все многолюднее и шумнее. Тяжело дышали невидимые заводские трубы, уже близко слышался плеск падающей воды у Агидельской запруды.

У базарных рядов навстречу им вышли дружинники с красными повязками на руках.

— Документы! — потребовал один из них, на околыше его фуражки была пришита красная лента с надписью: «Умрем, но не будем рабами!»

— Какие документы? У меня ничего нет, — опешил Загит. — Да вот же люди со мной, подтвердят, что мы из Сакмаева...

— А сами они откуда? — строго посмотрел на Загита дружинник.

— Из Сакмаева и с Юргаштинского прииска...

— Да оставь ты парня, — дернул его за рукав пожилой дружинник. — Видишь, только что пришли люди, еле на ногах стоят. Вы что ищете?

— Штаб, — пояснил Загит. — Мне надо одного человека найти, Михаилом звать, а настоящее имя Николай Константинович.

— А фамилия? — поинтересовался дружинник.

— Фамилии я не помню...

— Эх ты! Как же ты его найдешь? Знаешь, сколько у нас тут Михайлов и Николаев?

— Он у нас председателем ревкома был!

— Тогда, может, и найдешь, такие люди у нас при штабе, — согласился дружинник. — Только зачем ты за собой всю ораву ведешь? Оставь людей отдыхать, всем туда идти ни к чему...

Загит разместил людей в одном из переулков и направился дальше один. У пруда скопилось много народу — женщины несли воду на коромыслах, партизаны наполняли фляжки, кто-то, раздевшись, с шумом и криком нырял недалеко от берега, приговаривал:

— Ух, хорошо! Ух, здорово, з-зараза!..

Парень в майке и закатанных до колен штанах, прислонившись к сосне, перебирал лады гармошки; раздуваясь, вздыхали мехи. Стоявшая рядом с ним женщина, придерживая руками концы платка, напевала вполголоса:

Будь джигитом на деле!—
Говаривал дед.—
Все богатство его
Только конь да бешмет.

Горы — дом его крепкий,
Седло — колыбель.
И вином его поит
Река Агидель...

Чистый голос ее как-то незаметно перекрывал все разговоры и шумы и соединялся с тихим

плеском воды. Костры, отражаясь в пруду, вспыхивали на водной глади красными языками, темное небо над головой дышало глубиной, туманилось звездной россыпью. Будто, чтобы послушать песню, выступили на берег ели и сосны.

Для джигита и песня,
И мать дорога,
Но дорожке всего —
Пуля в сердце врага...

Женщина умолкла и, сев рядом с парнем, положила голову ему на плечо. Загит вздохнул и пошел дальше вдоль берега.

— Э, когда Пугачев и Салават Юлаев здесь воевали, знаешь, какой акман-токман был! — размахивая руками, говорил широкоплечий усач в шинели. — Весь завод спалили, ни щепки не осталось! Запруду они тоже строили. Я в этих местах с детства каждый кустик облазил. Здесь мой дед робил, крепостным был у купца Твердышева...

— Не скажешь, где штаб найти? — спросил Загит.

— Не только скажу, а и провожатого дам! — быстро ответил усач.

— Да я сам, — помялся Загит.

— А какая тебе разница? Мы сами только что с Баймака прибыли, пятьсот человек, как один! Все равно по дороге... Ваня, давай, хватит чаи гонять!

От костра поднялся человек в шинели внакидку. Потное, усталое лицо его было бледно, волосы слиплись.

— А ты откуда? — спросил он.

— Из Сакмаева...

— Где это?

— Рядом с Юргаштинским прииском, через гору перевалить.

— Золото привезли?

— Нет...

— Оружие?

Загит молча покачал головой.

— А мы привезли, неизвестно только пока, кому сдавать. Шестьдесят лошадей, патроны, винтовки и восемнадцать пудов золота.

— Вот это да! — удивился Загит.

— Уральскими горами шли?

— Через Биштек...

— И мы тоже горами... Ты сам кто будешь?

— Да пока за командира, — смущенно пожал плечами Загит.

— Ишь ты! А с виду не скажешь, — удивился его спутник. — А я председатель старательской дружины Баймакского прииска.

Двухэтажный дом управляющего, в котором размещался штаб, был окружен со всех сторон садом, ажурная чугунная решетка с завитушками отделяла сад от хвойного леса, ворота были распахнуты настежь.

— Красиво, — сказал Загит, постучав ногтем по решетке.

Дом был каменный, с широкой лестницей, на которой толпились люди. Все время хлопали двери.

В огромном вестибюле не протолкнуться, не продохнуть от дыма.

— Значит, им по пять патронов, а нам по три? Нет, так дело не пойдет! — кричал кто-то в конце коридора. — Раз выписано, давай все!

Озабоченно спешили мимо солдаты в шинелях, мужик в пестрой рубаше с трудом стаскивал вниз по лестнице тяжелый ящик.

— Ну и неразбериха! — пробормотал баймакский председатель.

Он шагнул вперед и остановил человека в гимнастерке с левой рукой на белой перевязи:

— Нам бы командира...

— Какого?

— Да лучше самого главного! — выпалил Загит.

— Его пока нет, — улыбнулся человек в гимнастерке. — Может, я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я с Баймака, у нас пятьсот человек, а он вот — с Юргашты, у них человек сто будет, только что пришли. Пробирались горами, больше недели хлеба не видели, стало быть, первая задача — как накормить людей... А вторая — кому сдать восемнадцать пудов золота?

— Молодцы, товарищи! — Голубые глаза человека в гимнастерке радостно заблестели. — Идемте за мной!

Он провел их на второй этаж и, остановившись у одной из дверей, где толпились люди, написал записку.

— Вот, здесь получите продукты, а потом спуститесь ко мне вниз, в шестнадцатую комнату. Договорились?

— Кто это? — шепотом спросил Загит, когда человек в гимнастерке, придерживая раненую руку, пошел дальше по коридору.

— Это, брат, сам Николай Дмитриевич, — с важностью ответил мужик, стоявший перед ними в очереди и сосредоточенно дымивший сигаркой.

— Какой Николай Дмитриевич? — переспросил Загит.

— Томин! Что не слышал никогда? Эх ты! Это ж первый рубака, лихой человек! Давал он жизни Дутову!

— С таким командиром не пропадешь,— вмешался в разговор плосколицый парень с узкими глазами.— У него в отряде все интернационалисты! — Он еле выговорил трудное слово и, как бы устав, прислонился к стене.

— А кто такие интернационалисты? — поинтересовался Загит.

— Ты даже этого не знаешь? Ну и темный человек,— пожал плечами плосколицый.

— Чем смеяться, лучше объясни,— нахмурился Загит.

— Это значит, что в отряде люди всех национальностей — татары, башкиры и русские, и всякие другие, понял? — сказал баймакский председатель.

В противоположном конце коридора вдруг оживленно задвигались, зашумели.

— Комиссар идет! — услышал Загит.

Он вытянул шею и увидел быстро идущего по коридору Михаила. Следом за ним шло двое солдат с красными бантами на гимнастерках.

— Дядя Михаил! Товарищ Трофимов! — неожиданно вспомнив фамилию, крикнул Загит и бросился навстречу Михаилу.

— Загит! Вот так встреча! — Михаил заключил парня в крепкие объятия. — Наконец-то! А то мы не знали, что и думать, пропал целый отряд — и ни слуху ни духу!..

— А мы на одной заимке в горах больше двух недель отсиживались, — рассказывал Загит. — Раненых было несколько человек, вот мы их и выхаживали, и сами сил набирались... Жалко, Хисматуллу потеряли... В последнем бою он с

Мутагаром прикрывал наш отход. Или убили их, или в плен взяли!

— Жив твой Хисматулла! Жив! — тряся парня за плечи, сообщил Михаил. — Недавно в наш партизанский край добрался с двумя фронтовиками... Сейчас он ушел с ними в разведку...

— Вот порадовал! Вот порадовал! — чуть не плача, говорил Загит. — А Мутагар?

— Мутагар погиб, как герой... Когда его уже хотели схватить, он взорвал гранату и еще четырех солдат уложил...

— Красивый был человек! — помолчав, скорбно вздохнул Загит. — Такому нужно памятник поставить, чтоб люди о нем никогда не забывали!..

К Михаилу протиснулся какой-то шустрый белобрысый паренек с бумажкой:

— Товарищ комиссар, подпишите...

Подписав еще несколько бумаг и направив баймакского председателя к Томину, Михаил повел Загита в свою комнату, которая служила ему и кабинетом и спальней. Рядом с письменным столом, почти впритык к нему стояла кушетка, прикрытая солдатской шинелью.

— По нашим данным, где-то бродит по лесам Гульямал с небольшой группой партизан, вот-вот должна показаться в нашем партизанском крае, — говорил Михаил, по-отечески ласково разглядывая сидящего перед ним парня, которого он не раз направлял в трудных случаях жизни и гордился в душе тем, что Загит оправдал его надежды. — Мы послали ей на подмогу отборных ребят!.. Золото теперь будет в наших руках...

— Большая сила тут собирается, — восхищенно глядя на Михаила, проговорил Загит. — Целая армия...

— До армии еще далеко, но партизан набралось тысяч восемь. Беда вот только, что оружия маловато — всего сорок шесть пулеметов и тринадцать орудий... Но еще хуже с боеприпасами, по десять патронов на человека... И очень большой обоз, женщины, дети, которых не бросишь... В общем, положение у нас довольно тяжелое. С Красной Армией связи пока никакой, здесь оставаться нельзя, потому что нас могут взять в кольцо и истребить... Поэтому мы через три дня выступаем...

— А куда?

— Это будет сегодня решаться на совещании в штабе, — понизив голос, доверительно сказал Михаил и склонился над картой, которая была расстелена у него на столе. — Вот посмотри сюда...

— А что это?

— Карта. Вот это горы, тут течет речка, а это мост — ты должен научиться читать карту, иначе тяжело будет воевать! В бою все нужно видеть и понимать, нельзя быть слепым. — Михаил взял карандаш. — С севера идут белочехи, шестой корпус генерала Войцеховского, здесь вот ведет своих казаков генерал Колонин... Вероятнее всего, у нас будет один путь — в сторону Стерлитамака и дальше к Архангельску... Мы и тут можем понести большие потери, но этот маршрут наиболее выгодный — на пути два завода, Богоявленский и Архангельский, поддержат нас и башкиры, которые живут в деревнях и поселках. Да и места тут хорошие — горы, леса, есть где занять хорошую оборону и спрятаться на худой конец... Понял обстановочку?

— Нд-а... — протянул Загит, довольный тем, что Михаил посвящает его в такие сложные дела, и вместе с тем стыдясь того, что он обо всем

этом слышит впервые и не решается сказать об этом своему другу открыто. — А ты-то здесь кем будешь?

— Я комиссар в отряде Томина.

— А куда мы денемся, сакмаевские и юргаштинские?

— Я думаю, что вы можете влиться в наш отряд, — помолчав, сказал Михаил. — Я сегодня поговорю с Томиным... Иди к ребятам, завтра все устроится!

На улице было еще темно, но, похоже, короткая летняя ночь была уже на исходе. Все переулки и улочки, забитые людьми, арбами, будто погрузились в короткое забытие, и Загиту не верилось, что еще недавно он пробирался здесь среди многолюдья и шума. Он мог бы свалиться в любую придорожную канаву, заросшую лопухами и крапивой, или приткнуться где-нибудь у забора и тут же мертвецки заснуть, но он шел к своим землякам, которые ждали в переулке своего командира, шел с хорошими вестями, определив их судьбу, встретив Михаила, узнав про все на свете, и душа его была полна тихой радости.

XVII

Под вечер атака белых захлебнулась, и они откатились на исходные позиции, к лесу.

Загит упал ничком на мягкий, пружинистый мох, чтобы прийти в себя и отдышаться. От пота щипало глаза, толчками билась в виски кровь, ноги и руки были как чужие.

Сумерки заволакивали горы и склон, где лежал Загит, и отсюда он видел и равнинную ширь внизу, где тускло отсвечивала река, и опушку леса, где засели в траншеях белые, и

за рекой край деревни с редкими уцелевшими избами.

Загит облизнул пересохшие губы, оглянулся назад, на цепочку партизан, залегших в высокой траве, и утомленно закрыл глаза. До утра можно было надеяться, что белые не пойдут в атаку, измотанные за этот долгий день, оставившие на опушке и склоне горы и у самой реки не меньше сотни трупов.

Уже больше недели продвигалась вперед партизанская армия. Вслед за строевыми колоннами с верстовым разрывом, медленно ползли растянувшиеся по всему пыльному тракту обозы, скрипели арбы, то и дело наезжая друг на друга, мычали привязанные за рога коровы, блеяли овцы, которых гнали в самом конце обоза. Над трактом, не оседая, висела удушливая желтая пыль, забивавшая глотки, не стихал детский рев, крики отчаявшихся женщин. Несколько раз снаряды попадали в середину обоза, разметывая арбы, и коров, и людей, все бросались врассыпную, потом собирались, чтобы отголосить по погибшим, и обоз снова приходил в движение.

Остались позади Богоявленский и Архангельский заводы, горная речушка Усолка с ледяной прозрачной водой, что бурлила у невысокой плотины, прокладывая себе путь среди старых домиков и балаганов, башкирские деревни, где женщины встречали их как освободителей и гостей чашками, полными мяса, испеченными в золе лепешками, сметаной, маслом и яйцами, — казалось, весь народ старался помочь им пройти через эти скалистые, поросшие густым лесом горы. Но на пути армии вставали не только горы и крутые перевалы, иногда вдруг, как это случилось два дня назад, перед Загитом распахнулось пшеничное поле, и он, проживший все

годы в приисковой деревушке, смотрел как на чудо, как ветер гонит вдаль атласные волны хлебов, слушал, как шелестят, нашептывая ему что-то, спелые колосья.

«Вот где богатство, — думал он, не отрывая восхищенного взгляда от того, что открылось ему. — Лучше любого золота!.. Хлеб! Хлебушко наш, что дает нам силу и жизнь! Ведь каждый бедняк в Сакмаеве мечтает хоть раз поесть его вволю. А тут не на одно Сакмаево его хватит, можно весь прииск накормить!»

— Загита и Акназара к командиру! — перекатилось неожиданно по цепи. — Загита и Акназара.

Загит будто очнулся и, отозвавшись на голоса, пополз по траве, под склоном столкнулся с Акназаром.

— Ты что-нибудь понял? — спросил тот. — В штаб нас, что ли, зовут? Ты знаешь, в какой избе командир?

— Да вроде вон в той, к речке поближе...

Они не успели свернуть к крайней, за цветущим плетнем, избе, когда мимо прокатил тарантас. В плетенке из черемуховых прутьев сидел, нахохлившись под черной буркой, высокий человек, по бокам тарантаса выплясывали верховые.

— Кажись, сам главком проехал, — сказал Акназар.

— Блюхер?

— А кто же еще!

Тарантас, а за ним и верховые подъехали к избе, где жил командир Томин, спешили, задымили сигарками. Загит и Акназар подошли к крылечку и хотели уж было подняться по ступенькам, тут их остановил часовой.

— Постойте, джигиты! Куда вы?

— Нас командир позвал... — неуверенно было

начал Загит, но увидел шагнувшего из сеней человека и замер с открытым ртом. — Хисматулла-агай?

— Он самый, — неприветливо и мрачно ответил Хисматулла и повернулся к часовому. — Их Томин вызвал, это наши ребята из Сакмаева... Но сейчас там главком, и пока нельзя. Допрашивают «языка», которого я им притащил... Тяжелый, дьявол, попался, сто потов с меня сошло, покуда допер...

Загит слушал стоявшего перед ним человека и не узнавал его — он говорил голосом Хисматуллы и обликом был схож с односельчанином, но вместе с тем это был как будто и другой человек, и трудно было сразу понять, что же в нем было чужим, что в нем настораживало.

— Ты сказал «язык», — робко произнес Акназар, который, видимо, тоже не мог привыкнуть к тому, что изменилось в Хисматулле. — Это пленный, что ли?

— Да, ходил в тыл к белым и, кажется, поймал крупную птицу...

Он замолчал и стал скручивать козью ножку, зачерпнул из кисета табак и также осторожно ссыпал с ладони табачные крошки.

— Говорят, сюда скоро должна прийти Гульямал? — стараясь как-то смягчить суровость товарища, поинтересовался Загит. — Наверно, тогда мы будем знать все новости из Сакмаева?

— Она уже здесь, в лазарете, — так же холодно и спокойно ответил Хисматулла.

— Она ранена?

— Нет, просто напорол ногу и должна немного подлечиться, началось небольшое загноение, — пояснил Хисматулла и, казалось, снова погрузился в долгое молчание. Потом он словно очнулся от глубоко забытья и досказал с усга-

лой отрешенностью: — Нафиса сожгла себя в бане... Облила керосином и сгорела вместе с баней...

«Вон оно что! — чуть не вскрикнул Загит, испытывая щемящее чувство жалости к человеку, который еще минуту назад казался ему чужим, неспособным обрадоваться даже встрече с земляками. — От такого горя можно превратиться в камень и перестать всех замечать...»

— Бедная... — только и нашелся, что сказать, Акназар, однако, помолчав, спросил о том, о чем сам, наверное, думал с тех пор, как покинул Сакмаево. — А про Гульмадину Гульямал ничего не говорила?

— Нет, — сухо бросил Хисматулла.

«И зачем он лезет к человеку со своими глупыми делами? — возмутился в душе Загит. — Для него, может, свет погас, половина жизни ушла, а он про свою Гульмадину пытается! Что с ней делается? Проживет как-нибудь за байской спиной!»

Двери в сени распахнулись, на пол упала полоса света, а Загит узнал голос Михаила:

— Хисмат, пришли сакмаевцы?

— Здесь, товарищ комиссар!

— Давайте сюда!

Щурясь от яркого после темноты света керосиновой лампы, Загит шагнул через порог и не сразу разглядел всех, сидевших за длинным голым столом. На нем была развернута большая карта, над которой склонились три головы — одна знакомая, Михаила, другая, чубатая, Томина, а третью, бритую и гладкую, он видел впервые.

«Так это же Блюхер! — вспыхнул Загит, возторженно глядя на бритоголового и лишь краем глаза видя еще одного человека, сидевшего в тени, в стороне от стола, в расстегнутом кителе,

с опущенной седой головой. — Офицера взял! Да еще, похоже, не какого-нибудь, а не меньше, чем подполковника!»

— Пленного можно увести, — поднимая голову, глуховато, но твердо проговорил Блюхер.

— Вы обещали мне сохранить жизнь! — вскинулся офицер и начал суетливо застегивать пуговицы на кителе.

— Вы будете отпущены на свободу, но с тем условием, о котором мы договорились, — так же ровно и тихо досказал Блюхер. — Вы больше не возьмете в руки оружие!

Когда конвойные вместе с пленным вышли из избы, главком будто только теперь увидел ожидавшихся его приказа партизан.

— Здравствуйте, товарищи! Это все твои земляки, сакмаевцы, товарищ Трофимов?

— Да, братки мои... Многие годы их знаю... Во многих переделках был с ними!

Блюхер кивнул, пряча улыбку в усах, потом быстро скинул старую кожанку, надетую поверх гимнастерки.

— От имени командования объявляю вам, товарищ Хуснутдинов, благодарность! — торжественным, приподнятым тоном провозгласил он и, сделав шаг от стола, крепко пожал руку Хисматулле. — Теперь мы знаем замыслы противника и можем действовать более уверенно!..

Поскрипывая сапогами, он снова прошел к столу и склонился над картой.

— Значит, так... — задумчиво сказал он. — На западе — Агидель, на севере — Сим, на юге — Большой Инзер... С востока нас прикрывают Уральские горы... Противник собирается разрезать нашу армию пополам, каждую часть взять в кольцо и по отдельности уничтожать... Но мы спутаем его карты и зайдем ему в тыл и первы-

ми нанесем удар вот здесь! — В тишине карандаш застучал в одну точку. — Именно здесь...

— Трудно будет, Василий Константинович. — Томин довел свой палец до той точки, где стоял карандаш. — В этом месте река довольно глубокая, нет ни парома, ни лодок... Не представляю, как мы переправим столько людей и оружия...

— Будем строить мост, — как нечто давно созревшее и решенное сообщил Блюхер и, не дожидаясь возражений Томина, добавил: — А для чего я, по-твоему, просил позвать старателей и партизан? Пусть они скажут, можно ли за одну ночь построить мост... Для отвода глаз мы начнем сосредотачивать свои силы в другом месте, чтобы они думали, что мы собираемся перейти Агидель вот тут, а сами ударим отсюда!.. Ну как, комиссар? Осилит ли эта операция с мостом?

— Народ надо поднять на это дело, товарищ главком. — Михаил встал, одергивая гимнастерку. — Сейчас разошлем всех местных, отберем тех, кто умеет держать в руках топор!.. Как считаете, братки, по плечу нам это дело?

— Русские так говорят, я слышал, — сказал, выступая вперед, Загит. — Глаза страшатся, руки делают... Почему не попробовать?

— Поручаем эту операцию вам, товарищ Томин! У вас много старателей, мастеровых людей... А такие богатыри, как Хуснутдинов, могут не только таскать офицеров с кляпом во рту, но и обыкновенные бревна...

Все дружно рассмеялись, Михаил сделал знак сакмаевцам и, накинув на плечи шинель, первым шагнул в темные сени.

По низине от реки поднимался туман, затягивая склон и опушку леса, где притаились вра-

жеские траншеи. На деревне лаяли собаки, потом и они стихли, и лишь где-то неподалеку раздавалось журчание курая и чей-то голос, может быть, той девушки, что пела на площади в Белорецке, вплетался в негромкую мелодию.

Бесстрашно гнезда охраняют
Орлы в отчизне голубой,
Родные горы защищают
Батыры, вышедшие в бой...

— До чего люблю наши песни, — тихо сказал Хисматулла. — Иногда глаза бы ни на что не глядели, жить не хочется, а вот послушаешь, и уже легче на душе...

«Вот сейчас Хисмат похож на самого себя, — растроганно подумал Загит. — Все заживет на человеке, лишь бы была у него свобода и родина!»

— Будем действовать так, — прервал его раздумья Михаил. — Мы с Акназаром пойдем отбирать людей в частях, а вы, Хисмат с Загитом, идите по домам, будите потихоньку всех, кто только может ходить и пронести хотя бы доску в руках или жердь, и всех к реке с топорами и пилами...

Минуты через три Загит расстался с Хисматуллой и остался один в темноте, постоял немного в нерешительности и, подойдя к первой избе, легонько постучал в окно. Никто не ответил, и тогда он снова забарабанил пальцами по стеклу. Наконец его услышали, и к окну прикикло смутно забелевшее в темноте лицо.

— Что надо?

— Открой, мать...

В избе его встретила старуха и проснувшаяся от шума невестка.

— Давайте, что у вас есть, — сказал Загит

шепотом, хотя мог говорить и погромче. — Топор, пилу, будем мост строить...

— Какой мост? — запричитала старуха. — И так весь день в погребе просидели, пока вы тут стреляли... Курицу вон убили! И когда эта война проклятушая кончится?.. Не надоело вам друг друга крошить?

— Я же на смерть иду, чтоб вам потом хорошо было, — торопливо и сбивчиво пояснял Загит. — А если сюда белые придут, они ни одного в живых не оставят... Не одну вашу курицу пристрелят!

— Иди, Катька, в сарай, дай, что у нас есть, — подобрела старуха. — Да и сама поди помоги...

Загит ходил от избы к избе, уговаривал, а где и угрожал, и вот уже задвигались по улице люди, потащили бревна, жерди, разбирали сараи и клетки. Раскатали по бревнышку дом сбежавшего купца, откуда-то, должно быть, припрятанные до времени, появились на берегу лодки, стали сбивать легкие плоты, натянули канат, и на другой берег, еще до того, как стали строить мост, переправились первые части, окопались и залегли в наспех вырытых окопчиках с пулеметами.

Хлюпала вода, раздавались тихие голоса, ночь наполнилась шепотом и таинственными шорохами, стуком топоров, вжиканьем пил, и Загит, носивший теперь бревна с Акназаром и Зина туллой и Ягуда-агаем, испытывали такое чувство, что он работает в родной деревне. Конечно, ему не приходилось никогда работать в такую ночь, в тумане и тьме, но эта ночь и движущиеся во всех направлениях люди — все это рождало в нем ощущение не виданной и не испы-

танной прежде силы и красоты и еще чего-то неведомого, чему он пока не знал названия, но что жило в нем и соединяло со всеми людьми. Сгибаясь под тяжестью бревна, обливаясь потом, он не чувствовал усталости, еще недавно валившей его с ног, словно боялся, что стоит ему забыться на минуту-другую в легкой дремоте — и он что-то прозевает такое, что определит его жизнь на многие годы вперед. Он не хотел ничего упустить, и хотя бежал только от деревни к реке, ему казалось, что он видит и тех, кто забивает сваи в дно реки и делает настил моста, и тех, кто залег в траншеях и ждет своего часа, чтобы по первому сигналу встать и пойти в атаку, и даже избу на краю деревни, где склонился над картой бритоголовый человек в кожанке. Может, это был ветер победы, предчувствие близкой радости, и не потому ли так хотелось Загиту, чтобы в эти часы и минуты с ним были все сакмаевцы, чтобы они чувствовали и переживали, что и он, Загит... Уже одно сознание, что они здесь где-то, поблизости, и трудятся, и не жалеют своих сил, делало его счастливым...

Переправа началась на рассвете, когда на мост вкатили первое орудие и протащили его на другой берег, за ним потянулись упряжки со снарядами, с ящиками патронов, а там уже трудно было разобрать, кто пробивался к мосту, нарушая очередь, кто вообще мог бы обойтись без моста и перебраться на другой берег на легком пароме, кто лез напролом, не слушая ни команды, ни окриков. Стоял неумолчный грохот и гвалт, и было непонятно, почему белые до сих пор не обнаружили переправу и не начали бить по ней. Может быть, им еще мешал туман, паривший и над рекой и закрывавший склон горы.

Но едва пробилося солнце и растаял туман, как белые опомнились и стали строчить из пулеметов, бить из тяжелых орудий. Несколько снарядов разорвалось около свай, подняв столбы воды, взрыло берег и часть скошенной луговины, взметывая в воздух град камней, куски дерна, фонтаны земли и грязи. Пулеметы срезали под корень поле ржи, тянувшейся к реке, и пыль застилала все вокруг. Загит стоял недалеко от переправы, держа в поводу двух коней и дожидаясь Михаила, который в эту ночь определил его к себе в адъютанты.

С бугра Загит видел, как вползла на мост очередная арба и, грохоча, перекатывалась на другой берег, как перебирались вплавь через реку конники, сносимые течением, и был в полной растерянности, потому что уже не видел своего комиссара. Он был вместе с Томиным и Блюхером у самой переправы и пытался навести там порядок. Изредка Загит угадывал в этой сумятице то скачущего на гнедом иноходце Блюхера, то ловил вскинутую над головой шашку Томина, она слепяще вспыхивала на солнце и гасла, как короткая молния.

Но батарея белых пристрелялась, и тяжелый снаряд угодил в середину моста, и толстые бревна взлетели в воздух, как спички, запылали в деревне две крыши, но никто не гасил их, они горели ярко, как копны сена, устремляя огненные крылья к небу. Когда схлынула вода, поднятая взрывом моста, и он рухнул, увлекая за собой опрокинутую арбу и лошадь, и осело облако пыли, Загит увидел бегущего к нему Михаила.

— По коням! — кричал он, хотя непонятно было, кому он дает эту команду. — Наши части

почти все перебрались на тот берег, и Блюхер приказал нам прикрывать отход!

Мимо проскакал на взмыленном коне Томин, за ним — его конники, следом устремились Михаил и Загит. Они мчались в сторону того склона, откуда вчера вечером Загита вызвали в штаб.

Не успели они доскакать до первых траншей, как с опушки застучал пулемет и белые снова пошли в атаку. Видимо, они разгадали замысел партизан отрезать их от реки и от тех частей, которые оказались на другой стороне, и теперь решили прорваться через огненное кольцо. Впереди с шашками наголо мчались казаки, чтобы навести страх на засевших в окопах партизан, но шквальный, прицельный огонь первой цепи заставил их повернуть обратно. Тогда, повинувшись новой команде, перестраиваясь на ходу, они стали обтекать окопы с правой стороны, и шашки снова засверкали в их руках, точно раскаленные добела под слепящим солнцем.

Оставив коня за деревом, Загит прыгнул в окопчик, увидел рядом застывшие в тревожном ожидании лица партизан. Они прижались к темным бугоркам земли в траншеях, шедших ломаной линией по склону, целясь куда-то через траву, но еще не стреляя.

И когда на опушке встали и пошли, чуть пригибаясь, серые ряды солдат, Загит понял, что наступила решающая минута боя, которую все ждали.

— Вперед! — крикнул кто-то, как ему показалось, у него над ухом, и его выбросило словно взрывной волной из траншеи, и он побежал навстречу серым шинелям. Но откуда-то со стороны прорвались несколько казаков, должно быть, не сумевших обойти траншеи справа, и Загит

выстрелил в первого всадника, готового вот-вот подмять его под себя. Казак завалился на спину, сполз с седла, но запутался в стремях, и лошадь понесла вскачь это мертвое тело, волочившееся уже по земле.

Загит споткнулся, упал, но тут же вскочил и побежал дальше, стреляя неизвестно куда и в кого, пока не стал различать как бы увиденные сквозь мутное стекло чуть размытые пятна чужих лиц.

— Ур-ра-а-а!.. Ур-ра-а-а!.. — покатилося мощной волной по склону, и Загит тоже закричал что было мочи, видя, как все, кто сидел в траншеях, тоже вырвались на свободу склона и неудержимо неслись навстречу смерти. — Ур-ра-а-а!..

Спину Загита окатил жаркий озноб, все в нем дрожало, голова была как в огне, но он все бежал и бежал, то падая, то вновь поднимаясь, пока сильный толчок не отбросил его навзничь и он не упал в траву.

Еще не сознавая, что он ранен, он снова вскочил, пробежал несколько шагов, и вдруг резкая боль точно подкосила его, и он опять свалился в траву.

Он вскинул винтовку на травянистый бугор и теперь уже стрелял, целясь, беря на мушку то одно пятно, то другое. Но лица стали постепенно как бы расплываться, потом пропали совсем, и он понял, что атака белых захлебнулась. Теперь они бежали к лесу, преследуемые партизанами, оставляя на склоне убитых и раненых. Он увидел, как, опережая цепи партизан, пошли наперерез из леса конники Томина и белые в панике начали отступать к реке.

— Вперед! Вперед! — сипел охрипший от крика Загит. — Не уйти вам, гады! Не уйти!

Он уже не мог больше стрелять, потому что отказала рука и под рубашкой текла теплая кровь, он схватился за плечо, и ладонь его стала мокрой и красной.

И в ту же минуту увидел мчавшегося впереди конников партизана с трепещущим на древке знаменем. Оно билось у него за спиной и было того же цвета, что и кровь на руке Загита...

НОВАЯ ВЫСОТА

(О ТВОРЧЕСТВЕ Я. ХАММАТОВА И ЕГО РОМАНЕ «АКМАН-ТОКМАН»)

В современном романе наряду со стройностью идейно-художественной концепции проблематическая масштабность является самым большим достижением произведения. Это стало очевидным особенно в последние годы. На основе этого художественного явления башкирский роман достиг значительных успехов.

Каждый новый роман видного башкирского прозаика Яныбая Хамматова, являясь неотъемлемой частью общего литературного развития, воспринимается как событие, ускоряющее этот процесс. Новаторство больших полотен Я. Хамматова, охватывающих судьбы не только отдельных личностей, но и целых семей, множества поколений, социальных групп, повествующих историю как поступательный процесс, длительную совместную борьбу народов, состоит в том, что в них панорамное изображение действительности органически сливается со своеобразной художественной биографией отдельного человека. Характерной чертой романов Я. Хамматова является еще и то, что в них в тесной связи с направлением поэтической мысли, с содержанием идейно-эстетической концепции почти всегда стоит образ коммуниста.

Яныбай Хамматович Хамматов родился 16 января 1925 года в деревне Исмакаево Белорецкого района БАССР. Рано остался сиротой. Зимой продолжал учебу в Инзерской средней школе, летом работал на Авзянских приисках. В 1940—1942 годах Я. Хамматов был мотори-

стом, коногоном, лебедчиком, помощником забойщика, бригадиром смены. В 1942 — 1946. годах служил в рядах Советской Армии, является участником Великой Отечественной войны. После демобилизации вернулся на Верхне-Авзянские прииски и активно сотрудничал в районной газете. Именно в эти годы активизировалась его литературная деятельность: пишет зарисовки, рассказы, стихи о золотоискателях.

Вскоре он становится комсомольским работником — зав. отделом и первым секретарем Белорецкого райкома ВЛКСМ. В 1949 году его переводят на работу в областной комитет ВЛКСМ. Затем Я. Хамматов работает заместителем начальника политотдела треста «Башзолото». В 1954 году после окончания партийной школы он начал работать инструктором отдела партийных органов обкома КПСС. Заочно учился в Башпединституте. В 1960 году был избран председателем исполкома Абзелиловского района, затем работал в органах МВД Башкирской АССР. В последние годы — профессиональный писатель.

Я. Хамматов прошел большую трудовую школу, имеет огромный жизненный опыт. Его произведениям свойственны жизненность, естественность. Хотя свои первые литературные опыты писатель начал еще в начале сороковых годов, первое крупное произведение он опубликовал только в 1965 году. Это был роман «Золото собирается крупницами». Первое же эпическое полотно принесло автору широкую известность. Оно было переведено на русский язык и за короткий срок выдержало несколько изданий.

Я. Хамматов после эпического по своей сути историко-революционного романа пробовал свое перо и в так называемой «деревенской прозе». Правда, роман «Как зажигаются звезды» единственное произведение автора, посвященное современной теме. Вслед за этим романом писатель опубликовал вторую книгу серии «Золото собирается крупницами» — «Акман-токман». Одновременно Я. Хамматов работал над военным романом, посвященным бесмертному подвигу гвардии лейтенанта Миннигали Губайдуллина — «День рождения», за который автор отмечен дипломом Министерства обороны СССР, учрежденным за лучшие произведения военно-патриотического характера.

В дальнейшем Я. Хамматов в своем творчестве продолжил тему первого романа «Золото собирается крупницами», повествующего о важнейших событиях, о пово-

ротных моментах истории и народа. Отсюда идейно-эпическая насыщенность, пафос историзма его романов. Если своеобразное социальное исследование актуальных проблем современной деревни в романе «Как зажигаются звезды» придает стилю публицистический характер, то идейно-эстетическое своеобразие произведения достигается постановкой автором морально-этических проблем. В произведении наряду с изображением соседствует информационность. Но повествование основано на остром социально-нравственном конфликте, при этом преобладает социологический анализ.

В своем творчестве Я. Хамматов всегда выступает как новатор. Каждое новое произведение его и по содержанию, и по форме — это новое слово в башкирской романистике. Он находит соответствующие идейно-эстетической концепции, художественно-выразительные средства, стилевые приемы и новый тип жанровой формы. Например, его роман «Как зажигаются звезды» построен как социально-публицистическое повествование. Многие страницы в нем напоминают социологический анализ острых проблем современной жизни. В романе «День рождения» превалирует историко-биографическое исследование истоков легендарного подвига рядового советского человека. А дилогия «Северные амуры» — это исследование исторических корней многовековой дружбы башкирского и русского народов, их патриотического подъема в совместной борьбе против иноземных захватчиков. Дилогия соткана как бы из нескольких биографических и документальных повестей о жизни исторических личностей. Вообще жизнеописание выдающихся личностей и фольклорных героев очень гармонирует в этом монументальном повествовании автора. Его роман-эпопея «Золото собирается крупицами», состоящий из пяти самостоятельных книг, — это большое эпическое повествование о судьбах башкирского народа. Здесь показывается почти полувековая жизнь горно-лесных башкир-кустарей, так называемых «зимогоров», то есть старателей и горно-заводских рабочих. Старательская прослойка золотоискателей постепенно тоже переходит на работу в шахтах и умножает ряды пролетариата. Писатель через судьбы отдельных людей — Сайфетдина, Мутакхара, Гайзуллы и других — рельефно показывает этот процесс. Проходит время бывших баев-вершителей судьбы деревни — Хажисултана, Мухарряма и др. На их место приходят занимающиеся более доходным делом — добыванием золота, в основном, нечестным путем люди типа Накышева, Нигматуллы, Султангали и др.

Для них нет родовых кровных связей, золотая лихорадка господствует над ними, заставляет заниматься грязными делами. Они — рабы «желтого дьявола». Они не только жестоко эксплуатируют своих сородичей, но и постоянно грызутся между собой. Накышев хочет прибрать к рукам золотые прииски Касьянова, Нигматулла всеми силами и хитросплетениями пытается урвать «свой куш», а инженер Мордер занимается темными делами, старательно засекречивает богатые золотыми жилами места, разведанные геологами, чтобы потом («без этих невежд», по его выражению) стать единственным хозяином-золотопромышленником.

Роман густо населен персонажами. Многие из них наделены оригинальными чертами и сложными судьбами. Поэтому и сюжет имеет крутые повороты. Он выткан как многослойная и многоплановая ситуация с острым конфликтом, отражающим большие социальные, исторические и психологические перемены в общественном движении мира.

Таким образом, по трактовке и подходу к жизненному материалу романы Я. Хамматова сильно отличаются от других историко-революционных романов. Если в подобных произведениях других авторов герой, в основном, бывший молодой человек из деревни, попав в горнило империалистической войны, становится борцом за свободу и возвращается в свою же деревню, то Я. Хамматов показывает другую среду. В этой своеобразной среде из выходцев аула выковывается национальный пролетариат. Первая книга серии романов Я. Хамматова очень образно передает этот процесс: «Золото собирается крупницами». Это образное словосочетание передается и обосновывается профессиональным революционером-большевиком Михаилом Трофимовым. Итак, историко-революционные романы Я. Хамматова показывают рождение башкирского рабочего класса. И не случайно в 1974 году эти романы отмечены премией ВЦСПС и Союза писателей СССР как лучшие книги о рабочем классе.

В романе «Золото собирается крупницами» изображается, в основном, беспросветный быт и тяжелый труд старателей. Старатели — рабы не только золота, но и бая. Автор подчеркивает их неорганизованность, если они выступают, то стихийно. В «Акман-токмане» писатель показывает, что вчерашний старатель более или менее целеустремленно пытается защитить свое человеческое достоинство. Это стремление отражается, прежде всего, в осознании силы коллектива, в осознании правоты постановки

перед хозяином своих жизненных требований. Это уже не толпа, а вполне организованная сила, направленная умелой рукой Михаила. В этом отношении «Аман-токман» во многом отличается от первого романа Я. Хамматова. Если в романе «Золото собирается крупницами» основные, ключевые события происходили в деревне Сакмаево, в среде аульной верхушки и деревенской бедноты, то в романе «Акман-токман» направляющие сюжетные линии события переместились в поселок старателей Юргашты, в рабочей поселок Кэжэн и город Белорецк. Главным героем обоих произведений является Хисматулла. И не только среда, но и окружающие его персонажи во многом изменились. По существу в «Акман-токмане» показывается, можно сказать, вторая, более зрелая ступень в формировании национального пролетариата. В его выступлениях уже чувствуется не «стихийный бунт», а сознательное революционное движение, угадываются в общей тональности повествования грядущие победы рабочих под руководством большевиков. В центре этой трудной борьбы стоит Хисматулла.

Во второй части романа «Акман-токман» именно он сообщает рабочим прииска и жителям деревни о победе социалистической революции. Поэтому для Хисматуллы было неожиданностью, что после революции в Башкирии дело так осложнилось. Он советуется с Михаилом и после разговора с ним делает вывод: «Теперь... классовая борьба осложняется. Чтобы одержать победу в ней, надо изучать настроение, тактику врага, надо работать над повышением политического уровня». В этих размышлениях автор еще раз подчеркивает, что его герой живет только революцией, все мысли и чувства подчинил делу революции. И когда, раненый, он попал в руки врагов революции, остался верен своим идеалам. Здесь есть интересная деталь. Влюбленная в парня Гульямал из Кэжэна приводит помощь. В ответ на благодарность Хисматуллы она говорит, что «сходила туда ради твоей «революции». В этих словах есть смысл, который определяет суть жизни Хисматуллы как человека. В тот момент ей дорог и возлюбленный, и революция.

«Акман-токман» по своей сюжетно-композиционной структуре и событийному ряду более компактен по сравнению с романом «Золото собирается крупницами». Если в первом произведении много бытовых и этнографических сцен и в повествовании чувствуется мозаичность, то «Акман-токман» соткан из более крупных событий, отражающих социально-исторический ход жизни. Поэтому повест-

зование как бы ускоряется и уплотняется. Это накладывает свой отпечаток на поэтику романа. В нем сильны социальный анализ, психологический рисунок, углубление историзма. Все это придает роману широту эпического повествования, масштабности мысли.

Революционный поворот в истории явился силой, выводящей народ к социально-общественной активности и обновляющей его взгляд на мир. Это выдвинуло крупным планом личность, воплощающую в себе эмоционально-духовную силу народа, преобразующую суть его бытия. Понимание революции как великой обновляющей жизненной силы и служение ей означало движение в ногу с народом. Хисматулла, затем и Загит в романе «Акман-токман» такие личности. В них автор подчеркивает ранее не известные качества человека, формирование его не только как личности нового человека, но и как борца за новые идеалы. Хисматулла и Загит — это люди, понимающие гуманистическую суть изменяющегося мира и поэтому всеми силами отстаивающие новые социальные и нравственные отношения.

Я. Хамматов построил сюжетную и конфликтную ситуации на классовом, социально-психологическом уровне. Это дает автору возможность показать своих героев в динамике и в контексте с историей. Художественный анализ драматических ситуаций, данных в историческом движении, обеспечивает в романе глубину и широту повествования и емкость идейно-художественного содержания. Контрастность эпизодов, активность героев, в свою очередь, усиливают увлекательность. Введение в произведение персонажей, вступающих во взаимоотношение с основными героями, дает возможность расширить сферу действий и тем самым строить сюжет, объясняющий разносторонние явления действительности. В силу этого соотношение события и времени как бы преследуется, сжимается пространство и достигается плотность в повествовании. В связи с этим нужно особо отметить овладение «искусством повествования» (Т. Манн) Я. Хамматова. Так писатель постепенно овладел умением расширить и углубить факты и эпизоды, позволяющие ясно и конкретно раскрыть характер героя, научился развивать ассоциативный смысл и значение этих фактов и эпизодов. В этом смысле именно романы Я. Хамматова (в том числе «Акман-токман») закрепили переход от однолинейного, однопланового повествования к объективному эпическому, многостороннему изображению. Повествовательные формы в его романах обогатились наряду с изобразительностью аналитической

целенаправленностью. Факты, эпизоды и события приобрели как бы центростремительную силу притяжения. Конкретная конфликтная ситуация с историческим содержанием стала формообразующим компонентом произведения. Такое сцепление событий вокруг главного героя, в данном случае Хисматуллы, в свою очередь, раздвинуло границы повествования, что получило широкий эпический размах. На таком фоне прослеживается формирование человека нового типа — коммуниста. В этом и успех романа «Акман-токман». В произведении Хисматулла дается в действии, в окружении массы, в центре больших событий. Здесь само историческое движение выливается в форму событий, следующих одно за другим. Центральный герой романа, помимо непосредственного участия в событиях, играет роль, ускоряющую развитие этих событий. Поэтому Хисматулла не только свидетель изображенных в романе событий, но и основной центр, куда стягиваются все разветвления сюжета, это центр и композиционного построения романа «Акман-токман». Надо подчеркнуть ту особенность романа, что именно в росте Хисматуллы ясно угадываются «ступени жизни народной». Ибо герой Я. Хамматова человек будущего. Это определило и конкретно-реалистический стиль романа «Акман-токман». Хисматулла и Загит в произведении «соответствуют» потребностям эпохи, движению страны и народа к революции. Они вполне ясно ощущают грядущие дали истории. В этом заключаются исторический оптимизм романа, масштабность мысли автора. Такие черты романа достигаются исследовательским приемом, через который автор приходит к художественному синтезу. А это, в свою очередь, приводит писателя к типизации жизненных явлений посредством постановки крупной проблемы. Нужно отметить, что проблемность определяет художественную глубину, которая зиждется на идейно-эстетической содержательности исследуемого явления действительности. Это обогатило роман Я. Хамматова чертами эпоса. На эту черту романа указали многие рецензенты.

Название романа «Акман-токман» в художественной трактовке автора получает своеобразную поэтическую параллель, вносящую в структуру произведения символический образный смысл. Недаром золотопромышленник Касьянов, когда его настигает этот страшный весенний буря, сравнивает его с революцией. «Пожалуй, все это чем-то напоминает акман-токман... Так же величественно и непонятно, так же сметает и крушит все на своем пути...» Писатель реалистически-конкретно и идейно-художественно

ственно емко показывает эту величественную бурю — бурю революционного подъема народа. Непопятное Касьянову, неприемлемое управляющему Накишеву и десятнику Нигматулле огромное значение этой бури сердцем поняли Кулсубай и Гульямал. Подобно горьковскому буревестнику, предвещал победу народных масс в этой борьбе Михаил, его талантливый ученик и друг Хисматулла. В романе показано много таких рядовых борцов за народное дело, как Загит, Гайзулла, Мутахар и другие. Вообще автор обладает мастерством не только масштабного и динамичного сюжетостроения, но и большим даром гибкой композиционной организации произведения. Это ярко проявляется в расстановке персонажей, особенно в группировке конфликтующих сторон. От этого зависит и четкость идейно-художественной концепции, и увлекательность повествуемых событий.

Нельзя забывать, что революция в национальных окраинах была осложнена еще и тем, что здесь поднялась на гребень событий со своими демагогическими лозунгами национальная буржуазия, которая пыталась воспользоваться революционной энергией народных масс в своих корыстных целях. Это привело к трагическим последствиям, драматизировало события. Неокрепшим и малоопытным революционерам из коренных народов пришлось вести борьбу и за чистоту революционных идей, и за власть на местах, за то, чтобы вести массы за собой. Это и определило своеобразие идейно-эстетического содержания историко-революционных романов Я. Хамматова.

В романе «Акман-токман», например, уделяется особое внимание показу крайне вредной деятельности для башкирского народа и для судеб многих персонажей Сафуана — представителя буржуазно-националистического правительства Заки Валидова. Под влиянием его демагогических речей и обещаний от имени «своего» правительства попадают многие колеблющиеся старатели. Своеобразным представителем такого колеблющегося между Михаилом и Сафуаном является Кулсубай — человек большой души и искренности. Этот талантливый организатор, можно сказать, прирожденный военный деятель, не раз совершает ошибки. В романе «Акман-токман» автор дает широкую политическую характеристику своему герою словами Миханла. В разговоре с Хисматуллой Михаил так говорит об этом активном человеке, ставшем руководителем старателей: «Кулсубай пока на правильном пути. Он много помогал мне в сплочении сил народа. Но его нельзя назвать ни большевиком, ни революционером. Его характер

тяготее к бунтарству, анархизму. Поэтому повторяю: будь к нему внимателен. Он быстро попадет под влияние. Веди дело в порядке советов, не касаясь его чести. В то же время не годится всегда подстраиваться под него. Впрочем, ты и сам понимаешь, что нельзя забывать о большевистской принципиальности.»

Авария на шахте Фишера резко изменяет отношение Кулсубая к «мусульманским начальникам», вроде Накышева, но политически неграмотный Кулсубай не может пока сделать из этого нужных выводов. Все же его авторитет среди старателей высок. Поэтому все — и Накышев, и Нигматулла, желающий разбогатеть за счет народа, и буржуазные националисты — стараются склонить его на свою сторону. А в удобном случае — непрочь и убрать его с дороги. Но Кулсубай не сдается, так как его защищает народ. В событиях после Февральской революции Кулсубай играет активную роль. Накышев и Нигматулла, пользуясь суматохой того времени, пытаются ограбить кассу прииска, организуют разгром лавок. В этих трудных условиях Кулсубай постоянно на стороне народа, действует, как учили его большевики. Поэтому кассир прииска доверяет ключи именно Кулсубаю. Накышев, узнав об этом, избивает человека, передавшего ключи.

Но сколько бы Кулсубай ни твердил, что он за народ, что бы он ни делал для народа, у него нет ясной программы. Когда в Оренбурге было организовано башкирское правительство, его цель вроде бы прояснилась. Об этом Хисматулла с удивлением рассказывает Михаилу: «Признаться, у меня голова идет кругом. Готовый к классовой борьбе народ, услышав об организации в Оренбурге башкирского правительства, изменился. Все тянутся туда. Под влиянием националиста Сафуана и Кулсубай стал колебаться. Уже готов был отправиться в Оренбург. Еле уговорил его остаться». Большевик Михаил объяснил это ясно и толково в историко-социальном плане: «Да, это наследие недоверия, оставшееся с царских времен. Результат прежнего недоверчивого отношения, подозрительности угнетенной нации к господствовавшему народу. С другой стороны, в национальном движении слаба пролетарская прослойка».

Во второй части «Акман-токмана» грозные тучи еще более сгущаются. В Сакмае, в поселке старателей, даже в Кэжэне, где много кадровых рабочих, события развиваются то в одном, то в другом направлении. В этой обстановке колебания Кулсубая усиливаются. К тому же его сбивает с толку, путает националист Сафуан. С этой час-

ти трилогии он становится злым демоном Кулсубая. Раздираемый сомнениями, тяжелыми раздумьями, он начинает часто повторять: «В этом мире не знаешь, кому верить, кому не верить». А Сафуан коварен, изворотлив. Он идет, например, на хитрость, чтобы не допустить слияния отряда старателей с дружинниками Хисматуллы. Когда Хисматулла уговаривал Кулсубая уйти вместе, Сафуан подходит к ним и говорит, что у него есть новости о Маше. А сам тут же отходит. Кулсубай ведет свой отряд на поиски Маши. Старатели разбиты. Кулсубай понимает, что допустил не только оплошность, но и большую неправую ошибку, использовав старателей для достижения своей личной цели. Он горько плачет над могилой своих солдат. Он решает, что надо сначала во что бы то ни стало понять, на чьей стороне правда, а до этого не кружить голову народу. Но он еще не понимает историко-социального содержания событий. «Русские уничтожают русских, башкиры — башкиры. Не поймешь, что стало с миром». Автор называет его «орлом с завязанными глазами». Но в конце концов, как он сам признается, Кулсубай становится непоколебимым большевиком-ленинцем. Постоянная разъяснительная работа большевиков во главе с Михаилом и Хисматуллой открыли глаза многим, в том числе и Кулсубаю, и они стали на путь борьбы за справедливое дело — освобождение народа, за строительство новой жизни. Роман «Акман-токман» показывает этот сложный процесс — процесс зарождения нового общества, нового человека в многотрудных условиях. Это и является по существу второй высотой в процессе становления рабочего класса в Башкирии, его выхода на магистральный путь прогресса и социалистической цивилизации.

Таким образом, стремление автора к широкому показу жизни, быта, деятельности и борьбы народа повлияло и на емкость произведения, и на идейно-художественную содержательность, и на увеличение его объема. Так появился второй роман задуманной автором книги о золотоискателях. Ибо в процессе работы изменялся, укрупнялся его замысел, и в результате получилась целая серия романов, изображающих не только быт и жизнь старателей, но и историю возрождения всего народа, его освободительное движение, построение нового общества. Нужно подчеркнуть, что Я. Хамматов в своих романах стремится сохранить максимальный тон приемов объективного повествования. Ни в его пенталогии «Золото собирается крупными», ни в исторической дилогии «Северные Амуры», ни в военном романе «День рождения», ни

в романе о современной деревне нет ни авторских прямых публицистических характеристик, ни открытых размышлений, ни лирических отступлений. Есть только скрупулезная, иногда даже излишняя детализация событийного ряда в сюжете, фабульно-хроникальное многоплановое повествование, крупномасштабная проблемность, метафоричность и обстоятельно продуманная образная символика. Аналитизм, психологическая глубина (этого достигает автор через размышления героев), документальная достоверность придают его повествованиям «форму самой жизни».

Автор дает детальный и глубокий художественный анализ народной жизни, создает яркие, самобытные народные характеры, при этом перед читателем открывается порой сложная, противоречивая, но многокрасочная духовная жизнь персонажей.

В произведениях Я. Хамматова эпическая широта охвата действительности сочетается с аналитичностью и психологической глубиной исследования явлений жизни. Все это в совокупности позволяет показать жизнь народа в неповторимом колорите, в национально-социальном содержании. Художественный анализ взаимоотношений личности и общества, отдельной судьбы и народа придает повествованию своеобразную эпичность. Эта черта в романах Я. Хамматова является главным творческим принципом.

Анур Вахитов

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	355
А. Вахитов. Новая высота (послесловие) . . .	549

Яныбай Хамматович Хамматов

АКМАН-ТОКМАН

Роман

Редактор *К. В. Шилина*
Художник *Ю. К. Байбурдин*
Художественный редактор *И. С. Файрушин*
Технический редактор *Г. А. Даутова*
Корректоры *Л. Г. Останина, Л. И. Семенова*

ИБ № 2374

Сдано в набор 23.08.83. Подписано к печати 24.11.83.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 20,47.
Учетн.-издат. л 22,04. Тираж 50 000 экз. Заказ № 242.
Цена 1 руб. 40 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Совет-
ская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата
Башкирской АССР. Уфа-1, проспект Октября, 2.

Scan Kreyder - 16.07.2019 - STERLITAMAK

1 руб. 40 коп.